С. Веселовский

Московское государство: XV-XVII вв.

Степан Борисович Веселовский
1876 – 1952

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследства
имени Д. С. Лихачева

С. Б. Веселовский

Московское государство: XV – XVII вв.

Из научного наследия

Москва
2008

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы «Культура России»

С. Б. Веселовский. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. – М.: «АИРО–XXI». 2008 г. – 384 с.

В книге собраны избранные работы, посвященные раннему периоду образования Московского государства, яркие статьи-рецензии, касающиеся одного из спорных вопросов Русской истории – Опричного правления во время царствования Ивана Грозного, работы, посвященные истории закрепощения крестьян, ряду важных вопросов истории Московского государства XVII в.

ISBN 5-91022-043-4

© А. Г. Макаров, составление, 2008 г.
© «АИРО–XXI», 2008 г.

В настоящем издании собраны всего лишь десять отдельных этюдов-очерков из обширного наследия академика С. Б. Веселовского (1876–1952) – русского историка первой половины XX века, сделавшего столь многое для воссоздания живой картины нашего далекого прошлого, для понимания событий первых веков Московского государства. В этих небольших работах проявился весь талант С. Б. Веселовского-историка: его глубокое знание древних источников, бережность и тщательность в работе с ними, глубокое проникновение, глубокое проникновение в суть исторических явлений, размышления о судьбах народа и правящих сословий русского государства.

С. Б. Веселовский окончил юридический факультет Московского Императорского Университета в 1902 г. по второму разряду не защищая ни магистерской, ни докторской диссертации. Еще в университете проявилась склонность к научной работе, он увлекся философом Б. Спинозой и написал о нем критическую статью «Политические воззрения Спинозы». Одновременно начал собирать в архивах материалы по финансам и экономике Московского государства XV–XVII веков, которые в дальнейшем вошли в капитальное исследование – трехтомное «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства». Выпускная дипломная работа С. Б. Веселовского называлась «Финансы дореволюционной Франции». По-видимому, С. Б. Веселовский впервые проявил серьезный

интерес к истории как научной дисциплине, когда прослушал курс русской истории у профессора В. О. Ключевского, собрал и обобщил студенческие записи этих лекций. Лекции Ключевского были очень популярны и были затем изданы профессором сначала в гектографическом исполнении, а затем – в традиционном виде. Они оказали громадное влияние на молодого исследователя; С. Б. Веселовский стал одни из учеников знаменитого ученого.

Будучи вполне обеспечен материально значительным состоянием жены С. Б. Веселовский не поступил на службу, работал в архивах и дома. В течение 1903–1917 годов временами он самостоятельно брался за подготовку к защите ученой степени, однако экзамена он так и не сдал, слишком его захватывала и отвлекала научая работа. За фундаментальное исследование «Сошное письмо» в 1916 г. С. Б. Веселовский был награжден Императорской Академией Наук премией имени Уварова, а в 1917 г. Московский Университет присудил ему ученую степень доктора истории русского права Гонорис Кауза.

События февральского переворота 1917 г. перевернули всю жизнь Веселовского и его семьи. Прочное положение, признание среди отечественных коллег-историков, профессорская кафедра в Университете – все это оказалось опрокинутым и отброшенным в сторону бурными событиями революции и последовавшей гражданской войны. Теперь в течение нескольких лет 1918–1922 гг. жизнь ученого превратилась в повседневное выживание его самого, семьи и близких, включая семью умершего от голода и издевательств ЧК брата Константина, всего около 25 человек. Все эти люди жили небольшой коммуной, обрабатывая землю и разводя пчел на принадлежавшем его жене участке земли близь деревни Татариновка недалеко от станции Михнево Московской области, а также распродавая постепенно остатки дореволюционного имущества.

В письме от 18 апреля 1920 г. Степан Борисович сообщает сыну Всеволоду: «О нашей жизни можно написать много и мало Мы питаемся сносно. Тяжелее будет в июне, когда кончится мука. Картофель посадим весь – мешков 12–14 (Около 40 пудов). Постепенно исчезают предметы

потребления, и привыкаем обходиться без мыла, спичек, чая... Идеал толстовского опрощения достигается сам собой и через год-другой дойдет до первобытного совершенства. Но многие не дождутся этого рая. За зиму умерли начальник станции Барыбино, рудиновский столяр Кузьма и его сын после поездки за хлебом, кое-кто постарше из деревни Татариново (Григорий-кровельщик). Его сын Ларька пропал без вести...»

И все же, несмотря ни на что, он не покинул Россию, приняв непростое решение – разделить ее судьбу. «Культурная верхушка должна оставаться с народом, – считал, по свидетельству его сына Всеволода, Степан Борисович, – и ее обязанность состоит в том, чтобы осмыслить происходящее». С этой точки зрения наибольший интерес безусловно представляет заметка «Разгром Московского Университета» и дневники, которые Степан Борисович вел в период 1915–1923 гг. В них можно встретить, с одной стороны, зарисовки событий, сфотографированные им с присущей ученому точностью и наблюдательностью. С другой стороны в них содержатся глубокие, порой горькие, размышления о причинах происшедшей в России катастрофы, о судьбах народа и государства. Его видение причин кризиса и самого последующего прогрессировавшего разложения и распада русского государства настолько глубоко и оригинально, что и сегодня, спустя восемь десятилетий, воспринимается с таким живым и неподдельным интересом, как если бы историк писал теперь о распаде и крушении Советского Союза. Кризис России конца XX века, к сожалению, имеет во многом корни, схожие «с сумасшествием 17-го года», отмеченные в свое время С. Б. Веселовским.

* * *

В Москве в глухом углу Немецкого кладбища покоится прах историка. Три полосы, две светлых и между ними – темную, можно увидеть на большом могильном камне. Они как бы символизируют его жизненный путь. Научный взлет, признание коллег-историков, семья, рождение детей, увлечение музыкой – в начале века. Катастрофа революционного переворота, крушение государства и его распад,

борьба за физическое выживание в условиях повального одичания и деморализации – во время и сразу после гражданской войны. И, наконец, возрождение каких-то основ жизни в советское время, возвращение к научным занятиям, избрание в Академию. И на камне, как итог прожитой жизни – слова Пушкинского Нестора:

Исполнен долг, завещанный от Бога мне грешному

Надо надеяться, что издание этих и других работ Степана Борисовича Веселовского, давно ставших библиографической редкостью, поможет современному читателю заглянуть вглубь веков и лучше понять свое далекое прошлое.

К. Веселовский

А. Макаров

Подмосковье в древности

Заселение Подмосковья в XIV – XVI веках

Поселения человека, согласно археологическим данным, известны в Подмосковье с незапамятных времен. Возвышение Москвы, явившейся основой объединения русских земель в единое государство, способствовало приливу населения в Подмосковье. Но заселение первоначальной территории Московского княжества (границы которого примерно совпадали с границами дореволюционной Московской губернии) и, в частности, непосредственно Подмосковья происходило весьма неравномерно. Раньше были заселены местности на север от Москвы, находившиеся за рекой *Москвой*. Это – бассейны верхнего течения *Клязьмы* и левых *притоков Москвы – Истры, Всходни* и *Яузы*. Здесь количество болот и неудобных для земледельческой культуры низменностей было невелико. Менее благоприятными для земледелия были местности, лежавшие на восток и юго-восток от нынешнего города. В этом районе левые притоки Москвы почти не имеют водораздела от правых притоков Клязьмы, и огромные массивы лесов перемежались сырыми низинами, озерами, мелкими речками и торфяными болотами.

Природные условия на юг от Москвы были не хуже, чем в бассейнах Истры и Клязьмы, но обстоятельства политического свойства замедлили здесь процесс заселения. В начальном периоде роста Московского княжества бассейн *Пахры* был его южной окраиной. Нижнее течение реки *Москвы*, Хотунь и *Лопасня* принадлежали рязанским, князьям. Таруса и Оболенск на *Протве* были владениями тарусских князей, а на западе Можайск принадлежал смоленским князьям. С этой стороны Московское княжество в XIV в. не раз подвергалось нападениям Литвы.

Территория Подмосковья была освоена трудом русских крестьян. Однако плодами этого труда воспользовались феодалы и прежде всего князья, их бояре и ратные слуги, захватившие в XIV в. огромные земельные владения. Монастыри как крупные землевладельцы выступают много позже. Князья, чтобы привлечь к себе соратников и слуг, щедро раздавали земли старым и пришлым слугам и давали им различные льготы. В результате такой политики князей, тесно связанной с процессом образования централизованного государства и укреплением великокняжеской власти, окрестности Москвы в XV–XVI вв. оказались окруженными множеством боярских владений, иногда весьма крупных. Больше всего частных владений находилось в это время к северу и западу от Москвы. Здесь же были княжеские села. На юг и юго-запад от Москвы картина сложилась иная. Здесь боярские вотчины теряются в массе слобод и числящих земель. Слободы сыграли большую роль в заселении не только Подмосковья, но и всей Руси.

Слобода есть искаженное слово: свобода. Князь «освобождал», т. е. разрешал охочим вольным людям «сесть на землю», отводил им участок земли и брал слобожан под свое покровительство. Устроителями слобод были или слуги князя, пользовавшиеся его доверием, или коллективы вольных людей, которым князь поручал призывать к себе в слободу людей «из иных княжений» и «копить» на него слободу. Слобожанам князь давал различные привилегии и льготу в податях на более или менее продолжительный срок. Главными привилегиями были некоторые права самоуправления и исключительная подсудность и подведомственность слобожан самому князю – свобода от власти и суда княжеских наместников.

После истечения срока льготы слобожане лишались своих привилегий, и слободские поселки входили в состав княжеских владений, дворцовых или черных волостей. С течением времени следы слободского происхождения селения стирались, и этим объясняется то, что в источниках мы находим сравнительно мало указаний на слободы и не можем в полной мере оценить значение слобод в истории заселения Подмосковья.

Окраинное, боевое положение южных и западных частей будущего Русского централизованного государства препят-

ствовало нормальному заселению их и заставляло московских князей прибегать к основанию слобод, т. е. льготной форме заселения пустых земель. И не случайно то, что по позднейшим актам мы находим большое количество слобод именно в этих районах.

Можно указать для примера ряд существующих ныне селений, которые некогда были слободами: Мокрая – в 10 км от Серпухова, Ростуново – на реке Северке, Кишкино-Челяднино – в бывшем Коломенском уезде, Мошонки (Мошнева слобода) – в 22 км от Серпухова, Бадеево – на Лопасне и другие.

Насаждая слободы по окраинам своего княжества, князья одновременно и сами устраивали села при помощи своих слуг и заводили в них хозяйство для своего обихода. Естественно, что такие села находились поблизости от Москвы. К древнейшим подмосковным селам, принадлежавшим князьям еще в первой четверти XIV в., относятся Коломенское, Нагатино, Битягово, Ясенево, Остров, Константиновское, Орининское, Новое на Хупавне, Копоня, Напрудское «у города», Дегунинское, Семчинское на Жабне, Красное «у города у Москвы над Великим прудом» и другие.

Было еще одно обстоятельство, которое оказало влияние если не на успешность заселения, то на состав поселенцев. Когда московские князья получили великокняжескую власть (20-е годы XIV в.), на них легла всей тяжестью ответственность за уплату ханам Золотой Орды дани с всего великого княженья и обязанность поддерживать постоянные сношения с Ордой.

Для приема и проводов ордынских «послов», т. е. различных агентов ханской власти, московские князья должны были содержать большое количество ямщиков и так называемых *ордынцев* (обслуживавших ордынских послов), числяков и делюев. Это были тяглые люди* специальное назначение которых заключалось в обслуживании татарских послов. Числом (счислением) татары называли перепись своих данников. Отсюда название *числяки*. Для обслуживания татарских послов были необходимы тележники, колесники, седельники и другие ремесленные деловые люди. Их

* Тяглые люди – крестьяне и посадские, сидевшие на земле, обложенной различными сборами (тяглом): в пользу государства.

называли *делюями*. Естественно, что, наибольшее количество поселков *ордынцев* и *числяков* находилось вдоль дорог, шедших из Москвы на юг, – *Боровской, Серпуховской* и *Каширской*. В северной части бывшего Верейского уезда был целый стан числяков, который так и назывался *Числяцким*. Много веков прошло с тех пор, как по этим дорогам в Москву приезжали татарские баскаки. Но до наших дней в названиях селений, вроде *Ордынки, Зименки, Численное, Теплый стан* и т. п., остались следы тяжелых для Руси времен татарского ига.

В XIV в. происходил интенсивный рост народонаселения Подмосковья. Чумные эпидемии середины века, – как тогда говорили, «моровые поветрия», – поражали главным образом Москву и другие крупные центры и меньше затрагивали сельское население, жившее рассеянно в мелких деревнях, в лесах, «за мхами и болотами». Период больших бедствий, опустошивших Подмосковье, начался с зимнего набега ханского военачальника Едигея в 1408 г. Едигей внезапно напал на Московское княжество, расположился лагерем в селе Коломенском, осадил Москву и далеко распустил свои загоны. Дело было зимой, так что реки и болота не препятствовали татарским загонам «обшарпать» (пограбить) все села и деревни.

Крестьяне в итоге этого и подобных набегов теряли скот и имущество и погибали. О набеге летописцы рассказывают, что много народа было уведено татарами в плен, «а иное многое множество христиан от зимы изомроша, быша бо тогда зима тяжка и студена зело, и вьялицы (метели) и ветры великие». Целый месяц татары творили свое злое дело, пока Едигей стоял под Москвой. Наконец Едигей, получив 3.000 рублей «окупа», стянул свои загоны и «отыде восвояси с бесчисленным полоном и богатством».

Не успело население Подмосковья оправиться от татарского погрома, как в 1418 г. разразилась сильнейшая чума. «Мор бысть силен зело по всей земле Русской». В следующие два года зима была необычайно ранняя: в сентябре выпадал глубокий снег, а затем наступала оттепель, «и мало кто жита пожал до схождении снега, и бысть глад по великом том мору», т. е. по вторичной вспышке эпидемии по всей Русской земле, и «умираху паки человецы от глаза». Наконец, в 1421 г. была третья вспышка эпидемии, а затем

два года «великой меженины», неурожаев, голода и сильной дороговизны хлеба.

Эти бедствия остались надолго в памяти населения, и лет 40 – 50 спустя старожилы вели счет годам «от великого мора» или «от великой меженины». Все это не могло не отразиться на количестве населения Подмосковья. Запустение было так велико, что во многих местах не осталось никого, кто мог дать показания о бывших владельцах селений. Уцелевшие землевладельцы за отсутствием рабочих рук бросали свои земли, продавали их за бесценок или отдавали даром монастырям, и с этого именно времени, т. е. со второй четверти XV в., начался быстрый рост монастырского землевладения. Монастыри выступили в роли устроителей селений и эксплуататоров крестьянского труда и скоро заняли в этом отношении первое место.

В связи с развитием производительных сил, ростом товарного производства в период образования Русского централизованного государства Подмосковье быстро заселялось. Оно, став ядром государства, привлекало к себе население. Вторая половина XV и первая половина XVI в. были временем экономического расцвета и интенсивного заселения Подмосковья. Старые селения восстанавливались, возникло множество новых; леса расчищались под пашню, и к середине XVI в. Подмосковье достигло значительного экономического подъема.

Во второй половине XVI в. усиление феодальной эксплуатации и оформление крепостнических отношений, вызвавшие разорение зависимого населения, а также тяготы 25-летней борьбы за Прибалтику и две чумные эпидемии снова привели к запустению центра.

После заключения мира с Польшей (1582 г.) и со Швецией (1583 г.) наступил период относительного спокойствия, и Подмосковье стало оправляться, но с 1601 г. последовал второй период еще больших разорений от «великого» голода, а затем польско-шляхетской интервенции – период, длившийся почти 20 лет. Эти разорения особенно тяжело отразились на Москве и на ее ближайших окрестностях. События этого времени хорошо известны и не раз были описаны историками, поэтому в настоящем рассказе о Подмосковье следует отметить только один интересный факт, не обращавший до сих пор на себя внимания.

Всякий раз, когда по счастливой случайности источники дают нам возможность сравнить количество населения какой-нибудь местности в первой половине XVI в. с населением той же местности в конце XVII в., мы не без удивления находим, что далеко не всегда оно увеличивалось. Очень часто мы видим, что оно едва достигало уровня начала XVI в., а иногда можем констатировать даже уменьшение населения.

Почему же после польско-шляхетской интервенции заселение шло так медленно? Ответ на этот вопрос надо искать в социальных и общеполитических условиях жизни XVII в.

В XV в. Московское княжество, да и вся северо-восточная Русь, расположенные в междуречье Волга – Ока, были окружены сильными и опасными соседями. Местности на юг от Оки подвергались постоянным нападениям со стороны южных кочевников, а восточные окраины страдали от казанских татар. Численно растущее население не находило выхода, собиралось в междуречье Волга – Ока и, в зависимости от обстоятельств, переходило из одного княжества в другое в поисках земли и возможности мирного труда. Образование Русского централизованного государства создало для заселения Подмосковья особенно благоприятные условия и обеспечило ему тот успех, о котором было сказано выше.

Присоединение в 1552 г. Казанского ханства освободило от постоянной угрозы разорений восточные окраины Русского государства. До заселения русскими поселенцами Среднего Поволжья было еще далеко, но на первых порах стали безопасными такие исконно русские земли, как Галич, Унжа, Юрьевец-Повольский, Нижний Новгород и другие.

Обеспечение безопасности восточных окраин привело к освоению черноземной степи. Во второй половине XVI в. на юг от Оки во многих местах правительство строит города-крепости, и под защитой их происходит оживленное заселение Тульского, Алексинского, Орловского, Веневского, Каширского, Рижского и других уездов. Крестьяне, с усилением феодальной эксплуатации в центре, часто уходили за Оку. Так, во второй половине XVI в. начался отлив населения из центра на юг и восток.

События периода польско-шляхетской интервенции приостановили на некоторое время постройку городов и пере-

движку населения, но после 1620 г. наступление на степь и передвижка населения на восток и юг возобновились с новой силой. Очень существенно, что теперь процесс протекал в иных, чем в XVI в., социальных условиях – крестьянство было лишено права переходов и закрепощено. Если в XVI в. заселение южных и восточных окраин происходило стихийно, то после закрепощения крестьян их стали выводить и переселять в плодородные южные уезды сами землевладельцы центральных уездов, находя это выгодным для себя. Особенно интенсивным этот процесс становится в последней четверти XVII в., когда перед землевладельцами открылась возможность покупать у казны в вотчину, т. е. в полную собственность, так называемые «дикие поля» в черноземных южных уездах.

В общем, и стихийное передвижение крестьян и владельческие переселения лишали Подмосковье во второй половине XVI и в XVII в. естественного прироста населения, и этим объясняется, что плотность населения Подмосковья в начале XVIII в., в лучшем случае, была на том же уровне, что и за 150 лет перед тем.

Древний ландшафт

Московское княжество XIV в. было типичной для средней полосы Руси местностью непроходимых, первопервобытных лесов в частой сети рек и речек.

Память о большом боровом лесе возле самых стен Кремля сохранилась в названии Боровицкой башни и древнейшей церкви в Кремле – Спас на бору. В конце XIV в., как видно из сохранившихся памятников письменности, по реке *Сетуни* и ее притоку *Раменке* «обапол», т. е. по обеим сторонам, был непроходимый «раменный» первозданный лес. Под самой Москвой в конце XV в. между речками *Пресней* и *Ходынью* крестьяне села Кудрина расчищали лес под пашню, и ставили небольшие «починки», а земледельцы ссорились между собой из-за неразмежеванных земель.

В начале XIV в. на восточной окраине Москвы, начиная от устья *Яузы* и далее на юг и юго-восток, простирался огромный массив княжеского бортного леса, в котором были разбросаны небольшие поселки княжеских бортников – пчеловодов, тетеревников – охотников на тетеревов и другую птицу. О более отдаленных от Москвы районах и говорить нечего – там не было леса только в тех местах, где болота не позволяли ему расти.

Люди, заселявшие в течение трех веков Подмосковье, изменили его ландшафт во многих отношениях до неузнаваемости. Сильно изменился и состав лесных пород. В старых актах нередко упоминаются рощи клена, ясеня, вяза, карагача и других, которые в настоящее время под Москвой встречаются только в парках. Особенно вредное влияние на сохранность лесов оказывал распространенный обычай выпаса скота по лесосекам.

Лесоводам хорошо известно, что при естественном возобновлении сведенного леса – а о насаждении лесов и вообще о рациональном лесном хозяйстве никто тогда не думал – в

борьбе за существование одерживают верх менее прихотливые и менее ценные породы. Ель и сосна произрастают только от семян, падающих вблизи. Семена дуба (желуди) падают близко от дерева, но дуб хорошо возобновляется от корня. Осина растет и от корня и от корневой поросли, а семена ее в большом количестве далеко разносятся ветром. На исход борьбы различных пород за существование оказывают влияние и другие условия – избыток или недостаток почвенных вод, быстрое истощение плодородия почвы при сводке леса под пашню и т. д. Этим и объясняется, что по мере истребления первобытных лесов сосна и ель уступают место лиственным породам, а среди последних на смену дубу, ясеню и вязу приходят более выносливые – береза и осина.

В результате хищнического истребления лесов в XIV – XV вв. строевой лес, главным образом сосна и ель, уже в первой половине XVI в. в Подмосковье стал редкостью, а во второй половине века зачастую раздаются жалобы на недостаток леса для топлива и мелких поделок. В эти годы и позднее Москва получала лес для построек и для топлива уже не из окрестностей, а из далеких мест, главным образом, вешним сплавом по Москве и ее притокам.

Истощение лесного богатства Подмосковья объясняется не столько успехами земледелия и спросом на лесоматериалы, который предъявляла растущая Москва, сколько беспорядочным и хищническим истреблением лесов. В древнейшие времена леса было так много, что лесные богатства казались неистощимыми, и ими никто не дорожил. Земельные владения большею частью были не размежеваны, и все пользовались лесом, где было ближе и сподручнее, не считаясь с чужими владениями. Первым ограничением этого положения было запрещение пользоваться лесом для промысла или на продажу. Княжеских черных лесов, т. е. никому не принадлежавших, было так много, что и князья разрешали пользоваться ими всем соседям, «только не на продажу».

По мере роста населения и истощения лесных богатств обыкновение пользоваться лесом для своих потреб, где и как попало становилось несовместимым с интересами частных землевладельцев. В борьбе с самовольной порубкой крестьянами лесов феодалы стали обращаться к княжеской власти и получать от нее особые жалованные охранные грамоты на

леса. И не случайно большинство жалованных грамот этого рода относится к последней четверти XV в. и к первой половине XVI в. Это было прямым следствием быстрого заселения Подмосковья со второй четверти XV в. и истребления вместе с тем лесов. Приведу несколько примеров.

Троице-Сергиев монастырь имел возле Переяславского озера соляные варницы, нуждавшиеся в большом количестве дров. В 1479 г. по жалобе монастыря великий князь Иван дал монастырю пристава для задержания самовольных порубщиков, но размер взыскания пени оставил за собою. Этого оказалось недостаточно, и в 1485 г. князь дал вторую грамоту, которой запрещал порубку леса «без доклада» (т. е. без разрешения игумена), назначил пристава и определил пеню в один рубль. Наконец, грамотой 1490 г. пеня за самовольную порубку была удвоена, и суд о порубках был передан местному волостелю, что значительно облегчало борьбу с порубщиками. В 1520 г. Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде жаловался князю Юрию Ивановичу, что боярские, княжеские и монастырские крестьяне ездят в их лес «да секут де у них тот лес сильно, не являясь» – без доклада и разрешенья. Князь дал монастырским приказчикам право «имать» порубщиков без княжеского пристава – «и кого передо мною в том уличат, и яз на том велю взяти заповеди два рубли московские».

Истребление лесов пагубно отражалось на различных лесных промыслах, которыми жило население в древнейшее время: охоту на пушных и разных других зверей, птичьи ловы и бортное пчеловодство. С незапамятных времен экспорт мехов и воска из Киевской Руси в Византию и в Западную Европу через Новгород были главной доходной статьей Северо-Восточной Руси.

Интересно рассмотреть, хотя бы в самых общих чертах, как население Подмосковья должно было с течением времени отказаться от этих промыслов.

Самым ценным пушным зверем был бобер. В XIV в. бобры водились еще во многих местах Подмосковья – под Серпуховом в мелких притоках Оки, в бассейне *Пахры* и ее притока *Десны*, где до наших дней несколько мелких речек носят название Бобровка, и на северо-восток от Москвы, в реках *Воре* и *Шерне*. В первой четверти XV в. князь Петр Дмитриевич Дмитровский пожаловал Троицкому мо-

настырю рыбные ловли и бобровые гоны в реке *Воре* и Терменеве омуте от реки *Талицы* до Лепетни. Место Терменева омута определяется существующей ныне деревней Терменевой. Щедрость князя объясняется, быть может, тем, что бобры в омуте были уже на исходе. По крайней мере в последующих актах упоминаются в Воре только рыбные ловли, а о бобрах нет и помина.

Несколько дольше бобры продержались в мелких притоках *Клязьмы* – на восточной окраине Московского княжества, в волости *Вохне*, где позже возник Павлов Посад. В XV в. вся волость была населена княжескими бобровниками, которые платили ежегодный оброк за бобров «шерстью», т. е. мехами. В начале XVI в. вохонские бобровники получили право платить за бобров деньгами. Очевидно, бобры были уже на исходе, и бобровники затруднялись платить оброк «шерстью». Наконец, в жалованной уставной грамоте 1561 г. о бобрах уже не упоминается – бывшие бобровники платят за все деньгами и постепенно переходят на земледелие.

Куньи меха ценились значительно ниже, чем бобровые, и вообще об охоте на куниц как о промысле мы не имеем сведений. Отметим только, что между *Ворей* и *Шерной*, левыми притоками Клязьмы, в восточной части Московского княжества была целая волость княжеских охотников, которая называлась Куньей волостью. В действительности охотники этой волости не имели специального назначения ловить куниц. По актам XIV – XVII вв. известно, что Куньи волость, соседняя с ней Черноголовская и так называемый Отъезжий стан принадлежали сначала московским князьям, а затем – царям и были излюбленным местом больших княжеских и царских охотничьих «прохлад», на которые они «отъезжали» из своих сел Тайнинского и Воздвиженского. Главная «потеха» состояла в соколиной охоте на птицу и в облавах на медведей и лосей.

Беличий мех считался в XIV – XV вв. дешевым и употреблялся в обиходе широких слоев населения. Особенным изобилием белок отличались юго-восточные окраины Подмосковья, где большие леса перемежались с такими же болотами и сохранились тогда, когда в других частях Подмосковья леса были уже сведены. На всю Русь славились шувойские белки, водившиеся в лесах по реке *Гуслице*, ее притоку

Шувою, по рекам *Вохне*, *Рогожне* и другим. Шувойская белка была столь высокого качества, что стала стандартом лучших беличьих мехов по всей Руси и для экспорта. За отсутствием огнестрельного оружия белок ловили сделанными из конского волоса силками.

Пчеловодство в бортях – в дуплах деревьев – с незапамятных времен производилось без существенных изменений. Весной бортники обходили свои участки леса, свой «ухожей», как тогда говорили, осматривали и подчищали борти, удаляли заплесневевшую сушь и очищали дупла вымерших за зиму семей. Затем выделывали новые борти и ставили на «дельных» деревьях свои «знамена» – условные знаки. Во время роенья следили за выходом молодых роев и, случалось, ссорились из-за них с соседними бортниками. 1 августа (старого стиля) начинался сбор урожая. Это для бортника была страдная пора. Необходимы были большая наблюдательность и опытность, чтобы определить, какие рои следует погасить и взять из борти все содержимое, какие семьи оставить на зимовку, достаточно ли у них для этого меда и т. д.

Помимо сезонных работ, бортнику приходилось зорко охранять свой урожай и от медведей – больших охотников до меда. Медведя можно было попугать, в крайнем случае, выйти на него с рогатиной, но самым опасным врагом бортного пчеловодства была порча бортного дерева и вообще истребление лесов. Там, где оно принимало широкие размеры, бортное пчеловодство падало.

В XIV в. в ближайших окрестностях Москвы известно несколько очень обширных районов бортных лесов. На небольших притоках Москвы – *Медвенке* и *Вяземле* – был целый стан, который так и назывался Медвенском. На *Пахре*, недалеко от места, где много позже возник город Подольск, вокруг села Добрятина был огромный княжеский лес добрятинских бортников. Особый интерес представляет бортный лес возле самой Москвы. В первой четверти XIV в. он находился в ведении какого-то Васильца, слуги князя Ивана Калиты. На месте этого леса в XV в. образовался так называемый Васильцев стан Московского уезда. Он простирался от села Косина до Измайлова, а в северной части доходил до устья *Яузы*. В состав его входили селения Карачарово, Кусково, Перово, Гиреево, Ивановское, Горенки, Ростово и Владычино.

Заселение этого района началось в XIV в., и в первой четверти XV в. здесь была слобода великокняжеских бортников и тетеревников. Позже о ней нет помина. В XV в. в Васильцеве стану, появились многочисленные частные владельцы и монастырские старцы, лес был сведен, тетерева разлетелись, а бортное пчеловодство стало невозможным. На месте бывшей слободы тетеревников и бортников в XVI в. образовалось небольшое село Бортное, Успенья Богородицы в Тетеревниках, которое на старых картах показано под искаженным названием Тетерки. По описанию 1576 г., в Тетеревниках числилось 50 десятин пашенной земли, 7 десятин леса и несколько десятин покосов. К селу было приписано несколько пустошей, среди которых – пустошь Перово, где в наше время вырос город. В XVII в. после опустошений польско-шляхетской интервенции Тетеревники стали деревней с тремя-четырьмя дворами. Вот все, что осталось от огромного бортного леса времен Ивана Калиты.

В местностях, менее удобных для земледелия и заселения, бортное пчеловодство и первобытные формы хозяйства держались прочнее. Не только в XVII, но даже в XVIII в. в недалеких окрестностях Москвы были такие «медвежьи углы», где в лесах действительно водились медведи, а на озерах плавали лебеди, гуси и бесчисленное количество уток.

В 80-х годах XIV в. монахи Симонова монастыря, основанного на окраине Москвы около 1380 г., поставили на западном берегу *Большого Медвежьего озера* (километрах в 20 на северо-восток от Москвы) монастырек Преображенья спаса. Пустынность места понравилась монахам, и чернец Савва решил закрепить его за монастырем. Он променял свою вотчину в Переяславском уезде великому князю Дмитрию Донскому и получил в обмен монастырек Спаса и участок земли, «и с озером с Верхним и с Нижним, и с деревнями с бортничьими... и с лесом и с болотом и с перевесами». На полученном от великого князя владенье в это время было пять однодворных поселков бортников, из которых каждый «ходил» отведенный ему участок леса. Это и называлось бортным ухожеем.

Для читателей, не знакомых со столь далекой от нас стариной, следует сделать небольшое разъяснение. За отсутствием другого оружия, кроме лука, птиц ловили обыкновенно силками, сделанными из конского волоса, или перевесами – сетями, которые развешивали на деревьях в местах пролета

птиц. Отсюда, и самые места ловли птиц сетями называли перевесами.

Симоновские чернецы (монахи) не упускали случая увеличить и округлить свое владение. Ближайшим соседом их во второй половине XIV в. был некий Дмитрий Минич, богатый коломенский вотчинник, служивший московскому великому князю. В 1368 г. великий князь литовский Ольгерд совершил внезапный набег на Московское княжество. Летописцы рассказывают, что великий князь Дмитрий Иванович не успел собрать свои полки, но все, что было у него под рукой, отпустил в заставу против Ольгерда, «еже есть сторожевой полк, а воеводство приказал Дмитрию Миничу». Ольгерд превосходящими силами напал на заставу и разбил ее на реке *Тросне*, в пределах Оболенского княжества. В числе павших в бою был и Дмитрий Минич. В начале XV в. его внук Игнатий Васильевич дал Симонову монастырю свою «отчину и дедину» – пустошь Ревякинскую, с лесом и с бортью, смежно с монастырским владеньем.

Другим соседом Медвежьих озер был боярин Ив. Ив. Бутурлин. В середине XV в. его сыновья продали Симонову монастырю «за 3 руб. да в придачу овца» пустошь Максимовскую. Таким образом, у монастыря образовалось вокруг Медвежьих озер довольно крупное владение.

Как видно из дошедших до нас актов, и симоновские старцы, и Минины, и Бутурлины не вели в своих владениях никакого земледельческого хозяйства: вся их деятельность выражалась в эксплуатации природных богатств самыми примитивными способами – в бортном пчеловодстве, ловле рыбы в озерах и охоте на зверя и птицу. В начале XVI в. власти Симонова монастыря упразднили монастырек Преображенья спаса возле Нижнего озера, и на Медвежьих озерах оставалась деревня Утки и 5 – 6 хуторов бортников. В XVII в. деревня Утки стала называться деревней Медвежьей, а в справочниках селений XIX в. она называется деревней Медвежьи озера. В начале прошлого, XIX в. у Медвежьих озер началась разработка торфа, и это внесло некоторое оживление в жизнь обитателей этого медвежьего угла. В середине века бывшая деревня Утки насчитывала уже около полусотни дворов, но и до самых поздних времен весь этот район на восток от Лосиного острова оставался населенным сравнительно слабо.

Древнейшие пути сообщений

С незапамятных времен Волга была главным путем сношений народов всей северо-восточной Руси с народами Востока. *Москва-река* и *Клязьма*, протекавшие на расстоянии почти тысячи километров в междуречье Волга – Ока, значительно сокращали пути из Руси на Восток. Одновременно они были как бы узлом всех главнейших путей сообщения Руси. Важный путь из Прибалтийских стран шел через Великий Новгород, по реке *Мсте* через Вышний Волочек в *Тверцу*, к верхнему течению *Волги*. От Твери по реке *Шоше* и ее притоку *Ламе* через Волок Ламский попадали на верхнее течение реки Москвы. От города Москвы пути расходились, поднявшись по *Яузе*, переходили в бассейн *Клязьмы*, а спустившись вниз по течению *Москвы* в *Оку*, переходили по притокам Оки в верховье *Дона* и по Дону спускались в *Азовское море*.

Интересно рассмотреть с географической картой в руках сеть водных и сухих путей, проходивших по Подмосковью.

Непроходимые леса, болота и многочисленные реки, опасности сухих путей и отсутствие торных дорог заставляли население Руси пользоваться предпочтительно водными путями. На небольших лодках-однодеревках, т. е. долбленных из цельного дерева, пробирались наши предки по самым мелким речкам. Грузоподъемнее были так называемые набойные лодки, т. е. однодеревки с набитыми по бортам досками. На веслах и при помощи шестов на таких небольших судах плаванье было возможно по очень мелким речкам. На верховьях речек, где плавание становилось уже невозможным, лодки разгружали и переволакивали по земле до верховья другой речки. Товары переносили на руках либо перевозили, навьючив на лошадей.

Таких волоков на Руси было очень много, и некоторые из них оставили по себе память в названиях существующих ныне селений. Таковы, например, Вышний Волочек на *Мсте*, Волок Ламский (ныне Волоколамск), Волок Лежский в бассейне *Костромы*, Волок Словинский на Белоозере и другие.

С незапамятных времен большое значение имел *волок* с реки *Ламы* в *Озерну*, или *Рузу*, и затем – в *Москву-реку*. Волоки, на которых суда приходилось разгружать, были удобными для князей местами сбора проезжих пошлин с товара. Эти места назывались мытами (мыт – проездная пошлина). И на Волоке Ламском находился знаменитый в свое время Войницкий мыт, там, где ныне километрах в 26 от Рузы находится селение Война.

Для первых веков существования Москвы большое значение имел путь по *Яузе* в бассейн *Клязьмы*. Яуза берет свое начало в больших торфяных болотах. При впадении в нее небольшой речки *Работни*, там, где теперь находится город Мытищи, начинался волок в *Клязьму*. Лодки волочили по земле 7 – 8 км и спускали в *Клязьму* приблизительно в том месте, где находится село Городище, а по другую сторону Клязьмы против Городища – селение Баскаки. Наличие селений с такими названиями при волоках не случайность. На территории средней Руси можно указать еще несколько подобных селений. Так, например, деревню *Баскаки* мы находим на переволоке из реки *Сары* в *Нерль*, на древнем пути из Ярославля по *Которосли* в озеро *Неро* (Ростовское) и по *Саре* в *Нерль* и *Клязьму*.

По названиям селений и памятникам письменности мы можем представить себе древнюю историю *Яузского* пути. Известно, что татары первое время после завоевания Руси пытались управлять ею и собирать дани непосредственно – при помощи так называемых «баскаков», особых уполномоченных хана. Баскаки производили переписи населения (число) и сбирали всякие дани, между прочим, и мыты – пошлины за провоз товаров. Перекрестки торговых путей и волоки, которых нельзя было миновать, служили удобными местами для сбора мытов, и здесь нередко поселялись баскаки. Яузский волок существовал с незапамятных времен, и для охраны этого торного торгового пути был поставлен Городок – небольшое укрепление. Здесь-то и поселился хан-

ский баскак, о чем и осталась память в названии селенья. Злоупотребления баскаков и частые восстания русских убедили ханов в нецелесообразности непосредственного управления и сбора даней, и они сделали князей ответственными за сбор и уплату даней. Система баскачества, принесшая много горя русскому народу, в начале XIV в. была ликвидирована.

По дошедшим до нас памятникам письменности известно, что во второй половине XIV в. на *Яузе* было несколько запруд и стояли мельницы – верный знак того, что судоходство по *Яузе* уже было оставлено. Дело в том, что в начале этого века московские князья оттягали у рязанских князей Коломну, и москвичи стали пользоваться для перехода из бассейна *Москвы* в *Клязьму* другим путем, более удобным, в пределах Коломенского уезда через реку *Нерскую*, о чем будет подробно сказано ниже.

Известно, что на устье Яузы была мельница кн. Владимира Андреевича Серпуховского, соратника Дмитрия Донского по битве на Куликовом поле. Несколько выше была мельница у села Тимофеевского, принадлежавшего боярину Федору Андреевичу Свиблому (свиблой, швиблой – шепелявый, косноязычный). Федор Свиблой в молодости принимал участие в постройке первых каменных укреплений Москвы (1367 г.), и память об этом сохранилась в названии одной из башен Кремля – Свибловой. Село Тимофеевское по владельцу стало называться Свибловым, и это название сохранилось за ним до наших дней. Еще выше на *Яузе* были мельницы у сел Вашутина и Тайнинского. Когда судоходство по *Яузе* прекратилось, то сбор мыта был переведен в Москву, а место, где некогда сбирали мыт, стало называться *Яузским мытищем*. Следует пояснить, что слово «мытище» не значит – большой мыт. Оно образовано по аналогии с другими подобными речениями. Так, например, говорят пожарище – место, где был пожар, пепелище и печище, где был жилой дом с печью или очагом, усадище, мостище, городище, где был город, и т. п.

Вместо Яузского пути москвичи во второй половине XIV в. стали, как сказано выше, пользоваться для перехода в бассейн *Клязьмы* другим, более удобным путем – через реку *Нерскую*. Спустившись по *Москве* до устья *Нерской*, поднимались по этой речке и через короткий волок – не более

километра – попадали в *Ушну*, небольшой, но полноводный приток Клязьмы. На устье *Нерской* был знаменитый в свое время *Усмерский мыт*, дававший княжеской казне хороший доход еще в начале XVII в. Позже, с развитием дорог, и этот водный путь был заброшен.

Когда Коломна и нижнее течение реки Москвы были в пределах Рязанского княжества, то для перехода из *бассейна Москвы* в *Оку* пользовались таким путем: спустившись по реке *Москве* до *Пахры*, поднимались до верховья *Пахры* и через небольшой волок переходили в *Нару* и затем, минуя Серпухов, в *Оку*. На реке *Наре*, недалеко от села Фоминского, был *Фоминский мыт*, известный уже в XV в. Ныне в этом месте находится большой промышленный город Наро-Фоминск.

По мере заселения Руси, истребления лесов и обмеления рек водные пути стали уступать место сухим дорогам. Уже лет за 500 до нашего времени Москва стала центром сети дорог, расходившихся веером во все концы Руси. Трассы этих древних дорог в большинстве случаев совпадают с шоссейными дорогами, проведенными в XVIII – XIX вв., и с железнодорожными линиями позднейшего времени.

Рассмотрим вкратце важнейшие дороги.

Прямо на восток от Рогожской заставы шла дорога во Владимир-на-Клязьме – центр Владимиро-Суздальской Руси. Это – знаменитая *Владимирка*, оставившая по себе в народе мрачную память, как путь ссылки в Сибирь. *Владимирка* начиналась приблизительно от устья *Яузы*, прорезывала Измайловскую рощу и через села Ивановское и Горенки шла на Хупавну, от Хупавны правым берегом *Клязьмы* – на Рогожский ям. Здесь на небольшой речке Рогоже была ямская слобода, где ямщики меняли лошадей, а путники могли найти отдых. На месте Рогожской слободы при учреждении губерний был образован уездный городок Богородск, впоследствии переименованный в Ногинск. Около Бункова Владимирка переходила на левый берег *Клязьмы* и, минуя Ожерелки, шла на Покровский погост на реке *Вохонке*, ныне – Покров.

Другая дорога на Владимир проходила несколько севернее – через *Стромынь* на реке *Дубенке*, на *Киржач* и далее на Владимир. Этот вариант пути назывался *Стромынкой*, печальная память, о которой сохранилась в песнях каторжан.

Переяславка – большая дорога на Переяславль Залесский, Ростов и далее на север – начиналась от села Красного, – приблизительно там, где теперь за вокзалами находится Красносельская улица. Переяславка пересекала *Клязьму* несколько выше села Черкизова, где на *Уче* был первый от Москвы ям. Затем, минуя Звягино, *Переяславка* шла на Радонеж, ныне – Городок, на село Стогово, где был второй ям, и далее на Переяславль.

Прямо на север из Москвы, через Хлебниково и село Троица-Сельцы, проходила дорога на Дмитров, Кашин и Бежецкий верх. Память об этой дороге сохранилась в названии московской улицы *Дмитровки*.

Древний путь, связывавший Москву с Великим Новгородом, начинался от Тверской заставы и проходил через села: Святые отцы (позже – Всехсвятское), Черкизово, Ржавки, Собакино и Стребуково. Здесь находился первый от Москвы ям – Пешков. Затем дорога шла на Клин, Тверь и далее.

Волоцкая дорога начиналась от Дорогомилова и проходила через село Тушино-Коробовское, совпадая в большей части с позднейшим Волоколамским шоссе.

Через Вяземский ям на реке *Вязьме* шла дорога *на Можайск*, *Вязьму* и далее в Смоленскую землю.

Через ям у села Фоминского, где был мыт на водном пути из Пахры в Оку, пролегала *Боровская* дорога.

На юг из Москвы вели четыре дороги. Главной из них была *Серпуховка*. Недалеко от селения Подол-Пахра (ныне г. Подольск) *Серпуховка* пересекала *Пахру* и шла на погост Воскресенья на Молодях, а первый ям от Москвы был на *Лопасне*. Серпуховка иногда называлась *Крымской* дорогой, так как была кратчайшим путем в Крым. В Рязанскую землю и на Дон отправлялись по *Каширке*. Каширка начиналась у Котлов и проходила на Фроловский ям на *Пахре*, затем на Шибанцево, Купчинино, Князево и Каширу. В Рязанскую землю были еще две дороги, через Коломну. Первая, называвшаяся обыкновенно *Коломенкой*, начиналась у Котлов, у села Мячкова переходила на правую сторону реки *Москвы* и через Бронницкий ям шла прямо на Коломну. Другая дорога, так называемая *Брашевская*, проходила по левой стороне реки Москвы. Название свое она получила по несуществующему ныне селению бывшего Коломенского уезда. Важным ответвлением Брашевки была

дорога *на Касимов*, через Егорьевский погост Высоцкой волости, теперь – город Егорьевск.

Как можно видеть по расположению подмосковных ямов, расстояние в 35 – 40 верст было нормальным перегоном ямской гоньбы, совершив который меняли лошадей.

Говоря о древних путях сообщения, нельзя ограничиться перечислением дорог. По нашим понятиям, большие дороги и вообще удобные пути сообщения являются всегда несомненным благом, но в условиях жизни Руси в средние века были особые обстоятельства, которые заставляли население смотреть на это дело иначе и избегать близкого соседства с большими дорогами. При больших дорогах крупные селения стали возникать и образовываться значительно позднее, в XVII в., когда страна вступила в новый период истории, обусловленный усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок.

Выше было упомянуто, что московские князья по требованию золотоордынских ханов должны были организовать прием и проводы ханских «послов». Послами тогда называли вообще всяких агентов Золотой Орды, которые часто, по разным делам и поводам, приезжали в Москву. Они являлись на Русь как хозяева, в сопровождении вооруженной охраны, а под их покровительством приходили большие караваны торговых людей с различными товарами и косяками степных лошадей, находивших на Руси всегда хороший спрос.

Прием и проводы степных «гостей» для ордынцев и числяков были тяжелой повинностью. Но особенно разорительными проходы татарских послов были для обитателей придорожных селений, на что в источниках мы встречаем прямые указания.

От этой далекой старины сохранились некоторые следы в названиях подмосковных селений. Таковы село Ордынцы недалеко от Подольска и за *Пахрой* еще селение с таким же названием. Полустертыми и для многих непонятными следами далекого прошлого являются такие названия селений, как Теплый стан (на Серпуховской дороге), Зимницы, Зименки и т. п. В различных старых актах и в писцовых книгах XVI–XVII вв. мы находим множество существующих

ныне селений, которые раньше носили двойные названия, а теперь известны под одним названием. Таковы селения: Щитово-Ордынцево на реке *Моче*, Шахово-Числяки, Внуково-Численное, Зименки-Численное в 25 км по Серпуховской дороге и другие.

Если памятники письменности сохранили сравнительно немного следов старины, то естественно, что мы не можем многого спрашивать от народной памяти. И, тем не менее, проходя пешком по указанным дорогам и не упуская случая побеседовать с местными старожилами, мы нередко услышим интересные предания, связанные с различными урочищами. Старожилы расскажут нам передающиеся из поколения в поколение предания о коневом стойбище на Татарском овраге, о ногайском тырле (т. е. месте стоянки скота), об ордынском шляхе (т. е. дороге) и т. п. Происхождение этих преданий и исторический смысл их старожилам часто неизвестны, но чуткий к преданьям старины краевед при помощи историка может осмыслить и разъяснить этот своеобразный топонимический фольклор, заслуживающий, бесспорно, систематического собирания и изучения.

От проходов татарских послов и караванов страдали преимущественно обитатели селений возле южных дорог Подмосковья, но по всей Руси тяжелым бременем для придорожных селений были частые проезды княжеских гонцов и ратных людей. По обычаям того времени, они имели право только на постой, а кормы себе и лошадям должны были покупать «ценою», т. е. по добровольному соглашению. На деле ратные люди и гонцы постоянно нарушали этот обычай и вызывали бесконечные жалобы населения. Хорошо еще было, если ратные люди шли большими соединениями под начальством воевод, которые поддерживали дисциплину и не позволяли «обижать» население. Но в большинстве случаев ратные люди сходились со всех концов Руси на сборные пункты мелкими партиями или даже в одиночку и таким же порядком разбредались по домам после службы. Население жаловалось, что гонцы и ратные люди берут кормы не ценой, а «сильно», травят и вытаптывают лошадьми посевы и покосы и обжигают «хоромы», т. е. употребляют на топливо «нутро избяное», все, чем можно обогреться. Монастыри и влиятельные частные лица добивались

освобождения от этой повинности и получали от князей особые жалованные грамоты, дошедшие до нас в большом количестве.

Не менее серьезной опасностью на больших дорогах являлись разбои. При Иване Калите и долгое время после Калиты, и в XV, и в XVI, и даже в XVII веках, *разбои, конокрадство* и *«татьбы»* на больших дорогах были постоянной угрозой для жителей придорожных селений. Недаром сложилась и удержалась на много веков поговорка: разбойник с большой дороги – поговорка, которую многие употребляют иногда до наших дней, не всегда даже понимая ее историческое происхождение.

В мелких деревнях, разбросанных в непроходимых лесах, за мхами и болотами, жилось безопаснее, чем при больших дорогах. Во-первых, лихим людям здесь была небольшая пожива, а главное, что такие селения защищало бездорожье и невозможность ни добраться до них, ни выбраться из них, не оставив после себя следов. Спокойнее всего жилось в таких деревушках зимой, когда глубокий снег заносил все дороги.

Отрицательное отношение населения к дорогам сказалось в его решительной борьбе с так называемыми «непошлыми», т. е. самовольно прокладываемыми, дорогами. Княжеские гонцы, ратные люди и всякие путники иногда предпочитали свернуть с большой проезжей дороги, ехать, где им казалось удобнее. В одних случаях они сокращали, быть может, таким образом путь, в других – избегали встречи на большой дороге с лихими людьми. Население относилось к таким путникам крайне враждебно. Князья, учитывая это недовольство, запрещали кому бы то ни было самовольно прокладывать новые дороги, разрешая пользоваться лишь уже существующими.

Городки, погосты, села и деревни

Интересно познакомиться с древними типами селений Подмосковья и посмотреть, как они изменялись с течением времени.

Очень древним типом селения были городки, все укрепление которых состояло из рва, земляного вала и частокола. Большинство населения жило в мелких поселках вокруг городка, в который оно сбегалось в случае опасности, сгоняя в городок скот и снося сюда свое имущество. Князья, отправляясь на полюдье, для суда и сбора даней, иногда останавливались в городках, но обыкновенно они устраивали свои станы на погостах. С XIV в. начинается процесс постепенного отмирания городков. Оборонное значение их переходит к немногочисленным городам – укрепленным центрам княжеских уделов. Утрачивают городки и свое судебно-административное значение. Несомненным свидетельством этого может служить то, что из трех десятков станов и волостей, из которых в XIV в. состояло Московское княжество, только два городка – Радонеж и Хотунь – сохранили значение административных центров.

Собирая сведения в разных источниках, мы можем констатировать, что в округе Москвы радиусом приблизительно в 50 км существовало до четырех десятков бывших городков. Вглядываясь ближе, мы замечаем, что городки в XIV–XVII вв. находятся в различных фазах отмирания. Радонеж на высоком берегу небольшой речки *Пажи*, где еще ныне видны следы земляного вала, в XIV в. был добавочным владеньем боровско-серпуховских князей. В XV в. он был уделом радонежского князя, а после ликвидации боровского и радонежского уделов стал центром великокняжеского

стана Радонежа. Позже название Радонеж отпало, и в настоящее время это селение называется просто Городком.

Радонеж, Коломна и Хотунь были древними селениями новгородцев в северо-восточной Руси. Несколько селений с такими же названиями мы находим и в настоящее время в Новгородской области. В XIII в. Хотунь на реке *Лопасне* была окраинным городком Рязанского княжества и, несомненно, имела оборонное значение. В начале XIV в. московские князья, как уже говорилось выше, получили от рязанских князей Коломну и Хотунь и поставили городок Каширу на устье реки *Каширки*, на левом, низменном берегу Оки. Ныне здесь находится селение Старая Кашира, прежде называвшееся Каширским городищем. (На высокий, правый берег *Оки* Кашира перенесена в XVII в.) Таким образом, Хотунь утратила свое оборонное значение и превратилась в княжеское село и центр большой волости. В старых актах мы находим указания на то, что Хотунь некогда была городком – в писцовых книгах XVII в. упоминается «Хотунское городище».

Кроме Радонежа и Хотуни, мы находим в ближайших окрестностях Москвы более десятка селений с названиями: Городище, Городок и Город. Таковы, например, три селения Городища на *Клязьме*, Городок на *Лопасне* и Городок в 20 км от Подольска, четыре селения в бывшем Коломенском уезде на речках *Коломенке, Осенке, Пре* и *Соринке*, село Городище в бывшем Звенигородском уезде и т. д. Существующие ныне селения с подобными названиями дают далеко не полное представление о множестве городков, разбросанных в древние времена в Подмосковье. В старых актах имеется много указаний на пустоши, «что было Городище». Изредка удается установить точно их местонахождение. Так, например, возле городка Шеренки ныне находится селение Могутово, на реке *Шерне* при слиянии ее с *Мележей*.

Интересно сообщить некоторые подробности о городке Перемышле. В XIII в. это был окраинный городок зарождавшегося Московского княжества и имел, несомненно, оборонное значение. После присоединения к Московскому княжеству Коломны и сооружения в Серпухове сильной крепости Перемышль утратил свое оборонное значение. По духовной грамоте Ивана Калиты 1328 г. Перемышль был дан

в удел князю Андрею Ивановичу Серпуховскому. Затем по духовной боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго Перемышль был дан в удел (1410 г.) его пятому сыну – Василию. Так Перемышль стал столицей небольшого удела. Князь Василий Перемышльский умер бездетным в великий мор 1427 г., и Перемышль запустел. По позднейшим актам можно только приблизительно определить его место – он находился на реке *Моче* против впадения в нее небольшой речки *Колоденки*, где находится Сатино Татарское, а на другом берегу *Мочи* – погост Никольский.

Таких пустошей «что было Городище» в Подмосковье можно насчитать более трех десятков. Для точного определения местонахождения этих бывших городков необходимы обследование на местах и археологические раскопки.

Итак, городки были очень распространенным типом древнейших селений. Они заслуживают нашего внимания потому, что и сама Москва в глубокой древности была таким городком. Летописи, говоря о древней Москве, называют ее княжеским селом, но они употребляют слово «село» не в современном его значении, а в смысле населенного участка земли. И едва ли можно сомневаться, что первоначально на высоком берегу *Москвы*, при впадении в нее *Неглинки*, был небольшой городок, под защитой которого в небольших деревнях жило население княжеского «села». Таких городков в Подмосковье было очень много, но история их была различной – немногие уцелели, и на месте их образовались селения различных размеров, а большинство городков исчезло, да так основательно, что отыскать их следы можно теперь только при помощи археологических раскопок.

Городки, несомненно, были местами древнейших поселений славян в Подмосковье.

Не менее древним типом селений, чем городки, были погосты. Они упоминаются на первых страницах наших летописей в X в. и позже. «Погост» происходит от слова «гость». В древнерусском государстве и позже, в период образования централизованного государства, «гостем» называли приезжего издалека торгового человека. В Москве гостями называли высший разряд торговых людей, ведших оптовую торговлю. В Китай-городе в Москве и во многих крупных городах Русского государства для торговых людей были устроены особые гостиные дворы. В Смоленщине до

наших дней большая дорога, в отличие от малых проселочных дорог, называется «гостинцем».

В древние времена торговля была в руках приезжавших издалека гостей и носила сезонный характер. Места, где в определенные времена года происходили торжища, назывались «погостами». Весьма вероятно, что в древности торжища происходили в привычных для населения местах народных сходок и языческих мольбищ. С принятием и распространением христианства на погосте стали ставить церковь, и погост приобрел значение церковного прихода. Очень вероятно, что во времена язычества погосты были также местами погребения. Во всяком случае, с принятием христианства при погостах были кладбища.

Князья, отправляясь на полюдье, часто пользовались погостами для своих станов, на которых они получали с населения дани и творили суд и управу. Таким образом, погосты получили значение округов княжеского управления. В дальнейшем развитии, в зависимости от исторических судеб разных частей огромной территории северо-восточной Руси, погосты эволюционировали в разных направлениях. В Новгороде и его северных владениях погосты сохранили значение волостных и церковно-приходских центров. В трапезной погостской церкви происходили сходки волостного мира, производилась раскладка податей, а в праздничные дни устраивались братчины – мирские пиры вскладчину.

В центральных частях Руси княжеская власть и развитие крупного феодального землевладения изменили с течением времени древний тип погостов.

Землевладельцы, устраивая свои села, естественно, желали, чтобы они были не только центрами хозяйственного управления, но также центрами религиозно-бытовой жизни населения их боярщин. Получив от церковных властей разрешение учредить приход, они ставили церковь и приглашали священника. Соседний погост лишался прихожан, а вместе с тем доходов, причт погостской церкви разбредался, и погост пустел. Землю его расхватывали соседи, и часто погост исчезал совершенно бесследно.

Влияние княжеской власти сказывалось в том, что погосты с течением времени утрачивали значение торговых и административных центров. Князья перестают ездить на полюдье и централизуют сбор даней и проезжих и торговых пошлин в

городах. Политика князей в этом деле оставила по себе в XIV–XV вв. много ясных следов.

Затем князья, организуя в своих уделах суд и управление, останавливаются не на погостах, как бывало во времена полюдий, а на станах – более крупных подразделениях уделов. Так погосты с течением времени утрачивают свое былое значение, и в XV–XVI вв. мы можем наблюдать погосты Подмосковья в различных стадиях отмирания. Множество погостов исчезло совсем, и память о них осталась только в названиях пустошей. Небольшое количество погостов сохранилось в виде кладбищ, а некоторые слились с образовавшимися возле них селениями.

Закончим краткий очерк о погостах, как типе селений, двумя конкретными примерами из жизни Подмосковья.

Крайней на востоке волостью Московского княжества была волость Вохна. Здесь исстари по *Клязьме* и ее притокам была слобода княжеских бобровников. Частных землевладельцев в волости не было, не было и сел, а стояло несколько погостов, из которых главным был Павлов погост на реке *Вохонке*. Царь Иван в 1582 г. променял волость Вохну Троицкому монастырю. Тогда у Павлова погоста стало образовываться село с двором приказчика и несколькими дворами крестьян. Церковь Павлова погоста сделалась приходской, село разрасталось и превратилось в большое селение – Павлов посад.

Интересными пережитками глубокой старины являются два подмосковных села, носящие довольно необычные названия – Десятая пятница. Одну Десятую пятницу мы находим недалеко от Подольска (позднее она называлась деревней Салковой). Другое селение – это Пятницкий погост на реке *Березовке*, в старинной княжеской волости Куньей (позже – в Богородском уезде). В XVII в. у Пятницкого погоста образовалось село, также получившее название Десятая пятница, так как у погоста исстари на десятой неделе после пасхи был торг местного значения. Еще в первой четверти XIX в. у погоста происходила на десятую пятницу оживленная ярмарка, а затем, с развитием городской торговли, эта ярмарка, как и другие подобные местные торжки, вышла из обыкновения.

Погосты и городки заслуживают внимания археологов и краеведов, как места очень древних подмосковных поселений.

Самыми типичными для Подмосковья XIV–XVI вв. селениями были господское село и крестьянская деревня. Рассказывая о них, следует тотчас оговориться, что села и деревни того времени были во многом не похожи на те селения, которые мы знаем в XIX в. Село раннего феодализма было, прежде всего, резиденцией землевладельца-феодала и центром управления его боярщины. Все население села обыкновенно состояло из самого хозяина с чадами и домочадцами и большего или меньшего числа слуг и рабов. На господском дворе стояла теплая изба с горницей, крытая обыкновенно тесом, а в одном срубе с ней или через сенцы к теплой избе примыкала «повалуша» – холодная летняя пристройка. Вокруг главной избы располагались различные службы: ледники с напогребницами, сараи, конюшни и т. д. Возле господского двора лепились «дворцы» слуг и холопов. Если господское село находилось на суходоле, а не при речке, то при нем неизменно был копаный пруд. По мере того как села становились центрами церковно-приходской жизни, в селе ставили церковь, и население его пополнялось новым элементом – дворами сельского причта. Однако нередко бывало, что сельский поп и другие причетники жили не в селе при храме, а в особых деревнях-хуторах.

Все тяглое население боярщин, за которым не ранее XV в. утвердилось название крестьян, жило в мелких деревнях, разбросанных на полянах, расчищенных от леса. Деревню в 1 – 3 двора следует считать типичной для того времени. Деревни в 4 и более дворов были исключением.

Вот несколько примеров.

Село Пушкино на *Уче* можно считать типичным для крупного церковного владения. Оно с XV в. принадлежало митрополитам, а позже патриархам. В конце XV в. в Пушкине было 19 дворов, а вокруг него, на территории приблизительно в 1.600 десятин, было 17 деревень с 36 дворами. В начале XVI в. возникло вновь еще 8 деревень. Из всех этих деревень в настоящее время существует только одна – Сахарниково, в которой в виде исключения в XV в. было 6 дворов, все остальные деревни были мелкими селениями в 1 – 3 двора.

В селе Бужанинове (в 13 км от Загорска) в 1543 г. была большая благоустроенная усадьба Зворыкиных с господским двором и множеством служебных построек. Возле господского

двора было 20 дворов «деловых» людей, слуг и холопов и двор попа. А крестьяне Зворыкиных жили в 40 мелких деревнях, разбросанных на территории в 1.400 десятин.

Повсеместно вокруг сел было множество подобных мелких деревень, сохранившихся до наших дней в виде редкого исключения. Так, у села Сабурова на реке *Баньке* (в 25 км на запад от Москвы) в середине XVI в. было 16 деревень. У села Нахабина (на запад от Сабурова) в начале того же века было два десятка деревень. Под самой Москвой у села Кудрина в 1490 г. было 14 деревень, поставленных на полянах, расчищенных от леса, и на берегу *Москвы-реки*. Ни одной из этих деревень в настоящее время не существует.

Частные случаи могут показаться неубедительными, но в сохранившихся писцовых книгах XVI–XVII вв. мы имеем массовый материал и везде находим одно и то же: возле немногочисленных существующих ныне селений перечисляется большое количество пустошей, «что были деревни».

У читателя, естественно, возникают вопросы: как, когда и почему исчезли мелкие деревни-хутора, изменился тип подмосковных селений и вообще сельский ландшафт получил иной вид?

Если мы станем сравнивать селения, типичные для XIV–XV вв., охарактеризованные выше, с селениями XIX в., то сразу становится ясным, что мы имеем дело с двумя различными мирами, что переход от одного типа к другому был весьма длительным и что изменение характера селений, в сущности, было лишь внешним проявлением глубочайших перемен в социальной и экономической жизни Подмосковья, в быте населения и в технике, во всем строе сельского хозяйства. XVI в. был переходным временем от древнего типа селений к новому.

В условиях первичной расчистки лесов под пашню, при большом земельном просторе, крестьяне предпочитали селиться мелкими деревнями на полянах и не встречали в этом препятствий со стороны землевладельца. Крестьяне в это время каждый за себя договаривались с землевладельцами о тягле и условиях землепользования. В дальнейшем укрупнение селений обусловливалось развитием экономики в стране. Связано оно было также с естественным приростом населения и интересами землевладельцев. Уже в конце XV в. известны, правда редкие случаи, когда землевладелец

соединял 2 – 3 деревни в одну в видах более удобного и выгодного использования земли и договора с крестьянами. Однако и в первой половине XVI в. укрупнение селений происходило очень медленно. На больших земельных просторах все еще возникали мелкие деревни старого типа.

Процесс укрупнения селений был прерван в третьей четверти XVI в. Затяжная война за Прибалтику, тяжелые чрезвычайные налоги, две эпидемии, неурожаи и голодовки этого времени отразились особенно тяжело на Подмосковье. Страшные опустошения в Подмосковье произвел майский набег (1571 г.) крымского хана Девлета, когда Москва была сожжена и ее ближайшие окрестности разграблены. После заключения в 1582 – 1583 гг. мира с Польшей и Швецией Подмосковье стало медленно оправляться от перенесенных бедствий. Произведенные в это время описания дают яркую картину глубокого разоренья и большой убыли населения. Множество мелких селений запустело, и пашня поросла лесом «в жердь и в кол», а где и в «бревно». Начавшийся процесс медленного подъема Подмосковья вскоре был прерван, и в начале XVII в. наступил второй период величайших бедствий – польско-шляхетская интервенция, длившаяся много лет.

Катастрофические события этих двух периодов уничтожили огромное количество селений. Во многих местах от селений не осталось никакого следа, и пашня поросла лесом. Когда после заключения мира со шведами и с Польшей открылась возможность вернуться к мирному труду, то восстановление селений и хозяйства происходило в условиях, во многих отношениях отличных от времен первичного заселения Подмосковья. Не входя в подробности по этому интересному вопросу, следует сказать о закрепощении крестьянства.

Какой бы тяжкой ни была эксплуатация сельского населения в XIV–XVI вв., остается несомненным, что в это время за крестьянином все-таки оставалась известная свобода передвижения и выбора места поселения. В XVII в. крестьянин уже был лишен всякой возможности отказа и выхода (т. е. перехода от одного владельца к другому), а вместе с тем и возможности выбора места и условий поселения. Если вольный человек рядился в крестьянство вновь, то он должен был селиться там, где указывал ему землевладелец.

В XIV в. в условиях большого земельного простора, при необходимости затратить много труда на расчистку леса, землевладельцы в своих личных интересах предоставляли крестьянину возможность селиться там и так, как он предпочитал. Риск устройства нового хозяйства падал на крестьянина, а землевладелец если принимал участие в устройстве на новом месте, то не столько ссудами, сколько льготами в податях и защитой крестьян от сторонних людей.

Расселение крестьян в мелких деревнях было сопряжено с беспорядочным использованием природных богатств и в первую очередь – леса. Оно было возможным и целесообразным только при большом земельном просторе и при редком населении. Расчищенные под пашню земли быстро истощались, тогда их бросали и расчищали новые участки. Обитатели мелких деревень содержали обыкновенно скот на воле, беспастушно, что тоже вызывало истощение лесного богатства. Наконец следует отметить, что поселение крестьян в мелких деревнях было невыгодно землевладельцам в том отношении, что не давало им возможности ввести нормы земельных наделов и повинностей. При таких условиях землевладельцу по необходимости приходилось основывать свои отношения с крестьянами на договорных началах.

После лишения крестьян права отказа и выхода землевладельцы стали восстанавливать свои разрушенные усадьбы на новых началах. Они собирали оставшихся крестьян, призывали на льготу новых тяглецов и селили их в своих селах и сельцах, возле господского двора. Так прекратилось возникновение мелких деревень-хуторов и стали образовываться крупные селения нового типа.

Если мы возьмем существующие ныне селения Подмосковья и попытаемся выяснить время их происхождения, то увидим, что, по меньшей мере, девять десятых этих селений очень древнего происхождения. Значительная часть этих селений относится к тем, которые запустели во время интервенции и были восстановлены в 30-х годах XVII в., в период изживанья разорений предшествовавшего времени.

Таким образом, во второй половине XVII в. уже сложился тот комплекс селений Подмосковья, который в своей массе сохранился до наших дней.

О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья

В Подмосковье существует много селений, которые сами по себе не отмечены какими-либо крупными историческими событиями, но заслуживают внимания. В названиях селений нередко находятся следы и отзвуки крупных событий, которые происходили в Подмосковье на протяжении многих веков.

Если Москву и Московскую область можно по справедливости назвать колыбелью Русского централизованного государства, то названия подмосковных селений можно сравнить с «Книгой бытия» Северо-Восточной Руси. Много интересных страниц вписала история в эту «Книгу», читать и понимать которую должны помочь совместными усилиями историки, археологи и языковеды.

Следы и отзвуки крупных событий в названиях селений

Акатово, Мешково, Валуево-Покровское

В верховье реки *Ликовы*, являющейся притоком *Десны*, слева находится селение Акатово-Баранове. Ниже по течению *Ликовы*, в 3 – 4 километрах, с правой стороны, лежит селение Мешково, а еще ниже на таком же расстоянии – село Валуево-Покровское.

Все эти селения в начале XIV в. входили в состав большого владения Валуевых, Акатьевичи Валуевы были коренными москвичами и соратниками первых московских князей.

Акатий в первой четверти XIV в. устроил в Звенигороде слободу, вероятно, по поручению Ивана Калиты, в духовной грамоте которого она упоминается.

Площадь подмосковной вотчины Акатия на реке *Ликове* можно определить по позднейшим описаниям примерно в 1.300 га.

600 лет назад долина реки *Ликовы* представляла большие удобства для поселения. В речке было достаточно воды, чтобы ставить мельницы, в прибрежных лесах водилась дичь и было приволье для пчеловодства, по берегам речки лежали места, удобные для огородничества, хорошие луга. Отсутствие болот позволяло в любом месте расчистить лес под пашню.

После Акатия вотчина досталась его сыну Василию – боярину великого князя Симеона Гордого, а затем его внуку Тимофею, носившему прозвище Валуй (что значит гриб из рода сыроежек). Тимофей Васильевич Валуй был окольничим великого князя Дмитрия Донского и пал смертью храбрых на Куликовом поле (1380 г.), стоя во главе Юрьевского и Коломенского полков.

Сыновья Тимофея Валуя, Даниил и Федор, были в боярах у великого князя Василья Дмитриевича. Летописи отмечают, как выдающееся событие московской жизни, что «Тое же осени (1382 г.) Федор Тимофеевич убиен бысть от своего лукавого раба». Даниил Тимофеевич в 1392 г., с боярином Ив. Дм. Всеволожем, был послан в Великий Новгород брать «черной бор». Это было очень ответственное и не всегда безопасное поручение, так как новгородцы очень неохотно, с постоянными пререканиями и задержками платили великому князю «черный бор» – свою долю в дани, которую Русь должна была платить Орде.

С течением времени потомки Акатия дробили в семейных разделах вотчину Акатия и отчуждали ее по частям. В начале XVI в. вотчина Акатия была разделена на 6, а в середине века на 8–10 частей. Между прочим, Григорию Михайловичу, носившему прозвище Мешок, принадлежало сельцо, названное по владельцу: Мешковым.

Одним из последних владельцев Валуева-Покровского был Григорий Леонтьевич Валуев, прославившийся как хороший воевода в Смутное время и при освобождении Руси от шляхетских интервентов.

Марфино, Вельяминово, Воронцово

Находившиеся на реке *Лихоборке* Марфино и Вельяминово связаны с родом Вельяминовых, которые занимали среди бояр – коренных москвичей одно из первых мест.

Родоначальником Вельяминовых был Протасий Федорович. При первых московских князьях он был боярином и тысяцким, т. е. главнокомандующим Московского княжества. О доверии к нему московских князей Юрья и Ивана Даниловичей свидетельствует то, что они во время своих отлучек оставляли Москву и все княженье на попечение Протасия Федоровича. В числе потомков Протасия был боярин Федор Воронец. Когда пресеклись старшие линии, выдвинулись Воронцовы. Они занимали первые места в боярской среде до пресечения фамилии Воронцовых в 1579 г. со смертью окольничьего Василия Федоровича, убитого при осаде Кеси.

Естественно, что Вельяминовы, занимая такое высокое положение, владели под Москвой многочисленными вотчинами и оставили по себе много следов в Подмосковье.

Одна из древнейших вотчин Вельяминовых находилась на нижнем течении Яузы. В середине XIV в. она принадлежала вышеупомянутому Федору Воронцу, и память о ней сохранилась в названии улицы Москвы, до недавнего времени носившей архаическое название – Воронцово поле (ныне [1940-е годы] улица Обуха). Тому же Федору Воронцу принадлежало подмосковное село Воронцово, за Калужской заставой.

История селений Марфино и Вельяминово такова. Протасий Федорович был патроном и строителем монастыря Богоявленья, «что за Ветошным рядом, в Китае городе». Он построил в монастыре каменный храм, одно из первых каменных зданий в Москве, и дал монастырю Вельяминово и Марфино. По позднейшим описаниям, в этом владенье было около 230 га земли. В 1596 г. власти монастыря променяли Вельяминово и Марфино князю Дм. Ив. Шуйскому на сельцо Топорково, на реке *Жабне*, притоке *Лихоборки*. Запустевшее в XVII в. Топорково находилось возле села Семчино. В 1639 г. князь Ив. Ив. Шуйский вернул Вельяминово и Марфино Богоявленскому монастырю, а в 1653 г. власти монастыря променяли Вельяминово патриарху, во

владение которого Вельяминово получило свое современное название – Владыкино.

Протасьево, Ивановское, Драчево

Две старинные вотчины Вельяминовых мы находим на север от Москвы – одну на *Клязьме*, а другую на нынешнем канале имени Москвы. Возле канала находятся селения Протасьево и Ивановское, а на другой стороне канала – село Драчево. В писцовых книгах XVI в. возле Драчева упоминается запустевшее сельцо Воронцово. По актовым источникам известно, что во второй половине XV в. Протасьево и Драчево принадлежали Вас. Ив. Шадре-Вельяминову и в 1541 г. были даны его сыном Троице-Сергиеву монастырю. Таким образом, можно представить себе историю этого владения. В начале XIV в. оно принадлежало Протасию Федоровичу, а потом его внуку Федору Воронцу. Затем часть владенья по разделу досталась Ивану Васильевичу. Протасьево и Драчево позже перешли к младшей линии рода и, наконец, были отданы Троицкому монастырю.

Федоскино, Аксаково, Микульское

Ближе к Москве, на реке *Клязьме* находятся ныне селения Федоскино, Аксаково и Микульское. Очень возможно, что в XIV в. это была вотчина Микулы Васильевича, убитого в 1380 г. на Куликовом поле, свояка великого князя Дмитрия Донского. В середине XV в. Федоскино и Аксаково принадлежали Ивану Федоровичу Вельяминову, носившему прозвище Аксак, родоначальнику известной в истории русской культуры фамилии Аксаковых. Летописи в рассказе о хане Темир Аксаке (Тамерлан) поясняют, что Аксак на «половецком» (тюркском) языке значит хромец, а Темир – железо. Отсюда название Тамерлана «Железный хромец». Во второй половине XVI в. Федоскино как старинная вотчина принадлежало Андрею Ивановичу Батраку Вельяминову, а Аксаково и деревня Даниловская – его брату Леонтью Ивановичу.

История одного из Вельяминовых – боярина Ивана Васильевича, имевшего владения под Москвой, заслуживает внимания.

Иван Васильевич был старшим сыном последнего тысяцкого московских князей – Василья Васильевича. После смерти

отца Иван Васильевич как старший в роде претендовал на должность тысяцкого, которую занимали его предки, но правительство великого князя Дмитрия Ивановича решило упразднить эту должность, дававшую в разросшемся государстве слишком большую власть лицу, занимавшему ее. Иван Васильевич принял это решение великого князя Дмитрия как личную обиду и с досады «отъехал» к сопернику и врагу великого князя Дмитрия – к тверскому князю Михаилу. Соблазнителем и пособником явился ловкий грек, сурожский гость Некомат, которому москвичи дали нелестное прозвище Брех, что значит враль, сплетник, смутьян. Некомат, хорошо знакомый, по своей профессии сурожанина, со всеми путями-дорогами в Орду, быстро съездил в ханскую ставку, большими подарками «умздил» хана и его вельмож и получил ярлык на великое княженье тверскому князю. Великий князь Дмитрий не обратил внимания на добытый таким путем ярлык и управился с тверским князем своими средствами, «на всей своей воле». Тогда Иван Васильевич и Некомат подбили татар пойти на Москву, но великий князь Дмитрий Иванович предупредил нападение татар, встретил их на реке *Воже*, в пределах Рязанского княжества, и разбил наголову.

Иван Васильевич в это время был задержан в Орде, а после поражения татар бежал и пробирался окольными путями в Тверь. За ним следили: схватили где-то в пределах Серпуховского княжества, привели в Москву и казнили на Кучкове поле. Казнь такого большого боярина произвела в Москве сильное впечатление, и летописец рассказывает, что при казни его «множество народа стояще». Родословцы добавляют, что у Ивана Васильевича было потомство, перечисляют его до середины XVI в. и прибавляют, что оно в своем роду «в счете не стояло», т. е. выбыло из среды родословных служилых людей. Так преступление Ивана Васильевича более 150 лет тяготело над его потомством в назидание всему служилому люду.

Несколько времени спустя был пойман в Москве и казнен и Некомат. Все вотчины Ивана Васильевича и Некомата были конфискованы, о чем есть упоминание в духовной грамоте великого князя Василья Дмитриевича.

Ивановское

Ивану Васильевичу Вельяминову принадлежало много вотчин и среди них село Ивановское на реке *Северке* в бывш. Левичине стану Коломенского уезда, близко от границ Московского уезда. Обращает на себя внимание то, что в 4 км от этого Ивановского находится упоминавшееся выше селение Микулино, возможно – вотчина брата Ивана Васильевича, Микулы, убитого на Куликовском поле. Соседство этих двух селений может быть и случайным, но нельзя не обратить внимания на то, что на север от Ивановского и Микулина мы находим еще два селения – Протасьево и Ивановское. Все это дает основание предположить, что в XVI в. здесь была одна очень большая или две крупные вотчины Протасия Федоровича и его ближайших потомков.

Протасьево, Васильево, Тимофеево

О другой вотчине Ивана Васильевича мы можем говорить увереннее. В духовной великого князя Василья Дмитриевича (1425 г.) упоминается «село Ивановское Васильевича в Гремичах». Гремичами называлась местность на реке *Протве*, непосредственно на юг от Вереи, и здесь, в 5 – 7 км от Вереи, находятся три селенья в смежности и недалеко одно от другого: Протасьево, Васильево и Тимофеево. В связи с указанием на село Ивановское в Гремичах можно с большой вероятностью сказать, что в начале XVI в. здесь была большая вотчина Протасия, перешедшая к его сыну Василью, потом к внуку Тимофею, а затем и к правнуку Ивану Васильевичу, у которого была конфискована в 1379 г.

Подмосковные владения Вельяминовых представляются типичными для крупного боярства первых веков существования Русского государства. В XIV – XV вв. мы находим Москву, окруженной множеством вотчин, иногда весьма крупных, принадлежавших первым соратникам и сотрудникам московских князей. В XV в. картина мало-помалу начинает изменяться. Крупные владения дробятся во время семейных разделов, отчуждаются в большом количестве в монастыри, былые дружинники-бояре мельчают, и перед лицом московских государей XVI в. оказывается многотысячная толпа рядовых служилых людей. Среди них много безземельных, все они не могут уже существовать без княжеского

денежного жалованья и поместий. Соответственно с этим изменяется весь характер подмосковных селений.

Новые землевладельцы – помещики и старые вотчинники берутся за сельское хозяйство и за более интенсивную эксплуатацию крестьянского труда. Они ликвидируют множество мелких деревень-хуторов, стягивают тяглое население в села и в конце XVI в. переходят к закрепощению крестьянства. После иностранной интервенции начала XVII в. процесс образования селений совсем прекращается. Восстанавливаются только старые селения.

Селения предков А. С. Пушкина

Мало кто знает, насколько тесно связаны были с Подмосковьем Пушкины. Целый ряд нынешних селений некогда являлся владениями предков великого русского поэта.

Первым историческим лицом из рода Пушкиных был Гаврило Алексич, витязь великого князя Александра Ярославича Невского, прославившийся в битве со шведами на *Неве* в 1240 г. Летописцы рассказывают, что Гаврило Алексич на коне вскочил на сходни вражеского судна, был сбит с конем в воду, но выбрался из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в гущу врагов и убил самого «епископа и воеводу».

По родословным преданьям Пушкиных Гаврило Алексич был правнуком Ратши и внуком его сына Якуна Ратшича. Ратша, Якун и Алекса – все это западнорусские и, в частности, новгородские формы имен Ратибор, Яков и Алексей.

Сыновья Гаврила Алексича, Иван Морхиня и Акинф Великой, как полагалось древним дружинникам, после смерти Александра Невского стали служить его сыновьям.

У сына Ивана Морхини – Александра Ивановича Морхинина было пять сыновей, из которых старший – Григорий – носил прозвище Пушка и стал родоначальником Пушкиных.

Григорий Александрович Пушка и его ближайшие потомки были очень богатыми людьми, но довольно скоро растеряли свои первоначально большие вотчины. По различным актовым источникам и по названиям селений можно

составить очень большой список подмосковных селений, принадлежавших в разное время Пушкиным. Из числа этих селений отметим наиболее древние, а также те, которые оставались у Пушкиных до XIX в.

Отметим, прежде всего, те селения, названия которых связаны с прозвищами Григорья Пушки и его ближайших потомков, живших в XV в.:

Федора Товарка (сына Пушки), Михаила Рожна, Михаила Мусы и Василия Улиты. В ближайшей округе Москвы, радиусом примерно в 35 км, мы находим восемь селений Пушкиных: одно *Товарково,* два *Рожнова, Мусино* и *Улитино.* Названия селений, взятые сами по себе, могут показаться неубедительными, но во многих случаях при помощи позднейших актовых источников можно доказать принадлежность этих селений Пушкиным.

Особенный интерес представляет один район Подмосковья, в котором Пушкины жили с XV в. и сохранили небольшие остатки былых владений до А. С. Пушкина. Это – бассейн среднего и нижнего течения реки *Истрицы.*

Великий князь Иван Калита в своей духовной грамоте 1328 г. упоминает между прочими владениями Мушкову гору, которую он завещал своей жене. Несколько позже упоминается погост Троицы на Мушкове горе или просто Мушков погост. В древности Мушков погост был центром целого района – Мушкова стана Дмитровского княженья, позже – уезда. Селения Мушкова стана были расположены справа от *Истрицы,* на север и северо-запад от города Воскресенска, ныне – Истры. На самой *Истре* находится ныне селение *Бужарово**, а несколько выше – *Ломишино* и *Верхуртово.* На запад от них селения: *Ананово, Мушкино, Зорина, Мартюшино, Матвейчиково* и *Синева,* позже Синее-Семеновское. На левой стороне Истры селения – *Софоньево, Скориково, Степанкова, Куртасово, Огниково и Рожново.* Последнее селение ныне затоплено Истринским водохранилищем.

Все перечисленные выше селения лежали смежно и в первой половине XV в., несомненно, составляли одно очень крупное владение. Во второй половине XV века мы нахо-

* На картах и в списках населенных мест названия селений подвергаются всевозможным искажениям. В старых актах иногда пишется Бужурово, что представляется более правильным.

дим части этого владения в вотчинах за всеми сыновьями и внуками Григория Пушки, в том числе внука Константина, прямого предка А. С. Пушкина.

Нет никакой возможности проследить все разделы, переделы, продажи и покупки, которые совершались Пушкиными на этой территории за 400 лет. Для общего ознакомления достаточно будет остановиться на нескольких моментах, представляющихся наиболее характерными.

Бужарово. В 1512 г. Ирина Товаркова уступила Иосифову-Волоколамскому монастырю за долг в 500 руб. село Бужарово с шестнадцатью деревнями. В конце XV и в XVI в. Пушкины (Курчевы и Внуковы) раздавали по частям свои жребьи в родовой вотчине Чудову и Иосифову монастырям. Тем не менее, Пушкины продолжали сохранять остатки своих вотчин, а после Смуты сделали попытку их увеличить. В 1627 г. Пушкины всем родом – шесть глав семейств рода – выкупили у Чудова монастыря Синее-Семеновское, Матвейчиково и Мушков погост. Кроме того, Федор Федорович выкупил у Зыбина сельцо Рожново-Павловское.

Синее. Пушкины не только выкупили село Синее, но также занялись восстановлением своего родового богомолья на Троицком погосте. Писцовая книга 1627 г. сообщает, что на погосте церковь, а в ней вся утварь, книги, свечи, ризы и образа и «всякое церковное строение Федора Семенова сына да сына его Федора Пушкиных». По тем же писцовым книгам за Пушкиными записаны следующие старинные вотчины: село Синее-Семеновское за Федором Федоровичем и Федором Тимофеевичем; Ананово, Степанчиково, Матвейчиково и Мушков погост – за думным дворянином Гаврилой Григорьевичем (выведенным А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове»); Лунево – за сыновьями Григорья Сулемши-Пушкина.

Село Синее имело очень скромный вид и небольшое хозяйство. На дворе вотчинников жило пять «деловых» людей, да в особых дворах приказчик и еще пять «деловых» людей. Пашни в селе было всего 15 десятин, перелоги – 18 десятин, да под лесной порослью десятин 35. В сельце Рожнове было три семьи «деловых» людей, а крестьян, как и в Синем, не было.

После Федора Федоровича и Федора Тимофеевича село Синее досталось Ивану Федоровичу, который принялся за хозяйство. В 1644 г. он взял у властей Иосифова монастыря

в пожизненное владенье пустоши Мартюшину и Сонину льготу, на 6 лет, и дал такое обязательство:

«И мне Ивану в те 6 лет посадить на тех пустошах своих вотчинных крестьян 4-х человек, а пятого крестьянина посадить в 10-й год... и дворы им крестьянские устроить...» «и пашня мне велеть распахивать и сенные покосы раскосить и леса пашенные распахать и расчистить». После льготных лет Иван Федорович Пушкин обязался платить в монастырскую казну по 4 руб. в год, а за каждого непосаженного по условиям крестьянина – по 50 руб. Пушкин обязывался после своего живота вернуть взятое именье монастырю «со крестьяны и с хлебом стоячим и с молоченым и с земляным и со всеми крестьянскими животы, и со всем с тем, что на тех пустошах устройства будет... по моей душе на вечной поминок».

Иван Федорович Пушкин, вероятно, добросовестно старался исполнить принятое на себя обязательство, но, очевидно, это было не просто. По переписи 1678 г. село Синее было за ним, а в селе были: двор вотчинника с дворовыми людьми, двор приказчика и три двора крестьян с десятью человеками, а в Мартюшине было всего два двора, а в них восемь крестьян.

В 1705 – 1715 гг. Синее-Семеновское было за его сыном, Иваном Ивановичем. По переписи 1705 г. в селе было: двор вотчинника с 4 дворовыми людьми, двор приказчика с 3 человеками и 5 дворов крестьянских с 6 душами. По ландратской переписи 1709 г. – двор вотчинника с 3 людьми и 4 двора крестьянских с 11 душами. Наконец, по переписи 1715 г. – двор вотчинника с 17 людьми и 4 двора крестьянских с 13 душами.

Иван Иванович, не имевший детей, по духовной 1718 г. завещал все свое состояние Александру Петровичу, прадеду Александра Сергеевича.

Александр Петрович был невидным представителем рода. Он начал службу рядовым Преображенского полка и в 1722 г. получил чин каптенармуса, но на этом окончилась его карьера. В 1725 г. он в припадке ревности убил свою жену, был посажен за это в тюрьму, где и умер. Село Синее перешло к его сыну Льву. Лев Александрович был капралом артиллерии, когда произошел переворот 1762 г., возведший на престол императрицу Екатерину II. Лев Александрович,

поддерживавший Петра III, после переворота был посажен за это в тюрьму. Так служебная карьера его была окончена, и он, просидевши в тюрьме около двух лет, вышел в отставку и деятельно занялся приведением в порядок родового имущества, расстроенного его отцом. Про него А. С. Пушкин в своем стихотворении «Моя родословная» писал:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

При Льве Александровиче, по третьей ревизии 1760–1782 гг., в селе Синем, Мушкино тож, числилось 20 душ мужского пола и 12 душ женского пола, в селе Ананове – 47 и 32 души, а в Мартюшине – 15–13 душ.

После Льва Александровича Синее-Семеновское перешло к его сыновьям, но было ли оно во владении отца Александра Сергеевича и когда было отчуждено Пушкиными, остается пока невыясненным.

Кроме описанного выше массива земель по обеим сторонам *Истры*, ближе к Москве Пушкиным принадлежали в XV–XVII вв. отдельные владения на нижнем течении *Истры* и на реке *Всходне* и ее притоке *Горедве*. Так, например, Константин Никитич (внук Григория Пушки) около 1475 г. продал князю Д. Д. Холмскому за 50 рублей села Петровское и Федоровское, на юг от реки *Истры*, на границе Московского уезда. Приблизительно тогда же его племянник, Давид Иванович Курчев, дал Симонову монастырю деревню Гавриловскую на реке *Всходне*, «на поминок душ» дедушки своего Никиты Григорьевича и отца своего Ивана Никитича. Недалеко от деревни Гавриловской у Давида Курчева была большая вотчина (слева от Истры) – село Вогнениково (ныне Огниково) с деревнями.

Не входя в излишние подробности, сообщим, что по писцовым книгам 1623 г. четырнадцати Пушкиным принадлежало в ближайших окрестностях Москвы не менее двадцати владений, большей частью небольшого размера. Отметим из них наиболее древние.

Виноградово. В 18 км от Москвы находится ныне село Виноградове на Долгих прудах. В XVI в. деревня Дубровки, Виноградово тож, принадлежала упомянутому выше Гавриле Григорьевичу, а после его смерти (1645 г.) его сыновьям – Григорью и Степану. При них в деревне Дубровках была поставлена церковь, и Виноградове стало селом. Братья Гавриловичи были выдающимися деятелями царствования Алексея Михайловича. Григорий Гаврилович, любимый думец царя Алексея, за успешно проведенное посольство в Польшу (1646 г.) был пожалован в бояре. Сокольничий Степан Гаврилович в 1650 г. был также послом в Польшу. У Григорья сыновей не было, и после его смерти село Виноградово осталось за Степаном, а затем перешло к его сыновьям Якову и Матвею. Бояре Яков и Матвей Степановичи были в XVII в. самыми видными представителями рода Пушкиных и пользовались большим влиянием при дворе, но их слишком тесные связи с старообрядчеством кончились катастрофой, в результате которой все Пушкины навсегда утратили свое места в среде московской знати. Сын Матвея, молодой стольник Федор, женатый на дочери Алексея Соковнина, за участие в заговоре Соковнина и Цыклера на жизнь Петра был в 1697 г. казнен, А. С. Пушкин упоминал о нем в своей «Родословной»:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил,
И был за то повешен им.

Но, кажется, А. С. Пушкину было неизвестно, что дело этим не ограничилось, что отец Федора, боярин Матвей, был сослан в Сибирь, а его брат Яков, как менее виновный, был сослан на Белоозеро и принудительно пострижен. Впрочем, Петр I милостиво обошелся с опальными Пушкиными и разрешил им передать часть вотчин своим родичам. Таким образом, село Виноградове досталось Петру и Ивану Калинниковичам Пушкиным. В 1729 г. Иван Калинникович продал Виноградово князю Василию Владимировичу Долгорукову, и таким образом эта старинная вотчина Пушкиных вышла из их рода.

Следы новгородского происхождения некоторых названий

В названиях существующих ныне селений мы можем нередко найти несомненные следы новгородского происхождения. Таковы, например, **Коломна, Хотунь, Лопасня, Хочема** (возле Каширы), **Ситня, Талеж;** на север от Москвы – **Радомля, Радонеж** (ныне – Городок), **Витейнево** и др. Селения с такими названиями мы находим в настоящее время и в Новгородской области.

Жирошкино

В 12 км от Бронниц ныне находится селение **Жирошкино**. Это – очень древнее селение: оно упоминается в духовной грамоте 1406 г. вел. кн. Василья Дмитриевича. Жирошка – уменьшительное от имени Жирослав. Славянское имя Жирослав было в большом распространении в Новгороде и в западнорусских землях. Из летописей нам известно несколько выдающихся лиц, носивших это имя.

Показательна значительная группа селений с новгородскими формами личных имен. Дело в том, что в Новгородской области были в большом употреблении такие формы имен, которые в северовосточной Руси не привились: Гавша – Гавриил, Павша – Павел, Парамша – Парамон, Прокша – Прокофий, Перша – Порфирий и т. п. В ближайших окрестностях Москвы мы находим следующие селения:

Гавшино – на реке *Наре*, недалеко от Серпухова, и другое – в 15 км от *Рузы*.

Павшино – на реке *Москве*, в 18 км на запад от Москвы. **Першино** – четыре селения в бывших Звенигородском, Верейском, Бронницком и Серпуховском уездах.

Прокшино – одно селение в 18 км от Подольска и два селения в бывш. Дмитровском уезде.

Новгородского же происхождения такие названия, как **Алехново** на *Истре* (Алехно – Алексей), **Вантеева** и **Вантеевка** (Вантей – Иван).

Надо сказать, что выходцы из Новгорода оставили по себе следы в нашей истории. Следует упомянуть Федора

Александровича Кутузова, родоначальника фамилии Кутузовых, внука новгородского боярина Прокши Андреевича.

От Федора Кутузова и его братьев пошли фамилии Кутузовых и Голенишевых-Кутузовых, из которых вышел наш знаменитый полководец Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев. Федор Кутуз, живший во второй половине XIV в., был очень богатым человеком. Он и сам и его ближайшие потомки обзавелись под Москвой вотчинами, породнились с виднейшими московскими боярскими родами и вошли в боярскую среду как свои люди.

Многие Кутузовы сложили свои головы в боях за родину. Сын Федора Кутуза, Иван Федорович, был убит в 1436 г. под Белевом в бою с татарами. В кровопролитном бою с татарами в 1453 г. были убиты: брат Кутуза – Григорий Горбатой с сыном Дмитрием и племянник Александр Ананьевич. Василий Федорович Кутузов, третий сын Кутуза, был видным боярином великого князя Василия Темного и оказал ему большие услуги в борьбе с мятежными удельными княжатами.

Выдающимся воеводой, а в конце жизни – боярином был Федор Юрьевич Щука Кутузов.

Печатниково

С прозвищем Федора Кутуза связан целый ряд существующих ныне подмосковных селений, не считая исчезнувших, известных нам из разных источников. На территории бывш. Московской губернии мы находим, по спискам населенных мест, семь селений Кутузовых. Некоторые селения носили двойное название, из которых до наших дней удержалось одно. Например, подмосковная деревня Печатниково – против Нагатина, за рекой Москвой – раньше называлось Кутузовой.

Из этих селений первым Кутузовым принадлежали уже в XV в. следующие: **Кутузово** в 5 км от Подольска, **Кутузово** на *Истре* в бывш. Звенигородском уезде, упомянутое выше **Кутузово-Печатниково**, сельцо **Кутузово** на реке *Горедве*, в 32 км на северо-запад от Москвы.

---

* Кутуз – подушка, которой пользуются кружевницы при плетении кружев. На Востоке кожаный кутуз подкладывали под себя, садясь на землю.

Щукино

Подмосковное селение Щукино на реке *Москве* в конце XV в. принадлежало упомянутому выше боярину Федору Юрьевичу Щуке.

Мисино

По сохранившимся актам известна большая вотчина Кутузовых на реке *Яхроме* на запад от Дмитрова, где ныне находится селение Мисино, получившее свое название от Александра Григорьевича, носившего прозвище Миса.

Названия, связанные с выходцами из Южной Руси

Богатая в древности и высококультурная Киевская Русь во второй половине XIII в. была окончательно запустошена неоднократными нашествиями степных кочевников В последних годах этого века Максим, митрополит всея Руси, решил покинуть разоренный Киев и перенес свою резиденцию в северо-восточную Русь – во Владимир-на-Клязьме. Тогда же в северо-восточную Русь – и, в частности, в Москву и Тверь – потянулось население разных званий и слоев.

В этом потоке переселенцев, в последних годах XIII в. прибыл в Москву черниговский боярин Федор Бяконт. Как тогда полагалось, он переселился «всем родом», т. е. с чадами и домочадцами, слугами и рабами. Московский князь Даниил Александрович принял Федора Бяконта с честью, пожаловал его в бояре и дал ему вотчины в своем княженье. При сыновьях Даниила Александровича, Юрье и Иване Калите, Бяконт был наместником Москвы и управлял Московским княженьем во время частых отлучек князей в Орду и в походы

Федор Бяконт прижился на новой родине и стал родоначальником нескольких значительных исторических фамилий. Старшим сыном его был митрополит всея Руси – Алексей, первый русский человек на митрополичьем столе. Хорошо образованный, преданный интересам родины, митрополит Алексей пользовался большим авторитетом в Константинополе и в Орде и неизменно стоял на страже интересов Московского

великого княженья. Большая роль, которую он сыграл в возвышении Москвы и в борьбе московских князей за единство Руси, хорошо выяснена в исторической науке. Об авторитетности Алексея в среде московского правительства свидетельствует то, что во время малолетства вел. кн. Дмитрия Ивановича он в течение ряда лет был главой и руководителем внешней политики московского правительства. Младший брат митрополита Алексея – Александр носил прозвище Плещей, что значит – широкоплечий, и от него пошла известная в истории фамилия Плещеевых.

Плещеевы и другие потомки Федора Бяконта в течение 300 лет занимали видные места в среде московского боярства Михаил Борисович Плещеев во время борьбы великого князя Василья Темного с мятежными княжатами оказал великокняжескому дому большие услуги. Между прочим, в 1447 г. он «изгоном», т. е. внезапным налетом, «с малыми зело людьми» (с небольшим войском) занял Москву и захватил в ней наместника мятежного князя Дмитрия Шемяки. Семья Михаила Борисовича выделялась в боярской среде своей культурностью и образованностью. Из нее в конце XV и в начале XVI в. вышел ряд выдающихся дипломатов – послы в Данию, Польшу, Валахию и наш первый посол в Турцию – Михаил Андреевич (1497 г.).

Бяконтово, Плещеево

Названия многих селений Подмосковья связаны с именем потомков Бяконта.

Километрах в семи от Подольска находится ныне небольшая деревня Бяконтово, а ближе к Подольску, в 4 км, на *Пахре*, другая небольшая деревня – Плещеево. В начале XIV в. эти селения были вотчиной Федора Бяконта, а затем его сына Александра Плещея, боярина Дмитрия Донского.

Другое селение Бяконтово мы находим в 39 км на север от Москвы (теперь за каналом имени Москвы). Нахождение Бяконтова в этой местности едва ли случайность. Дело в том, что митрополит Алексей получил от московских князей для обеспечения митрополичьего дома большое владение, так называемую Селецкую волость, получившую свое название от ныне существующего села Троица Сельцы при реке *Уче*. Северная граница обширной Селецкой волости близко

подходила, быть может, была даже смежной, с селением Бяконтово.

Отметим еще, что на запад от Москвы, в бывш. Волоколамском уезде мы находим на реке *Ламе* селение Буконтово, несомненно – Бяконтово.

О ряде древних подмосковных селений Плещеевых можно сообщить некоторые небезынтересные подробности.

Ростокино

Село Ростокино под Москвой, на реке *Яузе*, ныне вошедшее в черту г. Москвы, принадлежало упомянутому выше боярину Михаилу Борисовичу Плещееву. В 1447 г. Михаил Борисович передал село Ростокино Троице-Сергиеву монастырю, «с серебром и с хлебом и со всем, что к тому селу потягло и с пустошьми, куда топор и коса и соха ходили».

Серебром называли вообще деньги, а в данном случае серебром названы ссуды, розданные крестьянам. Выражение: «куда топор и коса и соха ходили» означает, что владение не было отмежевано от соседей и границы его определялись землепользованием ростокинских крестьян по старине.

По описанию последней четверти XVI в. в Ростокинском владении было около 26 десятин. У села было две деревни – Высокая на *Яузе* и Чеснокова, да две пустоши, раньше бывшие деревнями. Под пашней было около 160 десятин, под перелогами – 50, под лесной порослью – 45, под дровяным лесом всего 10. Кроме пашенного хозяйства, доход давала мельница на Яузе – «мелет в двои жерновы» на монастырский обиход, а сверх того «сбирают от молотья найму на год по 10 рублев, а на иной год, коли вода больше, сбирают по 15 руб. на год». «Да под селом же на реке Яузе в весну перевоз, сбирают с него в монастырь по 2 рубля с полтиною на год»... «А крестьяне на монастырь оброку никакого не дают – пашут пашню да сена косят, да им же поделка на мельнице – ежевесен землю к заплотине и навоз носят и лес секут».

В Смутное время Ростокино сильно пострадало, и по описанию 1623 г. в нем было 15 дворов, по переписи 1646 г. – 21 двор, и, наконец, в 1704 г. числилось 27 дворов, а людей в них – 73 человека.

Как видно, Ростокино было небольшим владеньем типа промежуточных хозяйственных баз крупного московского боярства.

Нахабино

У того же боярина М. Б. Плещеева несколько дальше от Москвы было очень крупное владение, в котором велось большое хозяйство. Это – село Нахабино, на реке *Нахабинке*, в 32 км на запад от Москвы, по Волоколамскому шоссе. В первой половине XV в. оно принадлежало отцу Михаила Борисовича, а затем ему самому. После смерти в 1468 г. Михаила Борисовича Нахабино досталось его сыну Ивану. По позднейшим описаниям в Нахабинском владенье было без малого 3.000 десятин земли и к нему тянули сельцо Караулово и десятка полтора мелких деревень. Иван постригся в Троицком монастыре и по духовному завещанию в 1492 г. дал сельцо Караулово Троицкому монастырю, а село Нахабино завещал в пожизненное владение своей матери, с условием отдать все владение после своей смерти тому же монастырю. Племянники Ивана Михайловича выкупили Нахабино у Троицкого монастыря и уступили его Петру Михайловичу Плещееву.

П. М. Плещеев был выдающимся деятелем своего времени и близким к вел. кн. Ивану III человеком. В 1482 г. он был послан в Валахию и привез княжичу Ивану, наследнику Ивана III, невесту – дочь Валашского воеводы Стефана. В 1493 г. он был наместником великого князя в Великом Новгороде. В 1503 г. П. М. Плещеев был в полномочном посольстве в Польшу и весьма удачно выполнил возложенную на него важную задачу. По духовной грамоте 1510 г. он дал село Нахабино своему сыну Василью, который вскоре продал его за 400 рублей Троицкому монастырю.

В руках хозяйственных троицких монахов Нахабино процветало, но в 1571 г. сильно пострадало от набега на Москву крымского хана Девлета. По описанию конца XVI в. сельцо Караулово запустело, а в селе Нахабине было 34 двора крестьянских, а к селу тянуло всего 5 деревень с 26 дворами. И это – при площади владения в 3000 десятин. События начала XVII века и в особенности разбои тушинцев окончательно запустошили Нахабино – все селения были сожжены дотла и земля поросла лесом «в кол и в жердь, а инде в

бревно». Только в 1633 г. в Нахабине была восстановлена деревянная церковь Покрова Богородицы, и оно стало медленно заселяться, но весь ландшафт местности изменился. Мелкие деревни, прежде окружавшие село, не были восстановлены, и все население сосредоточилось в селе. По переписи 1646 г. в селе было 26 дворов, по переписи 1678 г. – 21, по описанию 1685 г. – 22 двора. И только в 1704 г. Нахабино достигло той степени населенности, на которой оно было до набега хана Девлета.

Юрлово

В заключение отметим еще одну подмосковную вотчину Плещеевых – селение Юрлово, в 20 км от Пресненской заставы. В конце XV в. оно принадлежало окольничему великого князя Ивана III, второму сыну боярина Михаила Борисовича – Тимофею Михайловичу, носившему прозвище Юрло.

Волынское, Давыдково, Очаково

Во второй половине XIII в. население Киевской и Волынской земель, спасаясь от татарских нашествий, передвигалось на запад, в Галицкую и Прикарпатскую Русь. В середине XIV в. галичанам и волынянам пришлось испытать опустошительные набеги польского короля Казимира Великого. К этому времени относится выезд с Волыни в Москву крупного боярина, которого наши летописи иногда называют князем, – Дмитрия Михайловича Боброка.

Дмитрий Михайлович прибыл в Москву с большим «двором» дружинников, слуг и рабов и был принят на Москве – как тогда говорили – с великой честью; великий князь Дмитрий Иванович дал ему в замужество свою сестру и пожаловал большими вотчинами.

Дмитрий Михайлович Боброк, получивший в Москве прозвание Волынский, был замечательным воеводой. Он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского, а на Куликовом поле стоял во главе Засадного полка и своевременным и решительным выступлением из засады обусловил победный исход Мамаева побоища.

В Подмосковье известны три владения Д. М. Волынского и его ближайших потомков.

В недалеком расстоянии от Дорогомиловской заставы находятся селения Волынское и Давыдково на реке *Сетуни* и Очаково – на реке *Вешке*. Раньше они составляли одно владение. Еще не выяснено, когда Волынские его утратили. В конце XVI в. оно принадлежало воспитателю и любимому дядьке царя Федора Ивановича, а затем фавориту царя Бориса Годунова Андрею Петровичу Клешнину. Современники приписывали ему видное участие в убиении царевича Дмитрия. В начале XVII в. Волынское и окружавшие его деревни были разорены тушинцами. Впоследствии Волынское принадлежало известному воеводе, а затем боярину кн. Афанасию Васильевичу Лобанову Ростовскому. Очаково принадлежало Ирине Никитичне Романовой – тетке царя Михаила, жене Ивана Ивановича Годунова. В это время во всех трех селениях было всего 24 двора крестьянских. От князей Ростовских и Ирины Годуновой Волынское перешло к касимовскому царевичу Сеит Бурхану Арасланови́чу, в крещении – Василью, а затем к его сыну Ивану Васильевичу. В это время Волынское было очень небольшим селением – по переписи 1646 г. в нем были: двор царевича и 2 двора крестьянских, а в них 18 человек, по переписи 1678 г. – 3 двора крестьянских и 4 бобыльских.

От касимовских царевичей Волынское с деревнями перешло по родству к кн. Алексею Григорьевичу Долгорукову. Новый владелец села Волынского был ярким представителем той титулованной и нетитулованной знати, которая после смерти Петра I сделала несколько попыток ограничить самодержавие российских императоров и ввести вместо него олигархическое правление аристократии. По своим родственным связям Алексей Григорьевич быстро делал блестящую служебную карьеру. После смерти Петра I императрица Екатерина I пожаловала Алексею Григорьевичу Долгорукову звание сенатора и назначила его воспитателем царевича Петра Алексеевича. Недалекий и честолюбивый Алексей Григорьевич Долгоруков не занимался образованием вверенного ему наследника престола, поощрял его страсть к охоте и другим развлечениям и часто увозил в свое подмосковное имение Горенки. Здесь воспитатель помолвил несовершеннолетнего своего воспитанника с своей дочерью Екатериной. Брак не состоялся, так как Петр умер на 16-м году от оспы (в 1730 г.).

После смерти Петра II «верховники», т. е. члены Верховного тайного совета, решили призвать на престол Анну Ивановну (родную племянницу Петра I), ограничив ее власть известными «кондициями» (условиями). Алексей Григорьевич Долгоруков был единственным из верховников, который был противником призвания Анны Ивановны. За это после воцарения Анны Ивановны он со всей своей семьей был сослан в Березов, где и умер в 1734 г.

В связи с этим село Волынское было конфисковано. До нас дошло очень подробное и интересное описание этого села и деревни Давыдково. Подробно описаны различные строения, плодовый сад, мельница на реке *Сетуни*, скот, домашняя птица, хлеб в житницах и дворы крестьян с указанием лиц, живших в них, и их возраста. Отметим некоторые подробности. На дворе приказчика стояли две светлицы, соединенные сенцами, одна светлица четырех сажен с изразчатой печью, а другая трех сажен-с кирпичной печью. Светлицы и сени крыты тесом. Людская изба трех саженей с глиняной печью была крыта дранью и соломой.

«Сад мерою в длину 65, поперек 45 сажен, а в нем дерев – яблоней 200, груш 50, крыжовнику 50 кустов, красной смородины 20 кустов». Некоторые крестьяне были довольно зажиточны – имели по 2 лошади, по 2 – 3 коровы и по 4 – 5 овец. Мельница на реке *Сетуни* давала по 65 рублей в год, а рыбная ловля – по 5 рублей.

Вороново

Другое старинное владение Волынских находилось на юг от Москвы. Это – существующее ныне селение Вороново на реке *Моче* (правом притоке *Пахры*). Во второй половине XV в. оно принадлежало Григорью Давидовичу Волынскому, носившему прозвище Вороной. В роду Волынских Вороново оставалось до конца XVIII в. Владельцы Воронова и самоселение не представляют особого интереса.

Полуектово

В 5 км на север от Рузы находится ныне село Полуектово. В начале XV в. оно принадлежало внуку Дмитрия Михайловича Боброка – Полуекту Борисовичу и от него получило свое название. Полуект Борисович был убит в 1436 г. под Белевом в бою с татарами. Полуектово-Покровское было небольшим селением и оставалось в роду Волынских: до конца XVII в.

Названия, связанные с выходцами из южных стран

В нашей истории XIV и XV вв. были временем весьма оживленных торговых и культурных сношений Москвы с народами Ближнего Востока и вообще с зарубежными странами. Появление здесь в это время многочисленных выходцев из-за рубежей свидетельствует о большой притягательной силе Москвы и Русского государства, о ее возросшей культурной и экономической роли.

Главными посредниками в торговых сношениях были греки и итальянцы генуэзских колоний на южном побережье Крыма, но очень деятельное участие принимали и торговые москвичи. Самый большой рынок находился в Суроже (итальянская Солдайя, ныне – Судак), и потому в Москве за крупными оптовиками, греками, итальянцами и москвичами, утвердилось название «сурожских гостей». В Москве, в Китай-городе, для сурожан был отведен особый ряд, сохранивший название Сурожского и много позже, когда Сурож уже утратил свое значение крупного торгового центра.

Летописная повесть о «Мамаевом побоище» сообщает, между прочим, что великий князь Дмитрий Иванович, отправляясь в поход против татар, взял с собой «10 мужей сурожан гостей», как знатоков всех дорог-путей на юг, людей, известных «в Ордах и во Фрязах», где они пользовались большим кредитом.

В числе сурожан, сопровождавших Дмитрия Донского, летописи называют Михаила и Дементья Саларевых. Вероятно, это были итальянцы Солари, что в переводе на русский язык значило Солнечные или Солнцевы.

Солослово

Московские князья разрешали сурожанам приобретать под Москвой земли, и Саларевы оставили по себе след в названиях двух подмосковных селений.

Первое селение – это Солослово, в 23 км от Звенигорода, которое раньше называлось Саларевым-Солословлем, а позже – Солословлем.

Саларево

Второе селение – Саларево, на верховье реки *Сетуни*, в 23 км от Подольска. Относительно принадлежности этого селения Саларевым мы имеем определенные сведения. В середине XV в. оно принадлежало Даниилу Салареву, сурожскому гостю. От Даниила Саларева оно перешло к сыну Федору, а в середине XVI в. было за Тимофеем Саларевым, вероятно, внуком Даниила.

Трепарево

Отметим, кстати, что смежно с Саларевым находится ныне селение Трепарево (правильнее – Тропарево), которое в конце XV в. принадлежало сурожскому гостю Фоме Тропареву.

Софрино

Не менее богатыми, чем Саларевы, были сурожане Сафарины. Об этом можно судить по тому, что они имели вотчины не только в Московском княжестве, но и в Рязанском. В пределах бывшего Рязанского княжества, позже в Каменском стану, Рязанского уезда, на реке *Грязивой*, находится доныне селение Сафарино. Название подмосковного владения Сафариных подвергалось искажению.

Возле линии железной дороги находится ныне село Софрино на реке *Воре*. В XV в. оно по владельцу называлось Супоневым, затем, по новому владельцу, стало называться Сафариным. В середине XVI в. оно принадлежало Ивану Сафарину. Позже оно стало называться Сафориным, Софориным и наконец – Софриным.

Самым богатым выходцем из Крыма был Стефан Васильевич, от которого пошла известная в нашей истории фамилия Головиных. По родословным преданиям, он пришел из Судака и из Кафы (ныне Феодосия) в конце XIV в.

Ховрино

Сын Стефана Васильевича, Григорий, получил в Москве некрасивое и совсем не греческое прозвище Ховра, что значит неопрятный, нечистоплотный человек (отсюда – выражение ховронья, свинья).

Григорий Ховра около 1405 г. построил на свой счет в Симонове монастыре каменный храм. Сын Григория Ховры, Владимир, оставаясь гостем, в то же время был пожалован в бояре. Владимир Григорьевич Ховрин в 1450 г. построил на своем московском дворе каменный храм Воздвиженья, а в 1472 г. великий князь Иван III поручил ему и его сыну Ивану Голове наблюдение над постройкой Успенского собора, которую с 1475 г. вел Аристотель Фиораванти. И после этого Ховрины-Головины продолжали украшать Москву каменными зданиями. В 1486 г. Иван Владимирович Голова заложил на своем московском дворе «палаты кирпичны», а его брат Дмитрий – «палату кирпичну и ворота заложив, и свершил».

Естественно, что Ховрины при своем богатстве обзавелись под Москвой вотчинами и оставили следы в названиях некоторых подмосковных селений. Григорию Ховре в первой половине XV в. принадлежали два существующих ныне селения – Ховрино на реке *Лихоборке*, в 12 км от Тверской заставы, и другое Ховрино, в 13 км от Крестовской заставы.

Головино

В 3 км от первого Ховрина находится ныне селение Головино, бывшая вотчина внука Ховры, боярина и гостя Ивана Владимировича Головы.

Фрязино, Фрязиново

В 29 км от Москвы находится селение Фрязино. Близ Бронницкой дороги в 49 км от Москвы имеется селение со схожим названием – Фрязиново. Эти селения получили свое наименование от слова фрязь, фрязин. Так в XV в. в Москве называли генуэзцев крымских колоний, а затем – вообще всех итальянцев. Поселяясь в Москве в качестве мастеров или служилых людей, они приобретали, как тогда полагалось, небольшие подмосковные владения, чтобы завести хозяйство и по возможности не зависеть от рынка и покупных продуктов. Им и принадлежали некогда упомянутые Фрязино и Фрязиново.

С фрязями связаны и два других селения: Фряново на реке Шеренке, известное своей старой ткацкой мануфактурой, и Френево, расположенное ближе к Москве, на той же Стромынской дороге.

Ларево, Фомино

В свите греческой царевны Софьи Фоминичны Палеолог, невесты великого князя Ивана III, в Москву прибыло из Рима в 1472 г. много греков.

В числе прибывших были родственники Софьи – Дмитрий и Эммануил Ивановичи Рале. Москвичи стали называть их, для удобства произношения, Ларевыми. Ларевы были приняты во двор великого князя, но карьеры не сделали и не прижились на новой родине. У Дмитрия Ивановича, насколько известно, детей не было. У Фомы Ларева, женатого на княжне Ромадановской, был сын Иван, у которого тоже не было детей, и он отдал в 1545 г. свою вотчину в Верейском уезде Волоколамскому монастырю. Больше о Ларевых ничего неизвестно. Однако, несмотря на кратковременное пребывание в Москве, Ларевы оставили по себе несколько следов в названиях селений.

В 34 км от Москвы, возле канала имени Москвы, находятся ныне селения Ларево и Фомино, бывшая вотчина Фомы Ларева. По описанию 1584 г., в этом владении было около 175 десятин земли. Еще два селения Ларевы находятся в 22 – 25 км на юг от Москвы, одно от другого на расстоянии 5 км.

Ангелово

В 20 км на запад от Москвы, на реке *Баньке*, находится селение с весьма необычным названием. Это – небольшое сельцо Ангелово. Происхождение этого названия таково. В свите Софьи Палеолог в Москву между прочими прибыли греки Никула и Эммануил Ивановичи Ангеловы. Оба они были приняты во двор великого князя, и Никула в 1495 г. был с великим князем в Новгородском походе. В 1504 г. он упоминается в числе дворян, принимавших в Москве цесарского (императорского) посла. Эммануил в 1509 г. был печатником, т. е. хранителем печати великого князя. На этом карьера Ангеловых кончилась, и больше об их службах ничего неизвестно.

В конце XV в. Никула купил, или получил от великого князя, участок земли, поставил на нем церковь во имя своего патрона чудотворца Николая, и основанное им сельцо стало называться Ангеловым. От Никулы Ангелова сельцо

Ангелово перешло к Ивану Кувшинову, который в 1532 г. продал его Иосифову-Волоколамскому монастырю.

Траханеево

Более значительную роль играли греки Траханиотовы. Родоначальниками их были Дмитрий и Юрий Эммануиловичи Траханиоты, прибывшие в Москву тоже в свите Софьи Палеолог. При дворе великой княгини Софьи они занимали первое место и были ее боярами. Сын Дмитрия, Юрий Малой, был при великом князе Василии Ивановиче в 1506 г. печатником, а позже, в 1509 – 1522 гг., – казначеем. Сын Юрия Малого, Василий Юрьевич, был в боярах, а его внуки, Иван и Никифор Васильевичи, служили в казначеях. По поводу этой должности следует заметить, что она требовала от лица, занимающего ее, не только известной состоятельности, на случай возможной ответственности, но также больших познаний в товарах и в торговых операциях, так как казначеям московских государей приходилось хранить, оценивать и продавать меха, покупать различные заморские товары и производить всевозможные торговые операции. Богатые греки считались для этой ответственной должности особенно подходящими, и этим объясняется то, что почти весь XVI в. в казначеях служили греки: Ховрины, Головины, Траханиотовы и Хозя Тютин, казненный во время опричнины.

Занимая при дворе высокое положение, Траханиотовы обзавелись большими вотчинами.

Самой значительной из них было существующее ныне село Траханеево-Успенское, на север от Москвы, на реке *Клязьме*. В XV в. оно принадлежало Якову Константиновичу Козодавлю и по владельцу называлось Козодавлевым. В конце века Яков Козодавль променял свое село великому князю. В меновой грамоте у села Козодавлева упоминаются деревни: Игнатова, Антипина, Архимаричья, Левушина, Павлецова, Строева, Павлова и починок Бедарев. Из всех этих деревень до наших дней уцелела одна Павлики-Спасское. В середине XVI в. Козодавлево неизвестным путем досталось Траханиотовым и оставалось в их роду до конца XVIII в. При новых владельцах Козодавлево стало называться Траханеевым.

Сохранившееся описание Траханеева последней четверти века дает типичную картину подмосковной вотчины крупных бояр XVI в. Под селом и окружавшими его деревнями числилось немного более 1.200 десятин земли, из которых под пашней было 120, под перелогом 320, лесной поросли разного возраста более 600, под лесом всего лишь 22 десятины. Вся остальная земля была под лугами. Царские казначеи Иван и Никифор Васильевичи Траханиотовы владели вотчиной нераздельно. В селе было два господских двора, двор челядинный и четыре двора людских. Возле села на реке *Клязьме* была мельница – «мелет в одно колесо». К селу тянуло пять деревень, в которых были еще один господский двор, двор конюшенный, двор людской и семь дворов крестьянских. Из этого описания ясно, что в Траханееве не велось сколько-нибудь значительного хозяйства. Небольшие размеры запашки, три господских двора, большое количество людских дворов по сравнению с крестьянскими, мельница – все это мелкие штрихи, свидетельствующие о том, что Траханеево не было самодовлеющим и достаточным хозяйством для таких богатых людей, как царские казначеи Траханиотовы: оно играло роль промежуточной базы между московскими дворами Траханиотовых и их более отдаленными от Москвы большими вотчинами, в которых велось крупное хозяйство.

Подушкино

В конце XV в. известен был богатый московский гость сурожанин Иван Владимирович Подушка. На земском соборе 1566 г. в числе московских гостей был внук Ивана Подушки, Михаил Петрович Подушкин. О землевладении Подушкиных под Москвой известно, что в 1567 г. упомянутый М. П. Подушкин продал Чудову монастырю сельцо Бояркина Кузьминское, в Жданском стану, на юго-запад от Москвы. С прозвищем Подушки связаны два существующих ныне селения и одно, запустевшее в Смутное время. В 22 км на юго-запад от Москвы, близ бывш. Смоленской дороги, находится ныне сельцо Подушкино, справа от Белорусской железной дороги. Затем на север от Москвы в 18 км от Бутырской заставы находится деревня Подушкино. Наконец, село Подушкино было в Радонеже, в бассейне р. *Вори*, запустевшее в Смутное время.

Чашниково

Из торговых москвичей следует упомянуть о Чашниковых. Они были представителями тех предприимчивых новгородцев, которые поддерживали торговые связи Москвы с Великим Новгородом и через Новгород – с народами Прибалтики.

В числе новгородских бояр, выселенных великим князем Иваном III из Новгорода, были Чашниковы. Разоренные принудительным переселением в московские города и конфискацией их земель, Чашниковы сошли с исторической сцены, но одна ветвь из рода отделилась еще в XIV в. и поселилась на Вологде, которая в то время была колонией Новгорода. В XV в. московские великие князья завладели Вологдой, и Чашниковы стали московскими гостями. Известно, что в середине XV в. Григорий Юрьевич Чашников дал Кириллову монастырю село Ивановское близ Вологды, а его сын Юрий в 1524 г. дал тому же монастырю деревню Чашникову под Вологдой. Племянники Юрья Григорьевича – Андрей и Дмитрий Чашниковы – упоминаются в числе кредиторов князя Андрея Васильевича Вологодского (младшего сына великого князя Ивана III) в его духовной грамоте 1481 г.; Андрей Чашников упоминается как кредитор также в духовной грамоте того же времени Ивана Ивановича Салтыка Травина. Очевидно, Чашниковы были крупными ростовщиками своего времени.

Следами подмосковного землевладения Чашниковых являются три селения: 1) Чашниково в 38 км на север от Москвы, которое позже по новому владельцу стало называться Чашниковым-Собакиным; 2) Чашниково на *Скалбе* (*Лбе*) в 20 км от Москвы и 3) Чашниково Воскресенское на реке *Студенце*.

Черкизово, Мячково

Среди подмосковных селений обращают на себя внимание такие, которые в своих названиях сохранили указания о принадлежности их некогда татарам. Из этих селений особенно интересны четыре села Черкизова и три – Мячкова. История этих селений дает повод написать интересную страницу из жизни Московского княжества XIV – XV вв.

Историки давно обратили внимание на факт выездов в Москву большого количества иноземцев, но не обращали внимания на то, что как раз в это время, т. е. в XIV – XV вв., в жизни Западной и Юго-Западной Руси, а также в жизни Золотой Орды происходили такие события и складывались такие обстоятельства, которые заставляли людей покидать свою родину и разбредаться в разные стороны в поисках лучшей жизни. Русское государство, процветавшее и быстро развивавшееся под твердой властью московских великих князей, привлекало этих людей, принимало их к себе на службу и давало честь и место всем полезным элементам.

Со смертью в 1341 г. золотоордынского хана Узбека началась «великая замятня» – эпоха разложения Золотой Орды, в связи с процессом ее феодализации. В 1360 г. малолетнему Дмитрию Ивановичу пришлось, после смерти отца, ехать в Орду за ярлыком на великое княжение. Одновременно в Орду были вызваны и другие русские князья. Дмитрий в том же году благополучно выбрался из Орды, но другие князья были задержаны, и на их глазах в короткий срок произошло несколько кровавых переворотов. Хан Хидырь, только что перед тем убивший Невруса, был убит своим сыном Темир-хозой, который, в свою очередь, через месяц был свергнут с престола. После жестокой борьбы воцарился наконец Амурат, брат Хидыря, который и дал Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение (1362 г.). Между тем, борьба за ханский престол продолжалась, выбрасывая за пределы Золотой Орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в переворотах. В эти годы мурза Тагай основал в Наровчате, в Мордовской земле, свое татарское царство, а князь Булат Темир утвердился в области камских булгар.

В 1371 г. великому князю Дмитрию Ивановичу пришлось вторично ездить в Орду за новым ярлыком, который ему удалось получить ценой огромного выкупа. Ко времени «великой замятни» в Орде и поездок туда великого князя Дмитрия Ивановича и относится выезд большого количества татар на службу в Москву к великому князю и к митрополиту Алексею, который бывал в Орде и пользовался там большим авторитетом.

Родословцы дают сведения о выездах только самых значительных лиц. По Государеву родословцу при великом князе Дмитрии Донском выехал из Золотой Орды царевич

Серкиз и на Москве крестился. Имя Серкиз, повидимому, испорченное имя армяно-григорианской церкви Саркиз. Сын Серкиза Андрей Иванович Серкизов на Куликовом поле был воеводой Коломенского (в некоторых летописях Переяславского) полка и был убит в бою Мамаем, с которым, может быть, у его отца были старые счеты. У Андрея Ивановича Серкизова (иногда – Черкизова) был сын Федор, носивший прозвище Старко, и от него пошла боярская фамилия Старковых, угасшая в конце XVI в.

Мячковы не принадлежали к московскому боярству, и сведения о ник мы находим только в частных родословцах, которые сообщают, что у великого князя Дмитрия был посол Теврижского государства (так называли тогда Армению) Олбуга, он остался в Москве и крестился. (Олбуга по-узбекски значит окунь) От его внука Ивана Мячика пошла фамилия Мячковых.

Возможно, что Серкиз и Олбуга привезли с собой кое-какие остатки отечественного богатства и на них приобретали в Московском княженье земли, но несомненно, что они также были щедро пожалованы вотчинами. Первые поколения их потомков были очень богатыми людьми и владели вотчинами в Московском, Дмитровском, Переяславском и Коломенском уездах. Но, очевидно, они плохо приспособлялись к непривычным для них условиям жизни и хозяйства и довольно быстро растеряли большую часть своих первоначальных владений.

История подмосковного села Черкизова, теперь включенного в черту Москвы, несложна. Серкиз недолго владел этим селом и продал его своему соотечественнику Илье Озакову. Крещеные татары Илья и Сергий Озаковы были слугами митрополита Алексея и занимали при его дворе видное место. Сергий Озаков в 1377 г. был в числе митрополичьих дворян, сопровождавших Митяя в его поездке в Царьград для постановления его в митрополиты. Илья Озаков владел Черкизовым недолго и продал его митрополиту Алексею. Алексей основал в Московском кремле Чудов монастырь и по духовному завещанию 1378 г. обеспечил его землями. В числе других владений он дал Чудову монастырю и село Черкизово, которое затем было во владении монастыря почти 400 лет, до секуляризации монастырских имуществ в XVIII в.

Непродолжительное пребывание крещеных татар в Черкизове оставило в нем небольшие следы. Илья Озаков поставил в селе церковь во имя своего патрона пророка Ильи. Возле Черкизова ныне существует Озаковский переулок. Затем среди селений, окружавших Черкизово, мы находим деревню Алымов, – позже Алымово-Богородское, о которой теперь напоминают Алымовы улица, переулок и тупик. По описанию конца XVI в. видно, что Черкизово было очень крупным владеньем – не менее 2000 десятин. На этой территории упоминаются 10 селений, среди которых существующее ныне Колошино, и 36 пустошей, что некогда были деревнями. Из этого можно заключить, что Черкизово в XIV – XV вв. было окружено множеством мелких деревень-хуторов, с течением времени ликвидированных.

Старков погост

Второе крупное владение Черкизовых находилось под Коломной, где в настоящее время километрах в 12 от Коломны, на реке *Москве*, находится с. Черкизово, в 2 км от него – селение Старков погост, в 7 км от Черкизова – село Мячково и в 4 км от Мячкова – сельцо Настасьино, на реке *Северке*. Это село Мячково не следует смешивать с Мячковом на устье *Пахры*, о котором речь будет ниже. Коломенское Мячково в конце XIV в. принадлежало Ивану Мячку, от которого неизвестным путем, быть может, куплей, перешло к Федору Ивановичу Старку Серкизову, а затем к его сыну, боярину Ивану Федоровичу Старкову.

Непонятно, что побудило Ивана Федоровича Старкова «коромолить» против великого князя Василия Васильевича с мятежными княжатами и вмешаться в дело ослепления великого князя. После поражения мятежников Иван Федорович Старков за крамолу подвергся опале и лишился своих вотчин. В связи с этим его мать Анастасия и дочь Ирина, имевшие в пожизненном владении Коломенское-Черкизово и Мячково, должны были «продать» эти владения великому князю, и позже Черкизово, Настасьино и Старков погост находились в дворцовом ведомстве.

О Черкизове Горестова стана, в 20 км на северо-запад от Москвы, имеем только поздние сведения. В XV–XVI вв.

оно было в дворцовом ведомстве, в конце XVI в. было за царицей Леонидой – вдовой царевича Ивана Ивановича, затем опять во дворце, а в 1689 г. было пожаловано царскому шурину – Льву Кирилловичу Нарышкину.

Наконец, последнее Черкизово – на *Клязьме*, в 20 км от Москвы, принадлежало Ховриным-Головиным, затем великому князю Ивану и его родственнику князю Михаилу Васильевичу Глинскому. В 1566 г. по духовной грамоте Глинского Черкизово было дано Троицкому монастырю, во владении которого оставалось до секуляризации монастырских имуществ.

Имея в виду несомненный факт большого богатства Серкизовых, а также характерность названия двух последних Черкизовых, можно считать очень вероятным, что и они, если и не были основаны самим Серкизовым, то, во всяком случае, получили свое название от него.

Село Мячково на реке *Москве* при впадении в нее *Пахры* замечательно своими древними каменоломнями. Первые каменные укрепления Московского кремля и многие московские древние церкви строились из мячковского камня. Очень вероятно, что Мячково существовало уже давно, но в последней четверти XIV в. оно принадлежало Ивану Мячку и по новому владельцу получило свое название, ставшее историческим.

Впервые опубликовано в кн.:
Подмосковье. М.: Московский рабочий. 1955.
С. 13–44, 369–393.

Очерк образования Московского боярства

История московского боярства представляет двоякий научный интерес. Боярство, во-первых, было одним из важнейших элементов социально-экономического строя русского феодализма, а во-вторых, большой политической силой, на основе и при помощи которой московские государи добились великокняжеской власти, а затем ликвидировали раздробленность Руси и объединили ее в мощное великорусское государство. Само собой разумеется, что в истории социально-экономическое положение боярства было неразрывно связано с его политической ролью, но для удобства исследования и изложения вопрос следует расчленить на две темы.

Начнем с политической стороны вопроса, с роли боярства в образовании единого великорусского государства. Приступая к этой теме, приходится сделать довольно большое отступление в область взаимных отношений князей и их бояр-дружинников. В этой области многое освещено в историографии недостаточно или, как мне представляется, неверно.

Известно, что в дружинах киевских князей были очень разнообразные элементы: наряду с лицами отечественного происхождения – выходцы из Скандинавии, из Прибалтики, из южных степей и т. д. Отсюда, естественно, рождалось представление о «текучести» состава княжеских дружин. Если князь, по выражению одного историка, был политической «случайностью» в своем уделе, то случайностью же были и бояре и слуги бояр. В этом отношении дружинники мало чем отличались от основной массы населения, крестьянства, которое тоже бродило в составе населения княжеств, было тоже случайностью. Возможно, что в такие времена

нашей истории, от которых не сохранилось никаких памятников письменности, представление о всеобщей бродячести, текучести и случайности было близко к правде, но, вероятно, это было очень давно. Во всяком случае, памятники уже XIV приводят нас к прямо противоположным представлениям.

Около ста лет тому назад М. П. Погодин внимательно пересмотрел летописи и пришел к выводу, что уже в XII–XIII вв. служба княжеских дружинников, по крайней мере значительных и как таковых попавших на страницы летописей, была нередко наследственной.

На основе различных источников XIV в. можно с уверенностью сказать, что если текучесть состава княжеских дружин древнейшего времени в какой-то мере действительно была, то с течением времени она быстро шла на убыль, и уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением.

Насколько нам известно, крестоцеловальная запись человека, поступавшего на службу, конкретизируя общее понятие наследственности, состояла в следующем. Дружинник за себя и за своих детей давал клятву князю и его детям в верной службе, в том, что он и его дети всегда и во всем будут «хотеть добра» князю и его детям, по совести, без утайки сообщать своему государю о всяком «лихе и добре», касающемся князя, повиноваться ему безо всякого ослушания, не нарушать клятвы и «не отъехать» ни к кому и никуда.

Такая присяга на деле была обязательством наследственной службы, т. к. в случае смерти присягавшего его дети возобновляли по той же форме присягу, за себя и за своих детей, а в случае смерти князя дружинник приносил новую присягу новому князю и его детям.

Напомню прекрасный рассказ летописей о предсмертных завещаниях Дмитрия Донского. Обращаясь к боярам, Дмитрий напоминал им, что он вырос на их глазах, что их отцы и они сами давали клятву служить верно не только ему, но и его детям. Формула присяги первой половины XV в., сохранившаяся в одном сборнике митрополичьих посланий, свидетельствует о том, что Дмитрий Донской высказывал боярам не свои личные пожелания, а лишь напоминал об

обязанностях всякого служилого человека, освященных исконными обычаями.

О том, что служба бояр и вольных слуг была наследственной, и что отъезды были исключением из общего правила, мы имеем более убедительные свидетельства, чем показания отдельных памятников. Эти неопровержимые свидетельства мы находим в истории московского боярства.

Составители родословцев и служилые люди, пользовавшиеся ими в местнических счетах, были очень внимательны к отъездам, т. к. отъехавший человек со всем своим потомством лишался заслуженного его предками и им самим места среди служилых людей князя. Бывало, что отъехавший или его сыновья возвращались к своему прежнему государю, но в таких случаях они должны были начинать свою карьеру сызнова. Просматривая Государев и частные родословцы, мы видим, что случаи отъездов были очень редки, причем выражения «отъехал в Тверь» или «отъехал в Литву», с конца XV в. сменяются отметками: «бежал в Литву» и т. п.

Эти показания родословцев следует изучать с поколенными росписями соответствующих родов в руках. Это дает возможность проследить карьеру лиц рода и оценить значение отъездов. Произведенное таким внимательным образом исследование генеалогии боярских родов приводит к следующим выводам.

В первой половине XIV в. крупное боярство Руси находится в состоянии сильного брожения. Бояре, как это полагалось верным дружинникам, принимают горячее участие в борьбе потомков вел. кн. Александра Невского за великокняжескую власть. С 1328 г., когда Иван Калита получил в Орде ярлык на первую половину великого княжения, крупные бояре общерусского масштаба начинают стекаться в Москву. Решающим моментом в процессе концентрации боярства в Москве следует считать 1339 г., когда тверские князья были убиты по приказу хана в Орде, и таким образом обозначился решительный перевес Москвы. В ближайшее десятилетие после этого заканчивается процесс сосредоточения крупного боярства в Москве. После долгой кровавой борьбы великорусское боярство нашло, наконец, в Москве политический центр Великороссии, а в лице московских князей – государей.

Так в четвертом и пятом десятилетиях XIV в. в Москве образуется крепкое ядро боярства, которое стоит во главе государства в последующие века. Образующие это ядро роды и лица служат неизменно из поколения в поколение московским князьям и правом отъезда не пользуются. Редкие исключения только подтверждают общее право наследственности их службы.

Одновременно с образованием московского ядра боярства наблюдается обособление боярства по крупным княжениям: Тверскому, Рязанскому и, вероятно, другим. Местные бояре, оставшиеся верными своим князьям, тесно связывают свои служебные интересы с землевладельческими и редко решаются покидать своих князей и терять вследствие этого свои вотчины. Таким образом в Твери и Рязани образуются группы сильных местных родов, известных нам по родословцам и поступивших на службу московских государей после ликвидации независимости соответствующих княжеств.

Во второй половине XIV в. мы можем наблюдать также обособление по уделам князей московского дома местных бояр и землевладельцев более мелкого масштаба. К сожалению, по этому вопросу мы имеем пока мало сведений. По Боровско-Серпуховскому уделу известны Новосильцевы, Сатины (от кн. Шонура Козельского) и Станищевы, по Верейско-Белозерскому уделу – Монастыревы и Нащокины. Вследствие небольшой исторической значительности этих местных удельных бояр мы имеем о них мало данных, но служебное обособление средних и мелких землевладельцев московских уделов не подлежит сомнению. И не только в XV, но и в XVI в. мы видим, что основная масса средних и мелких землевладельцев служила обыкновенно тому князю, в уделе которого находились их вотчины.

Все эти наблюдения дают основание говорить о растущей с течением времени все более и более тесной связи между служебной карьерой крупных, средних и мелких вотчинников и их землевладельческими интересами.

После смерти вел. кн. Василия Дмитриевича в среде князей московского дома вспыхнула «великая замятня», длившаяся около 30 лет и едва не погубившая все дело Ивана Калиты и его преемников. События, в частности политическая сторона междукняжеской замятни, давно занимали историков и, в общем, исследованы и описаны верно и достаточно полно. Но глубокие, несомненно, причины и

пружины, вызвавшие мятеж удельных княжат против вел. кн. Василия, остаются еще загадкой. Если понимать буквально летописные рассказы о перипетиях многолетней междукняжеской замятни, то можно подумать, что весь спор и борьба заключались как будто в том, кому быть великим князем – сыну ли вел. кн. Василия Дмитриевича или его дяде Юрию Дмитриевичу, а после смерти последнего его сыну Дмитрию Шемяке. В действительности ставка борьбы была неизмеримо крупнее, чем смена лица на великокняжеском престоле. В чем же было дело?

У нас нет никаких оснований предполагать, что кн. Юрий Дмитриевич и его сын Дмитрий Шемяка были принципиальными сторонниками удельного строя и стали бы поддерживать раздробленность Руси, если бы им удалось утвердиться на великокняжеском столе. С другой стороны, следует напомнить, что московские великие князья тоже не были принципиальными противниками уделов. Дмитрий Донской, Василий Темный и объединитель Руси Иван III добросовестно, по-родственному наделяли своих сыновей уделами (все трое – по четыре удела). И даже царь Иван Грозный, которого историки считают принципиальным врагом уделов, в своей духовной грамоте (1572 г.) предполагал дать удел своему сыну Федору. Очевидно, были какие-то силы, которые помимо московских великих князей работали в пользу объединения Руси и относились враждебно к уделам и к удельным князьям.

Одной из таких сил было великокняжеское боярство, верхний слой землевладельческого класса. По летописям, генеалогическим и актовым источникам и договорным грамотам московских князей мы можем достаточно полно выяснить личный состав наиболее видных участников замятни, их происхождение, карьеру их самих и их предков и потомков. Все, что мы знаем по этому вопросу, приводит к определенным выводам: великокняжеское старое боярство в массе остается верным вел. кн. Василию и обеспечивает в конце концов ему победу над княжатами. На стороне удельных княжат выступают их собственные бояре и немногочисленные представители великокняжеских родов, переходившие на сторону княжат по личным соображениям, не имевшим ничего общего с классовыми и сословными интересами крупных землевладельцев.

Интересно отметить, что лица, проявившие во время замятни шаткость и колебания, а тем более лица, изменившие великому князю по личным мотивам, как, например, Иван Дмитриевич Всеволож, Петр, Иван и Никита Константиновичи Добрынские или Иван Федорович Старков, были так или иначе сурово наказаны – они со всем своим потомством навсегда выбыли из среды московского боярства, потеряли свою «честь» и должны были служить в низших чинах дворянства, в лучшем случае, а то и с городовыми детьми боярскими. Таким образом, можно сказать, что «великая замятня» была для великокняжеского боярства испытанием его верности, после которого боярство очистилось от ненадежных элементов.

Но почему же московское боярство так стояло за Василия Темного? Не все ли равно было ему, кто будет на великокняжеском столе? Мне кажется, ответ ясен после того, что было сказано выше о наследственности службы бояр и слуг вольных. Двор великого князя складывался постепенно из местных и приезжих слуг, которые по времени поступления на службу, по своей предшествовавшей боевой репутации и по личным заслугам размещались в известном порядке. У каждого были свое «место» и своя «честь», и всякий дорожил своей служебной честью. Двор великого князя как аппарат власти был медленно складывавшимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей.

Ясно, что при таком строе двора приход к власти кн. Юрия Дмитриевича или какого-либо иного князя грозил полным разрушением всего аппарата великокняжеской власти и в первую очередь местнического распорядка великокняжеского боярства. Ведь естественно, что Юрий Дмитриевич или Дмитрий Шемяка, получив великокняжескую власть, должны были дать преимущество своим боярам и слугам и нарушить сложившийся в великокняжеском дворе распорядок. И они не могли поступить иначе.

Наследственностью службы вообще и указанным строем великокняжеского двора и объясняется, что московское боярство в своих собственных служебных и землевладельческих интересах было на стороне вел. кн. Василия Васильевича. В какой мере московское боярство, поступая так, имело в виду ликвидацию удельной раздробленности Руси и объединение ее под властью московских государей, сказать

трудно. Мне кажется, что вполне допустимо считать великокняжескую ориентацию московского боярства важным фактором преодоления удельной раздробленности Руси, а последовавшее позже объединение Руси – если не ясно осознанной целью боярства, то, во всяком случае, гетерогенным и вполне естественным следствием его политической и социальной сущности.

О праве отъезда бояр и слуг вольных

Данная мною характеристика боярства и его служебных отношений очень плохо мирится с укоренившимися в историографии представлениями о свободе древнего боярства и его неограниченном праве отъезда, т. е. о праве по своему желанию и усмотрению покинуть своего князя и перейти на службу к другому князю или даже не служить совсем. Свобода отъездов была будто бы настолько велика, что отъехавший боярин-дружинник сохранял свои вотчины. Возможно, что подобные представления имеют некоторое основание для XI–XII вв., но для XIV–XV вв. они не отвечают действительности.

Источником ошибочности и поверхностности указанных представлений является невнимательное отношение к источникам. В договорных грамотах князей московского дома мы неизменно видим статью: «а боярам и слугам вольным меж нас (т. е. договаривающихся князей. – *С. В.*) воля». В некоторых договорах мы находим дополнительно к этому основному положению обязательства не «держать нелюбия» к боярам и слугам, перешедшим на службу к кому-либо из договаривающихся князей, и «блюсти» бояр и слуг чужих, «как своих». Наконец, в некоторых договорах князья взаимно обязываются не приобретать земель самим и не позволять своим боярам приобретать земли во владениях чужого князя и не увеличивать таким путем чересполосицы княжеских и частных прав. Отрицательное отношение князей к этой чересполосице нашло свое выражение в той статье княжеских договоров, которая в общей форме говорит, что всякий землевладелец должен «тянуть судом и данью по земле и воде» тому князю, в уделе которого находится его вотчина.

Для правильного понимания приведенных статей этих договорных грамот не следует ни на минуту забывать, что

это были договоры князей – близких родственников, считавших все княжение и все уделы его своей единой вотчиной, что князья были связаны между собой не только договорами, а прежде всего узами близкого родства. Каждый князь считал себя временным владельцем доли в общей вотчине рода и потому, естественно, должен был «блюсти» бояр и слуг своего сородича, как своих, и по-родственному допускать переходы слуг к своим сородичам.

Подобные статьи изредка встречаются и в договорах московских князей с тверскими и рязанскими, но и это не может служить свидетельством полной свободы боярских отъездов. Такие договоры московские князья заключали с независимыми княжествами только в тех случаях, когда они имели в виду заключение тесного оборонительного и наступательного союза.

Нет никакого сомнения, что не только в XIV–XV вв., но и раньше отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в «розмирье», т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания.

Во всяком случае, каковы бы ни были междукняжеские отношения, не следует представлять себе отъезд упрощенно, как бытовое явление – будто боярину было достаточно собрать свои пожитки, захватить жену, чад и домочадцев, челядь и прочее и, не попрощавшись со своим князем, отправиться куда вздумается. Отъезд был юридическим актом или, выражаясь точнее, практическим выводом из юридического акта – расторжения дружинником договора о службе князю.

Вполне возможно проводить аналогию между боярским отъездом и крестьянским отказом и выходом. Крестьянин жил у землевладельца на основании ряда или поряды, словесного или письменного договора. Одностороннее нарушение этого договора навлекало на крестьянина весьма невыгодные последствия. Если он желал расторгнуть договор, то он должен был предварительно «вырядиться», «отказаться» по правилам, установленным обычаями и княжескими указами. Он должен был отказываться в срок, рассчитаться с землевладельцем в ссуде и господских повинностях, в недоимках по княжеским даням и т. д.

Равным образом и боярин, желавший отъехать, должен был предварительно расторгнуть свой договор с князем, которому он приносил присягу. Мы видели, что боярин, вступая в службу, давал князю обязательство, скрепленное крестным целованием, лично за себя и за своих детей, служить и повиноваться князю и его детям. На первый взгляд может показаться, что присяга была односторонним обязательством, а не договором, но в действительности дело было совсем не так. Подобно тому как землевладелец, поряжая крестьянина, принимал на себя известные обязательства, например, дать двор и землю, сберегать от «сторонних людей» и т. п., так и князь, принимая присягу дружинника, принимал одновременно известные обязательства, нарушение которых давало служилому человеку основание «сложить с себя крестное целованье» и отказаться служить.

С владетельными князьями как с равными князья заключали письменные договоры. Есть указания, что письменные же договоры заключали князья и с так называемыми служебными, невладетельными, князьями. С рядовыми боярами и слугами князья не писали договоров, но это не значит, что князь, принимая к себе на службу боярина или слугу, не принимал никаких обязательств. Не было надобности в особом договоре, т. к. общие обычаи определяли права и обязанности и князя и его слуги. Если бояре при поступлении в службу присягали и давали на себя запись за крестным целованием, то это было религиозным подкреплением договора о службе.

Таким образом, можно сказать, что обязанности князя определялись обычаями дружинной службы, составлявшими своего рода неписаную конституцию феодализма. Представление об этих обычаях и, в частности, об обязанностях князя мы можем составить себе только по случайным указаниям различных источников. Поэтому естественно, что наши наблюдения будут носить общий характер.

Первой обязанностью князя было оказывать своему дружиннику покровительство и защиту от всех «сторонних людей». Покровительство-защиту можно считать краеугольным камнем всего здания феодализма. От всякой сторонней силы, находившейся за пределами власти князя, князь мог и должен был защищать своих слуг вооруженной рукой, но в пределах княжества защита осуществлялась судом князя,

исключительной подсудностью дружинников и слуг лично князю.

Принцип исключительной подсудности дружинника княжескому суду известен уже Правде Русской. На Руси княжеских уделов исключительная подсудность служилого человека князю определяется однообразной и четкой статьей жалованных несудимых грамот: «А кому будет чего искати на NN, ино сужу яз сам, князь NN, или мой боярин введеный».

Второй обязанностью князя было «жаловать» своих бояр и слуг за службу и смотря по службе. Если служилый человек по роду своей службы должен был жить во дворе князя, то он «ел его хлеб и пил его чашу», т. е. получал от князя стол и помещение. Затем князья жаловали своих слуг оружием, вещами, деньгами, кормлениями и вотчинами. С последней четверти XV в. очень важным видом княжеского «жалованья» стали поместья.

В глазах княжеских дружинников и слуг тароватость, щедрость князя на всякие виды жалования была его первой добродетелью, которая ценилась едва ли не выше, чем справедливость в этом деле. Летописец в похвале кн. Васильку Ростовскому, убитому татарами (в 1238 г.) и позже причисленному к лику святых, рисовал идеал князя своего времени: «Бе же сей Василко лицем красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбор, сердцем же легок, а кто ему служил, хлеб его ел, чяшу его пил, той за его любовь никако же можаше у иного князя быти, ни служити: излише бо слугы своя любляше. Мужество и ум в нем живяше, правда же и истинна с ним ходиста, бе бо всему хитр»*.

Лет через полтораста другой летописец дал нам образ идеального князя Московского княжества и московских понятий. «Повесть о житии и преставлении великого князя Дмитрия» риторична, страдает, быть может, некоторыми преувеличениями, но по существу верно характеризует отношение князя к своим боярам и слугам. Дмитрий Донской, обращаясь перед смертью к своим сыновьям, говорил: бояр своих любите и воздавайте им достойную честь против дела каждого. Обращаясь к боярам, Дмитрий говорил: при вас я родился и вырос, с вами держал свою вотчину великое

---

* ПСРЛ, т. X, с. 112.

княжение, с вами был страшен в бранях врагам, вами покорял врагов и вельми укрепил великое княжение, великую честь и любовь имел к вам, под вами держал города и волости, вы были у меня не боярами, а князьями моей земли, никому из вас я не делал зла, никому не досадил, никого не обесчестил, но всех держал в великой чести.

В предсмертных словах Дмитрия Донского следует обратить внимание на то, что он «воздавал» каждому «честь» по его делам, всех слуг своих «держал в великой чести» и никого не обесчестил. В понятие княжеского жалования входили как существенный элемент понятия: воздавать честь по делам, держать в чести и не обесчестить. Необходимо раскрыть эти понятия, т. к. именно по вопросу о служебной чести у князей чаще всего происходили столкновения с боярами, вызывавшие отъезды.

Под словом «честь» понимали не только известный почет и связанные с ним выгоды, но также и то место в княжеской дружине (в XIV в. и позже в государевом дворе), на которое служилый человек имел право рассчитывать по службе князю своих родителей и по своим личным заслугам. Честь и место служилого человека определялись вовсе не его родовитостью, как полагает большинство историков, а сочетанием заслуг его самого со службой его отца, деда и других прямых и боковых восходящих «родителей» (т. е. родственников).

Поскольку служба дружинников и бояр бывала обыкновенно наследственной, на почве наследственности службы с течением времени сложилось понятие родовитости. Но родовитость понимали весьма условно. Человек, отъехавший от своего князя, утрачивал не только свое место в иерархии чинов и лиц княжеского двора, но также и родовую честь, свою «родовитость». Если отъехавший человек позже возвращался к своему князю и был принят им на службу, то ему приходилось начинать свою служебную карьеру сызнова и зарабатывать себе честь и место.

Какая-нибудь служебная провинность, нерадивость, пострижение в монашество, наконец, увечье и полная неспособность к службе отражались на родовой чести человека и снижали его самого и его сыновей и внуков на большее или меньшее количество мест. Наоборот, выдающиеся служебные заслуги, смерть в бою, «попонное терпение» не оставались

без вознаграждения – и не только в виде материальных благ, но и в отношении чести и места сыновей служилого человека.

Приведу несколько примеров. Иван Васильевич Вельяминов, представитель первостепенного боярского рода, старший сын московского тысяцкого и сам боярин, в 1375 г. отъехал к врагу московского князя Дмитрия и пытался при помощи Орды лишить его великого княжения. Пойманный, он был казнен на Кучкове поле, и вотчины его конфискованы. Относительно его потомства родословцы отмечают: «От Ивана дети опалы для (т. е. вследствие опалы и казни. – С. В.) в своем роду и в счете не стояли», т. е. они выбыли из числа родовитых людей и навсегда лишились своих чести и места.

А вот два противоположных примера из того же времени, т. е. княжения Дмитрия Донского. Дмитрий Минич и Тимофей Васильевич Волуй происходили из второстепенных родов московских князей. Отец Тимофея Волуя был в боярах, однако он сам и Дмитрий Минич не были в думе великого князя, хотя и занимали высокое положение при дворе и были воеводами. Дмитрий Минич был убит на р. Тросне (1378 г.) в бою с литовцами, а Тимофей Волуй пал на Куликовом поле. Их сыновья «за кровь» отцов при вел. кн. Василии Дмитриевиче были в боярах.

Обычаи, определявшие родовую честь дружинников и место каждого члена служилых родов, имели столь большое положительное значение в истории класса служилых землевладельцев и в организации княжеских дружин, а позже – государева двора московских князей, что вполне заслуживают детального исследования и подробного изложения.

Понятие служебной чести (в указанном выше смысле), порождало идею связи и преемственности поколений. Дружинник, служа князю и отдавая ему свой труд, а иногда и жизнь, проходил жизненный путь с мыслью, что его верность присяге и радетельная служба принесут пользу и все возможные блага жизни не только ему самому, но и его семье и дальнейшим поколениям его рода, а нерадивость и тем более измена навлекут опалу князя и кары не только на него самого, но и на его потомство.

Внимательное исследование истории боярских родов показывает, что служебная родовитость вовсе не обеспечивала

всякому бездельнику выгодного служебного положения, она открывала ему жизненные пути, но как он использует эту «путевку в жизнь» – это зависело от него самого. Служебную дифференциацию мы наблюдаем не только в родах, но и в пределах родов – захудание целых отраслей рода, и даже в семьях. Становится очевидным, что местнический распорядок людей вовсе не мешал князю выбирать нужных ему и пригодных людей и не задерживал жизненного отбора и удаления социальных отбросов класса.

Для правильного понимания указанной идеи родовой чести следует напомнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи отечества, долга перед родиной, идеи гражданства и гражданских обязанностей были неизвестны. Зарождение этих идей становится заметным только в XVI в. Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская дружина была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей.

Что обычаи относительно чести и места служилого человека не мешали князьям подбирать нужных им людей вообще и для отдельных поручений в частности, мне представляется настолько несомненным, что я не нахожу нужным об этом говорить. Столь же бесспорным мне представляется то, что эти обычаи сильно ограничивали княжеский произвол. С точки зрения либерального интеллигента XIX в., знакомого с местническими спорами того времени, когда местнические обычаи были в полном разложении и доживали свои последние дни, местничество было продуктом боярской родовой спеси, доходившей в своей нелепости до комизма. Не входя в полемику с подобными поверхностными взглядами, позволю себе заметить, что указанные обычаи в свое время были весьма положительным явлением, совершенно несовместимым с тем расцветом державного фаворитизма, который мы можем наблюдать в XVIII в., когда местничество было торжественно отменено.

Местнический распорядок родов и лиц в княжеской дружине ограничивал княжеский произвол, но важно отметить, что одновременно он обуздывал и дисциплинировал дружинника. Люди нашего средневековья не верили в исключительные таланты и не ценили их. Да это и понятно, т. к.

тогдашняя служба требовала от человека не исключительной талантливости и ярко выраженной индивидуальности, а знаний и навыков в ратном деле, выносливости и мужества, доступных рядовому служилому человеку. Поэтому они не любили ни княжеских выдвиженцев, ни тем более чересчур энергичных самовыдвиженцев. Только такое продвижение по службе считалось нормальным, которое происходило постепенно, с прохождением всех чинов и «мест» и с соблюдением законных интересов соседей по службе.

Поэтому неосновательные притязания дружинника на место «не по своей мере», бестолковые споры о местах, понашему – бузотерство, навлекали на дружинника опалу князя и очень суровые наказания. В местнических делах XVI–XVII вв. мы часто находим решения суда о выдаче местника «головой» его противнику, выигравшему тяжбу. Выдача человека кому-либо «головой» означала отдачу в полное рабство, но в местнических делах XVI–XVII вв. такое решение тяжбы имело символическое и бытовое значение. Обычаи местничества в это время настолько обветшали и разложились, что никогда ни одному местнику не приходило в голову сделать своего противника рабом.

Выданный по суду головой местник с покорным видом, с непокрытой головой шел на двор своего нового господина. Последний, вероятно, в присутствии чад, домочадцев и дворни делал местнику более или менее суровое внушение, давал ему почувствовать в полной мере свою власть и затем милостиво прощал. Смотря по взаимным отношениям столкнувшихся лиц и фамилий, дело могло окончиться либо подобной сценой унижения, либо полным примирением. Оправданный местник приглашал к себе своего «холопа» в дом, сажал за стол, и недавние враги за чаркой вина добросовестно старались устранить моменты личной обиды и сходились на признании принципиальной правильности царского решения их спора.

Выдача «головой» в местнических приговорах XV в. была пережитком той глубокой старины, когда складывались понятия и были в полной силе обычаи, охранявшие честь и место дружинника от неосновательных притязаний его сотоварищей по службе.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что обычаи относительно служебной чести и места дружинни-

ков и, позже, бояр ограничивали произвол князя, не давали места для развития княжеского фаворитизма, но в то же время дисциплинировали дружину, не открывая простора чересчур талантливым и предприимчивым самовыдвиженцам. Те же обычаи и наследственность службы придавали аппарату княжеской власти ту крепость и силу, которые позволили московским великим князьям в XV в. ликвидировать феодальную раздробленность Руси и построить крепко сплоченное мощное государство.

Нет сомнения, что указанные обычаи дружинической службы складывались очень медленно, но за недостатком источников по этому вопросу мы не можем выяснить все этапы этого процесса. Можно только сказать в общих выражениях, что отъезды стали выходить из обыкновения приблизительно со второй половины XIV в. и что с этого же времени наследственность службы становится общим правилом.

Мы не имеем указаний на то, что князь при вступлении на престол приносил своим слугам присягу, но, тем не менее, на него возлагались обязательства – оказывать слуге покровительство и защиту, жаловать по службе и блюсти честь и место слуги. Нарушение этих обязательств могло дать дружиннику повод расторгнуть его договор о службе и сложить с себя крестное целование.

Обычаи относительно расторжения договора о службе представляют чрезвычайно интересный вопрос истории феодальных отношений, но, к сожалению, источники на этот счет очень скудны и позволяют говорить только в общих выражениях и наметить основные положения обычного права.

Следует считать несомненным, что дружинник, недовольный князем и считавший свои права и интересы нарушенными, должен был заявить свою претензию князю. Поэтому нарушение дружинником присяги и такой отъезд от князя, когда дружинник отъезжал, «не бивши челом» о своей обиде, не получив от князя удовлетворения или отказа, считались клятвопреступлением и изменой, за которые князь имел право «опалиться» на дружинника и подвергнуть его любой каре. «В вине» слуг князь был вполне волен и мог «казнить», т. е. налагать то или иное наказание по своему усмотрению – прогнать слугу со своих глаз и удалить со службы, сослать в его деревню или в заточение,

конфисковать все или часть имущества, наконец, казнить смертью.

На немотивированное и одностороннее расторжение договора дружинник решался пойти только в тех случаях, если не видел других путей отстоять свои права и интересы. Нормальным путем защиты своих прав были челобитье князю и просьба о суде и исправе.

Упомянутая выше форма присяги после изложения обязанностей служилого человека содержит гарантии прав его. Неравенство сторон, т. е. великого князя и его слуги, наложило на эту часть присяжной грамоты печать некоторой неопределенности и скромной недоговоренности: «А через ею мою грамоту яз, имярек, а со всеми своими детьми, что им ем думати и починати, или явится что которое лихо наше перед нашим государем перед великим князем, имярек, и перед его детьми, ино не буди на мне, ни на моих детях милости божие... ни в сей век, ни в будущий, а государь мой, князь великий, и его дети над мною и над моими детьми по нашей вине в казни волен. А по грехом по нашим какова придет на нас от кого обмолва государю нашему великому князю, имярек, и государю нашему великому князю без суда и без исправы не учинити нам ничего»*.

Так, приносящий присягу дружинник признает за князем право «казнить», т. е. наказывать, «по вине», самого провинившегося слугу и его детей, но князь должен дать суд и исправу, т. е. возможность оправдываться и привести в свое оправдание все, что считал нужным. Исправа, т. е. возможность оправдываться, была особенно необходима потому, что на практике князь редко мог лично увидеть и констатировать вину своего слуги, а обыкновенно основывался на какой-либо «обмолве», т. е. на сообщениях и донесениях, правильных, ошибочных и явно клеветнических, своих же слуг.

О каком же суде и исправе шла речь? Это необходимо разъяснить, т. к. наши понятия о суде очень расходятся с понятиями по этому вопросу феодального средневековья. Князь в столкновении со своим дружинником, в споре о его вине, за которую он мог «казнить», как ему угодно, был одновременно и обвинительной стороной и судьей. Казалось бы, что

---

* ГИМ, Синодальное собр., кн. 562, л. 123–124.

при таких условиях ни о каком истинном суде не могло быть речи. В действительности дело было не так, как мы представляем себе, исходя из привычных нам понятий о суде.

Прежде всего, следует сказать, что суд князя не был единоличным. Все важные вопросы жизни князь решал по совету со своей старшей дружиной. Можно считать весьма вероятным, что и вопросы о винах дружинников князь решал не единолично, а со своими старейшими дружинниками. Известно, что в XIV в. из всей массы княжеских бояр выделяется небольшая группа особо приближенных к князю лиц, которые называются «введеными боярами», т. е. допущенными в княжескую думу – совет.

Введеное боярство с течением времени стало чином государевой думы, и термин «боярин введеный» вышел из обыкновения. Таким образом, суд князя никогда не был единоличным – на суде князя присутствовало большее или меньшее количество бояр, а кроме бояр всегда присутствовали так называемые судные мужи.

Судные мужи – чрезвычайно характерный и интересный институт не только русского, но западноевропейского феодализма. Напрасно некоторые историки говорили, что судные мужи, выборные от населения, были новостью земских учреждений царя Ивана. В действительности присутствие их на всех судах, не только княжеских, но и на судах княжеских наместников и волостелей, было исконным обычаем древнего суда вообще и естественно вытекало из самой сущности древнего судопроизводства.

Древний суд был в подлинном смысле слова тяжбой, состязанием сторон. Обе стороны назывались первоначально истцами, т. к. каждый искал своего. Роль судьи состояла в том, чтобы наблюдать за состязанием сторон и не допускать не освященных обычаями средств борьбы и взыскивать с виноватого в свою пользу и в княжескую казну установленные пошлины. Судные мужи были представителями общественности, свидетелями тяжбы и в случае надобности давали показания по вопросам обычного права.

На суде князей XV в. в судных мужах были дворяне, про которых источники говорят, что они «живут» у государя в думе, т. е. присутствуют. Во второй половине XVI в. думное дворянство стало чином государевой думы. Из самой сущности древнего суда как тяжбы сторон вытекало

чрезвычайно важное следствие – недопустимость заочного суда и решения.

Таким образом, можно сказать, что княжеский суд был не только публичным, но по существу был судом общественного мнения ближайшего окружения князя, его бояр в собственном смысле слова и дворян, которые «жили» у князя в думе.

В конфликтах князя со своими слугами по вопросам службы и служебной присяги, когда князь был одновременно и судьей и как бы тяжущимся, обычное право требовало не только публичности суда, но и непременного присутствия княжеского слуги.

Князь должен был в присутствии своих дворян объявить прямо, в лицо своему провинившемуся слуге его вину и дать ему суд и исправу, т. е. возможность привести в свое оправдание все, что он имел и находил нужным сказать. Заочный суд без предъявления вины и без возможности оправдываться считался грубым произволом князя. Эти обычаи относительно княжеского суда были как бы конституционной гарантией прав дружинника-слуги нашего средневековья и нашего раннего феодализма.

Присутствие и участие тяжущейся стороны в суде князя относительно его слуги было в сущности выражением основного принципа древнего судопроизводства. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, какими жесткими формальностями обставляли обычное право и судебники те исключительные случаи, когда судья имел право вынести заочное решение, например в иске о холопстве присудить человека «в беглые», т. е. признать человека беглым холопом, которого господин имел право «поймать любым приставом», и вернуть человека в холопство без суда, в порядке исполнения решения судьи. В имущественных исках заочное решение, путем выдачи истцу «безсудной правой грамоты», допускалось только в случае несомненного и доказанного злостного уклонения ответчика от явки к ответу на суд (см. по этому вопросу ст. 41 Судебника 1497 г.).

Когда провинившийся слуга князя был осужден указанным выше порядком, то князь был волен «казнить» его, т. е. наказать по своему усмотрению. Не следует представлять себе так называемые опалы князей как бытовое явление, как вспышки княжеского гнева. Опала была юридическим

актом княжеской власти и состояла в том, что опальный, как нарушитель присяги и крестного целования, лишался защиты и покровительства князя и становился как бы вне закона. Право князя казнить провинившегося слугу по своему усмотрению вытекало из той присяги, которую приносил человек при поступлении на службу. Поэтому наказания, налагаемые князем на опального, могли быть очень различными. Опала начиналась с того, что князь удалял опального со своих глаз, лишал его своих «очей», т. е. лицезрения. Затем могли последовать понижение по службе или удаление со службы, ссылка в деревню без права показываться в Москве, конфискация части или всего имущества (вотчин, движимости и холопов), принудительное пострижение в монашество или, наконец, смертная казнь.

Словом, князь в опале был волен «казнить» виновного, как ему угодно, но подвергать опале он мог только после правого суда и исправы.

Главные этапы образования класса служилых землевладельцев

Первый период образования Московского боярства

Земельная политика московских государей протекала в сложной обстановке образования класса служилых землевладельцев. Этот интересный вопрос в целом выходит далеко за пределы истории частного землевладения, но для правильного понимания земельной политики московских князей необходимо хотя бы вкратце обрисовать главные этапы образования ядра того класса землевладельцев, который в течение нескольких столетий занимал в великорусском государстве господствующее положение. Если мы попытаемся наметить периоды в образовании указанного класса, то сразу заметим, что они довольно близко совпадают с политическими моментами роста и усиления Москвы и объединения великорусской народности под властью московских государей.

Первый период охватывает время от возникновения Московского княжества до получения Иваном Даниловичем Калитой в 1328 г. первой, а в 1332 г. второй половины великого княжения. Территория, находившаяся под властью первых московских князей, была невелика, и так же невелико было количество бояр и слуг, группировавшихся вокруг них.

Первое место среди бояр московских Даниловичей занимал Протасий Федорович Вельяминов. Позднейшие родословные предания считали Вельяминовых потомками великокняжеских бояр и говорили, что они пришли в Москву из Владимира. Это весьма вероятно. Во всяком случае, достоверно известно, во-первых, что Протасий и его ближайшие потомки имели старые и весьма значительные вотчины под

Москвой и в Московском княжении, а во-вторых, что Протасий был московским тысяцким и первым соратником Юрия и Ивана Калиты Даниловичей в их борьбе за великокняжеский стол. Это дает право высказать предположение, что Вельяминовы были из числа старых великокняжеских бояр и, владея вотчинами на первоначальной территории Московского княжества, раньше и решительнее других великокняжеских родов приняли сторону Даниловичей.

О второстепенных и рядовых сотрудниках первых московских князей мы знаем очень мало. Пока известны только два человека, ставшие родоначальниками известных позже родов, – Окатий и Мина. Сын Окатия Василий был боярином вел. кн. Семена, а от его внука, Тимофея Васильевича Волуя, пошла фамилия Валуевых. Мина упоминается в житии Сергия Радонежского как «вельможа» вел. кн. Ивана Калиты, оставивший по себе в Ростове худую память жестокостью и разорением ростовцев. Его сын, Дмитрий Минич, был незаурядным служилым человеком, хотя едва ли верно сообщение некоторых родословцев о том, что у вел. кн. Дмитрия Дмитрий Минич был в боярах.

Само собой разумеется, что кроме Окатия и Мины у первых московских князей были и другие бояре и слуги, но пока мы их не знаем. Однако возможные новые открытия по этому вопросу не изменят наших представлений об ограниченности круга лиц, служивших первым московским князьям. Еще важнее тот несомненный факт, что за исключением рода Бяконтовых-Плещеевых, о которых речь будет ниже, и Вельяминовых, которых я полагаю возможным считать старым великокняжеским родом, все прочие исторически значительные боярские роды, как это известно достоверно, стали служить в Москве только после того, как московские князья получили великокняжеский стол.

Второй период образования Московского боярства

Второй период в истории московского боярства начинается приблизительно в 1328 г., когда Иван Калита получил ярлык на половину великого княжения. В этом периоде за 20–25 лет в Москву стекаются представители крупнейших родов, из которых образуется крепкое ядро правящей верхушки будущего Московского государства.

К числу крупнейших родов этого периода принадлежит род Ратши, судьбы которого мы можем проследить с середины XIII в.

Первым историческим лицом рода Ратши является Гаврила Алексич, витязь вел. кн. Александра Невского, прославившийся своими подвигами в бою со шведами на Неве в 1240 г.* После смерти Александра Невского сыновья Гаврилы Алексича, Иван Морхиня и Акинф Великой, как полагалось княжеским дружинникам, стали служить сыновьям Невского. В начале XIV в. мы находим их на службе у третьего сына Александра Невского, у Андрея Городецкого. Андрей Городецкий получил великое княжение в 1294 г. и умер без потомства в 1304 г.

Смерть тверских князей Александра и Федора, убитых в Орде по приказу хана, освобождала тверских бояр от присяги; дело тверских князей казалось безнадежно проигранным; и к этому именно времени относится сообщение летописей о том, что многие тверские бояре выехали служить в Москву**. В числе выехавших в Москву бояр были и Ратшичи, т. е. сыновья Акинфа Великого и его брата Ивана Морхини, всем родом, с чадами и домочадцами, и со своими дружинами слуг, послужильцев и рабов.

Уже в 1339/40 г. мы видим на службе в Москве двух представителей рода Ратши – по приказу хана вел. кн. Иван Данилович отпустил под Смоленск с ханским послом Товлубием – своих воевод Александра Ивановича Морхинина и Федора Акинфовича, того самого, который в 1304 г. спасся бегством после поражения его отца под Переяславлем. А в 1347/48 г. упоминается в походе на Новгород и другой сын Акинфа – Иван***.

Чтобы не обременять рассказ излишними подробностями, назову только наиболее исторически значительные фамилии рода Ратши. От Григория Александровича Пушки Морхинина пошли фамилии Товарковых, Пушкиных, Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Кологривовых и Рожновых. От Ивана Акинфовича пошли фамилии Федоровых

---

* ПСРЛ, т. X, с. 122.

** А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пг., 1918, с. 157–158.

*** ПСРЛ, т. XVIII, с. 96.

Хромого, Чеботовых, Чулковых, Жулебиных, Слизневых, Мятлевых, Бутурлиных и Челядниных.

Вторым родом великокняжеского боярства общерусского масштаба можно считать род Миши Прушанина. По летописям и родословным преданиям, Миша Прушанин был соратником вел. кн. Александра Невского, отличившимся на Невском побоище, за что был пожалован в бояре. Некоторые родословцы прибавляют, что он был погребен «у Михаила святаго на Прусской улице» в Великом Новгороде. Время и обстоятельства перехода потомков Миши Прушанина на службу в Москву неизвестны. Несомненным представляется, что они появились в Москве во время великого княжения Ивана Калиты, не позже 1341 г. Известно по источникам, что вдова Ивана Семеновича Мороза, Анна, занимала третье место среди великокняжеских боярынь*. Из этого можно видеть, что Морозовы занимали в Москве очень высокое положение. Сын Ивана Мороза, Лев Иванович, и его дядья Юрий и Федор Елизаровичи были убиты в 1380 г. на Куликовом поле.

Старший сын Ивана Мороза, Михаил, был боярином и в 1382 г. исполнял очень ответственное по обстоятельствам времени поручение – ездил в Тверь к митрополиту Киприану, которого вел. кн. Дмитрий не хотел пускать на митрополичий стол**. От Михаила Ивановича Морозова пошел ряд крупнейших боярских фамилий:

Морозовы-Поплевины, Салтыковы, Козловы, Шеины, Давыдовы, Тучковы и Брюховы-Морозовы. От Василия Семеновича Туши, брата Ивана Мороза, пошли Русалкины, Чеглоковы и Шестовы. Менее значительным было потомство Елизара Михайловича. От него пошли фамилии Вешняковых, Бурцевых и другие, менее значительные.

Морозовы-Поплевины, Салтыковы и Шеины настолько хорошо известны в последующей истории Московского государства, что для общей характеристики значительности рода Миши Прушанина я приведу справку только относительно Морозовых-Поплевиных. Делая обзор по поколениям, мы находим, что в боярах и окольничих были: 1) Михаил Иванович (1382 г.), 2) Василий Михайлович Слепой, 3)

---

* ГИМ, Собр. Уварова, кн. 157, л. 157.

** ПСРЛ, т. VIII, с. 47.

Григорий Васильевич Поплева (1476–1492 гг.), 4) Иван, Василий и Яков Григорьевичи, 5) Семен Иванович (окольничий в 1552 г.), Григорий, Владимир и Петр Васильевичи, Михаил Яковлевич, 6) Василий Петрович, 7) Иван Васильевич и Борис Иванович (1634–1662 гг. – боярин), 8) Михаил Иванович.

Третьим родом общерусского масштаба был род костромского боярина Александра Захарьевича Зерна, убитого в Костроме в 1304 г. во время «замятни», которая произошла во всей Суздальской земле в связи с тяжбой Михаила Тверского и Юрия Московского из-за великого княжения. Летописный рассказ о событиях в Костроме неясен. Неясно, на чьей стороне был Александр Зерно и кто его убил. Позднейшая, совершенно фантастическая легенда о родоначальнике Зерновых, мурзе Чете, выехавшем будто бы в Москву в 1330 г. к Ивану Калите, не выдерживает никакой критики. В Москву выехал не мурза Чет, а его внук Дмитрий Александрович, сын Александра Зерна, и очень вероятно, что в 1330 г. Подобные хронологические смещения событий присущи почти всем генеалогическим легендам. Второй сын Дмитрия Александровича Зернова, Константин Шея, был видным боярином Дмитрия Донского и его сына вел. кн. Василия. От третьего сына, от Дмитрия Дмитриевича, пошла фамилия Вельяминовых-Зерновых. От внуков Дмитрия Александровича, от Федора Ивановича Сабура и от Ивана Ивановича Годуна, пошли известные фамилии Сабуровых и Годуновых. Самыми значительными в XV–XVI вв. были Сабуровы.

Четвертым крупнейшим родом второго периода образования московского боярства был род Андрея Ивановича Кобылы. С него начинается родословие Кобылиных в Государевом родословце, и мы последуем его примеру и не будем тратить время на разбор нелепой легенды о Камбиле Дивоновиче и прочем.

На исторической сцене Андрей Иванович Кобыла появляется в 1346/47 г. и притом сразу в чине боярина с весьма ответственным поручением. Летописи сообщают, что вел. кн. Семен послал в Тверь Андрея Кобылу и Алексея Петровича Хвоста сватами невесты великого князя, дочери тверского князя Александра.

Можно думать, что А. И. Кобыла не сразу по выезде в Москву получил боярство и что, следовательно, его выезд относится к более раннему времени. Род Андрея Кобылы настолько известен и истории, что мне достаточно перечислить фамилии, вышедшие из него, и сообщить некоторые существенные для характеристики рода в целом подробности.

От первого сына Андрея Кобылы, от Семена Жеребца, пошли Лодыгины, Коновницыны, Горбуновы, Кокоревы и Образцовы; от второго сына, от Александра Елки, – Колычевы, Хлуденевы, Мунзорины-Хлуденевы, Стербеевы и Неплюевы; от четвертого сына, от Гавши (Гаврилы), пошли Боборыкины; наконец, от пятого сына, от Федора Кошки, – самые значительные фамилии Захарьиных, Яковлей и Захарьиных-Юрьевых и от них Романовых и Шереметевых.

Захарьины-Кошкины, занимая в XV–XVI вв. неизменно очень высокое положение, трижды находились в родстве с великокняжеским домом (в третий раз – когда Иван IV женился на Анастасии Романовне Юрьевой Захарьиной).

Ко второму периоду относится появление в Москве Алексея Петровича Хвоста Босоволкова. Его потомство не принадлежало к верхам московского боярства и с исторической точки зрения не было значительным, но жизненная карьера самого А. П. Хвоста настолько характерна для процесса образования боярского класса, что о ней стоит рассказать подробно.

От Алексея Петровича Хвоста пошли следующие фамилии: Хвостовы, Отяевы, Белкины, Лебедевы, Шафровы и Пыжовы.

С некоторым вероятием ко второму периоду можно отнести выезд еще двух родов: Квашниных и Кутузовых.

Новгородское происхождение Кутузовых не подлежит сомнению. По родословным преданиям, их родоначальник Гаврила служил вел. кн. Александру Невскому. Внук Гаврилы, Прокша Андреевич, был погребен в Спасском на Нередице монастыре под Новгородом (Прокша – новгородская форма имени Прокофий). Возможно, что в Москву выехал его сын Александр. Тогда выезд Александра Прокофьевича следует отнести ко времени Ивана Калиты или немногим позже. Во всяком случае, несомненно, что внук Прокши, Федор Александрович Кутуз, был уже в Москве и был женат на дочери крупного московского боярина Константина

Дмитриевича Шеи Зернова. Этот факт свидетельствует о том, что Федор Кутуз был сразу принят в среду московского боярства как свой человек.

Родословные предания Квашниных, осложненные позднейшими прикрасами, рассказывают о выезде Квашниных довольно сбивчиво. Отбрасывая все недостоверное, можно принять, что их родоначальник Нестер Рябец или его сын Родион выехали в Москву из Киева при вел. кн. Иване Калите или немногим позже. Сын Родиона Нестеровича, Иван Квашня, был одним из крупнейших бояр вел. кн. Дмитрия Донского. На Куликовом поле он сражался во главе Коломенского полка. В числе бояр «веряейших паче всех», по выражению летописца, Иван Родионович Квашня был свидетелем духовного завещания Дмитрия Донского.

От Ивана Родионовича Квашни пошли следующие фамилии (в порядке старшинства): Дудины, Квашнины, Невежины, Самарины, Розладины, Фомины и Тушины.

Московское боярство в XIV в.

Ввиду сравнительной кратковременности княжения первых трех московских великих князей и малого количества фактов рассмотрим состав боярства с вокняжения Ивана Калиты до Дмитрия Донского. Принятие такого периода тем более целесообразно, что при вел. кн. Дмитрии состав боярства значительно обогащается новыми родами.

За тридцатилетний промежуток времени до вел. кн. Дмитрия, т. е. до 1359 г., по родословцам и другим источникам можно установить следующие роды.

1. Протасий Вениамин Федорович был тысяцким у вел. кн. Ивана Калиты. Эту должность унаследовал его сын Василий Вельяминович.

2. В 50-х годах XIV в. выдвигается соперник Василия Вельяминовича – Алексей Петрович Хвост Босоволков. Он занимает место тысяцкого. Между этими двумя родами происходит борьба, которая приводит к тому, что в 1356 г. Алексей Петрович был найден убитым неизвестными людьми на площади Кремля. В связи с этим Василий Васильевич Вельяминов в числе других бояр отъезжал в Рязань, но в 1358 г. по приглашению вел. кн. Ивана Ивановича вернулся в Москву и тогда же, вероятно, получил должность тысяцкого, которую занимал до своей смерти в 1373 г.

3. Потомки Ратши, Ратшичи, служили кн. Андрею Городецкому, а после его смерти поехали служить вел. кн. Тверскому Михаилу Ярославичу. В 1304 г. Акинф Великий во главе тверской рати напал на Переяславль, где затворился Иван Калита, и был убит в бою. Его дети Иван и Федор бежали обратно в Тверь. В 1339 г. тверской князь Александр с сыном Федором были убиты в Орде, и вел. кн. Иван Данилович использовал это событие, чтобы нанести Твери удар и глубокое унижение.

В связи с этим, как сообщают летописи, многие тверские бояре выехали к московскому великому князю. В следующем году мы видим уже двух Ратшичей, Александра Ивановича Морхинина и его двоюродного брата Федора Акинфовича, на службе московского великого князя. В 1347/48 г. упоминается и брат Федора – Иван Акинфович. По-видимому, все они выехали около 1339/40 г. и заняли сразу очень видное положение.

4. В 1346/47 г. появляется на сцене родоначальник одного из самых могущественных родов – Андрей Иванович Кобыла. Вел. кн. Семен Иванович дал ему и А. П. Хвосту почетное и важное поручение привезти ему невесту, дочь тверского князя Александра. Поскольку подобные поручения исполняли позже виднейшие бояре, можно думать, что Андрей Кобыла был уже старым слугой вел. кн. Ивана Калиты.

5. К самому началу московского великого княжения относится выезд из Чернигова боярина Федора Бяконта. По родословцам, выехал к вел. кн. Ивану Калите, был у него боярином и московским наместником. Житие св. Алексея относит выезд к княжению Даниила Александровича и говорит, что на Москве у Федора родился сын Елевферий, впоследствии митрополит Алексей, а воспреемником при крещении был юноша кн. Иван Данилович. У Федора Бяконта было пять сыновей: Елевферий, Феофан, Матвей, бездетный Константин и Александр Плещей. Феофана можно считать несомненным боярином, Матвея – вероятным, а служба младшего сына, Александра Плещея, относится, по-видимому, к княжению Дмитрия Донского.

6. Ко времени утверждения великого княжения за Иваном Калитой относится выезд могущественного рода костромских бояр Зерновых, от которого пошли Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы и за которым без достаточного основания утвердилось название рода мурзы Чета.

Мне кажется, что Зерновы были старым родом костромских бояр и что переход их на службу московских князей связан с утверждением за последними великого княжения, в состав которого входила Кострома. Родоначальником рода следует считать Дмитрия Александровича, сына того костромского боярина Александра Зерна, который был убит на Костроме вечниками в 1304 г.

7. Первым представителем рода Морозовых, который упоминается в летописях, был Михаил Иванович, боярин вел. кн. Дмитрия, но выше было показано, почему его отца, Ивана Семеновича Мороза, и вообще весь род следует считать исконным московским родом, который служил уже вел. кн. Ивану Калите.

8. Ко времени княжения Ивана Калиты следует отнести выезд Родиона Нестеровича, родоначальника Квашниных. К такому выводу мы приходим, если очистим легенду о выезде Родиона и его столкновении с Акинфом Великим от хронологических и других несообразностей. Показание же легенды о выезде в 1332 г. кажется правдоподобным. Поэтому я думаю, что Родиона можно считать весьма вероятным боярином рассматриваемого нами периода, в конце которого, быть может, вышел на сцену его сын Иван, бывший в 1371 г. одним из первых бояр вел. кн. Дмитрия. К этим боярским родам, несомненно служившим московским князьям еще до Дмитрия Донского, следует прибавить роды, которые могут быть присоединены к первым с большой вероятностью.

9. К ним, во-первых, можно причислить потомков легендарного ордынского царя Редеги или Редеди, от которого пошли бояре Добрынские и Белеутовы, а по некоторым родословцам и Сорокоумовы и Глебовы. Легенду о царе Редеге можно, конечно, без сожаления отвергнуть и считать этот род старым великорусским родом, который в лице Константина, жившего приблизительно во второй половине XIV в., имел вотчины в Юрьевском уезде и получил прозвище Добрынского от одного из своих сел (Добрынское и Сима километрах в 20–25 от Юрьева на север). Брат Константина Добрынского Андрей Одинец, по свидетельству родословцев, был боярином, а сын Одинца Александр Белеут известен из источников как боярин вел. кн. Дмитрия. Поэтому с большой вероятностью можно считать, что Константин Добрынский и Одинец занимали видное место среди бояр в середине XIV в.

10. К вероятным родам следует причислить потомков кн. Константина Фоминского. По родословцам и Бархатной книге кн. Константин был сыном вел. кн. смоленского Юрия Святославича. У Константина было три сына – все Федоры. Одного из них мы видим в 1339/40 г. как воеводу вел. кн. Ивана Даниловича, посланного с Товлубием в числе

других под Смоленск. Затем известно, что вел. кн. Семен, разведясь со своей женой кн. Евпраксией, выдал ее замуж за кн. Федора Красного (старшего сына Константина). По поводу этого брака летописи сообщают, что вел. кн. Семен перезвал к себе на службу кн. Федора Святославича (отца Евпраксии) и дал ему Волок. От Константина, брата этого Федора, пошли Фоминские, а от его сыновей – Собакины, Салтыковы-Травины, Вепревы, Карповы, князья Козловские, Ржевские, Толбузины и другие. Из источников достоверно известно, что сыновья Федора Красного были боярами уже при вел. кн. Дмитрии. Сопоставление этих данных приводит к выводу, что Константиновичи Фоминские перешли на службу к московским князьям в 50-х годах XIV в., служили сначала с княжеским титулом, а позже при вел. кн. Дмитрии «княженье сложили» и стали нетитулованными боярами.

Перечисленными десятью родами, конечно, не исчерпывается боярство Ивана Калиты и его сыновей Семена и Ивана. Более чем вероятно, что существовали роды, которые не оставили по себе никаких следов ни в летописях, ни в актах, а также память о которых не сохранилась в родословцах, т. к. они либо совсем вымерли, либо так «охудали», что их потомки не помнили уже своей связи с отдаленными предками и были столь мелкими людьми, что никто их родословием и не интересовался. Представителей подобных родов мы видим подписавшимися как бояре на договоре 1341 г. вел. кн. Семена со своими братьями. Там мы читаем (текст испорчен),что послухами были: «Василий... тысяцьский, Михаиле Олександрович... Васильевич, Василий Окатьевич, Онанья, окольнич[ий], Иван Михайлович»*.

Первое имя следует прочесть «Василий Вельяминович», т. к. его сын Василий, последний тысяцкий, получил этот чин не раньше конца княжения вел. кн. Ивана Ивановича.

Что касается Михаила Александровича, Ивана Михайловича и окольничего Анания, то они не могут быть приурочены ни к одному из родов, записанных в Государевом родословце, в Бархатной книге и встречающихся в частных родословцах. Их следует искать среди бояр удельных князей,

* СГГиД, ч. I, ц 23, с. 37 [ДиДГ, № 2, с. 13].

и вот почему. Из шести лиц, подписавшихся под договором 1341 г., несомненно, были бояре князей Ивана и Андрея, как представители их государей. Такими боярами и были Михаил Александрович и Иван Михайлович, а может быть, и Ананий. Это предположение подтверждается следующими фактами.

В Симеоновской летописи и в рогожском летописце под 6892 (1384) г. есть сообщение о том, что вел. кн. рязанский Олег захватил Лопасну «и наместника изниманша Михаила Александровичя и поведоша его на Рязань и биша его, и многы пакости сътвориша ему, и потом одва выкупили его»*. В летописи не сказано, чьим он был наместником, но зная, что Лопасна в то время входила в состав удела кн. Владимира Андреевича Храброго, едва ли можно сомневаться, что Михаил Александрович был боярином этого князя.

Подтверждение этому мы находим в договоре вел. кн. Дмитрия и его брата кн. Владимира Андреевича с Ольгердом (1371 г.), при заключении которого были и присягали бояре Дмитрий Михайлович (Боброк Волынский), Иван Михайлович, Дмитрий Александрович и Иван Федорович (вероятно, Собака Фоминский; менее вероятен Воронцов). И здесь Дмитрий Александрович и Иван Михайлович выступают как вероятные бояре кн. Владимира Андреевича. Этому предположению не противоречит то, что в повествовании о Донском побоище, вставленном в Никоновскую летопись, Михаил Александрович упоминается как «московский боярин», который производил подсчет побитых воинов**: кн. Владимир Андреевич со своими боярами принимал большое участие в бою, а Михаил Александрович мог быть назван московским боярином в противопоставление многочисленным союзным князьям и их слугам, принимавшим участие в побоище***.

Если принять это предположение, т. е. считать, что Михаил Александрович, Иван Михайлович и, может быть, окольничий Ананий были боярами кн. Ивана, кн. Андрея и его сына Владимира, то исчезновение их для родословцев

---

* ПСРЛ, т. XVIII, с. 98–99.

** Там же, т. XI, с. 65; т. XV, изд 2, вып. I, стлб. 63.

*** Михаил Александрович упоминается в синодике Успенского собора (ДРВ, ч. VI, с. 450).

становится легко объяснимым. Как было показано в монографиях родов, например, Монастыревых, Сатиных и других, которые переходили на службу к удельным князьям или сначала были слугами удельных князей, только постоянная служба при дворе великих князей давала роду прочное положение. Переход на службу к удельным князьям, как правило, был безвозвратной деградацией рода. Этим объясняется то, что в источниках XIV в. упоминается много бояр и слуг кн. Владимира Андреевича, и в большинстве случаев мы не можем найти для них места ни в одном роде из числа тех, которые попали в родословцы и Бархатную книгу.

Таковы, кроме указанных выше, воеводы кн. Владимира Андреевича – на Куликовом поле Данила Белоус, Константин Конанович (в списке синодика Успенского собора из собрания Щукина – в числе убитых), Андрей Шуба (в числе убитых, по летописям) – Акинф Федорович Шуба, убитый в 6876 [1368] г. Ольгердом. Также невозможно выяснить при помощи родословцев бояр того же князя, подписавшихся у его духовной: Константина Ивановича* (Шонуров Козельский?), Михаила Ивановича, Алексея Григорьевича, Андрея Борисовича и Григория Михайловича.

При вел. кн. Дмитрии и его сыне Василии состав боярства осложняется новыми родами, но без преувеличения можно сказать, что в своей основе его следует считать сложившимся до вел. кн. Дмитрия. Такое утверждение может показаться чрезмерно смелым и неосновательным, но ниже оно будет развито и обосновано, а пока укажу на тот разительный факт, что две трети нетитулованных думцев Шереметевского списка за время от вел. кн. Ивана III до начала Смуты вышли из перечисленных выше старых родов, служба которых на Москве за время до вел. кн. Дмитрия Донского несомненна.

Роды, выехавшие или выдвинувшиеся при вел. кн. Дмитрии Донском.

1. Полевы и Еропкины выводили свое происхождение от смоленского кн. Федора Юрьевича, который приехал с отцом к вел. кн. Василию в 6912 [1403/04] г. В 1390 г. Александр

---

* Константин Иванович – боярин кн. Владимира Андреевича в Москве в осаде 1408 г.

Борисович Поле был уже боярином вел. кн. Василия Дмитриевича. Остается предположить, что Полевы происходили от какого-то другого смоленского князя и их родоначальник А. Поле выехал на Москву во второй половине княжения вел. кн. Дмитрия.

2. Ко времени вел. кн. Дмитрия относится, несомненно, выезд Всеволожей, сыновей Александра-Всеволода Глебовича Смоленского. По родословцам, у кн. Александра было четыре сына, из которых Иван Большой остался в Смоленске, а его братья Дмитрий, Владимир и Иван Меньшой, от которого пошла ветвь Заболотских, выехали на Москву. Дмитрий и Владимир на Куликовом поле занимали очень видное место, они командовали передовым полком. Высзд их предположительно можно отодвинуть лет на двадцать перед этим – в 60-е годы XIV в., когда политика Ольгерда относительно смоленских княжат заставляла многих из них бежать.

3. Дмитрий Минич, родоначальник Софроновских и Просстевых, появляется на сцене в 1368 г. как воевода вел. кн. Дмитрия, посланный против Ольгерда и убитый в бою. Поскольку ни один родословец не говорит ничего о его выезде, род Минин можно считать старым московским родом и вести его от того «вельможи» Мины, который с Василием Кочевым был послан вел. кн. Иваном Калитой в Ростов, когда Ростов достался Ивану Калите вместе с великим княжением.

4. Род Беклемишевых, Княжниных, Орловых по частным родословцам и росписи, поданной в Разряд, выводит свое происхождение из «Немец» и относит свой выезд ко времени вел. кн. Василия Дмитриевича. Выше было показано, что последнее утверждение ошибочно и что Беклемишевы служили уже вел. кн. Дмитрию. Поэтому и показание относительно выезда из «Немец» можно взять под сомнение.

5. Род Старковых родословцы выводят от царевича Большой орды Серкиза (Черкиза), который выехал к вел. кн. Дмитрию и в крещении получил имя Ивана. Это показание можно считать вероятным, т. к. сын Ивана – Андрей Иванович Серкизов, воевода Переяславского полка – был убит на Куликовом поле.

6. Ко времени княжения Дмитрия Донского с большой вероятностью можно приурочить выезд Кутузовых. Из ро-

дословной легенды о выезде можно сделать только тот вывод, что это род новгородский.

7. В 1378 г. появляется на сцене родоначальник Монастыревых – Дмитрий Александрович, воевода вел. кн. Дмитрия, убитый в бою с татарами на р. Воже. Происхождение Монастыревых от смоленских княжат более чем сомнительно. Несомненным же является то, что Монастыревы в течение нескольких столетий были вотчинниками на Белоозере, что дает основание считать их коренным белозерским родом, вышедшим на службу московских великих князей, быть может, до вел. кн. Дмитрия и в XV в. служившим верейско-белозерским князьям, кн. Андрею и его сыну Михаилу.

8. Относительно Волынских достоверно известно, что родоначальник их выехал к вел. кн. Дмитрию. О том, что он был принят с большой «честью», говорит то, что вел. кн. Дмитрий выдал за него свою сестру, кн. Анну. Время его выезда относится к первой половине княжения Дмитрия, т. к. уже в 1371 г. мы видим его воеводой в походе на Рязань. В источниках Д. М. Боброк называется Волынским и иногда называется, быть может, не без основания, князем (например, в Бархатной книге). Г. А. Власьев в исследовании о роде Волынских* высказывает предположение, что Дмитрий Михайлович происходил из Червонной Руси, из местечка «Бобрка» на речке того же имени, километрах в тридцати от Львова, и был владетелем этого местечка. Эта местность лежала на границе Польского государства и как раз в середине XIV в. не раз подвергалась опустошительным набегам польского короля и неоднократно переходила из рук в руки, от Литвы к полякам и обратно. Это предположение кажется весьма вероятным. Во всяком случае, можно считать несомненным, что род Д. М. Волынского – юго-западного происхождения.

Ко времени княжения вел. кн. Дмитрия относится, по родословцам и другим данным, возникновение еще нескольких родов, собственно не боярских, известных в истории и попавших в родословцы либо по своему выдающемуся родоначальнику, либо по нескольким думцам, вышедшим из этих родов. К этим родам принадлежат:

9. Новосильцевы, исконный русский род, позже (в XVII в.) разукрасивший свое происхождение выездом из Свейских немцев.

---

* Г. А. Власьев. Род дворян Волынских. – ИРГО, вып. IV, с. 127–201.

10. Меликовы (Старые и Милюковы), ведущие свое происхождение от воеводы вел. кн. Дмитрия Семена Мелика, выехавшего будто бы из «Немец» и убитого на Дону.

11. Мячковы, считавшие себя потомками Олабуги, сродника «тевриженского» царя, выехавшего к вел. кн. Дмитрию.

12. Поливановы, выводившие крайне сбивчиво и фантастично свое происхождение от ордынского татарина Кочевы.

13. Быть может, к концу княжения Дмитрия следует отнести выезды потомков муромских князей, Василия и Ивана, родоначальников Овцыных, Лыковых и других фамилий.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ БОЯР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ

Первое место, без сомнения, занимали Вельяминовичи. Старший представитель рода, Василий Васильевич, был тысяцким до своей смерти в 1373 г., его брат Федор Воронец – боярином, а Тимофей – окольничим. Через сына Василия, тысяцкого Микулу, Вельяминовичи были в свойстве с великим князем, т. к. Микула и вел. кн. Дмитрий были женаты на родных сестрах, дочерях кн. Дмитрия Константиновича Суздальского. К концу княжения Дмитрия Донского Вельяминовичей постигает ряд ударов – несчастий. После смерти Василия вел. кн. Дмитрий не назначает никого на должность тысяцкого, потому ли, что решил уничтожить эту должность, или потому, что не желал дать ее сыну Василия или представителю другого рода. По-видимому, на этой почве старший сын Василия, Иван, чувствуя себя обиженным, отъехал в Тверь и добыл в Орде тверскому князю ярлык на великое княжение. В 1379 г. он был пойман и казнен на Кучкове поле за свою измену, а все его потомство навсегда лишилось того положения при дворе, на которое оно могло рассчитывать по своему происхождению. В следующем году Вельяминовых постигает еще новый удар: Микула погибает на Куликовом поле, не оставляя потомства. В конце XIV в. погибает, не оставив мужского потомства, третий сын тысяцкого Василия, Полиевкт. Есть указание, что он «убился с церкви». Так, к концу княжения Дмитрия остаются в живых Тимофей, дочь Полиевкта, вышедшая в 1406 г. замуж за кн. Петра Дмитриевича Дмитровского, единственный сын Федора Воронца Иван и Юрий Грунка, младший брат Василия тысяцкого.

За долголетнее княжение Дмитрия Донского на исторической сцене появилось много лиц. Но выяснить, какие именно

роды выдвинулись, представляется довольно трудным. Главным источником в этом вопросе, несомненно, являются подписи на духовных грамотах. Можно с уверенностью сказать, что великий князь приглашал быть послухами у своих духовных не всех бояр, и с большим основанием утверждать, что приглашенные были действительно самые близкие и влиятельные бояре – «вернейшие паче всех», как выражается один летописец. Такой список вернейших бояр, призванных вел. кн. Дмитрием перед смертью (летопись не говорит о подписях на духовной), дает так называемый список Дубровского Новгородской IV летописи*. Когда сравниваешь этот список лиц с лицами, подписавшимися на второй духовной, то возникает интересный вопрос: заимствовал ли летописец свой список из духовной (что было вполне возможно) или у него были какие-то другие источники. К сожалению, список, несомненно, испорчен переписчиками, что значительно его обесценивает. Рассмотрим подписи на духовных и список летописца.

Первая духовная (1371г.)	Вторая духовная (около 1389 г.)	Список Дубровского Новгородской IV лет
	5. Дмитрий Михайлович	15. Дмитрий Михайлович
1. Тимофей Васильевич, окольничий	6. Тимофей Васильевич	16. Тимофей Васильевич
2. Иван Родионович	7. Иван Родионович	17. Иван Родионович
	8. Семен Васильевич	
		18. Дмитрий Константинович
		19. Семен Иванович
3. Иван Федорович	9. Иван Федорович	20. Иван Федорович
	10. Александр Андреевич	
4. Федор Андреевич	11. Федор Андреевич	21. Никита Федорович
	12. Федор Андреевич	22. Федор Андреевич
	13. Иван Федорович	
	14. Иван Андреевич	23. Иван Федорович Квашнин

---

* ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 488.

Замечу, что выяснению лиц, подписавшихся на второй духовной, помогает список этих лиц с фамилиями, который мы находим в некоторых частных списках разрядов.

Так, в разрядной книге из собрания В. О. Ключевского (ныне принадлежащей автору) читаем такую запись:

«Того же году, волею божиею, князя Дмитрия Ивановича Донскова не стало, а у духовной сидели приказщики: отец ево духовной преподобный игумен Сергий, да игумен Севастьян, да бояре сидели Дмитрий Васильевич (ошибка – следует «Михайлович».– *С. В.)* Волынской, Тимофей Васильевич Воронцов, Иван Родионович Квашня, Семен Васильевич да Иван Федорович Воронцовы, Олександро Ондреевич Азатый, Федор Ондреевич Свибло, Федор Ондреевич Кошка, Иван Федорович Собака, Иван Ондреевич Хромой».

Дословно такой же список, с той же ошибкой в отчестве Д. Волынского, мы находим в разрядной книге Федора Васильевича Бутурлина (окольничий с 7158 [1649/50] г., умер в 7181 [1672/73] г.), списанной с книги Мелентия Клементьевича Квашнина*.

Как можно видеть, составители этой разрядной имели доступ к такому важному документу, как [вторая] духовная великого князя, и по ней составили свой список, присоединив к нему фамилии и прозвища.

1, 6 и 16-й – несомненно, Т. В. Вельяминов, брат Федора Воронца, окольничий в 1371 г. и боярин в конце княжения Дмитрия Донского.

2-й, 7-й и 17-й – И. Р. Квашня, родоначальник Квашниных, умерший в 1390 г., вероятно в глубокой старости.

3-й – И. Ф. Собака Фоминский или И. Ф. Воронцов. 9 и 20-й – И. Ф. Воронцов, племянник Тимофея Васильевича.

4-й – из двух бояр Дмитрия Донского с этим именем более вероятным представляется Ф. А. Свибло, правнук Акинфа Великого, т. к. Ф. А. Кошка был, по-видимому, моложе Свибла.

5-й и 15-й – несомненно, Д. М. Волынский, как показано в разрядных книгах.

8-й – единственным возможным лицом является Семен Васильевич, брат Тимофея Волуя Окатьевича, убитого на

---

* ГИМ, Собр. Уварова, ц 593, л. 2.

Куликовом поле. В разрядах он ошибочно объединен с И. Ф. Воронцовым. В роде Воронцовых-Вельяминовых такого лица не было.

10-й – А. А. Остей, брат Федора Свибла, как показано в разрядах, наиболее вероятен, т. е. на боярство его тезки и современника А. А. Елки Кобылина прямых указаний нет.

11-й и 22-й – Ф. А. Свибло, упомянутый выше под № 4.

12-й – Ф. А. Кошка, сын Андрея Кобылы, как показано в разрядах. В летописном списке не упомянут, быть может, вследствие недосмотра переписчиков.

13-й – единственное возможное лицо как указано в разрядах, – Собака, сын Федора Константиновича Фоминского.

14-й – И. А. Хромой, брат Ф. Свибла и А. Остея, как показано в разрядах.

Таким образом, мы видим, что сделанное в частных разрядах определение фамилий лиц, подписавшихся на второй духовной, следует признать вполне правильным. Ошибка допущена только относительно Семена Васильевича Валуева Окатьевича, но это понятно, т. к. этот род, как было выше сказано, сошел со сцены в начале XV в., а указанная редакция разрядов была сделана много позже, когда память об этом угасшем роде исчезла.

В летописном списке вернейших бояр мы видим новые лица.

18-й – Дмитрий Константинович среди боярских родов был один: это – Д. К. Заяц Добрынский, младшие братья которого при вел. кн. Василии Дмитриевиче и вел. кн. Василии Васильевиче были боярами. Но это сомнительно, как потому, что на боярство Д. Зайца пока не найдено нигде указаний, так и потому, что для его боярства, если оно было, это как будто рано. Если высказывать предположения, то вероятнее, что в данном случае произошла ошибочная перестановка имени и отчества, и, очевидно, можно видеть в этом боярине Константина Дмитриевича Шею Зернова.

19-й – Семен Иванович, это, несомненно, ошибка и следует – Семен Васильевич (№ 8), т. к. Семена Ивановича за это время нет ни в одном роде.

Наконец, 21-й – Никита Федорович. С таким именем есть одно лицо – Н. Ф. Туриков-Всеволож, но он жил много позже (при вел. кн. Василии Темном), и на боярство его тоже нет указаний в источниках.

Таким образом, сопоставление подписей на двух духовных с летописным списком вернейших бояр показывает, что последний заимствовал имена духовной, но через вторые руки, пропустил по недосмотру одного Федора Андреевича и перепутал другие имена, не дав ни одного нового и в то же время достоверного лица.

Внимательное исследование подписей на духовных вел. кн. Дмитрия вскрывает состав ближайших бояр этого князя, а также интересный факт выдвижения Акинфовичей.

Не говоря о Вельяминовичах, по-прежнему высоко стоит старый боярин И. Квашня, единственный сын Родиона Нестеровича. Выдвигается старший правнук Акинфа Великого – Федор Свибло, дядя которого Михаил Иванович, живший в это время и убитый на Куликовом поле, кажется, не дослужился до боярства. Вслед за Свиблом попадают в бояре его братья: Иван Хромой и Александр Остей. Если напомнить, что несколько позже выдвигаются другие братья Свибла – Иван Бутурля, Андрей Слизень и Михаил Челядня, то мы должны признать несомненное выдвижение Акинфовичей.

Другие старые роды стоят на втором плане. В самом деле, из рода Морозовых за это время известен как боярин только старший сын Ивана Мороза, Михаил, но его подписи мы не видим.

Затем, из рода Андрея Кобылы в конце княжения Дмитрия Донского выдвигается только Федор Кошка. Его выдвижение несколько загадочно. Дело в том, что в XIV–XVI вв. в зависимости от счетов старшинства лиц в роде мы видим, что в думу попадают обыкновенно старшие сыновья. Часто, например, можно наблюдать такую картину: старший попадает прямо в бояре, следующий сын или сыновья – сначала в окольничие, а потом уже в бояре, а младшие либо совсем не попадают в думу, либо не дослуживаются до боярства. Федор Кошка, пятый и последний сын Андрея Кобылы, становится видным боярином, тогда как о службе его старших братьев ничего неизвестно. Остается предположить одно из двух: или то, что четыре старших брата не попали в думу благодаря исключительно неблагоприятному стечению обстоятельств, например ранней смерти, или то, что Кошка обладал исключительными спо-

собностями и пользовался исключительной милостью великого князя» давшего ему боярство вопреки обычаям.

Из старых родов выбывают из думы Хвостовы. Выше было показано, что возвышение Алексея Хвоста на должность тысяцкого, столкновение его на этой почве с Вельяминовичами и насильственная смерть от рук неизвестных убийц вывели его род из числа боярских родов великого князя.

Несколько непонятно отсутствие Бяконтовых, тогда как во время написания первой духовной были живы братья митрополита Алексея – Феофан Федорович (вероятно) и Александр Плещей (наверное). Наконец, в конце княжения Дмитрия, несомненно, был боярином, и очень значительным, Данила Феофанович. Когда он умер в 1392 г., то летописи отметили его смерть и заслуги: «Бе истинный боарин великого князя и правый доброхот, служаше бо государю безо льсти в Орде и на Руси паче всех, и голову свою складаше по чюжим странам, по незнаемым и по неведомым местом, многы труды понес и истомы претерпе; егда же бежа из Орды князь Василий, и тако угоди своему господеви; и тако тогда великий князь, любве ради иже к нему, на погребении его сжалився по нем, прослезися и плака на мног час»*.

Следует отметить еще, что в числе свидетелей духовных нет представителей старого рода Зерновых. Из рода князей Фоминских выдвигается второй сын Федора Красного – Иван Собака.

Наконец, отмечу, что как Василий Окатьевич был свидетелем договора вел. кн. Семена с братьями, так его сын Семен является свидетелем второй духовной Дмитрия. (Его брат Тимофей Волуй был убит до написания второй духовной, на Куликовом поле.)

Замечательно, что из новых родов мы видим только одного представителя – Д. М. Волынского, шурина вел. кн. Дмитрия.

Другим источником для выяснения выдающихся бояр вел. кн. Дмитрия являются списки участников Куликовского боя, а также убитых на этом бою, находящиеся в летописях, и список убитых в синодике Успенского собора. К сожалению, и в летописях и в синодике много ошибок, внесенных переписчиками. Дополнением к этим источникам служат данные родословцев.

---

* ПСРЛ, т. VIII, стр. 62–63; ср. т. VI, с. 123.

Наиболее полное и исправное перечисление лиц дает Никоновская летопись. Несколько имен прибавляет Новгородская IV по списку Дубровского. Сопоставляя эти источники, можно установить следующий список главных участников по родам.

Из рода Вельяминовых воеводами были Тимофей Васильевич и Микула Васильевич. Последний убит. Новгородская IV летопись прибавляет к ним, как второго воеводу в правой руке, Федора Грунку.

Из рода Ратши был убит воевода Михаил Иванович, а его племянник Федор Свибло оставлен на Москве для охраны города и семьи великого князя.

Новгородская IV летопись прибавляет еще храброго костромича в полк Ивана Родионовича Квашни* – Григория Холопищева, правнука Ивана Гавриловича Морхини, брата Акинфа Гавриловича Великого.

Из рода Морозовых был убит воевода Лев Иванович Морозов. По родословцам, убиты также Юрий и Федор (Елизаровичи, двоюродные дядья Льва (Федор – родоначальник Вешняковых).

Из рода Зерновых упоминается как костромич в полку И. Р. Квашни** один Федор Сабур, родоначальник Сабуровых.

Наконец, из старых родов следует упомянуть убитого Тимофея Васильевича Волуя Окатьевича.

Затем следуют представители новых родов: знаменитый воевода Д. М. Волынский, один из главных организаторов победы, убитые воеводы Андрей Иванович Серкизов и Семен Мелик, воеводы два брата Всеволожи – Дмитрий и Владимир Александровичи и убитый в бою любимец вел. кн. Дмитрия Михаил Андреевич Бренко. Некоторые летописи называют его боярином, но, очевидно, это слово здесь не означает боярского чина. Судя по всему, Бренко был худородным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства. В XVII в. Челищевы, выводившие свой род ни мало, ни много, как от Вильгельма Люнебергского, включили Михаила Бренка в свое генеалогическое древо. Их родословие, достоверное для XVI–XVII вв.,

---

* Интерполяция Квашниных.

** То же.

для более раннего времени не может быть подтверждено источниками и весьма фантастично. В общем, ни о предках, ни о потомках Бренка мы ничего не знаем.

Имена убитых в большинстве летописей передаются в испорченном переписчиками виде. Относительно некоторых имен мы наблюдаем отмеченное мною в родословных преданиях явление: хронологическое смещение фактов и аберрацию памяти. Так, в числе убитых показаны Дмитрий Минич, который был убит в 1368 г. в бою с Ольгердом, и Дмитрий Александрович Монастырев, убитый в 1378 г. в бою на Воже.

Представляют интерес другие лица, поименованные в летописях: Семен Михайлович, Иван Александрович и Андрей Шуба. В последнем можно видеть с некоторой вероятностью родственника боярина кн. Владимира Андреевича, Акинфа Федоровича Шубы, который был убит Ольгердом в 1368 г. Первые два лица вызывают сомнения. Семена Михайловича нет ни в одном роду за это время, а Иван Александрович только один. Это – младший брат Дмитрия и Владимира Всеволожей, которые упоминаются в летописях и в родословцах, тогда как про их младшего брата не сказано ничего ни в летописях, ни в родословцах. Нет Александра Ивановича и в синодиках. Все это дает основание думать, что в летописях это имя испорчено.

К сожалению, в синодике приходится констатировать порчу имен и, быть может, пропуски, допущенные переписчиками. Так, из числа многих князей, убитых на Куликовом поле, записаны только кн. Федор Белозерский и его сын Иван. После них записан Константин Иванович, но, очевидно, это – ошибка. В Щукинском списке синодика вместо него – Константин Константинович, как раз тот воевода кн. Владимира Андреевича, который указан в летописях в разряде полков, но не упомянут в числе убитых. Далее записан Семен Михайлович. Если это не белозерский князь, который упоминается в летописях в числе убитых, то и это имя следует считать испорченным. Наконец, в синодике после Михаила Ивановича (Акинфовича, как было сказано выше) записано: «другому Михаилу Ивановичу». Мне кажется, что это один из бояр кн. Владимира Андреевича.

* * *

Это небольшое количество родов, едва достигающее двух десятков, образует очень сплоченный круг лиц, связанных с князьями и между собой узами родства и свойства. Даже отрывочные сведения, дошедшие до нас, дают очень выразительную картину. Микула Васильевич Вельяминов и вел. кн. Дмитрий были свояками, т. к. были женаты на родных сестрах, дочерях суздальского князя Дмитрия Константиновича. Дочь Микулы выходит замуж за Ивана Дмитриевича Всеволожа. Кн. Петр Дмитриевич Дмитровский, сын Дмитрия Донского, женится на дочери Полиевкта Васильевича Вельяминова. Федор Андреевич Кошка выдает свою дочь за кн. Федора Михайловича Микулинского. Иван Федорович Собака Фоминский был сыном несчастной кн. Евпраксии Смолянки, разведенной жены вел. кн. Семена Гордого. Брат Свибла Иван Андреевич Хромой, Александр Андреевич Белеут, Семен Мелик и Иван Толбуга, двоюродный брат боярина Ивана Собаки, – все были женаты на родных сестрах, дочерях боярина Д. А. Монастырева. У третьего сына Ивана Мороза, Дмитрия, одна дочь – замужем за Иваном Семеновичем Меликовым, а другая – за Юрием Степановичем Бяконтовым, митрополичьим боярином, племянником известного боярина Данилы Феофановича. Дочери боярина Константина Дмитриевича Шеи Зернова были замужем: одна – за Федором Кутузом, другая – за кн. Александром Федоровичем Ростовским.

Представители этих родов при дворе вел. кн. Дмитрия все были наперечет, все на виду. В такой среде сложился, как средство самозащиты от инородцев и пришельцев, как принцип внутренней дисциплины и порядка обычай местнических родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его слуг. Если соотношение родов между собой и положение того или иного лица в роде связывали в известной мере князя и давали право каждому лицу претендовать на соответствующее его происхождению место, то, с другой стороны, они обязывали каждого родича отстаивать свое положение и честь рода, т. к. даже если бы он не желал этого по тем или иным причинам, его заставили бы это делать остальные родичи.

Позже, с наплывом новых родов, в зависимости от роста государства, с разветвлением размножившихся родичей старых родов, с усложнением всех отношений вообще этот строй начинает расшатываться. Непоправимо тяжелые удары наносит ему самодержавная политика вел. кн. Ивана III и в особенности царя Ивана. В XVII в. местнические счеты – уже уродливый анахронизм, благодарная, но едва ли разумная пища для презрительных насмешек Котошихиных и историков, которые описывают местничество «по Котошихину».

В связи с местническим родовым счетом стоит право выкупа родовых вотчин как средство сохранения за родом основы его могущества – земли.

Это родовое строение служилого класса, особенно отчетливое и последовательное в его верхах, в боярстве, составляет очень существенную черту XIV в., и этим явлением объясняется то, что в течение двух следующих столетий старые роды, несмотря ни на что, занимают в правящем классе первое место.

Вопрос об отъездах бояр и вольных слуг, по праву и на практике, будет рассмотрен особо. Здесь я сделаю только те замечания, которые касаются изучения состава боярских родов.

По родословцам, взятым в связи с другими источниками, мы можем проследить службу около тридцати родов за промежуток времени более двух столетий. Материал значительный для выводов, тем более что он касается самой верхушки служилого класса.

На основании этого источника мы можем сделать несколько выводов.

Мы видим, что уже к середине XIV в. образовалось основное ядро московского боярства. К концу этого века его можно считать вполне сложившимся. Позже оно обрастает новыми наслоениями, но все пришедшие позже роды, за небольшими исключениями, уже не могут занять видного и прочного положения. Случаи отъездов и выездов, конечно, бывали, и некоторые из них отмечены в родословцах, но подавляющая часть бояр и слуг служит наследственно, из поколения в поколение. Такое же обособление боярского класса произошло в XIV в. и в других больших княжениях – в Тверском, Рязанском, Нижегородском и т. д. Московские бояре не отъезжают, потому что не желают утратить выгод-

ного положения на службе у растущего Московского великого княжения, а боярам и слугам других княжений нет расчета пользоваться своим правом отъезда по той простой причине, что им нет почти никакой возможности занять в сплоченной среде московского боярства видное место. Попытки в этом направлении не могли быть удачными. В родословцах на этот счет есть очень интересные случаи. Например, родословие Сидоровых-Ковылиных рассказывает, что их родоначальник Семен выехал из Литвы к вел. кн. Василию Дмитриевичу, но, очевидно, не устроился и отъехал в Рязань. Сын Семена, Семен же, выехал опять на Москву и будто бы был боярином вел. кн. Василия Темного. Но и ему не пожилось на Москве, и его сын Яков опять отъехал в Рязань. Сыновья Якова были в Рязани боярами, но с присоединением Рязанского княжества к Москве потомки этих бояр заняли скромное место в третьих-четвертых рядах московского служилого класса.

Тверское боярство было, по-видимому, много сильнее рязанского, но и оно не смогло сохранить своего положения. Случаи выезда тверских бояр в Москву были крайне редки, так же как и отъезды москвичей в Тверь. Некоторым тверским родам удалось сохранить свое социальное положение только тем, что они перешли на службу в Москву незадолго до присоединения к ней Твери. Из этих родов, покинувших своего государя, когда дни его были сочтены и падение можно было предвидеть, только некоторые отрасли самого могущественного рода Бороздиных заняли в Москве видное и прочное положение.

История московских родов вскрывает еще интересные факты. Когда кто-либо из старых родов отъезжал в Литву или Тверь, то он сам и его потомство теряли навсегда свое положение при дворе. Интересный случай мы можем наблюдать в роде Белеутовых. Феодосий Белеутов, отец, дед и два младших брата которого были боярами, в начале XV в. отъехал в Литву. Его сыновья Алехно и Михаил выехали обратно в Москву, но и они и их потомки вышли навсегда из боярской среды. Совершенно исключительный случай мы можем наблюдать в одной отрасли рода князей Фоминских. Внук Федора Слепого, Федор Андреевич Коробьин, отъехал в начале XV в. в Тверь. Незадолго до падения Твери тверские бояре стали отъезжать в Москву, и в

1476 г. выехали, в числе других, внуки Федора Коробьина – Василий Бокеев и сыновья Карпа. Сами выехавшие не были пущены в думу, но внукам Карпа удалось получить место во вторых рядах московского боярства.

Следующее наблюдение подтверждается еще большим количеством материалов и для характеристики боярских отъездов еще более знаменательно. Не только отъезд в чужие княжения был связан с потерей навсегда своего положения при московском дворе, но даже переход рода или той или иной отрасли рода на службу от великого князя московского и его младшим «братьям», удельным князьям, был в огромном большинстве случаев непоправимой деградацией.

Так, Монастыревы, Хвостовы, Полевы, не говоря об отдельных отраслях других родов, перейдя на службу к удельным князьям, не могли по мере уничтожения уделов восстановить своего боярского положения. Этому соответствует и говорит о том же другое явление: исконные боярские роды, служившие удельным князьям, как, например, Новосильцевы, Сатины и другие, не могли при переходе на службу к великим князьям получить место в боярской среде.

Все эти наблюдения приводят к выводу, что боярство как класс уже в XIV в. прочно осело на землю, связалось по родам со своими князьями, и если отдельные представители по нужде или из-за обиды, которой не сумели стерпеть, пользовались правом отъезда, то в огромном большинстве случаев они не улучшали своего положения, а, что называется, переобувались из сапог в лапти. На такое дело среди нормальных людей обыкновенно бывает мало охотников.

Очень многие роды Государева и частных родословцев, а также позже роды, подавшие росписи в Разряд в конце XVII в., приурочивают свой выезд ко времени княжения Дмитрия Донского. Несомненно, что некоторую роль в этих подчас не отвечающих действительности показаниях о выезде играл тот ореол славы, которым было окружено имя Дмитрия Донского, но также несомненно, что это в какой-то мере является отражением действительности. При критической проверке этих показаний все-таки остается несомненным факт, что на время княжения Дмитрия и его сына Василия приходится наибольшее количество достоверных выездов выдающихся родов. И этот факт вполне гармони-

рует с сильным ростом и укреплением Московского великого княжения при этих двух князьях.

Но, кроме того, в политике вел. кн. Дмитрия и его бояр и, быть может, в самой личности Дмитрия было что-то такое, что привлекало служилых людей и способствовало росту и усилению служилого класса. Заслуживает, как мне кажется, внимания то, что за время княжения Дмитрия неизвестно ни одного случая опалы и конфискации имущества, ни одного отъезда, за исключением отъезда И. В. Вельяминова, т. е. явлений, которые мы можем иногда наблюдать в XV в. и очень часто в XVI в., особенно при Иване IV. В Москву стекаются выходцы, занимают иногда очень хорошее положение и все находят себе соответствующее место. Очевидно, что сам великий князь и верхушка его боярства умеют принимать пришельцев «с честью» и ставить каждого на свое место. Создается впечатление, что пришельцы встречали на Москве устойчивую и четкую политику отношения великого князя к выходцам, которая их привлекала и отвечала их интересам.

В самом деле, как время Екатерины Великой считают «золотым веком» дворянства, так время Дмитрия Донского можно назвать «золотым веком» боярства. Количество родов невелико; роды еще не успели размножиться и разбиться на ряд самостоятельных ветвей. Счеты между родами и отношения к великому князю ясны. Родовые вотчины еще не раздробились между многочисленными наследниками. Во главе каждого рода стоит признанный старший, который служит великому князю и выходит в походы не один с небольшим количеством послужильцев и рабов, как позже, а со своим двором, в состав которого могли входить и младшие родичи, и вольные слуги, и множество рабов. Частые, но редко удачные походы и обогащали бояр добычей в виде разных материальных благ, рабов и скота, и вознаграждались земельными пожалованиями и «великим» кормлением, которые получал боярин со своим двором.

Необходимо обратить внимание на то, что ни под одной духовной других великих князей нет такого числа подписей бояр. Например, у Василия Темного два свидетеля, а у Ивана III – четыре свидетеля, хотя число бояр значительно увеличилось.

В некоторых списках летописей помещена Повесть о жизни и последних часах вел. кн. Дмитрия. Можно легко согла-

согласиться с тем, что Дмитрий не произносил таких речей, которые вложил ему в уста автор Повести, и видеть в них только риторический прием; можно согласиться, что в Повести много традиционных прикрас и гипербол, но нельзя не признать большой осведомленности автора и верности характеристики взаимных отношений князя и бояр, которая дана в Повести. Осведомленность автора видна хотя бы из того, что он подробно и довольно толково излагает духовное завещание Дмитрия, в чем мы можем убедиться, сравнив рассказ с дошедшим до нас подлинником.

Своим сыновьям вел. кн. Дмитрий завещал: «И боляры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служению их, без совета их ничьто же не творите». Боярам Дмитрий напоминал, что он родился и вырос на их глазах и с ними царствовал «лет 27».

«И мужествовах с вами на многи страны и противным страшен быв во бранех и поганыя низложих... Великое княжение свое вельми укрепих, мир и тишину земьли Русьстей сотворих отьчину свою с вами соблюдох. И вам честь и любовь даровах, под вами грады держахи великия власти и чада ваша любих и никому же зла не сотворих, ни силою что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни избесчествовах, но всех любих и в чести держах. И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекостеся у мене боляре, но князи земьли моей...» Помните вашу присягу, как вы обещали «должны есмя, тебе служа и детем твоим, главы своя положити»*.

Еще раз следует подчеркнуть, что дело вовсе не в дословной точности или неточности этих речей, а в яркой характеристике взаимных отношений великого князя и боярства, данной автором Повести, характеристике, которая вполне гармонирует с общим впечатлением, складывающимся при изучении других источников периода княжения Дмитрия Донского. В применении же к вел. кн. Василию Темному, а тем более к Ивану III она была бы во многих отношениях ложной и полной диссонансов. Подчеркну, в частности, указание на присягу наследственной службы («служити тебе и детем твоим») и патриархальную близость отношений князя с боярами...

---

* ПСРЛ, т. XXI, вторая половина, с. 403.

Московское боярство в конце XIV-XV вв.

Итак, мы видим, что к концу XIV в. московское боярство можно считать вполне сложившимся.

В XV в. появляются на сцене роды Нетши (Даниловы), Сорокоумовы-Глебовы, быть может, старые, но выдвинувшиеся позже. Выезжают кн. Юрий Патрикеевич и грек кн. Степан, родоначальник Ховриных-Головиных. С середины XV в. входят в боярскую среду князья Оболенские. В XV в. выдвигаются лично, а не родами представители некоторых не боярских родов, например Басенковы. Наконец, в последней четверти XV в. в думу входят ряд княжеских родов и некоторые тверские бояре, и состав правящего класса значительно изменяется.

Весь этот процесс образования правящего класса можно в зависимости от главных этапов развития Московского великого княжения разделить естественным образом на три этапа.

Первый период, как мне кажется, можно начать несколько искусственной гранью – смертью вел. кн. Дмитрия Донского и естественным пределом его считать начало борьбы вел. кн. Василия Васильевича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыновьями за великое княжение. Этот период можно назвать периодом эволюционного развития класса в старых рамках удельных отношений.

Борьба вел. кн. Василия за великое княжение была не только борьбой двух принципов наследования, не только борьбой удельных княжат против великого князя, но и борьбой боярских родов. Даже скудные источники, которыми мы располагаем, дают возможность различить, какие роды оставались в этой борьбе все время верными вел. кн. Ва-

силию, какие колебались, какие приняли сторону удельных княжат. В результате этой борьбы произошли большие перестановки. Выдвинулись на первые места такие роды и отрасли, которые раньше были в тени, и сошли со сцены совсем или во вторые ряды те роды или отрасли родов, которые принимали слишком видное участие на стороне потерпевших поражение удельных княжат.

Наметившийся после этой замятни перелом становится ясным с вокняжением вел. кн. Ивана III. Великое княжество московское перерождается в государство в собственном смысле слова и объединяет всю Северо-Восточную Великороссию.

В соответствии с этим изменяется состав боярского класса: один за другим в него входят роды удельных князей и тверское боярство. Гранью этого третьего периода следует считать террор опричнины царя Ивана, при котором погиб без остатка целый ряд старых родов, а другие сильно поредели или, разоренные, утратили свое положение. После опричнины до начала Смуты московские цари правят с остатками того же самого класса. Смута начинает новый период, довершая во многих отношениях дело опричнины, а после Смуты состав класса уже изменен и перерожден сверху донизу.

Движение родов в первом периоде.

1. *Вельяминовы-Воронцовы.* Со смертью Семена, бездетного сына окольничего Тимофея, пресеклись все старшие отрасли Вельяминовых, за исключением Ивана, сына Федора Воронца. Представитель младшей ветви, Федор (Юрий?) Грунка, если и был боярином, то его дети в думу, по-видимому, не попали. Иван Федорович Воронцов, бывший боярином еще при вел. кн. Дмитрии, умер, по-видимому, в начале XV в., и его место в думе занял его единственный сын Никита. Таким образом, в первом периоде Воронцовы-Вельяминовы перестали занимать первенствующее положение в думе.

2. *Акинфовичи.* Несмотря на опалу и конфискацию имущества, постигшие на рубеже XV в. (до 1406 г.) старшего Акинфовича – Федора Свибла, остальные Акинфовичи продвигаются один за другим и занимают настолько видное положение, что его можно сравнить с положением Вельяминовых в XIV в. Вслед за Иваном Хромым и Александром

Остеем выдвигаются остальные братья – вероятные бояре Иван Бутурля и Андрей Слизень, а во второй половине княжения Василия Дмитриевича – Михаил Челядня. Михаил Челядня через брак старшего сына Ивана с дочерью кн. Юрия Патрикеевича был в свойстве с великим князем. В конце княжения Василия Дмитриевича выдвигается следующее колено: Давид, сын Ивана Хромого (вероятный боярин), и два сына Александра Остея – Роман и Тимофей.

3. О *Морозовых* за этот период ничего неизвестно. Можно считать вероятными боярами трех сыновей боярина Михаила Ивановича: Василия Слепого, Василия Шею и Бориса, но в общем этот род ничем не выделился.

4. Из *рода Андрея Кобылы* продолжают возвышаться потомки его младшего сына Федора Кошки. Последний умер в начале XV в. А в послании Едигея (6916 [1408] г.) его старший сын, Иван, упоминается как казначей, любимец и «старейшина» великого князя, который, в противоположность своему отцу, Кошке, угождавшему Орде, навлекает на Русь своими неразумными советами гнев ордынского царя: великий князь «не выступает» из его слова и думы. Вслед за ним выдвигается его брат – Федор Голтяй, дочь которого выходит замуж в 6915 [1406/07] г. за кн. Ярослава Владимировича Боровского. О близости Кошкиных к великому князю свидетельствует то, что Иван был свидетелем всех духовных Василия Дмитриевича, а Федор – первой.

5. *Бяконтовы* продолжают свою карьеру, но ничем не выделяются. После смерти в 1392 г. престарелого боярина великих князей Дмитрия и Василия Данилы Феофановича, кажется, были боярами его сыновья Константин и Иван. Два другие внука Феофана, Юрий и Данила Степановичи, «служат боярами, как их отец, которого вел. кн. Василий Дмитриевич «отдал» митрополиту в бояре. Затем начинается выдвижение младшей ветви рода Бяконта, Бориса Даниловича Плещеева, внука Александра Плещея.

6. Из сыновей *Ивана Родионовича Квашни* попадает в бояре его второй сын, Илья, которого Едигей в своем послании называет в числе старших бояр, которые могли бы подать добрый совет, как вести себя по отношению к Орде. (В списке родословной рода Квашниных Илья Иванович показан в числе бояр, подписавших духовную вел. кн. Васи-

лия Дмитриевича. В действительности ни на одной из трех духовных его подписи нет. Очевидно, это одна из «затеек» – интерполяций Квашниных, которые отметил Бутурлин, списывая для себя эту роспись.)

7. После насильственной смерти *Алексея Петровича Хвоста* его потомство выходит из числа московских боярских родов. Его внук и правнук служат можайско-верейским удельным князьям.

8. Сходит со сцены и род *Окатьевичей Валуевых*. Старший сын Тимофея Волуя, убитого на Куликовом поле, [Федор], по-видимому, был убит своим «лукавым рабом» в 1382 г. Его брат Данила в 1392 г. был боярином, и на этом кончаются наши сведения об этом роде. В конце XIV или в начале XV в. по неизвестным причинам он выходит из боярской среды.

9. *Род Зерновых* стоит по-прежнему высоко. Иван и Константин Шея Дмитриевичи были свидетелями первой духовной вел. кн. Василия Дмитриевича. Константин не имел сыновей, с единственного сына его брата Ивана – Федора Сабурова – начинается возвышение Сабуровых, старшей ветви рода Зерновых. Федор Иванович Сабур упоминается на Куликовом поле как храбрый костромич в полку И. Р. Квашнина. Очевидно, он был тогда молодым человеком. После смерти отца он попал в думу и был свидетелем второй и третьей духовных вел. кн. Василия.

Брат Федора Сабура, Данила Подольский, был боярином, но младший брат, Иван Годун, судя по всему, до боярства не дослужился. Его потомство более ста лет прозябало в среде рядового дворянства и выдвинулось только во второй половине XVI в.

Данила Подольский в некоторых родословцах показан бездетным, по другим – у него был один сын и один внук, на котором пресекся весь род.

10. Неясны причины выхода из боярской среды потомства *Федора Красного Фоминского*. Его внуки от старшего сына, Михаила Крюка, Борис и Иван, были боярами вел. кн. Василия Дмитриевича и умерли оба бездетными. Внуки от второго сына, Ивана Собаки, Семен Трава и Василий, тоже были боярами того же князя. Василий умер бездетным. Конечно, смерть трех внуков-бояр без мужского потомства ослабляла род, но, кажется, для этого были и

другие причины. Дело в том, что пятого внука, Василия Борисовича Вепрева, мы видим позже как сторонника Шемяки, а их брательник Федор Андреевич Коробьин, внук Федора Слепого Фоминского, отъехал в Тверь. Как бы то ни было, Фоминские в этом периоде вышли из боярской среды, и только в XVI в., при вел. кн. Василии Ивановиче, одной ветви рода, Карповым, удалось занять скромное место среди думных чинов.

11. Из *рода Редеги* выдающееся положение занимали представители двух ветвей: Добрынские и Одинцовы. Андрей Константинович Сахарник Добрынский был боярином вел. кн. Василия Дмитриевича. В 1420 г. он упоминается как боярин кн. Константина Дмитриевича, а позже вел. кн. Василия Васильевича. Его брат, Федор Симский, упоминается в 1429 г. как воевода великого князя. Наконец, третий Добрынский, Петр Хромой, упоминается в послании Едигея как старший боярин, который может дать великому князю разумный совет.

Позже, во втором периоде, Добрынские приняли участие в борьбе князей за великое княжение, и это было причиной выхода их из боярской среды. Боярин Александр Андреевич Белеут в 1390 г. исполнял почетное поручение: ездил в Литву за невестой великого князя кн. Софьей Витовтовной. Его старший сын, Феодосий, отъехал в Литву, а в бояре попали два других, Роман и Федор, в конце княжения вел. кн. Василия Дмитриевича или в начале княжения его сына.

Интересно проследить и отметить, как трудно было удержаться в боярской среде новым родам вел. кн. Дмитрия Донского, т. е. таким, которые выехали при нем или, будучи старыми, при нем выдвинулись на историческую сцену. Мы знаем таких родов более десятка, и из них заняли видное место одни Всеволожи.

О некоторых родах за этот период ничего неизвестно. Таковы *Меликовы* (от Семена Мелика), *Старковы* (от Андрея Серкизовича), *Кутузовы*.

Два рода – *Полевых* и *Мининых* – выбывают по неизвестной причине. Боярин Александр Поле в 1390 г. ездил в Литву за кн. Софьей, невестой великого князя, в 1401 г. он был воеводой в походе на Торжок и больше не упоминается. Неизвестно ничего и о его единственном сыне Дмитрии...

Напряженные после смерти вел. кн. Василия Дмитриевича отношения между его сыном вел. кн. Василием и дядей

кн. Юрием Дмитриевичем перешли в 1431 г. в открытую борьбу, длившуюся более 20 лет и закончившуюся в 1453 г. Эта продолжительная смута была испытанием не только для междукняжеских отношений и власти московских великих князей, но и для всего боярского класса. При такой длительной смуте никто не мог остаться в стороне, все так или иначе, одни в большей, другие в меньшей степени были втянуты в борьбу князей между собой. Правда, низшие классы не приняли активного участия в борьбе, но интересы служилого класса, в особенности боярства, были настолько тесно связаны с интересами князей, что ему так же, как и князьям, история поставила вопрос: быть ли Великороссии единым государством или по-прежнему делиться на уделы и страдать от этого; на чью сторону стать и что делать? И если в результате борьбы победа осталась за Московским великим княжением, за принципом государственного единства, то это объясняется не столько «политикой» великокняжеской власти, сколько интересами и сознательностью боярства и всего служилого класса. Правда, что в этой борьбе, как и во всякой, некоторые лица преследовали свои личные цели, другие с самого начала сознавали интересы своего класса, но в общем после непродолжительных колебаний линия поведения боярства определилась и определила исход борьбы. Лица, принявшие слишком решительно ложное направление, выбыли из боярского класса, другие столь же решительно стали на правильный путь, и боярство в целом вышло из борьбы консолидированным и простило отступникам их колебания.

Словом, эта замятня привела к пересмотру родов и лиц, к удалению чуждых элементов и к консолидации боярского класса.

Необходимо сказать несколько слов об источниках, которыми мы располагаем для освещения этого вопроса. Летописи, как известно, дают мало указаний на участников смуты и очень редко объясняют мотивы их поведения. Если бы у нас был только этот источник, то мы должны были бы отказаться от попытки выяснить этот вопрос. Но мы имеем ценный материал родословцев, который проливает значительный свет. Правда, что и родословцы почти ничего не дают для выяснения роли отдельных лиц, но они дают большее – имея перед глазами родословные таблицы и внимательно всматриваясь в историю отдельных родов, мы имеем

возможность констатировать, какие роды остались в стороне от борьбы и ничего не потеряли, какие выиграли, какие пострадали. Сопоставление этого материала с летописными фактами освещает далеко не все, но весьма многое.

Итак, рассмотрим отдельные акты этой многолетней драмы, придерживаясь летописей и справляясь все время в родословных действующих лиц.

В прологе драмы первую роль играет боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Смерть Витовта в октябре 1430 г. и митрополита Фотия в конце 1431 г. развязала руки кн. Юрию Дмитриевичу. Он вернул великому князю перемирный договор 1428 г., что означало начало открытой борьбы за великое княжение. После переговоров обе стороны решили по прежнему договору передать спор на решение хана. В сентябре 1431 г. кн. Юрий и вел. кн. Василий, едва достигший 16 лет, отправились в Орду. С вел. кн. Василием приехал Иван Дмитриевич Всеволожский. В летописях рассказывается, как Иван Дмитриевич ловко поссорил вельмож хана, а затем грубой, чисто азиатской лестью расположил хана в пользу великого князя и одержал таким образом победу над кн. Юрием. Есть указания, что уже во время этой поездки Иван Дмитриевич завел речь о браке великого князя со своей дочерью и получил от него, быть может, обещания. Как бы то ни было, но дальнейшее показывает, что он хлопотал в Орде за вел. кн. Василия не совсем бескорыстно, а в расчете возвыситься и закрепить свое положение браком дочери с великим князем.

Успешная поездка в Орду с великим князем и оказанные услуги давали ему новое основание породниться с великим князем и занять таким образом одно из первых мест.

Никоновская летопись сообщает: «Боярин великого князя Василиа Васильевичи Иван Дмитреевич, служивый... ему со всем предложением и истинным сердцем во Орде, и великое княжение ему у Махметя царя взя, и возхоте за великого князя Василия Васильевичи дщерь свою дати; и о сем слово бысть ему с великим князем». По возвращении из Орды, продолжает летопись, великий князь и его мать, вел. кн. Софья Витовтовна, не пожелали этого брака и избрали другую невесту – кн. Марью, дочь Ярослава Владимировича, внучку Марьи Голтяевой Кошкиной. Едва ли можно сомневаться, что в этом решении их поддерживали

Кошкины и, вероятно, другие роды, не желавшие возвышения Ивана Дмитриевича.

Иван Дмитриевич не смирился перед этим отказом и сразу перешел к враждебным действиям: «И тако Иван Дмитреевич с Москвы побежа ко князю Констянтину Дмитреевичю на Углеч, к дяде великого князя Василия Васильевича, и оттоле во Тферь, а со Твери в Галичь ко князю Юрью Дмитреевичю»*. Ясно, почему именно в эти места поехал Иван Дмитриевич: зная недружелюбное и даже враждебное отношение этих князей к великому князю, он поехал к ним склонять их к нападению и открытой борьбе.

В той же летописи, очевидно из другого источника, вставлено, что зимой того же года Иван Дмитриевич из Твери отъехал в Галич ко кн. Юрию Дмитриевичу «и начат подговаривати его на великое княжение; и князь Юрьи по его думе посла по дети своя, по князя Василья и по князя Дмитрея по Шемяку на Москву; а они тогда были на свадьбе великого князя Василья Васильевича»**.

Этим кончается пролог, за ним тотчас развертывается первое действие драмы – пир на свадьбе вел. кн. Василия с кн. Марьей Ярославной. Чтобы уяснить себе всю обстановку ссоры, происшедшей во время пира, надо напомнить отношения, сложившиеся между князьями после их поездки в Орду. Кн. Юрий, чувствуя свое бессилие бороться против племянника, поддерживаемого ханом, уехал к себе в Галич и не явился на свадебный пир. Его сыновья отнеслись к унижению отца иначе и не были склонны порывать с великокняжеским двором. Из дальнейших событий видно, что они были против возобновления борьбы и пошли на это только под влиянием оскорбления и по приказанию отца. Таким образом, пожар вражды за недостатком пищи готов был погаснуть. Оскорбленный отказом великого князя, Иван Дмитриевич прекрасно это понимал, и если кому было нежелательно наступившее перемирие, то больше всего ему.

Бежав из Москвы, он отправился ко всем возможным союзникам своего мщения и врагам великого князя. Как показали дальнейшие события, ему удалось склонить на выступление кн. Юрия. Необходимо было поднять и сыновей кн. Юрия, и для этого была пущена легенда о золотом поясе.

---

* ПСРЛ, т. XII, с. 17.

** Там же.

Напомню эту легенду. Суздальский кн. Дмитрий Константинович дал этот ценный пояс в приданое за своей дочерью вел. кн. Дмитрию Донскому (1366 г.). Тысяцкий Василий Вельяминов на свадьбе (!) подменил этот пояс другим, менее ценным, и впоследствии подарил своему сыну Микуле. Микула дал этот пояс Ивану Дмитриевичу, когда выдал за него свою дочь. Иван Дмитриевич дал его в свою очередь в приданое своему зятю кн. Андрею Владимировичу. Наконец, в 1431 г. этот пояс попал к кн. Василию Косому, когда он обручился с дочерью кн. Андрея, внучкой Ивана Дмитриевича. Нелепость этой легенды сразу бросается в глаза. Пояс исключительной ценности три раза переходил на глазах у всех из рук в руки, и никто не замечает и не знает о подмене, происшедшей за 65 лет перед тем! И только на свадьбе великого князя, когда пояс был на кн. Василии Косом, вдруг Петр Константинович Добрынский «познал», что это был тот самый краденый пояс.

Замечательно, как летописцы рассказывают эту историю пояса, изложенную выше. Они без всяких комментариев рассказывают историю пояса и, как бы извиняясь за сообщение такой нелепости, прибавляют: «Се же пишем того ради, понеже много зла с того ся почяло». Если даже допустить невероятное предположение, что тысяцкий Василий совершил эту кражу незаметно для всех окружающих, то факт этой кражи мог быть известным только в его семье и прежде всего Ивану Дмитриевичу. Он же и пустил эту легенду, чтобы подлить масла в огонь – поссорить сыновей кн. Юрия с московским двором.

Его расчет оказался правильным. При дворе нашлись лица, которым эта выдумка была на руку. Она послужила грубым предлогом, чтобы нанести в угаре пьяного пира тяжелое оскорбление кн. Василию. П. К. Добрынский, о котором мы еще услышим позже, «познал» этот пояс, а Захарий Иванович Кошкин сорвал его с кн. Василия, совершенно невинного, даже если бы пояс действительно был украден 65 лет тому назад, и тем нанес ему тяжелое оскорбление. Участие Захария Кошкина едва ли случайно – ведь он был двоюродным дядей кн. Марьи, внучки Марьи Голтяевой Кошкиной. Это дает повод думать, что Кошкины были в числе тех бояр, которые расстроили брак великого князя и дочери (или внучки) Ивана Дмитриевича.

Оскорбленные так грубо, братья уехали из Москвы в Галич к отцу. В Галиче под влиянием и при участии Ивана Дмитриевича шли спешные приготовления к походу. Приезд сыновей развязывал руки кн. Юрию, и он быстро двинулся на Москву. Князья были уже в Переяславле, когда великокняжеский наместник в Ростове П. К. Добрынский узнал об их движении и бросился в Москву уведомить великого князя. Великий князь, не подготовленный к борьбе, выслал навстречу кн. Юрию своих послов Федора Андреевича Лжа и Федора Товарка для переговоров о мире.

Но «Иван Дмитриевич не дал о миру ни слова молвити. И тако возвратившеся послы великого князя безделни», т. е. не сделав дела. Великий князь наскоро собрал людей, случившихся на Москве при нем, присоединил к ним торговых и других москвичей и стал на Клязьме в двадцати километрах от Москвы. Несмотря на превосходство сил противника, он дал бой и был разбит, т. к. от москвичей не было никакой помощи – «мнози бо от них пиани бяху, а и з собою мед везяху, что нити еще»*.

Интересно было бы знать, на чей счет происходило это несвоевременное пьянство? Разбитый великий князь бежал через Тверь в Кострому, а кн. Юрий занял Москву, сел на великом княжении и послал своих сыновей за великим князем. Привезенный в Москву, великий князь «добил челом» кн. Юрию при помощи любимого боярина кн. Юрия, Семена Федоровича Морозова, «бе бо сей Семен у князя Юрьа Дмитреевичя в велице славе и любви».

Под влиянием С. Морозова кн. Юрий совершил грубую ошибку – освободил великого князя и дал ему в удел Коломну. Иван Дмитриевич и многие бояре и слуги, принявшие сторону кн. Юрия, предвидя последствия ошибки и опасаясь наказания, «разъяришася о сем, и не любо им бысть сие всем».

Последствия ошибки сказались очень быстро. Кн. Юрий захватил Москву и великое княжение врасплох. Освобожденный великий князь стал на Коломне центром, вокруг которого могли собраться его бояре и слуги. На его зов к нему стали стекаться люди не только со всех концов великого княжения, но и из Москвы – бояре и слуги стали отказываться от кн. Юрия и отъезжать на Коломну «от мала до велика».

* ПСРЛ, т. XII, с. 18.

В числе других, видя свое дело проигранным, поехал с повинной и Иван Дмитриевич с детьми*, но расчет на прощенье оказался ошибочным: он был схвачен, ослеплен, и все вотчины его конфискованы.

В Ермолинской летописи под 6941 (1433) г., т. е. правильно, сообщается: «Того же лета князя великого Иван Дмитриевич поймал и с детьми, да и очи ему вымали»**. Редактор летописи Ф. И. Покровский в примечании заметил, что это известие вставлено по ошибке и должно быть отнесено к 6953 [1444/45] г., когда великий князь был ослеплен. С этим нельзя согласиться. Здесь следует видеть описку переписчиков и прочесть это место так: «князь великий Ивана Дмитриевича поймал, и с детьми, да и очи ему вымали». Старик И. Д. Всеволожский был ослеплен в 1433 г., по приезде в Коломну, и тогда же, по-видимому, умер. В договоре 1433 г. великого князя с кн. Юрием упоминаются вотчины, конфискованные у Ивана Дмитриевича.

Интересно отметить, как объясняют летописи этот съезд служилых людей в Коломну. Никоновская летопись объясняет это тем, что «не любо им бысть всем на любовника княже Юрьева на Семена Морозова»***. Но мотив зависти к С. Морозову мог подвигнуть только немногих, а не тех, которые съезжались со всех концов Руси. Более основательное, хотя и в неудачной форме, объяснение находим в других летописях и в некоторых родословцах: «И князи и бояре не навыкли служить галичским князем и поехали все от мала до велика на Коломну»****. Смысл этого показания раскрывается легко, когда мы знаем историю служилых родов...

К началу княжеской усобицы целый ряд родов, как, например, *Монастыревы, Сатины, Новосильцевы, Хвостовы, Отяевы, Мячковы, Полевы* и другие, был вытеснен из среды московских бояр и служил удельным князьям. Кроме служебных связей они большею частью были связаны и своим землевладением в уделах.

Кроме этих родов удельным князьям служили и представители младших или захудалых ветвей московских боярских родов.

---

* Там же, т. XXIII, с. 147.
** Там же, с. 148.
*** Там же, т. XII, с. 18.
**** РК, с. 17.

Во всяком случае, всегда переход на службу к удельным князьям был своего рода деградацией, и, возвращаясь на службу к великому князю, такие лица и их потомки не могли восстановить своего прежнего положения.

Поэтому естественными союзниками великокняжеской власти были старые московские роды, так же как естественными сторонниками удельных князей были те роды, которые перешли к ним на службу или служили по своим вотчинам исстари.

Если мы соберем все показания летописей и других источников о лицах, которые так или иначе оставили по себе следы в истории и принимали участие в этой многолетней драме, то увидим, что в общем они распределяются так, как и можно было ожидать, зная их принадлежность к тому или иному роду. Если были исключения, то они только подтверждают высказанное мнение.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим, как отразилась княжеская усобица в конечном счете на судьбах известных нам родов.

Обзор родов дает возможность сделать ряд очень интересных выводов. О старых родах, которые, видимо, ничего не потеряли и не выиграли от княжеской усобицы, а таких большинство, я не буду говорить. Отмечу только те роды, в которых заметны изменения в худшую или лучшую сторону, изменения, которые предположительно или по прямым указаниям источников можно поставить в связь с событиями этого времени.

К родам, выдвижение которых можно поставить с некоторой вероятностью в связь с событиями 1431–1453 гг., можно отнести *Кутузовых*, *Сорокоумовых-Глебовых* и *Мамоновых-Даниловых*.

О службе Кутузовых ничего неизвестно до 40-х годов XV в. О Федоре Александровиче Кутузе известно, что он был женат на дочери боярина Константина Дмитриевича Зернова. Судя по этому, он был не рядовым служилым человеком, но на исторической сцене появляются только его сыновья, брат Григорий Горбатый и племянники.

Род Нетши принадлежал к старым боярским родам удельных князей. На службу к великим князьям он перешел не во время усобицы и не в связи с нею, а позже, в результате ликвидации нескольких уделов. Андрей Дмит-

риевич служил кн. Ивану Можайскому и был у него боярином, когда князь «поймал» его, а жену его сжег «безлеп» по обвинению в волшебстве в 6951 [1442/43] г. Сын Андрея, Григорий Мамон, в 1480 г. был ближайшим советником вел. кн. Ивана. Он и Иван Васильевич Ощера вызвали со стороны некоторых летописцев суровое осуждение за осторожные советы. Насколько это справедливо, трудно сказать, но для нас важно то, что Мамон, несомненно, был близким к великому князю человеком и что, несмотря на это, получил окольничество только в 1500 г. Так трудно было удельным слугам устроиться при московском дворе.

Выше было отмечено очень неясное прошлое Сорокоумовых-Глебовых в XIV и начале XV в. С некоторой долей вероятности боярином можно считать только Василия Глебовича, да и то неизвестно, кому он служил. В родословцах говорится, что старший сын Василия Глебовича, Григорий Криворот, был дворецким вел. кн. Василия Васильевича. По другим источникам, Григория Криворота можно считать вероятным боярином начала княжения Ивана Васильевича. К числу родов, занимавших очень видное положение в XIV и в начале XV в. и утративших его к середине XV в. следует отнести потомков кн. Константина Фоминского. Однако ставить это в прямую связь с междукняжеской усобицей едва ли возможно. В самом деле, у боярина Михаила Федоровича Крюка было два сына, Борис и Иван, которые, по родословным данным, были боярами при вел. кн. Василии Дмитриевиче. Оба они умерли бездетными, по-видимому до начала смуты или в самом начале ее. У боярина Ивана Федоровича Собаки было тоже два сына – Семен Трава и Василий. По родословным данным, они были боярами вел. кн. Василия Дмитриевича. У Василия был один бездетный сын. От Семена Травы пошли Скрябины, Осокины, Пырьевы и Салтыковы-Травины, но когда и почему они выбыли из боярской среды, неизвестно. Наконец, у Бориса Федоровича Вепря был сын Василий. Василий Вепрев в 6955 [1446/47] г. служил кн. Шемяке, был у него воеводой и был разбит кн. Ряполовским. В родословцах у него не показано потомства, и на основании этих фактов можно думать, что Василий сложил свою голову на службе у Шемяки. Прежде чем перейти к заключению, скажу еще несколько слов о тех представителях старых московских

родов, которые отмечены в летописях как лица, замешанные в смуте.

К таким принадлежит Иван Федорович Старков, правнук татарского царевича Серкиза, выехавшего к вел. кн. Дмитрию Донскому. Выше было упомянуто, что он «коромолил» с Москвы в 6954 [1446] г. Там же было разъяснено, в чем состояла крамола,– она состояла в шпионаже и подготовке внезапного захвата вел. кн. Василия кн. Шемякой, т. е. в сообщении сведений.

Но, очевидно, Иван Старков делал это достаточно ловко и неуловимо, и его предательство осталось безнаказанным: позже, в начале княжения вел. кн. Ивана, мы видим его боярином. Тем не менее Старковым не удалось удержаться в боярской среде. Еще его старший сын, Александр, был дворецким у кн. Юрия Васильевича, но второй сын (Алексей) и все дальнейшее его потомство выбыли из боярской среды.

Необъясненным в летописях и непонятным образом в лагере кн. Дмитрия оказался один представитель исконного рода великокняжеских бояр – Михаил Федорович Сабуров. Так же необъяснимо он перешел на сторону великого князя и был амнистирован. Как известно, у Михаила Федоровича сыновей не было, а свои вотчины он отдал вел. кн. Марье. Затем, по Шереметевскому списку он, показан боярином и дворецким, умершим в 6972 [1463/64] г. Нет ли тут какой-то неточности? Есть основание думать, что за несколько лет до смерти он постригся в монастыре и, следовательно, отошел от общественной деятельности. Сопоставление этих фактов дает основание предполагать, что переход на сторону кн. Дмитрия прошел для него не даром. Может быть, в разгар борьбы он был амнистирован без условий, но позже ему пришлось искать заступничества у вел. кн. Марьи, отдать ей вотчины (не имея мужского потомства, он легко мог это сделать), а затем постричься.

Во всяком случае, эпизод с Михаилом Федоровичем не отразился на карьере его братьев и всего рода Сабуровых.

Чтобы подвести итоги всему предшествовавшему изложению, я сделаю обзор бояр и виднейших служилых людей по родам в промежуток времени с окончания смуты, т. е. за последнее десятилетие княжения Василия Темного, до наплыва новых родов, княжеских и некняжеских, при вел. кн. Иване, наплыва, связанного с падением независимости Ярославля, Новгорода и Твери.

Этот период намечается естественным образом. Как ни устойчива была общая линия поведения московских родов во время смуты, все-таки некоторые перестановки в составе родов и лиц произошли. С другой стороны, за последнюю четверть XV в. состав правящего боярства быстро и настолько сильно изменяется, что в истории его начинается совершенно новый период.

Обзор боярства за этот период тем более необходим, что Шереметевский список думных чинов за первые пятнадцать лет княжения вел. кн. Ивана страдает большой неполнотой.

Для *Воронцовых-Вельяминовых* это время было временем ущерба. У Никиты Ивановича Воронцова было два сына, из которых младший, Тимофей, был убит под Можайском и не оставил потомства. Его старший брат, Иван, был боярином кн. Юрия Васильевича. У того же князя в то же время был боярином один представитель младшей ветви рода – Василий Федорович Вельяминов. Сын Василия, Иван Шадра, был пожалован в окольничие великого князя в 6984 [1475/76]г., и с него начинается возвышение Воронцовых-Вельяминовых в великокняжеской думе.

Неизменно высокое положение занимают *Акинфовичи*. После вероятного боярина Давида Ивановича Хромого в 6979 г. [1470/71]. получает боярство его сын Федор. Вторая ветвь – Остеевы. После бояр второй четверти века Тимофея и Романа Александровичей Остеевых в думу попадают Андрей Романович Хруль и Андрей Тимофеевич Жулеба. Из третьей ветви, Бутурлиных, в последнее десятилетие княжения Василия после Ивана Ивановича становится боярином его старший сын, Андрей, а позже, при вел. кн. Иване, вероятно, и младший сын – Никита. Наконец, из младшей ветви, Челядниных, после Федора Михайловича с начала княжения Ивана выдвигается его старший сын, Петр.

Из другой ветви рода *Радши*, Пушкиных, в середине XV в. выдвигается Федор Григорьевич Товарко, старший сын которого, Иван Ус, был видным деятелем и боярином первой половины княжения Ивана III.

Из рода *Кобылы* по-прежнему занимают высокое место представители младшей линии – Кошкины. Федор Брех и Захарий Иванович были боярами вел. кн. Василия Темного. При вел. кн. Иване попадают в думу два сына Захария – Яков в 6988 [1479/80] г. и Юрий в 6992 [1483/84] г. Со

смертью в Суздальском бою боярина Андрея Федоровича Голтяева мужское потомство Ф. Голтяя пресеклось. Наконец, Константин Александрович Беззубцев, по-видимому, был боярином и, во всяком случае, очень видным воеводой третьей четверти XV в.

Из рода *Морозовых* боярами были Василий Михайлович Слепой и его сын Григорий Поплева (с 6984 [1475/76] г.), затем Василий Михайлович Шея, брат В. Слепого, и, вероятно, его сын Дмитрий Васильевич.

Какую должность занимал Борис Михайлович, неизвестно, но его сын, Иван Тучко, был в 6975 [1466/67] г. дворецким великого князя, а другой сын, Василий Тучко, получил боярство в 6988 [1479/80] г. Как воевода заслуживает упоминания Иван Игнатьевич Глухой в 6976 [1467/68] г., а как видный деятель – Дмитрий Давидович, бывший в конце XV в. боярином вел. кн. Ивана Ивановича.

Из Филипповых-Морозовых во время усобицы выделился Семен со своими сыновьями. Его сыновья и позже, в 6976 [1467/68] г. отмечаются в летописях как участники Казанского похода, но ни Семен, ни его сыновья в думу, по-видимому, не попали (отмечу, что Иван Семенович Шуст был прапрадедом Ксении, матери царя Михаила Федоровича). В думу попадает Михаил Яковлевич Русалка, внук Константина Филимоновича, который верно служил вел. кн. Василию, а при Иване III в 6973 [1464/65] г. стал дворецким.

Из рода *Бяконта* в боярской среде остаются только Плещеевы: Михаил Борисович и Андрей Федорович Сильного. Михаил Борисович умер в 6976 [1467/68] г., а за ним выходят на сцену его старшие сыновья: Андрей (окольничий с 6984 [1475/76] г.), а несколько позже Тимофей Юрло.

Род *Квашниных* опустился уже в первой четверти века, и в рассматриваемом периоде Квашнины сошли во вторые ряды. Так, Данила Родионович Жох служил боярином у вел. кн. Марьи.

Сыновья *Федора Сабура* продвигаются целой фалангой. Иван и Данила умерли, по-видимому, до усобицы. Михаил, несмотря на временный переход в 6954 [1445/46] г. на сторону кн. Шемяки, получил прощение и был боярином и дво-

дворецким. В 6973 [1464/65] г. получает боярство четвертый сын, Василий, а в 6986 [1477] г., пятый, Семен Пешек.

Большие изменения произошли в положении рода *Добрынских-Белеутовых*. В первой четверти XV в. они занимали очень видное положение. Участие нескольких Константиновичей Добрынских в усобице на стороне удельных князей привело к тому, что из девяти братьев в боярской среде удержался только Федор Симский, а также его единственный сын Василий Образец, очень видный воевода своего времени, получивший боярство в 6982 [1473/74] г.

Выход Белеутовых из числа думных людей великого князя не совсем ясен. Старший сын боярина Александра Белеута, Феодосий, отъехал в Литву. Его сыновья в середине столетия выехали обратно, но ни они, ни их потомство в думу не вернулись. Роман и Федор Александровичи при вел. кн. Василии были боярами, но их сыновья и потомки, как и потомство Феодосия, навсегда вышли из думской среды.

О старейшей ветви *Всеволожей*, представителем которой был Иван Дмитриевич, было сказано выше. В думской среде остаются только представители самой младшей ветви – Заболотские. Возможно, что их родоначальнику Василию Ивановичу принадлежит подпись на первой духовной вел. кн. Василия Темного. Во всяком случае, его сын Григорий был боярином и дворецким вел. кн. Василия и его сына Ивана. В общем же после измены и опалы Ивана Дмитриевича Всеволожи теряют свое положение в боярской среде, и в XVI в. в думу попало только трое Заболотских.

Небольшое место занимают *Волынские*. Некоторое значение имело в этом то обстоятельство, что три старших представителя старшей ветви были убиты в Белевском бою. Из их братьев известен только Михаил Борисович как писец Костромы в 6973 [1464/65] г. В это время, т. е. в XV и в первой половине XVI в., описания поручались очень видным служилым людям, иногда окольничим.

О выдвижении Кутузовых, Сорокоумовых-Глебовых и Нетши-Даниловых было сказано выше.

Новыми людьми в среде боярства были Ховрины. Выше были отмечены особенности карьеры Ховриных-Головиных. Все без исключения роды до них были прежде всего воинами и на военном поприще делали карьеру и составляли себе состояние.

Первый известный нам представитель рода Ховриных, Владимир Григорьевич, выступает на сцену как богатый гость, получивший боярство или в тот период, когда он впервые упоминается в источниках, или несколько позже. Затем он сам и его сыновья упоминаются в летописях неоднократно как строители каменных зданий и знатоки строительного дела. На этом поприще им пришлось близко познакомиться с Ермолиным, а потому мы можем доверять показанию Ермолинской летописи, что В. Г. Ховрин был гостем, «да и боярином» в 6958 [1449/50] г. Позже его боярство несомненно, хотя и не указано в Шереметевском списке. Его старший сын, Иван Голова, был крестником вел. кн. Ивана III и, наверное, боярином.

Единственный пример выдвижения представителя старого боярского рода удельных князей представляет Василий Иванович Китай Новосильцев. В Шереметевском списке он не показан, но в разрядах и летописях он упоминается с 6984 [1475/76] г. как боярин и лицо, выполнявшее очень важные поручения.

Старший сын кн. Юрия Патрикеевича, Василий, пережил своего отца ненамного и умер в 1450 г. – по-видимому, в молодости. Его второй сын, Иван, был замечательным деятелем своего времени; с 6963 [1454/55] г., когда он был воеводой против татарина Оки, он служит почти полстолетия, до принудительного пострижения в 1499 г. В 6984 [1475/76] г. были пожалованы в бояре оба сына кн. Василия Юрьевича – Иван Булак и Данила Щеня.

Обзор боярских родов и состава думцев показывает, что перемены были гораздо меньшими, чем это можно было бы предположить, судя по продолжительности княжеской усобицы и крупным событиям этого бурного периода.

Выдвиженцем в собственном смысле слова можно назвать только одного Федора Басенка. Что касается Кутузовых, Сорокоумовых-Глебовых и Нетши-Даниловых, то это были старые роды. Ховрины выдвинулись вновь, но не на ратном поприще, а совсем другими путями. Новостью является появление в боярской среде князей *Оболенских*, но служить московским князьям они начали еще в XIV в.

Впервые опубликовано:
С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М. 1969. С. 465–519.

Царь Иван Грозный

в работах

писателей и историков

ПО ПОВОДУ ТРИЛОГИИ ТОВ. КОСТЫЛЕВА И ВОЗНИКШЕЙ О НЕЙ ПОЛЕМИКИ

Полемика Бородина и Костылева при участии профессора А. И. Яковлева с первых же шагов достигла такой степени оживленности, при которой спикер английской палаты общин надевает на голову цилиндр и удаляется. Молчаливый жест спикера означает, что заседание палаты закрывается и все дальнейшие прения ораторов являются их частной беседой, не имеющей никакого юридического значения.

Участники полемики не щадят самолюбия противника, употребляют выражения, которые принято считать «непарламентскими», отклоняясь далеко от существа вопроса, обвиняют друг друга в невежестве, самомнении, в недостатке патриотизма (!) и т. п. Полемика такого рода мне представляется бесплодной, и читатель будет прав, если по примеру английского спикера наденет на голову шляпу, отойдет в сторону и предоставит ораторам вести их частную беседу.

Умная французская поговорка говорит: «Нет в мире крепости, которую невозможно было бы взять..., за исключением воздушных замков». Яркая личность Грозного царя и историческая значительность событий его времени давно привлекали к себе внимание не только историков, но и романистов, драматургов, поэтов, композиторов, художников и даже скульпторов. Но трудно сказать, послужил ли на пользу дела этот повышенный интерес к Ивану Грозному и его времени. Уж очень много в огромной литературе по этому предмету настроено воздушных замков, которые, по французской поговорке, не поддаются разрушению. Ученые тра-

тили силы на разрушение скороспелых и преждевременных концепций и, отвечая на запрос читателей, сами в свою очередь спешили дать свои общие характеристики и решения по таким вопросам, которые были еще не исследованы.

Историкам давно пора заняться черным трудом отыскания и разработки новых источников, а таковых еще много, и до времени отказаться от плохо продуманных концепций и смелого решения еще не исследованных вопросов. Но попрежнему остаются в силе золотые слова гениального поэта: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», и черный труд исследователей не пользуется в широких слоях читателей ни признанием, ни должным уважением.

Решаясь дать отзыв о новопостроенных воздушных замках, я предвижу малую производительность этого занятия – оправданием мне служит только то, что дирекция Института истории и редакция газеты «Литература и искусство» пожелали знать мое мнение.

В трилогии Костылева и в его полемике с Бородиным, равно как и в возражениях Костылева, мы находим смешение самых разнородных предметов и вопросов, существенных и малосущественных; а одновременно участники полемики – а Костылев и в своей трилогии – очень смело, походя, ставят и берутся разрешать ряд основных проблем эпохи Ивана Грозного, игнорируя достижения исторической науки и не считаясь с тем, что многие вопросы остаются пока спорными или совсем не исследованными, т. е. далеко выходят за пределы их компетенции как литераторов, а не ученых.

Бородин правильно отмечает сложность исторической обстановки, в которой пришлось жить и действовать Ивану, и декретирует такую общую установку: «Иван Грозный сумел организовать и правильно расставить силы народа так, что мощь России не только не пошатнулась, но значительно возросла в XVI веке». Бородин хвалит Костылева за то, что он «правильно подошел к главной своей задаче: в его трилогии Иван показан передовым государственным деятелем, преобразователем жизни страны, твердым в достижении цели, прозорливым и смелым». В дальнейшем изложении Бородин, переходя к частным вопросам, несколько противоречит себе – оказывается, что Костылеву не хватает весьма многого, чтобы справиться с поставленной себе задачей, да

и в основной установке Костылев оказывается непоследовательным.

Сто лет тому назад известный в свое время историк-юрист Кавелин сравнивал Ивана с Петром Великим и писал, что оба они были «благороднейшими представителями государственного начала». Разница между ними была будто бы только в том, что Петр был натурой волевой и практической и умел подбирать сотрудников, не считаясь с их происхождением, и потому совершил много великих дел, а Иван обладал натурой неволевой, поэтической, был непрактичен и не умел разбираться в людях. Да и негде было Ивану найти помощников, так как окружавшая его среда состояла сплошь из невежественных, косных и своекорыстных людей. В бесплодной борьбе с этой средой Иван пал. «Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Иван мог только мстить за свои неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного, и мстил страшно»*.

Не следует удивляться фантастике Кавелина – сто лет тому назад подобные полеты и «философические» этюды, вроде Репетиловского «взгляда и нечто», были в моде. Но поистине удивительно, что, несмотря на прогресс науки, исправившей многие перегибы и ошибки сторонников и хулителей Ивана, несмотря на издание множества новых источников, не известных во времена Кавелина, полеты в стратосферу фантазии возобновляются, причем за это берутся в назидание историкам романисты и драматурги.

Бородин и Костылев не считаются ни с прочно установленными в науке фактами, ни с мнениями наших крупнейших историков. Позволю себе напомнить им взгляды М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского. Погодин был сыном крепостного крестьянина, а Ключевский вышел из среды сельского духовенства, так что ни тот, ни другой не могут быть признаны представителями дворянской историографии.

Сочинения Погодина давно стали библиографической редкостью. Поэтому я приведу вкратце его мнение о личности и государственной деятельности Ивана, напомнив, что Погодин, человек очень трезвого и острого ума, никогда не

* К. Д. Кавелин. Взгляд на юридический быт древней России. – К. Д. Кавелин. Соч., т. 1. СПб., 1897, с. 7, 9, 18, 47.

стеснялся в выборе сильных выражений для своих мыслей. Иван, получивший дурное воспитание, не приученный к труду и не занимавшийся в молодости делами, не мог в возрасте 17–20 лет стать вдруг просвещенным законодателем. Реформы середины века были проведены той боярской партией, которая группировалась вокруг Сильвестра и Адашева. Когда влияние Сильвестра и его друзей пало, то в последние 25 лет жизни Ивана нельзя указать никаких законов и распоряжений, вообще никаких действий, в которых проявлялся бы государственный ум Ивана, – ничего подобного реформам 1547 – 1556 гг. За все это время «нет ничего, кроме казней», пыток, опал, действий разъяренного гнева, «необузданной страсти». Все поступки и действия Ивана этого времени говорят об отсутствии у него государственных взглядов и целей. «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик с подьяческим умом и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей». По мнению Погодина, С. М. Соловьев в своей «Истории России» поставил Ивана «вверх ногами».

Н. И. Костомаров в противоположность Погодину подтверждает свои мнения тщательным анализом и подробным изложением первоисточников. Его анализ проблемы южного и западного фронтов до сих пор остается в нашей историографии невпревзойденным. Анализ сочинений Ивана, его полемики с Курбским, посланий в Кириллов монастырь и духовного завещания сделан умно и написан увлекательно, но страдает избытком психологизма. Общая оценка личности и деятельности Ивана Костомаровым оставляет далеко за собой суровую оценку и гневные выкрики Погодина*.

Блестящая характеристика В. О. Ключевского всем известна и памятна (во втором томе «Курса русской истории»). Заканчивая ее, Ключевский по свойственной ему любви к метафорам сравнивает Ивана с библейским слепым богатырем Самсоном, который в гневе на врагов так сослепа потряс основы здания, что обрушил его себе на голову и погубил и врагов, и себя**.

---

* М. П. Погодин. Историко-критические отрывки, т;. 1. М., 1846.
** В. О. Ключевский. Соч., т. II. М., 1957, с. 199.

Мнение авторитетов не закон, но не считаться с ними и игнорировать их, не имея никаких своих данных, недопустимо. Но оставим авторитеты и перейдем к достижениям нашей науки. Постараюсь быть объективным и буду говорить только о самых существенных и бесспорно установленных фактах и событиях.

Эпоха разносторонних и поистине великих реформ, еще небывалых в истории Московской Руси, 1547 – 1556 гг. была прервана ливонскими войнами, и многие реформы остались незавершенными. В истории Руси следующий период больших реформ приходится на время регентства, а затем царствования Бориса Годунова. В начале этой эпохи Иван был юношей и проводил большую часть времени в поездках на охоту и богомолья, а затем находился под опекой своих советников. Позже Иван с негодованием вспоминал в ответе Курбскому об этом времени и говорил, что бояре не давали ему ни в чем воли и оставили ему только честь председательства в боярском совете. По своему обыкновению все преувеличивать Иван, может быть, и в этом случае допустил некоторый перегиб. Но, во всяком случае, ему не приходило в голову приписывать себе честь указанных реформ, а про участие в казанском походе он прямо говорит, что бояре довезли его «аки пленника»*.

В общем мы не имеем никаких оснований приписывать реформы 1547 – 1556 гг. Ивану – они совершались его именем, с его одобрения, но ссылаться на них в доказательства мудрости и государственных талантов Ивана нет оснований. Ведь нам хорошо известно, что после 1560 г., когда Иван освободился от опеки непрошеных советников, и до последних лет его жизни сколько-нибудь значительных реформ не было. Все внимание правительства и все силы государства были направлены на тяжелую борьбу на три фронта.

В чем же проявилось умение Ивана организовать и правильно расставить силы народа? После удаления Сильвестра и Адашева воскурилось, по выражению Курбского, гонение великое, «пожар лютости... возгорелся»**. Сначала только бессудные опалы, а затем Иван, как он сам говорит, стал «жесточайще» за себя стоять, т. е. казнить. Конфликт Ивана

* «Послания Ивана Грозного». М.–Л., 1951, стр. 39.
** РИБ, т. XXXI. СПб, 1914, стлб. 276.

со всем старым государевым двором, а не с одними боярами и княжатами стал быстро разгораться. Его «холопы» (а не граждане, так как в то время самого понятия гражданства не было, а все слуги Ивана были связаны с ним личной присягой) начинают в большом количестве разбегаться в разные стороны – в Польшу, Швецию, Литву и даже в «турки». Иван борется с побегами старыми средствами: крестоприводными записями за поручительством множества лиц, заложничеством и распространением, опалы на родственников бежавшего, иногда весьма далеких, казнит «всеродне».

После побега в 1564 г. такого видного человека, как князь Курбский, Иван приходит к мысли, что ему больше оставаться в окружении старого двора становится небезопасным, и он решает устроить себе безопасный особый двор.

Покинув прадедовский дворец в Кремле, Иван строит новые дворцы на Воздвиженке и в Александровой слободе и учреждает особый, опричный двор, набрав в него людей преимущественно из состава старого двора. Александрова слобода превращена в укрепленный лагерь. Начинается эпоха массовых казней, побегов и заговоров и снова казней.

После больших казней 1569 г. заметна реакция, сначала личная, т. е. не против опричных порядков, а против опричников, и в ближайшие следующие годы были казнены или пропали в опалах почти все видные опричники.

Не касаясь пока сложного вопроса, что такое опричнина, остановлю внимание Бородина на одном важном предмете. Для обеспечения опричного двора и предохранения их (опричников) от бытового срастания с земскими, т. е. как организационно-техническое средство, а не как самоцель, Иван выселяет из опричных уездов многие тысячи помещиков и вотчинников, безразлично крупных и мелких, титулованных и нетитулованных, и раздает их земли в поместья опричникам. От этих выселений крестьянство опричных уездов пострадало не меньше, чем их господа. Ниже я скажу несколько слов об обратных переселениях тех же помещиков и вотчинников на их старые пепелища, запустошенные опричниками.

В исследовании Синодика опальных царя Ивана я постарался выяснить социальное и служебное положение записанных в нем лиц. Приведу один из моих выводов. В Синодике мы находим не менее 25 дьяков и казначеев и несколько сотен приказных подьячих. Это составляет приблизительно

1/4 лиц этого ранга и профессии служивших в это время*. Приходится признать, что профессия дьяка и подьячего в это время была не менее опасным для жизни занятием, чем чин боярина или титул князя.

Но оставим эту деталь семилетнего существования опричнины и перейдем к более существенному.

Весной 1571 г. в ожидании набега крымского хана Иван располагает опричные и земские полки, как обычно, в заокских городах и ставит во главе их опричных воевод. По первому разряду воевод главнокомандующим был назначен царский шурин, известный опричник князь Михаил Черкасский. На фронт отправляется и сам Иван. Тут происходит катастрофа, причины и обстоятельства которой во многом неясны. Девлет беспрепятственно, не встречая сопротивления, проходит мимо городов, в которых расположились полки. В самое неподходящее время Черкасский погибает – по одним известиям, он был посажен на кол, по другим – зарублен по приказанию Ивана стрельцами. Иван в панике, минуя Москву, скрывается в Ростов и в Ярославль. Девлет, встретив под стенами Кремля отпор, не может взять Москву, но сжигает московские посады, причем погибают тысячи людей, и опустошает окрестности Москвы, а затем с большой добычей беспрепятственно уходит в Крым. Из десяти земских воевод никто не был казнен, и только Мстиславский подвергся опале, а из шести опричных воевод по этому поводу казнены трое. Именно этот эпизод из жизни Ивана подал Курбскому повод назвать Ивана «бегуном и хоронякой».

Через год Москва в ожидании вторичного набега Девлета. Иван заранее удаляется в Новгород, захватывает с собой всю царскую казну и стягивает в Новгород из окрестных городов более десяти тысяч стрельцов и значительные силы опричников. Главнокомандующим он назначает земского боярина князя Михайла Воротынского, который за 5 лет перед тем был возвращен из ссылки на Белоозеро, а через несколько лет, после победы над Девлетом, казнен по обвинению в колдовстве (по словам Курбского)**. Оприч-

---

* С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 323–478.

** РИБ, т. XXI, стлб. 287.

ные полки были смешаны с земскими, и воеводы их подчинены Воротынскому.

Воротынский решил не рисковать на открытый бой с многочисленными полчищами Девлета. Он перепустил татар через Оку и на Пахре, между речками Лопасной и Рожаем, устроил им мешок и подставил под убийственный огонь полевой артиллерии в гуляй-городах, что было для татар полной неожиданностью. После нескольких дней кровопролитного боя жалкие остатки полчищ Девлета бежали врассыпную в Крым. В чем далее выразилось умение Ивана расставлять людей? Разгром Девлета на Молодях произошел в июле 1572 г., а в августе Иван вернулся в Москву и неожиданно, по выражению Карамзина, для своих подданных «отставил» опричнину. Не буду говорить, в чем выразилась отставка опричнины, так как это завело бы меня далеко от возражений Бородину, и остановлюсь на одном вопросе, который впервые освещен в работах Садикова и в моей последней работе о «Монастырском землевладении во второй половине XVI в.»*.

После отставки опричнины помещики и вотчинники, выселенные в свое время из опричных уездов, получили разрешение вернуться в свои прежние запустошенные опричниками поместья и вотчины. Так, с 1572 г. началось обратное великое переселение служилых землевладельцев, от которых правительство требовало, несмотря ни на что, службы.

Побочным, но ближайшим следствием умения Ивана расстанавливать людей был катастрофический переход служилых земель (вотчин) в руки монастырей. Как смотрел на это Иван, мы не знаем, но известно, что он всю свою жизнь относился неизменно благосклонно к монашествующим и монастырям и до Соборного приговора 1580 г. не принимал никаких мер против обогащения их за счет служилых людей.

Последние 2 – 3 года жизни Ивана можно рассматривать как годы крушения всей его внешней и внутренней политики. Странным образом Бородин игнорирует тот общеизвестный и несомненный факт, что попытка царя Ивана «в Европу прорубить окно» окончилась после продолжительных войн,

* П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950; С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. – («Исторические записки»), т. 10, с. 95–116.

потребовавших от населения огромных жертв, неудачей. Неужели Бородину неизвестно, что Иван в конце концов был вынужден заключить мир со Швецией и Польско-Литовским государством на очень тяжелых для нас условиях? Неужели и в этом Бородин найдет свидетельство умения Ивана организовать и соразмерить силы народа с поставленными себе задачами?

Бородин утверждает, что «мощь России не только не пошатнулась, но значительно возросла в XVI в.». Да, если говорить о XVI в. в целом, то мощь России и международное значение возросли, но Иван в этом не виноват, так как годы его самостоятельного государствования – с 1560 г. и до смерти – были едва ли не самым темным и тяжелым периодом во всей истории Московского государства. По бедствиям, перенесенным народом в это время, этот период не уступит лихолетью Смутного времени с его дворцовыми переворотами, самозванщиной, гражданской войной и польской интервенцией.

Свидетельствами крушения внутренней политики Ивана, если вообще можно говорить о таковой, можно считать Соборный приговор 1580 г. о монастырских вотчинах и заповедный указ 1581 г., находящийся в прямой связи с приговором 1580 г., так как после этих двух мер произошел крутой поворот на тот путь, по которому пошла наша история в дальнейшем.

Соборный приговор 1580 г. засвидетельствовал конечное оскудение «воинского чина» и поставил это в связь с привилегированным положением монастырей в области финансов и с той земельной катастрофой, о которой было сказано выше. Приблизительно через полтора года после приговора Собора Иван издал первый заповедный указ, лишавший крестьян права отказа и выхода. Указ поначалу был временной мерой и после смерти Ивана заповедные годы перемежались с выходными, но после потрясений Смутного времени выходных лет уже не давали. Так можно сказать, что Иван указом 1581 г. положил основание закрепощению крестьянства. Крестьяне были принесены в жертву оскудевшему от войн и прочих причин воинскому чину, главным образом служилой мелкоте, которая больше, чем монастыри и сильные экономические верхи служилого класса, нуждалась в лишении крестьян права выхода.

Лишение крестьян права выхода было неизбежным и вынужденным выходом из факта массового разброда населения от тяжелых военных налогов, двух чумных эпидемий, нескольких недородов и голодных лет, выселений и переселений служилых людей в опричнине, эксцессов опричнины и других бедствий времени. Крестьяне и посадские люди, как тогда говорили, «брели розно», на юг, на восток и за «Камень», т. е. в Сибирь. От разброда населения страдали не только землевладельцы, но и государева служба и тягло.

Дошедшие до нас и частью напечатанные Калачевым писцовые книги последних лет царствования Ивана и следующих лет дают потрясающую картину запустения, главным образом, западных и центральных уездов государства. Вопрос этот давно освещен в монографических исследованиях историков. Известно ли это Бородину? Если известно, то как у него хватает смелости утверждать, что мощь государства не пошатнулась? Ведь именно этим разрушением основ мощи страны объясняется то, что Иван должен был сложить оружие и отказаться от продолжения борьбы за выход к Балтийскому морю, от всех завоеваний в Ливонии.

Не в запоздалых ли мерах в пользу оскудевшего воинского чина и не в закрепощении ли крестьян можно видеть прозорливость Ивана, его организаторские таланты и умение использовать народные силы? И не в кратковременном ли эпизоде с опричниной находит Бородин свидетельство умения Ивана «расстанавливать» людей по своим местам?

Поставить одному Ивану в вину все бедствия, которые пришлось вынести стране в его царствование, было бы грубой ошибкой, переоценкой роли личности в истории вообще и, в частности, государственной деятельности и талантов Ивана. Но историк не имеет никакого права бросаться в противоположную крайность и, подобно Костылеву и Бородину, петь дифирамбы прозорливости и государственным талантам Ивана.

Бородин совершенно верно отметил одну очень слабую сторону трилогии Костылева – невыдержанность, нестроту и небрежность повествовательного языка Костылева. От исторического романиста мы требуем правдивого изображения живых людей, и не людей вообще, а людей того времени,

со всеми особенностями их понятий, быта и нравов. А для этого необходимы соответствующий эпохе язык, начитанность в памятниках эпохи и знание истории вообще. Нельзя не признать, что Костылеву этих качеств не хватает.

Автор трилогии нередко употребляет вычурные и рискованные выражения, полагая, по-видимому, что это дает аромат эпохи. Иногда эти неудачные выражения грубо анахронистичны как с точки зрения истории языка, так и по несоответствию понятиям времени. Приведу несколько примеров. Вместо трафаретного в XVI в. выражения: чинить суд и управу Костылев пишет: чинить управство. Разговорное и былинное «зелено вино» становится почему-то «зеленчатым». Непонятно, откуда автор взял выражение «прямиковое» слово вместо «прямое») слово. Если это взято у В. Даля, то разве не знает Костылев, что «Словарем» и «Пословицами» Даля надо пользоваться с толком. Анахронистичны такие слова, как азарт, бал (танцевальный вечер), вельможи-магнаты и т. п.

Особой пестротой страдает язык главного действующего лица. У Костылева царь Иван то говорит на языке книжника-интеллигента XIX в., то подделывается под церковнославянский язык, то многословно невыразительным языком резонерствует как неопытный пропагандист. Иван говорит Курбскому: «А было время, когда мы понимали друг друга». В I главе: «В духе или не в духе Иван Васильевич?» При вести о больших победах на фронте Иван созывает бояр и спрашивает их: «Како мыслят о случившемся?»

Еще хуже обстоит дело с употреблением технических терминов. Костылев, видно, не прочь пощеголять этим, т. е. делает намеренно, а не по недосмотру, и обнаруживает одновременно и слабое знание истории, и языка времени.

Читателю, знакомому с историей эпохи, эти выражения будут резать, что называется, ухо, а у читателя, не знакомого с предметом, они будут порождать в понятиях путаницу. Например, слово «помещик» Костылев употребляет в том смысле, который оно имеет до наших дней, и не делает различия между поместьем и вотчиной. Между тем в XVI в. поместье было временным владением государевой землей, обусловленным службой, и только на время действительной службы. В руках московских государей, начиная с Ивана III, поместная система была основой земельной

политики, мощным средством заставить бывших когда-то «вольных слуг» нести обязательную и нормированную правительством службу.

Вотчина – полная и наследственная собственность. В эпоху удельной раздробленности Руси вотчины были основой социальной и экономической силы княжат и крупных феодалов-бояр.

Если это мое указание покажется Костылеву мелочью, с которой романист может не считаться, то я предлагаю Костылеву просмотреть все места его романа, где он поминает поместья и вотчины, и он увидит, что это вовсе не пустяк.

На многих страницах Костылев говорит о дворянах, употребляя это слово в том смысле, в каком оно известно в XIX в. Позволю себе сделать небольшие разъяснения. «Государев двор», дворяне в том смысле, какое имело это понятие в XVI в., были прямыми наследниками старшей и молодшей дружины князей XII–XIII вв. При Иване количество лиц, служивших в дворянах, было около 2700 человек. Это составляло приблизительно 1/15 часть всего класса помещиков и вотчинников. Высшие чины, от боярина и до стрянчего, составляли приблизительно 1/4 двора. В руках этой немногочисленной вершины социальной пирамиды были все центральное и местное правление и весь командный состав армии. Низшим чином дворянина был чин жильца. Их было немногим менее 2000 человек. Жильцы несли охрану царского двора, сменяясь по третям или четвертям, а в военное время составляли так называемый государев полк, т. е. были как бы гвардией московских князей. Вершину двора составляли советные, думные люди. При Иване их было человек 40 в боярах и человек 20 в других думных чинах.

Все прочие помещики и вотчинники служили в поуездных организациях, служили «с городом», в городовых детях боярских. Генеалогический состав государева двора был очень устойчив и до Ивана, и при нем. Реформы середины века приоткрыли для городовых детей боярских доступ в государев двор, но переход из разрядов городовых детей боярских в разряд дворян был возможен только для кучки отборных («выбора из городов») детей боярских, как особая милость царя. Замечу кстати, что излюбленный Костылевым Васюк Грязной вовсе не был худородным сыном бояр-

ским и происходил из старого ростовского рода Ильиных, представители которого уже в нескольких поколениях служили в дворах великих и удельных князей.

И эти мои замечания о государеве дворе – не мелочь. Во второй части трилогии пушкари болтают на досуге: «Рассказывал он и о том, как многие незнатные дворяне попадали в милость к царям (!?) за подвиги в прежних войнах. Их зачисляли в боярские дети, а были и такие, что получали княжеское звание». Вольно пушкарям болтать на досуге всякие небылицы, но автору исторического романа надлежит быть лучше осведомленным о предметах, которые он берется обсуждать. Царь Иван в опалах нередко наказывал человека тем, что приказывал его разжаловать и из дворян записать в городовые дети боярские, но до Ивана царей не было, а жаловать за боевые подвиги из попов в дьяконы было нелепо. Относительно пожалования княжеским званием могу заверить Костылева, что первым государем, который стал награждать титулами князя, графа и барона, был Петр Великий, а до него таких казусов не бывало.

Приблизительно такие же нелепости вкладывает автор в уста «дворянам» и даже самому царю, когда садится на излюбленного конька о так называемых «худородных» людях и о демократизме Ивана.

Неряшливое употребление технических терминов и недостаточное знание истории приводят Костылева иногда к большим несообразностям. Приведу один пример грубого ляпсуса. Трилогия начинается рассказом о том, как Васюк Грязной был послан из Разряда (главного военного приказа) в вотчину Колычева и «стал расспрашивать о верстании: сколь и кого поимянно выставит боярин своих людей в войско, коли к кому нужда явится».

Первоначальное значение слова «верстать» – сравнивать, приравнивать. Отсюда слова «сверстник», «ровесник» и выражение «быть кому-либо в версту», т. е. вровень. Техническое значение слов «верстать» и «верстанье» таково. По наказу из Разряда нарочито назначенные боярин и 1–2 дьяка с несколькими подьячими производили смотр и верстание служилых людей, пересматривали старослужащих и верстали вновь в службу новиков (парней, достигших 15 лет). Приехавши в уезд, комиссия вызывала в город служилых и производила смотр. Под наблюдением комиссии выборные от

уезда «окладчики», обыкновенно из заслуженных стариков, «разбирали» людей, давали показания о их прежней службе и о дальнейшей служебной годности и откладывали их, т. е. определяли оклады денежного и поместного жалованья в соответствии с его земельным обеспечением, определяли его службу, в том числе количество (а не поименно) и вооружение как самого человека, так и его людей, которых он должен был вывести с собой в поход. Количество бойцов было нормировано (со 100 четей* земли – человек на коне, а в дальний поход – о двух конях). За каждого человека, выставленного сверх нормы, служилый человек получал добавочные подъемные деньги против его оклада, т. е. был заинтересован выставить больше людей.

В этом состояла суть верстания. Все сведения о верстании записывались в так называемые «десятни», которые хранились как мобилизационные списки в Разряде. Совершенно нелепо было бы со стороны Разряда посылать В. Грязного расспрашивать Колычева о верстании и узнать от него или от его людей, сколько и кого поимянно он выведет в поход.

Подобных ляпсусов в трилогии Костылева немало. На читателя, знакомого с делом, эти ляпсусы производят такое же впечатление, как известный рассказ иностранного путешественника по России о том, как он, сидя под развесистой клюквой, с аппетитом ел кусок спелого самовара.

Перейду к другому существенному недостатку трилогии Костылева – к смешению двух различных родов письменности: художественного исторического повествования и популяризации исторических знаний. От популяризатора мы требуем доступного неспециалистам рассказа о прошлом на основе последних достижений науке. Предоставляя художнику известную свободу творческого вымысла, мы требуем от него непротиворечия фактам и достижениям науки и никак не можем допустить вторжения в область спорных и еще не исследованных вопросов. Костылев смешивает эти две задачи и не разрешает вследствие этого ни той, ни другой: художественная сторона трилогии оказывается испорченной тенденциозностью и неосведомленностью автора, и популяризация, игнорирующая достижения науки, получает характер неудачной пропаганды.

---

* Четь – четверть, т. е. половина десятины.

Старые романисты XVIII в. для обрисования своих героев употребляли наивный прием – положительные персонажи награждались привлекательной наружностью и благозвучными именами, а отрицательные типы обрисовывались в самых непривлекательных внешних чертах и заранее клеймились некрасивыми фамилиями, вроде Скотинина, Ветрогона, Скалозуба и т. п. Классики нашей литературы давно оставили этот наивный и нехудожественный прием. Костылев возрождает эту старину.

Для обрисовки отрицательных типов, главным образом бояр, Костылев употребляет целый арсенал эпитетов, характеризующих человека главным образом по внешности. Бояре не говорят, а скорее рычат, произносят нечленораздельные звуки, несвоевременно икают, говорят хриплыми, простуженными голосами; они потные, носатые, косматые и лохматые; у них не окладистые бороды, а жиденькие бороденки и т. п. Боярин Колычев, шаровидно-толстый, так труслив, что вздрагивает от вспорхнувших на дереве галок, и т. д. Эти внешние черты обрисовывают внутреннюю ничтожность боярства, косность, невежество, своекорыстие, умственную тупость и предательское подобострастие перед царем.

Над этой средой ничтожного боярства Иван царит, как орел, и, естественно, что он одинок и встречает со стороны своих советников только прямое или молчаливое противодействие.

Костылев, возражая на упрек Бородина относительно одиночества Ивана, говорит, что он вовсе не думал изобразить Ивана как человека «одинокого в своих замыслах», «в романе... подробно изображена усердная, преданная служба окружавших царя помощников». «Иван Грозный окружен массой верных, преданных ему людей, обеспечивших ему блестящие победы в Ливонии». Что в распоряжении Ивана всегда было много людей, готовых исполнять его приказания, это несомненно, но это не исключает идейного одиночества. А в этом-то все дело.

Читатель судит об авторе не по тому, что он думал сказать, а по тому, что он сказал в своем произведении. Приведу из романа Костылева одну достаточно убедительную цитату. Иван, получив известия о крупных победах на фронте и о выходе воевод к Балтийскому морю, созвал

ближних бояр, спросил: «Како мыслят о случившемся?» Бояре не могли ответить коротко и ясно. Для них все еще оставалось непонятным: зачем море? Кланялись царю, крестились (так!), а потом говорили пространно, путаясь в льстивых словах. «Толкового ответа не добился от них Иван Васильевич». На другой день Иван устраивает пир, приглашает на него до невероятия разношерстную компанию и на пиру ведет пропаганду своих идей, говорит о вреде разногласий и о пользе согласия, «междоусобная распря и честолюбие расслабляют властителей, затемняют разум». «Ближние бояре внимательно слушали молодого царя, в раздумье мяли свои липкие влажные от вина бороды, не понимая и половины его слов».

Карикатурное изображение боярства у Костылева служит как бы контрастом мудрости и величия Ивана. Этот контраст проводится через весь роман. Выше, возражая Бородину, я указал на реформы середины века, указал, что нет оснований приписывать их Ивану, и поставил вопрос, кто же задумывал и проводил эти реформы? Куда делись эти реформаторы, когда в 1560 г. Иван взял власть в свои руки и удалил Сильвестра и других непрошеных советников? Все мои замечания и вопросы полностью могут быть адресованы Костылеву.

Надо отдать справедливость Костылеву, что и прежние апологеты-историки Ивана без стеснения приписывали ему не только то, что было сделано в его малолетство и в молодости, но даже и то, что было совершено его отцом и дедом. Не вдаваясь в подробности, выскажусь по двум вопросам – о Судебнике 1550 г. и о новой формации служилого класса.

В доказательство забот Ивана о правом и равном для всех суде Костылев несколько раз упоминает Судебник 1550 г. По-видимому, ему неизвестно, что этот Судебник был дополненным переизданием Судебника 1497 г., Иванова деда, великого князя Ивана III. По сравнению со старым Судебником Судебник 1550 г. дал очень мало нового. И, быть может главное то, что царский Судебник не поставил и не решил назревшего уже вопроса об участии в суде царя как высшей инстанции. В обоих Судебниках вопрос о так называемых царских опалах оставлен без решения.

Не следует представлять себе, что княжеская опала была бытовым явлением, вспышкой княжеского гнева. Нет, опала

была юридическим актом княжеской власти и очень старым институтом Руси времен удельной раздробленности.

Суть этого института в следующем. Если дружинник нарушал в чем-либо свою присягу князю, то князь имел право нарушить свой договор с дружинником, обязывавший его оказывать дружиннику защиту и покровительство и не «бесчестить» его, т. е. не лишать без основания заслуженной им «чести» – известного положения на службе князю. На провинившегося слугу князь мог положить опалу, а в опале он, как говорят источники, был волен, т. е. мог наложить любое наказание, удалить со службы, разжаловать в низшую должность, лишить имущества или, наконец, казнить смертью. Обычай ограждал дружинника от произвола князя. Прежде чем положить опалу, князь должен был дать слуге «исправу», т. е. возможность оправдаться, сказать в свое оправдание все, что он имел. Поэтому кардинальным условием правого княжеского суда был принцип недопустимости заочного суда и опалы.

По нашим понятиям о суде, князь не мог быть судьей в деле, в котором он был одновременно заинтересованной стороной. В действительности было не так, так как по старым же обычаям князь судил не единолично, а в присутствии своих дворян, именно тех, которые с XIV в. стали называться боярами введенными (в княжескую думу), а позже просто боярами.

Нет надобности много говорить, что для времени царя Ивана все эти обычаи о княжеском суде и опалах стали большим архаизмом. Великие князья Иван III и его сын Василий III нередко нарушали эти обычаи, но не злоупотребляли опалами и никогда принципиально не отрицали права своих слуг на исправу. Понимал ли Иван, что эти обычаи давно отжили свой век, что давно назрела потребность заменить их новыми формами царского правосудия, что огромное Московское государство не могло существовать совсем без суда? На эти вопросы может быть только один ответ – нет, не понимал. Он пользуется или вернее злоупотребляет опалами. В послании к Курбскому Иван в краткой и до предельности четкой форме выразил свою концепцию царской власти: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»* – вот весь багаж государ-

* «Послания Ивана Грозного», с. 30.

ственной мудрости Ивана. Не случайно он называет холопами всех своих слуг, так как для него граждан и не существовало, а по тогдашнему праву раб был бесправен, и между рабом и господином не могло быть судьи.

Курбский в своих гневных «епистолиях» царю Ивану нигде не отрицает права царя наказывать своих слуг. Он упрекает Ивана в неблагодарности и неосмотрительности, возмущается, как христианин, жестокостью казней, но главные его нападки направлены на несправедливость опал и казней, на их бессудность, на суд и опалы без «очевистого вещания», т. е. заочные. Что же делает Иван? Сильвестр удаляется сам, видя немилость царя. Адашев получает почетное назначение воеводой на Ливонский фронт. Через несколько месяцев царь налагает на них опалу. Напрасно опальные умоляют царя многочисленными челобитными дать им суд и исправу, Митрополит Макарий и часть бояр имели мужество сказать на Соборе, что Сильвестру и Адашеву должна быть дана возможность оправдаться. Враги опальных пугают царя тем, что Сильвестр и Адашев его околдуют, если он допустит «очевистое вещание». Иван по малодушию отказал опальным в суде. Да и рискованно ему было давать Сильвестру и Адашеву право оправдаться, так как из его же «Послания» к Курбскому видно, что никаких конкретных обвинений у него не было. Так Иван совершил первый ложный шаг, который оказался роковым.

Отказ опальным в суде был началом конфликта царя не только с боярами, но и со всем двором и даже со своей родней. Конфликт скоро, года через полтора, принял характер жестокой схватки. По логике вещей обе стороны покатились по наклонной плоскости, на которой не было возможности остановиться. Иван в поисках выхода из безвыходного положения в 1565 г. решает отказаться от власти и устроить себе опричный двор. Первым условием, которое Иван поставил духовенству, боярам и всем дворянам, соглашаясь не отказываться от власти, было требование не заступаться за людей, которых он будет по своему усмотрению наказывать. Это был прямой вызов общественному мнению двора и духовенства, которое раньше обуздывало опальчивых князей, и принципиальное отрицание старых обычаев правого княжеского суда. Неумные советники Ивана из среды того же дворянства столкнули Ивана на путь чистого произвола, и так начался кровавый хаос опал и казней. В 1569 г. Иван дока-

тился на этом пути до дна. В 1570 г. происходит чудовищный погром Новгорода и Пскова, в котором погибли тысячи ни в чем неповинных людей из простонародья и произведены большие опустошения. Осенью 1572 г. Иван при обстоятельствах, о которых я рассказал выше, отставил опричнину. Правда, что после этого вспышки опал и казней не прекращаются, но количество их значительно уменьшается, а главное изменяется их характер. По поводу княжеской опалы вообще, в частности бессудных опал Ивана, укажу на очень интересный факт из истории нашего права. В Смутное время, после сурового режима Бориса Годунова, идея о правом царском суде возрождается. Избранному на царство Василию Шуйскому боярство ставит условие: без истинного суда не лишать никого чести и живота, т. е. имущества. То же условие бояре вносят в договор с Сигизмундом. При первых Романовых в течение всего XVII в. сфера применения царской опалы как панацеи от всех зол быстро сокращается. Михаил и Алексей применяют опалы очень редко, в мягкой форме. Преступления и вины, которые раньше разрешались опалами, теперь переходят в компетенцию приказного суда.

Конечно, было бы большой наивностью видеть причину конфликта Ивана со своими слугами в несогласии о заочном суде и нарушении старых обычаев. Истинная причина была гораздо глубже и серьезнее.

Ивану пришлось быть главой большого государства в ответственный период его истории – борьбы на три фронта. Политическое объединение Руси далеко опередило необходимое для большого государства переустройство старых органов и средств центрального и местного управления, финансов, ратных сил, всего аппарата власти. Начатые в середине века разносторонние реформы не могли быть доведены до конца, так как переустройство всего аппарата власти было начато и происходило в обстановке почти непрерывных войн.

Между тем Иван вырос в понятиях старины, когда князь смотрел на государство как на вотчину своего рода и его самого. Через церковную литературу он познакомился с византийским учением о божественном происхождении царской власти, но эти идеи не давали ему ничего для понимания условий русской жизни. Ключевский давно и совершенно верно указал, что в «многошумящем и широковещательном» «Послании» Ивана мы при всем желании не находим никакой политической программы: Иван пространно, на разные

лады повторяет одно и то же: «Жаловати своих холопей вольны, а и казнить их вольны ж»*.

Непрерывная борьба на три фронта требовала огромного напряжения власти центральной и местных ее органов, требовала принесения всех частных интересов населения в жертву государственной безопасности. Это Иван понимал хорошо, но средства, которые он употреблял, показывают, что новых требований жизни он не понимал. Все его действия и поступки в частном и в целом, в большом и малом обличают в нем не прозорливого и передового государственного деятеля, а, наоборот, человека старых понятий, хозяина вотчины-удела доброго старого времени, волею судеб поставленного во главе огромного государства в очень тяжелый период его переустройства из вотчины московских князей в европейское государство. Вот в чем трагедия Ивана как правителя. Сюжет очень благодарный для художественного творчества и психологических характеристик. Костылев и его критик выворачивают всю действительность наизнанку и дают такую установку, которая не может не завести в дебри фантастики.

Костылев в романе и в ответе Бородину на разные лады развивает тезис, что наша история обязана Ивану как передовому и мудрому правителю тем, что он выдвинул на политическую сцену «новый класс», служилое дворянство, на смену старой формации княжат и крупных феодалов-бояр. На этом фоне Костылев усиленно разрабатывает мотив о демократизме Ивана и об его симпатиях к худородным и совсем безродным низам населения. На этот ложный путь Костылева увлекли ошибочные представления некоторых старых историков, преимущественно из числа апологетов Ивана.

В действительности новая формация служилого класса была создана разумными и планомерными реформами деда и отца Ивана, так что Ивану в этом вопросе почти ничего не оставалось делать.

Великий князь Иван III твердой рукой без ненужных жестокостей и кровопролития произвел в несколько приемов конфискацию земель новгородских бояр, выселил их в восточные уезды государства, посадил на поместья и под-

---

* В. О. Ключевский. Соч., т. 11, с. 169.

чинил обязательной службе. На их место он посадил до 2000 помещиков из центральных частей государства. В числе помещиков было не менее 200 бывших послужильцев и холопей бояр и княжат. Так, в короткий срок было создано до 3000 рядовых служилых людей. Эта грандиозная реформа более чем на столетие становится основой и образцом земельной и военно-служебной политики московских государей. Во всех уездах, вновь присоединяемых к Москве, и в
областях юга и востока, вновь заселяемых, правительство насаждает только помещиков и не дает земель в вотчину.

Успеху этой политики способствует старый обычай равного раздела вотчин между сонаследниками. Княжата и бояре, размножаясь с течением времени, дробят вотчины в семейных разделах и выделяют из своей среды множество безземельных или малоземельных представителей, которые набрасываются на поместья и становятся, таким образом, в прямую зависимость от государя. Ко времени великих реформ середины XVI в. практика испомещений складывается в детально разработанную систему.

Большой смотр в Серпухове 1556 г., напечатанный Калачевым под названием «Боярской книги», показывает, что к этому времени подавляющее большинство служилых людей, даже верхов дворянства, служило не с вотчин, а с поместий, многие дворяне, даже из князей, не имели вотчин совсем, другие владели столь небольшими вотчинами, что не могли нести службу без поместья. Словом, мечты Ивашки Пересветова по этому предмету в середине века были в сущности действительностью.

Так и в этом вопросе о новой формации Костылев приписывает Ивану такие заслуги, которых у него перед историей нет. Перейду к основному вопросу трилогии Костылева – к вопросу, вокруг которого развертываются все события, к войне с ливонскими рыцарями, или, если говорить точнее, к войне со Швецией и Польско-Литовским государством из-за Ливонии и за свободный выход к Балтийскому морю. Ливония как государственное образование была в это время в состоянии полного разложения и никакой непосредственной опасности для Москвы не представляла.

Костылев, чтобы возвеличить Ивана, приписывает всю честь возобновления давнишней борьбы Руси за выходы к

морю самому Ивану. Невежественные и ленивые бояре изображаются как противники великих замыслов Ивана. Что же говорят по этому вопросу источники?

От самого Ивана мы знаем имя только одного противника – попа Сильвестра. Далее в запальчивой полемике с Курбским Иван бросает ему и через его голову боярам упрек в том, что они постоянными непрошеными советами досаждали ему. По мнению Ивана, если бы не «злобесное претыканье» бояр и воевод, то московские полки давно завоевали бы мало не всю Германию (!). Ни других имен, ни количества противников мы не знаем. Равным образом неизвестны нам ни количество, ни имена сторонников Ивана.

Между тем есть прямые указания иностранцев, которые предвидели, с тревогой ожидали, что московское правительство после завоевания Казани перенесет свое внимание и силы на Запад. Иностранные наблюдатели сообщают, что непосредственно после Казанского взятия в Московии начались большие приготовления к войне на Западе – чинят мосты, проводят дороги, строят ямские дворы, способные поместить большое количество лошадей и транспортных средств, устраивают склады боеприпасов. Иван в это время был в полном послушании у попа-невежды, как он позже говорил, и других лукавых советников.

В Москве, конечно, предвидели, что вторжение в Ливонию вызовет вмешательство соседей, во много раз более опасных, чем немецкие меченосцы, что Швеция и Польша тоже предъявят свои претензии на наследство выродившихся поработителей коренного населения Прибалтики. Между тем народы Среднего Поволжья далеко еще не были замирены. Затем возникла и обострилась после завоевания Казани опасность со стороны крымского хана. При таких условиях было о чем подумать, спорить и не браться за большое дело очертя голову.

Мне представляется, что в правящих верхах Москвы вопрос о войне с Ливонией вызвал большой раскол: часть верхов, быть может, значительная, была против войны, а другая часть, тоже несомненно значительная, была за войну. Неизбежность войны и необходимость пробиться к морю были понятны многим, весь вопрос был в выборе благоприятного момента и в соответствующей военной и дипломатической подготовке. Напомню здесь, кстати, факт, упущенный,

кажется, из виду Костылевым, – почин вмешательства в дела разлагающейся Ливонии сделало Польско-Литовское государство приблизительно за полгода до объявления войны Москвой. Жребий был брошен, медлить и отступать было невозможно.

Напомню Костылеву, что в годы подготовки войны с Ливонией дипломатические переговоры с послами Ливонии вели такие умные дипломаты, как Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый. Они разоблачали пустые увертки послов и поставили им такие ультимативные требования, которых Ливония не могла принять и исполнить.

Нет никакого сомнения, что важность и ответственность принимаемого решения были ясны не одному Ивану, так как война с Ливонией ставила ребром проблему южного фронта: не защитив фланг, нельзя было обращать все силы на западный фронт. У Костылева Иван представлен как одинокий в своем намерении начать войну с Ливонией человек. При всяком удобном и неудобном случае Иван ведет пропаганду своих идей – в беседе с Курбским, в интимном разговоре с женой, в зажигательной речи перед казаками и т. д. Аргументы за и против Иван набирает у наших старых историков – Карамзина, Соловьева и других.

На активную политику относительно Крыма Иван (не настоящий, а Костылева) смотрит, как на коварную выдумку бояр, которые пытаются отвлечь внимание царя от войны с Ливонией и спровоцировать его на войну с Турцией. При этом Костылев странным образом смешивает ногайский вопрос с крымским и, по-видимому, совершенно не подозревает, что политика южного и западного фронтов была в сущности неделима, была единой проблемой международной политики.

Польско-Литовское государство, пользуясь обострением отношений между Москвой и крымским ханом, подкупало его и натравливало на Москву. Между тем народы Северного Кавказа, кабардинские князья и другие, и орды заволжских ногаев, постоянно враждовавшие между собой и с кабардинскими князьями, тотчас после падения Казанского царства потянулись в Москву – одни просили принять их на службу, другие – «под высокую руку» царя, т. е. в вассальную зависимость. Во главе московской дипломатии стоял в это время посольский дьяк И. М. Висковатый, умней-

ший самородок из низов населения. Московское правительство очень ловко использовало постоянную вражду ногаев между собой и с кабардинскими князьями и направило их силы против крымцев. По указке и при помощи Москвы ногаи стали наносить крымцам тяжелые удары.

Предпринимая войну с Ливонией, Москва одновременно произвела в 1557 – 1559 гг. диверсии против Крыма. Эти диверсии, произведенные с небольшими сравнительно силами, дали блестящие результаты и на много лет отбили у крымских татар охоту разорять южные окраины Руси.

Что же по этому вопросу мы находим у Костылева?

Иван, щадя здоровье жены, многое скрывал от нее, но однажды не стерпел и, «подозрительно оглядываясь кругом и плотно прикрыв двери, сказал: "...Вельможи упрекают меня в том, что я не советуюсь с ними, а сами о турецком султане и подумать не хотят. Великий Салиман золотыми буквами (!) грамоту мне пишет о дружбе, а я пойду разорять ханскую землю Крым? Не хотят понять они, что погибель в безводных степях ждет войско"».

Но ведь о походе на Крым через степи не было и речи, диверсии были произведены по Днепру и Дону. Аргумент о невозможности похода через безводные степи царь Иван по недосмотру заимствовал у историков, но не заметил, что он относится к неудачному Голицынскому походу 1686 г. и не имеет никакого отношения к диверсиям Вишневецкого, Ржевского, Вешнякова и Даниила Адашева, произведенным по рекам.

В казнях 1569 – 1571 гг. погибли Висковатый и множество сотрудников Ивана, из земщины и из опричнины, и недавние полезные союзники Москвы ногаи и кабардинские князья оказались нашими врагами и в 1571 и 1572 гг. приходили с ханом Девлетом громить Русь.

Перейду к последнему вопросу – к так называемой «психологической правде» в изображении исторических лиц и событий. Психологические характеристики всегда в большей или меньшей степени субъективны и потому выходят, собственно говоря, за пределы компетенции ученого-историка. Психологическая правда, восполняющая молчание и скудость источников, есть специальная и очень благодарная область художественного творчества. Мы ждем от художника

изображения живых людей далекого прошлого. Задача эта нелегкая, для воссоздания живых людей и обстановки их времени требуется особый дар творческой интуиции и хорошее знание памятников эпохи. Нельзя не признать, что природа скупо наделила Костылева первым свойством, а в недостаточном знакомстве с источниками виноват он сам.

Семейная и половая жизнь царя Ивана настолько неприглядна, даже по тогдашним нравам и понятиям на этот счет, что апологеты Ивана предпочитали о ней не распространяться или вовсе обходили этот скабрезный вопрос. Но Костылев не останавливается ни перед чем, чтобы возвеличить своего героя. В обрисовке отношений Ивана к первой жене Костылев допускает такую модернизацию его личности, которая противоречит всем свидетельствам источников и лишена всякого правдоподобия.

Иван – прекрасный семьянин, трогательно нежный отец, держит себя с женой как равный, посвящает ее во все свои государственные замыслы, советуется с ней даже по таким вопросам, как назначение воевод, жалуется ей на непонимание со стороны окружающих и т. д. Правда, он не всегда встречает в ней понимание, а только нежную покорность и женскую ласку, но не унимается и продолжает в том же духе. Словом, ведет себя как герой какого-нибудь романа Шеллера-Михайлова, либеральный и чувствительный интеллигент, который под гнетом жизненных неудач или просто по слабости нервов чувствует по временам потребность склонить свою усталую голову на любящую грудь.

Трудно, быть может, даже невозможно предвидеть, что будет говорить Костылев о следующих шести браках Ивана и о его позднейшей половой распущенности. Рассмотрим пока то немногое, что нам известно о первом браке Ивана.

Иван вступил в брак, как это было в обычаях того времени, очень рано – ему было 17 лет, а его невесте – и того меньше. Замечу, что невест выбирали царям не только по красоте, но и по здоровью, так что у нас нет оснований предполагать, что Анастасия Романовна была слабого здоровья. Иван прожил с Анастасией 13 с половиной лет. За это время она родила ему трех дочерей, умиравших в младенчестве или в раннем детстве, и трех сыновей: Дмитрия, Ивана и Федора.

Анастасия умерла в августе 1560 г. в возрасте не более 25 лет, т. е. в таком, когда женщина обыкновенно достигает полного расцвета сил молодости. Из официальной летописи известно, что Анастасия умерла, прохворав около двух лет. Чем она была больна, мы не знаем, видимо, она медленно угасала. Много лет спустя Иван, оправдываясь перед Курбским в своих опалах и казнях, обвинял Курбского и бояр, будто они сжили со света его «юницу» колдовством. Нам, не верующим в колдовство, правдоподобнее предположить, что причинами ранней смерти Анастасии были ранний брак, частые роды, истощившие ее организм, т. е. в значительной степени виноват был сам Иван.

Излюбленным развлечением Ивана в годы первого брака были поездки на «потехи», т. е. на псовую и соколиную охоту, по монастырям и святыням и на торжества освящения новых храмов. Обыкновенно два раза в год он посещал Троицкий Сергиев монастырь и в общем совершал по 5 – 9 поездок в год, проводя в них иногда недели. Всегда и неизменно он таскал с собой жену и детей, не считаясь ни с беременностью жены, ни с кормлением грудью новорожденных.

В официальной летописи мы имеем подробный рассказ об одной из таких поездок, окончившейся трагически. Дополнением к летописному рассказу служит несколько замечаний Курбского, который в начале пути был в свите царя. Это «кирилловский езд» царя в 1553 г. на Белоозеро. В конце 1552 г. у Ивана родился первенец, названный при крещении Дмитрием. Вскоре после этого Иван тяжело занемог, и у его постели, как известно, едва не загорелся сыр-бор из-за присяги новорожденному «пеленочнику», как выразился один из бывших в то время при царе бояр. Во время болезни Иван дал обет поклониться мощам чудотворца Кирилла Белозерского и посетить другие святые места. Весной, еще не оправившись от болезни, Иван с женой, не окрепшей еще после родов, и с грудным ребенком отправился в далекий путь полыми водами по Яхроме, Дубне, Волге и Шексне.

По словам Курбского, разумные люди отговаривали царя от его намерения, указывали, что надо пощадить жену и поберечь ребенка. Старец Максим Грек будто бы прямо предсказывал царю гибель ребенка, если он не откажется

от своей неразумной затеи. Царь на эти советы упрямо твердил одно: «Ехать, таки, да ехать». И поехал. На обратном пути при пересадке в другое судно Дмитрий по неосторожности мамки был обронен в Шексну, захлебнулся и погиб. Печально, с «тощими», т. е. с пустыми, руками вернулись царь и Анастасия в Москву, везя труп младенца для погребения его в Архангельском соборе.

Так Иван «своим безумьем», по выражению Курбского, погубил своего первенца. Нетрудно представить себе горе несчастной спутницы жизни Ивана. Об этом печальном эпизоде брачной жизни Ивана Костылев умалчивает, а вместо этого рисует психологически фальшивые сцены супружеской идиллии Ивана в духе героев Шеллера-Михайлова. Посмотрим, расскажет ли позже Костылев, как его герой трижды женил своего наследника престола, царевича Ивана, дважды разводил и постригал его жен в монашество «за гнев еже на нь» (них) (!), как выражался эвфимистически дьяк Иван Тимофеев*; как, наконец, в запальчивости Иван нанес своему сыну смертельный удар осном (посохом), когда тот попытался защитить свою третью жену, в то время на сносях, от похотливого снохача.

Не будем забегать вперед и вернемся к «многострадальной юнице». Карамзин и Соловьев, чтобы разукрасить и оживить свой рассказ, говорили о нежной любви Ивана и Анастасии и о ее благотворном влиянии на Ивана. Весьма возможно, что в этом есть доля истины, но во всяком случае источники не дают нам права сентиментальничать в этом вопросе. Официальный летописец рассказывает, что на похоронах Анастасии Иван имел вид человека, убитого горем, шел за гробом шатаясь, поддерживаемый под руки боярами. Толпы народа сопровождали гроб, и плач об усопшей был велик, так как она была «незлобива и ко всем милостива».

Едва прошла неделя со дня похорон «незлобивой юницы», как митрополит Макарий и бояре пришли к царю с челобитьем «отложить скорбь» и не медлить с новым браком, ибо он, государь, молод, «тех еще лет не дошел, чтобы ему мошно без супружества быти»**. Один неизвестный летописец обронил краткое замечание, которое объясняет

---

* «Временник Ивана Тимофеева», М.- Л., 1951, с. 19.

** ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина. СПб., 1906, с. 329.

нам поспешность митрополита и бояр: он говорит, что со смертью царицы Анастасии «начал царь яр быти и прелюбодействен зело»*. А Курбский позже упрекал Ивана в том, что он и при жизни Анастасии не соблюдал супружеской верности, на что Иван откровенно и просто сказал – все мы люди, все человеки! «А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы»**.

На следующий день после прихода с челобитьем митрополита и бояр Иван дал свое согласие и приказал немедленно отправить сватов к соседним государям, в Польшу, в Швецию и Кабарду смотреть и сватать царю невесту. Выбор второй жены Ивана был предрешен ловкими интригами его «шурьев», т. е. Романовых – родни первой жены. Ивану привезли дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича Кученей (в крещении – Мария), родную сестру князя Михаила Черкасского, уже служившего в Москве и женатого на дочери Василия Михайловича Юрьева, двоюродного брата царицы Анастасии.

Вовсе не в суд и в осуждение Ивана привел я эти справки из источников, а чтобы показать, на какой основе, исходя из каких данных может художник строить свои психологически правдивые образы Ивана и его царственной юницы. Сквозь сухие, краткие свидетельства источников мы угадываем типичный для того времени образ кроткой и доброй женщины, несчастной жертвы честолюбия и властолюбия родителей.

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». В первом браке Ивана на долю Анастасии выпала роль трепетной лани. А Иван был конем, да еще каким: при жизни Анастасии он был плохо обузданным конем, а после ее смерти и вовсе разнуздался. Какое же право при таких данных имеет художник сочинять идиллию брачной жизни Ивана, сентиментальничать и изображать Ивана как чувствительного передового интеллигента в духе героев Шеллера-Михайлова и подобных ему романистов прошлого века.

Не дело историка давать оценку литературных достоинств и недостатков трилогии Костылева. Пусть этим делом

---

* Н. М. Карамзин. История государства Российского, ст. III, т. IX, СПб., 1843, прим. 28.

** «Послания Ивана Грозного», с. 210.

займутся литературные критики. Если по тем или иным причинам они не исполнят своего долга, то читатель в конце концов справится сам и поступит так, как он обыкновенно делал и раньше, – предаст неудачное произведение забвению. За последнее время появилось в печати немало произведений на исторические темы, авторы которых, выходя за пределы своей компетенции, берутся за популяризацию исторических знаний и даже за пропаганду своих идей, не считаясь со всеми достижениями науки и заявляя претензию пересмотреть чуть не всю нашу историографию.

Подобные опустошительные набеги на науку свидетельствуют о нашей некультурности, о непонимании того, что недаром же многие сотни добросовестных работников более двухсот лет обогащали сокровищницу конкретных сведений о прошлом нашей Родины. Историки не могут и не должны оставлять без отпора подобные явления. Историк, как всякий ученый, должен быть отзывчивым к запросам современности, но одновременно идеалом всякого историка остается задача, которую поставил себе более двух тысяч лет тому назад величайший историк античного мира Фукидид, – писать так, чтобы его произведение было «приобретением навеки». Настоящие ученые так и работали по мере своих сил, и если они верят в свое призвание, то должны найти время и силы бороться с неуважением и некультурным отношением к их труду со стороны литераторов.

7 августа 1943 г.

Впервые напечатано А. А. Зиминым в историографическом ежегоднике «История и историки» за 1971 г. – М., Наука, 1973, с. 354–376.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ИВАН ГРОЗНЫЙ» А. Н. ТОЛСТОГО

Поставив себе задачу говорить о новом произведении А. Н. Толстото исключительно с точки зрения историка, тем не менее приходится сказать несколько слов о форме повести Толстого. Мы привыкли называть повестью такое художественное произведение, в котором есть та или иная фабула. В повести Толстого фабулы нет, и вся она состоит из ряда картин, связанных между собой только личностью главного действующего лица – Ивана Грозного. По существу повесть А. Н. Толстого есть серия эпизодов, характеризующих Грозного-царя. При такой постановке художественной задачи автор, естественно, не находил нужным считаться с исторической последовательностью событий и фактов. Это не могла не отразиться очень неблагоприятно на историчности произведения А. Н. Толстого, т. е. на соответствии его со всеми достижениями исторической науки.

Действующие лица повести носят исторические имена, но они говорят такие речи и совершают такие поступки, которых не могли говорить и делать те лица, именами которых пользуется автор. Приведу несколько примеров.

В 10-й картине 1-й части хронологическое смещение исторических лиц так велико, что имеет характер вызова исторической действительности. Приезд в Москву датского принца Магнуса и помолвка его с дочерью князя Владимира Андреевича Старицкого состоялись в конце 1570 г. В картине выведены следующие лица: Федор Алексеевич Басманов, князь Телепнев-Оболенский, князь Михаил Репнин, царица Марья Темрюковна, отец невесты и его мать старица Евдокия – целый сонм выходцев с того света. В довершение хронологической путаницы лиц в сцене упоминается о провозглашении

казанского царя Симеона Бекбулатовича московским великим князем, что произошло в 1574 г.

Достаточно хотя немного разобраться в этом ералаше исторических лиц, чтобы убедиться в недопустимости такой свободы творческой фантазии. Князь Дмитрий Телепнев был убит около 1563 г. По рассказам современников, причиной его гибели было то, что в ссоре с Федором Басмановым он упрекнул его в том, что он занимается с царем «содомскими потехами» и на этой почве пользуется царским фавором, тогда как его, Дмитрия, отец погиб за родину в плену у литовцев. Сам Федор Басманов погиб загадочной смертью приблизительно за год до прибытия в Москву принца Магнуса. Старик боярин князь Михаил Репнин погиб в 1563 г. за решительный отказ скоморошничать на пиру у царя. Княгиня Евфросинья Хованская, по мужу княгиня Старицкая, в иночестве Евдокия, в 1564 г. была принудительно пострижена и отправлена в ссылку на Белоозеро, в Горицкий монастырь, где и жила безвыездно под присмотром царских приставов до 1569 г., когда была казнена одновременно с сыном.

Наконец, Марья Темрюковна умерла более чем за год до приезда в Москву Магнуса, в сентябре 1569 г. Есть указания на то, что в первые годы замужества у нее был ребенок, умерший в младенчестве. У А. Н. Толстого она выведена в сцене отравления для пущей трогательности беременной. Невероятного в этом ничего нет. Если автору было угодно забеременить для большего эффекта несчастную жертву боярской злобы, то можно не ставить ему в вину поэтической вольности подобного рода. Но дело в том, что самый факт отравления второй жены Ивана Грозного находится под большим сомнением. В 1572 г. Освященный собор владык церкви вопреки каноническим правилам разрешил царю четвертый брак и в своем «приговоре» по этому поводу писал под диктовку царя об отравлении его первых трех жен. Но позже сам царь Иван в последнем письме к Курбскому обвинял бояр в том, что они чарами и колдовством сжили со света его первую жену, но ничего не говорил об отравлении Марьи Темрюковны.

Соединение в одной сцене лиц, живших в разное время, проводится автором последовательно во всех картинах повести. Это дает основание сказать, что автор пользуется историчес-

кими именами, как этикетками или ярлыками, чтобы придать историческую правдоподобность вымышленным им лицам, и не хочет признавать никаких границ своей творческой фантазии.

После авторской читки первой части повести в Институте истории (в Ташкенте) некоторые историки решились заметить А. Н. Толстому о нежелательности пользоваться так свободно историческими именами, на что Толстой возразил: а не все ли вам равно? Я в своем выступлении отвечал, что мне совершенно безразлично, какие имена употребит автор в романе или драме из жизни Вампуки, невесты африканской, но что мне, как и прочим историкам, далеко не все равно, как обращается автор художественного произведения на исторические темы с историческими именами. Эти замечания и возражения Толстой оставил без внимания и во второй части своей повести обращается с историческими лицами с такой же бесцеремонностью, как в первой.

Неудивительно после этого, что с такой же свободой А. Н. Толстой пользуется не только лицами, но и историческими событиями, и не какими-нибудь мелкими, а очень значительными в нашей истории. В первых картинах 2-й части действие происходит осенью 1572 г., когда польский гонец Воропай прибыл в Москву с извещением о смерти короля Сигизмунда и с тайным поручением некоторых польских вельмож завести переговоры о призвании на польский престол царя Ивана или его сына. На сцене появляются, как и в других картинах, выходцы с того света: боярин Иван Петрович Федоров, собственноручно убитый царем в 1568 г., думный дьяк и печатник Иван Михайлович Висковатый, казненный года за два перед тем в числе сотни представителей центрального аппарата власти, новгородский владыка Пимен, умерший в тюрьме в 1570 г., и, наконец, пленный магистр Ливонии Фюрстенберг, умерший в тюрьме в костромском пригороде Любиме в 1565 г.

Далее, известно, что в 1566 г. в Москве (а не в Александрове слободе, как у Толстого) состоялся Земский собор по вопросу о продлении перемирия с Польшей или о возобновлении войны из-за Ливонии. Никакого Земского собора в 1572 г. не было. Да если бы такой и был, то после смерти Сигизмунда и наступившего в Польше бескоролевья, т. е. по существу безвластия, международная обстановка была настолько отличной от 1566 г., что обсуждать в 1572 г. вопросы

1566 г. было совершенной нелепостью. Это обстоятельство нисколько не смущает А. Н. Толстого, тем более что усвоенная им манера не считаться с исторической правдой не мешает ему проводить свои идеи.

Нет надобности много говорить, что в нашей истории Земские соборы были очень крупным явлением. Состав соборов, церемониал и процедура заседаний хорошо известны. При открытии заседаний собора царские дьяки читали программу вопросов, выработанную в приказах по указаниям царя, а затем участники собора порознь, по «чинам» обсуждали предложенные им вопросы и подавали от каждого чина особо свои «речи». Окончательное решение, «приговор» собора, скреплялся печатями и подписями участников собора. В истории соборов бывали случаи разногласий, но окончательное решение всегда принадлежало царю и было обязательным для всех участников собора. Приговор собора 1566 г. давно напечатан и хорошо известен не только специалистам, но всем, интересующимся нашей историей.

«Освященный собор», т. е. иерархи церкви, подали особый, как полагалось, совет: «Пригоже государю за те городы Ливонские стояти», если уступить их королю, то он в них укрепится, православным церквам в тех городах будет разоренье, а торговым людям Новгорода, Пскова и других городов «торговля затворится»... «А как ему, государю, за те города стояти, и в том его государская воля, как его, государя, Бог вразумит, а наша должная (т. е. обязанность.– С. В.) за него, государя, Бога молити, – о том советовати нам непригоже».

Бояре и все думные люди подали особые речи, очень обстоятельные, с большим знанием дела. Печатник Иван Висковатый, как руководитель внешней политики, подал особое мнение о том, что продление перемирия следует обставить категорическим требованием вывода польских войск из ливонских городов. Особые же речи подали другие чины: дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, луцкие и торопецкие помещики, вызванные на собор как жители окраины, смежной с Литвой, приказные дьяки и, наконец, московские и смоленские торговые люди. Все чины с некоторыми отличиями в мотивировках высказались за то, что уступать нельзя, что перемирие возобновлять не следует, и изъявляли готовность служить, не щадя своих голов и

«животов». Очень возможно, что за кулисами собора раздавались и другие голоса, но об этом возможны только предположения, приписывать которые Земскому собору в целом совершенно недопустимо.

В изображении Земского собора, как и в других картинах, А. Н. Толстой употребляет прием вульгаризации, упрощенчества, доходящего до карикатуры. Действующие лица повести, начиная с царя Ивана до последнего опричника, обращаются друг к другу с нарочитой грубостью и бесцеремонной фамильярностью. По-видимому, автор полагал, что такой стиль разговоров лучше всего характеризует невысокий уровень культуры людей того времени. Двор московских государей, где все были приучены к чинопочитанию, где все было подчинено веками сложившимся обычаям, в изображении А. Н. Толстого очень часто смахивает на проходной двор или сельский кабак, открытый днем и ночью для всякого гулящего ярыжки.

Если не обращать внимания на дешевые сценические эффекты, которых так много в повести Толстого, то вот к чему сводится картина Земского собора.

Собор открывается зажигательной речью царя: «Что скажете, отцы духовные? Что скажете, князья, бояре? Что скажете, добрые люди московские и других (!) городов?... Стонет русская земля... Как быть нам?» Выступает новгородский владыка Пимен и говорит: «Новгородская и псковская земля пусты лежат, как от чумы... Хватит тебе, государь, чести от Полоцка, Нарвы да Юрьева... И те не стоят крови, за них пролитой». Бояре одобрительно переглядываются и заговаривают: «Мира, мира хотим». Среди купечества и посадских смущение. Князь Мстиславский, первый боярин в Земщине, выступает и по важнейшему вопросу внешней политики говорит так: «Не под силу нам война. Уж как-нибудь сдержи сердце-то... Истину сказал митрополит Пимен новгородский: мира жаждем...»

Из учебников для средней школы Толстой мог бы узнать, что до учреждения патриаршества на Руси был один митрополит – московский и всея Руси, а Пимен был архиепископом, но ему нет дела до таких тонкостей.

Далее – хорош жаргон князя Оболенского: «Обнищали, оскудели... Последнее отдали на эту прорву». Царь обращается к боярину Ивану Петровичу Федорову и, получив

от него уклончивый ответ, разражается гневной тирадой. Опричнина была отставлена перед приездом в Москву Воропая, а опричный двор в Москве на Воздвиженке был сожжен татарами крымского хана Девлета в 1571 г.; но царь забывает об этом и ни с того ни с сего разражается похвалами опричнине: Земщина называет опричный дворец «преужасным звериным логовищем ... Потешается-де царь Иван, глумится над Москвой... Чего потупились? Правду говорю... Не ради потехи завели мы опричнину...»

Естественно, что опричники повести Толстого один за другим заявляют о своей готовности стать горой за честь государя, но тут вмешивается Малюта Скуратов и, обращаясь к земским, бесцеремонно говорит: «Земские люди (!) ... Государь у вас не спрашивает – отдавать ли города немцам... Государь у вас спрашивает – любите ли вы его? Любите ли его, как мы любим? ». Далее заседание Земского собора принимает несколько балаганный характер. Опричник Борис Годунов выводит на сцену трех русских, ограбленных и избитых немцами по дороге в Англию и в срочном порядке вызванных Годуновым из Новгорода. Неизвестно, по соглашению ли с царем Годунов сделал это, но только царь немедленно пускает в ход это средство вызвать патриотический жар Земского собора: «Послушайте, поглядите, что сделали они (немцы.– С. В.) с нашими торговыми людьми...»

После этого на сцене происходит такой сумбур, что о нем не стоит говорить. Пимен, сказавши несколько дерзких слов царю, демонстративно удаляется. – «По палате проносится общий вздох облегчения» (!). На этом заседание собора кончается.

Неужели эта балаганная сцена хоть сколько-нибудь похожа на Земские соборы, на которых «всяких чинов» русские люди в тяжелые времена нашей истории чинно, серьезно и добросовестно высказывали свои мнения и помогали государственной власти с честью выйти из тяжелого положения? Без преувеличения можно сказать, что на такую бесшабашную хулу прошлого нашей родины до А. Н. Толстого не отваживался ни один историк, ни один литератор, если не считать Чапыгина.

Если автор художественного произведения на исторические темы ставит себе задачу изобразить быт и нравы той или иной эпохи, людей разных слоев населения вообще, то

имена действующих лиц и для самого автора и для читателя совершенно безразличны. Но если автор пользуется историческими именами, то он должен считаться со всем, что мы знаем о людях, которые носили эти имена. В психологической характеристике этих лиц, в оценке их поступков и исторического значения автор в известных пределах волен, но совершенно недопустимо приписывать историческим лицам такие речи и поступки, которых они не могли говорить и делать ни при каких условиях. Этой самоочевидной и бесспорной истины А. Н. Толстой не желает признавать.

В 8-й картине 2 части раскрывается большой заговор. Малюта Скуратов докладывает об этом царю и просит указа взять под стражу боярина Ивана Петровича Федорова. Об этой крупной исторической личности времени царя Ивана мы имеем довольно много данных, чтобы дать ее характеристику. У Толстого царь, узнавши об измене Федорова, как бы пораженный удивлением, говорит: «Челяднин! Его мать, Аграфена Ивановна, меня на руках вынянчила, оберегала от боярской злобы. Нам по три годочка было, обнявшись, сказки слушали, да засыпали на лавке под треск сверчков... Он у трона мой скипетр держит... Богат несчетно... Взыскан у меня более, чем я у бога (!)» У читателя и зрителя повести, естественно, пробуждается жалость и симпатия к человеку, пораженному в самых дорогих воспоминаниях детства, и отвращение к человеку, отплатившему царю за его благодеяния изменой. Этот эффект достигается автором путем грубого искажения фактов.

Аграфена Федоровна (а не Ивановна, как у Толстого), мамка царя Ивана, которую умирающий великий князь Василий заклинал не отходить ни шагу от доверенного ей ребенка, была сестрой князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского, известного любимца матери царя Ивана, Елены Глинской. После скоропостижной смерти Елены Глинской и казни Телепнева-Оболенского Аграфена Челяднина была принудительно пострижена и сослана в Каргополь. В это время она была уже пожилой женщиной, ее муж боярин Василий Андреевич Челяднин умер в 1515 г. Их единственная дочь Марья в первом браке была за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским, а во втором – за своим далеким родственником Иваном Петровичем Федоровым. Итак, Иван Петрович Федоров не был сыном мамки царя Ивана,

а так как он был лет на 20 старше царя Ивана, то никак не мог, обнявшись с ним, слушать сказки и треск сверчка.

Все это А. Толстой мог бы легко узнать у Карамзина и у других общеизвестных историков. Очень возможно, что он и знал, но это не мешало ему проводить свою тенденцию. Царь Иван, узнав об измене Федорова, приказывает его схватить, но в это время на сцене появляется Федор Басманов и сообщает, что Федоров «нами нынче на заре найден на берегу Неглинной, на куче навозной, убитый и ободранный... Из гостей он, что ли, конный ехал. Как он туда попал, кто его убил?» Малюта, оказывается, об этом еще не знал, и царь упрекает его за это. Богатые бояре того времени никогда не появлялись на улицах, а тем более ночью, без многочисленной свиты вооруженных слуг. Сообщение Басманова, если поверить А. Н. Толстому, дает основания полагать, что Федоров возвращался с ночной пьянки. Очевидно, автору казалось недостаточным оклеветать жертву своей фантазии, и он нашел нужным втоптать ее в грязь, чтобы оттенить величие главного действующего лица — Грозного-царя.

Известно, что старик Федоров был убит царем Иваном собственноручно после 30-летней службы, а затем его обезображенный труп был выброшен для поругания на площади перед дворцом. Был ли он действительно виноват в измене, это не известно. Вероятнее предположение, что он был жертвой непроверенной царем клеветы. По душам действительно виновных и уличенных в преступлениях людей царь Иван никогда не делал вкладов по монастырям, а по душе Ивана Петровича Федорова он сделал через несколько лет очень большой вклад Кириллову и Новоспасскому монастырям.

Если Толстой хотел изобразить и заклеймить образ боярина-предателя, сверстника царя и друга детства, взысканного его милостями больше, чем он сам у бога, то это не оправдывает преднамеренное и тенденциозное искажение исторических фактов.

Не одним литераторам, но и историкам приходится восполнять воображением и догадками недостаток и пробелы исторических источников. В этом все зависит от художественного чутья и такта литератора. С этой точки зрения интересно сравнить трактовку исторического факта — побега

князя Курбского в Литву у Н. М. Карамзина, графа Алексея Константиновича Толстого и у А. Н. Толстого.

Стихотворение А. К. Толстого «Василий Шибанов» по силе и выразительности языка и по общей колоритности принадлежит к лучшим его произведениям на исторические темы. Канва стихотворения заимствована им у Карамзина. Карамзин построил свой рассказ о Василии Шибанове на так называемой Латухинской степенной книге: как Шибанов подал царю на Красном крыльце «епистолию» Курбского, царь вонзил в ногу Шибанова свой жезл, оперся на него и стал слушать, а затем подверг пытке и казнил верного слугу Курбского. По своей неизменной добросовестности Карамзин заметил, что Летописец Русский противоречит рассказу Латухинской степенной книги, но А. К. Толстой не стал останавливаться на этой мелочи, так как на первом плане в его поэме стоит Шибанов, и задачей его было дать образ верного слуги-холопа, который пошел на верную смерть, чтобы исполнить волю своего господина. Автору повести «Князь Серебряный» и драматической трилогии образ Шибанова был дорог в качестве контраста подлости и предательства, которыми была насыщена эпоха Грозного-царя. В образах Михеича в «Князе Серебряном» и Василия Шибанова так же много исторической правды, как в прекрасном живом образе Савельича, дядьки, раба, и в то же время опекуна молодого Гринева в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Поэтому если А. К. Толстой допустил в своей поэме некоторые погрешности против источников, то они представляются несущественными и не дают нам права сказать, что А. К. Толстой перешел границы. допустимой свободы поэтического вымысла.

В ответном послании царя к Курбскому мы читаем: «Како же не усрамился раба своего Васьки Шибанова, еже бы он благочестие свое соблюде, и пред царем и всем народом, при смертных вратах стоя, и ради крестного целования тебя не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умерети тщашася». Иван не говорит ни слова об епистолии Курбского. Из его слов можно заключить, что Шибанов в присутствии царя и народа был подвергнут пытке и, несмотря на грозящую ему смерть, остался верен присяге своему господину. Царю нужно было это подчеркнуть, чтобы пристыдить Курбского, изменившего своей присяге. Официозный Летописец Русский

рассказывает о побеге Курбского несколько иначе. Воеводы Юрьева Ливонского писали царю, что ночью 30 апреля 1564 г. князь Курбский бежал в Литву, «а людей с ним побежало 12 человек, а жены своей и живота (т. е. имущества.– С. В.) не взял. А человека его Ваську Шибанова воеводы поимали и прислали ко государю. Тот же человек его Васька Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела». Непримиримого противоречия в этих двух известиях нет. Шибанов не успел бежать с своим господином, был пойман, прислан к Москве и подвергнут, как тогда полагалось, пытке. Сначала он давал показания в пользу воего господина, а затем, измученный пытками, стал говорить о «многих» изменных делах Курбского.

Несомненным можно считать, что Курбский не посылал своего слугу на верную смерть, а Шибанов сам попался в руки царских воевод. Карамзин и вслед за ним А. К. Толстой были в затруднении: как доставить епистолию Курбского царю – и вышли из затруднения тем, что допустили вымысел, нелестный для Курбского и преувеличивающий героизм Шибанова. Объясняется это тем, что Карамзин, как и современные историки, трактуют знаменитую полемику царя Ивана с Курбским как переписку между двумя лицами. Поскольку почты в то время не было, надо было найти какой-нибудь способ сношений царя с его изменником. Вопрос разрешается очень просто, если признать, что это была не частная переписка двух лиц, а своего рода полемическая борьба царя Ивана с эмигрантом, что оба противника, сочиняя свои послания, «полные яда», все время имели в виду большую аудиторию, в первую очередь общественное мнение Польши и Литвы, враждебных Москве, а затем – русское и православное население Литвы. Этим объясняется то, что памфлеты Грозного и его изменника дошли до нас во многих списках. Если дело было так, то ясно, что Курбскому не было надобности жертвовать своими верными слугами и посылать их на верную смерть – он широко распространял свои епистолии и другие писания в Литве, а лазутчики царя Ивана добывали их и услужливо доставляли царю.

Замечу в заключение, что епистолия Курбского была написана без всякого сомнения в Литве, когда автор был в

безопасности; в конце епистолии сказано, что она написана в городе короля Жигимонта, в Вольмаре.

Следует отметить еще одно обстоятельство побега Курбского, с которым А. К. Толстому не приходилось считаться. Князь Михаил Воротынский в письме к Григорию Хоткевичу писал, что Курбский изменил и бежал «от шибеницы утекаючи», т. е. от виселицы. Это весьма вероятно и этим объясняются крайняя поспешность бегства и оставление в Юрьеве жены и «животов». Известно, что после побега Курбский прилагал большие усилия, чтобы добыть оставленное им в Юрьеве вооружение и дорогие ему рукописи: «Житие кн. Михаила Черниговского», «Апостол», разные «поучительные слова» и т. п. Ключи от городских ворот были у воевод г. Юрьева, которые, вероятно, уже следили за Курбским и, быть может, имели уже приказание арестовать его. Курбский и его слуги бежали, спустившись с городской стены.

Как же обработал сюжет побега Курбского А. Н. Толстой? Отвечая на этот вопрос, приходится говорить не о каких-либо допустимых пределах поэтического вымысла, а о беспредельности авторской фантазии. Прежде всего А. Н. Толстой осложняет побег Курбского убийством двух привратников и воеводы Новодворского. Кровопролитие на сцене – эффект очень употребительный в балаганах народных гуляний на Девичьем поле доброго старого времени, но не будем останавливаться на таких мелочах, когда вся сцена побега лишена всякого правдоподобия. В старых оперных либретто прошлого и позапрошлого веков бывали иногда сцены, когда актеры пели соло, ансамблями или хором: «бежим, бежим», а сами, чтобы допеть свой номер, должны были топтаться на месте. В такое неудобное положение ставит А. Н. Толстой своих героев. Курбский колеблется бежать. Шибанов и Козлов очень резонно его уговаривают. На это Курбский весьма несвоевременно, ни с того, ни с сего начинает разглагольствовать о своем происхождении от князей Рюрикова дома. Козлов и Шибанов убеждают его торопиться и не терять времени, что после убийства воеводы и стражников было тоже весьма резонно. На это Курбский разражается такой невероятной тирадой: «Холопы! Живот мой заботитесь спасти... А царь Иван, развалясь за яствами да чашами, уж посмеется, ехидна, над убогим бегством моим... Блюдолизы

меня трусом и собакой назовут... Царский шут, влезши на шута верхом, да погоняя его по заду пузырем с горохом, закричит, что-де то князь Курбский от тебя отъезжает... Этого хотите? Ох, стыд! Ох, мука!» Затем Курбский приказывает призвать жену и сыновей. Происходит мелодраматическая и довольно фальшивая психологически сцена прощания. После этого Курбский обращается к Шибанову и вручает ему епистолию царю и «тайное» письмо княгине Евфросинье Старицкой. При этом он весьма неглупо советует Шибанову сначала подать письмо кн. Старицкой, а потом епистолию царю, «ибо будет тебе тяжко». Можно ли поверить А. Н. Толстому, что Курбский был настолько неумен, что, не решившись еще окончательно бежать и рискуя быть задержанным при побеге, он заранее заготовил уличающие его письма и положил их себе на всякий случай в карман?

Сравнивая произведения Алексея Константиновича и Алексея Николаевича Толстых, можно сказать, что первый автор допустил несущественные отступления от исторических первоисточников и мастерски использовал епистолию Курбского и в результате дал живые и весьма правдоподобные образы далекого прошлого. Алексей Николаевич в данной картине, как и в других частях своей повести, обращается с исторической правдой с непозволительной «свободой», немотивированно, без всякой необходимости сочиняет то, чего не было и не могло быть, и в результате его повесть оказывается переполненной не живыми людьми, а куклами с этикетками исторических имен.

Если читателю нужны еще доказательства такой суровой оценки повести, то я позволю себе остановиться на последней картине 2-й части, Декорация картины театрально эффектна: «Стан Грозного, огороженный телегами. Горят костры. Ночь. Вдали огромное зарево пылающей Москвы... У шатра на седельных подушках сидит Иван». Из дальнейшего с несомненностью видно, что речь идет о пожаре Москвы в конце мая 1571 г., когда крымский хан Девлет беспрепятственно подошел к Москве, поджог ее со всех концов, пограбил окрестности и также беспрепятственно ушел в Крым с большой добычей и многочисленным полоном. Действия и вообще поведение царя Ивана в это время нам хорошо известны. Для отражения предстоявшего набега татар царь поставил во главе всех полков, опричных и земских, известного опричника,

своего шурина кн. Михаила Темрюковича Черкасского, и сам отправился к нему в Серпухов, где стоял большой полк. Царь был в Серпухове, когда ему стало известно, что с ханом Девлетом идет на Москву во главе кабардинских князей его тесть и союзник князь Темрюк Айдарович, отец князя Михаила и царицы Марии. По-видимому, это известие было ближайшей причиной исчезновения в самый критический момент главнокомандующего князя Черкасского. По одним известиям, он был посажен на кол, по другим – зарублен по приказанию царя стрельцами. Впоследствии московские послы в Крыму отрицали насильственную смерть князя Михаила Черкасского. Как бы то ни было, но исчезновение главнокомандующего вызвало в полках замешательство, которым воспользовался Девлет. Татары уже переправились через Оку и прошли к Москве, когда царь в панике бросился из Серпухова в Коломну, а из Коломны прямо на север, минуя Александрову слободу, на Ростов, Ярославль, Вологду и, наконец, на Белоозеро, под защиту каменных укреплений Кириллова монастыря. Именно этот случай из жизни царя Ивана подал Курбскому повод назвать его «бегуном и хоронякой».

В середине июня царь вернулся с Белоозера в Александрову слободу и произвел расследование причин и виновников происшедшей колоссальной катастрофы. Результаты следствия нам известны. Из десяти земских воевод никто не подвергся опале, а из шести опричных воевод, не считая князя Черкасского, трое были казнены.

Как же изобразил А.Н. Толстой этот прискорбный эпизод из жизни царя Ивана? Что заставил автор говорить и делать своего героя при эффектном зареве пылающей Москвы?

Иван при свете фонаря диктует дружеское письмо своему шурину Никите Романовичу: «А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. Только кручинимся, что долго нет от тебя добрых вестей. Скорее отпиши нам о новом взятии городов ливонских да о побитии войск любезных братьев наших короля польского да короля свейского...» Следует заметить, что молчание Никиты Романовича объяснялось тем, что никаких военных действий в это время не было, ни против Польши, ни тем более против Швеции.

Входит Годунов и сообщает, что Москва горит со всех концов. Иван спрашивает: «Что ж ты молчишь про Опричный

двор?» Годунов коротко отвечает: «Опричного двора более нет, государь». Царь спокойно замечает: «Многие этого хотели», и продолжает диктовать письмо: «Случилась у нас беда невеликая (!) Хан Девлет Гирей... перелез через Оку... зажег посады и слободы... и сам огня испугался (!) Жалко только – много людей в плен увел и много скота поворовал». Далее Иван предписывает Никите Романовичу распространять через лазутчиков в Литве слухи о том, что он помирился с ханом и «у нас началась любовь – какой не бывало». Затем Иван хвалится, что хану не удалось, как он рассчитывал, взять его в плен и завладеть всем царством.

Годунов прерывает царя и просит слова, на что царь говорит: «Если ты смел – скажи правду». Годунов говорит, что нам не справиться с ханом, и советует Ивану бежать в Ярославль, а лучше – на Вологду. Царь на это говорит: «За такие речи голову рубят». Борис возражает: «Знаю, государь. С тем и говорю». Эти мирные разговоры прерываются появлением Малюты Скуратова. На вопрос царя: «Под Москвой выстоят земские полки?» – Малюта отвечает: «Люди осерчали, – надо выстоять...» Далее сцена принимает несколько балаганный характер. Из глубины сцены появляются мужики и изъявляют готовность отстоять Москву (когда она уже сожжена и хан, по словам Толстого, ушел в Крым), лишь бы им дали оружие. Входят опричники Постник Суворов и князь Темкин Ростовский и сообщают радостные вести о поражении татар на обоих флангах. Замечу, кстати, что Темкин, товарищ князя Черкасского в большом полку, был признан виновником и казнен после следствия в слободе. Затем Васюк Грязной приводит взятого в плен Мустафу, первого улана Девлета. Опуская довольно нелепый эпизод с Мустафой, скажем несколько слов о финале.

Следует предварительно заметить, что после смерти князя Черкасского и бегства царя главное командование принял князь Иван Бельский. Он отразил нападение татар на Кремль, но, спасаясь от огня, задохнулся со всей своей семьей в погребе. Итак, на сцене появляется кн. Мстиславский, падает на колени перед царем и во всем признается. Это-де он навел хана на Москву, снял сторожи и увел сторожевой полк в Рязань... «Хан обещал мне ярлык на великое княжение... Ум мутится от горя... Жена, сыновья, внуки – на дворе московском – сгорели заживо. Мне гореть в огне

вечном, в исподних ада». (В действительности семья Мстиславского не пострадала, и ему не было надобности так остро переживать катастрофу). Иван, не теряя ни минуты времени, приказывает подьячему писать известную поручную запись, в которой Мстиславский признавался в своих винах. Историки давно обратили внимание на странность этого документа. Известно, что князь Мстиславский, признававшийся в поручной в самых тяжелых преступлениях, не только не был казнен, но даже не подвергся опале и до конца своей жизни продолжал занимать первое место среди бояр. А после смерти царя Ивана он был регентом царя Федора. Костомаров дал вполне правильное объяснение странности поручной записи. После происшедшей страшной катастрофы и пожара, от которого Москва не могла оправиться несколько десятилетий, не только самому царю, но и оставшимся в живых опричникам, на которых пала главная вина, было необходимо реабилитироваться перед общественным мнением и свалить вину с больных голов на здоровую. Мстиславского заставили дать запись и принять всю вину на себя. Его признания в случае надобности можно было использовать и перед общественным мнением Литвы и Польши, где всем было известно, что Мстиславский был потомком великих князей литовских, что его отец изменил родине и отъехал в Москву. Но, конечно, все это было сделано не при свете фонаря и не при зареве пылающей Москвы, а много позже, когда Иван вернулся с Белоозера и произвел расследование.

В заключение картины, так сказать под занавес, царь Иван, глядя на пожар Москвы, произносит такую речь: «Горит, горит Третий Рим... Сказано – четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер нетленный и огнь неугасаемый... Се – правда русская, родина человекам...» Что хотел сказать этим автор, неясно. Возможно, что некоторым зрителям повести Толстого эти заключительные слова Ивана Грозного покажутся глубокомысленными и значительными, но мне представляется, что возможна другая оценка заключительной сцены повести и философии автора ее. Выше было показано, на каком грубом искажении исторической действительности построена вся последняя картина. Все действующие лица ее поставлены автором в фальшивое положение. Иван при зареве пылающей Москвы говорит, что это беда невеликая, и выражает уверенность, что Третий Рим, т. е. Московское

государство, будет существовать вечно, несмотря на низость и предательство негодяев. Но правдоподобно ли это психологически, когда вся обстановка фальшива и не выдерживает никакой критики, начиная с дружеского письма Никите Романову и кончая раскаянием Мстиславского. Небрежность обработки картины бросается в глаза. В письме к Никите Романову царь говорит, что хан испугался (!) пожара, побежал и увел много людей и скота, а затем оказывается, что под Москвой идет сражение с татарами, Малюта выражает уверенность, что осерчавшие земские люди отстоят Москву, прибегает к помощи мужиков, когда татары уже сожгли Москву, поворовалим много скота и ушли. В последней картине небрежность художественного письма А. Н. Толстого достигает крайних пределов, но немногим лучше продуманы автором и изображены грубые сценические эффекты других картин. Непонятно, на каких актеров и на каких зрителей рассчитана повесть А. Н. Толстого. Литература об Иване Грозном, научная и художественная, огромна. Об Иване Грозном напечатано множество книг и статей по старой и новой орфографии. Эпохой Грозного царя интересовались и интересуются очень многие. Наконец, средняя и высшая школа дают учащимся некоторые сведения об основных фактах эпохи. А. Н. Толстой обращается с историческими лицами и фактами с такой свободой творческой фантазии, что, наверное, его повесть будет вызывать большое недоумение у всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей нашей родины, кого не ослепляют дешевые сценические аффекты. Для всякого, кто знает славную литературную карьеру А. Н. Толстого, его драматическая повесть об Иване Грозном будет представляться загадкой: то ли он, как прославленный писатель, решил, что ему «все можно», то ли он в конце своей карьеры утратил всякое уважение к читателю и писал свою лебединую песнь в убеждении, что советскому читателю «все равно», лишь бы было занимательно.

август 1945 г.

Впервые напечатано С. О. Шмидтом в Археографическом ежегоднике за 1988, с. 305–313.

ОБЗОР МНЕНИЙ ИСТОРИКОВ ОБ ОПРИЧНОМ ДВОРЕ ЦАРЯ ИВАНА

В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное. Последним словом дореволюционной исторической науки считалась сложная и замысловатая концепция С. Ф. Платонова. Однако уже в свое время она вызывала некоторые весьма существенные возражения и не пользовалась общим признанием. Не менее авторитетный историк, чем Платонов, В. О. Ключевский дал совершенно иную характеристику и оценку личности царя Ивана и его деятельности. К сожалению, весьма ценные высказывания В. О. Ключевского были выражены в форме афоризмов, очень сжато, не были мотивированы, и богатое содержание их не раскрыто. Вероятно, поэтому они не имели того успеха, которого, несомненно, заслуживают.

Ни Платонов, ни Ключевский не занимались специально исследованием царствования Ивана IV и, в частности, его опричнины, На основе известных в их время источников они сделали попытку в целях университетского преподавания обобщить известный им материал и дать слушателям и читателям целостное представление о предмете. Если их опыты не всех удовлетворяют и не устраняют всех сомнений и разногласий, то этот факт является лишним подтверждением старой истины, что никакое глубокомыслие и никакое

остроумие не могут возместить незнания фактов. Всем, кто задумывался над неразберихой разноречивых мнений по указанным вопросам, становилось ясным, что дальнейшее движение исторической науки вперед возможно только путем монографического исследования старых источников и при помощи большого количества существующих, но еще не привлеченных к исследованию новых.

Краткий обзор литературы предмета должен помочь нам выяснить причины ошибок и разногласий историков, поставить главные вопросы, подлежащие исследованию, и наметить самые пути исследования.

Н. М. Карамзин

Обзор следует начать, конечно, с Н. М. Карамзина. Обстоятельно и близко к источникам, главным образом к летописям, рассказывает Карамзин о переломе в образе жизни, поведении и политике царя Ивана, который произошел после удаления им Сильвестра и Алексея Адашева и смерти царицы Анастасии. Далее Карамзин, излагая события царствования Ивана в хронологическом порядке, отмечает шесть «эпох», как он выражается, опал и казней. Первую эпоху Карамзин относит ко времени до существования опричнины, четыре эпохи – к семи с половиной годам опричнины и шестую эпоху – ко времени после отмены опричнины, приблизительно до 1577 г. Всю вторую половину царствования Ивана IV, начиная с 1560 г., когда в жизни Ивана произошел указанный перелом, Карамзин рассматривает как один период, период необузданного и пагубного для государства самовластия царя Ивана.

Карамзин отметил, что опричнина просуществовала всего семь с половиной лет – с начала 1565 г. по 1572 г., и учреждение Опричного двора, по мнению Карамзина, было вызвано преувеличенным и неосновательным страхом царя Ивана за свою безопасность. Когда Иван после «беспримерных ужасов тиранства» убедился в безусловной покорности подданных и в личной безопасности, он уничтожил «безумное раздвоение» царства на земщину и опричнину и если не прекратил опал и казней, то, «по крайней мере, исчезло сие (т. е. опричнины. – С. В.) страшное имя»*.

---

* Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, СПб., 1892, стр. 131.

Домысел Карамзина относительно мотивов отставки опричнины несколько наивен, его понимание опричнины страдает, конечно, упрощенчеством, но, тем не менее, оно имеет большие положительные стороны: во-первых, оно очень близко к источникам и к мнениям об опричнине современников, а во-вторых, оно, обходя и не решая многих вопросов, оставляет чистым, не засоренным пустыми домыслами поле для будущих исследователей. Положительной стороной концепции Карамзина следует признать также ее ясность. Она сводится к следующим положениям:

1. Семь с половиной лет существования опричнины не представляют особого периода в политике царя Ивана, т. е. опричнина не преследовала никаких особых целей, кроме технической цели обеспечения личной безопасности царя. По мнению Карамзина, страхи царя Ивана за свою безопасность были преувеличенными и неосновательными, т. е. неразумными, но, по-видимому, правильнее будет предоставить суждение по этому вопросу самому Ивану.

2. Опричнина создавала временное «безумное раздвоение» государства.

3. Не имея сведений по вопросу, в чем состояла причина отставки опричнины, Карамзин ограничился предположением, что царь Иван упразднил опричнину потому, что убедился в ненужности ее дальнейшего существования. Таким образом, вопрос оказывается у Карамзина, в сущности, обойденным. И за это, в конце концов, следует быть благодарным Карамзину, так как для науки лучше, если вопрос оставляется открытым, чем если высказываются не основанные на источниках концепции.

Мне представляется весьма существенным отметить близкую зависимость взглядов Карамзина, и в частности его мнения об опричнине, от первоисточников, в особенности от писаний князя Курбского. Высказывания современников царя Ивана и ближайших за ними поколений показывают, что авторы из разных слоев общества, отечественные и иностранные, на разные лады определяют опричнину как пагубное для государства разделение, причем некоторые (как, например, автор одной из статей Хронографа 1617 г.) ставят, так сказать, точку над «i» и говорят, что царь, разделив своих людей на два лагеря, «поустил», т. е. натравил, одних людей на других, но никто, ни летописцы и повествователи,

ни Курбский, ни иностранцы, не приписывали учреждению опричнины каких-либо особых государственных целей.

Никто, кажется, из историков, писавших об опричнине, не обратил внимания на тот знаменательный факт, что князь Курбский в своих «епистолиях» к царю и в «Истории о великом князе Московском» нигде ни слова не говорит ни об учреждении опричнины в 1565 г., ни об ее отмене в 1572 г. Хорошо известно, что он не упускал ни одного случая, ни одного факта, чтобы поразить, обличить и заклеймить своего царственного противника. Объяснить это забывчивостью Курбского или соображением, что он, живя в эмиграции, не знал об этих фактах, совершенно невозможно. В своей «Истории» Курбский сообщает множество фактов, происшедших после его побега, и это не оставляет никакого сомнения в том, что он имел хорошую агентуру и живо интересовался всем, что происходило в покинутой им родине.

В рассказе о столкновении царя с митрополитом Филиппом Курбский влагает в уста последнего следующие слова: «Аще обещашися покаятися в своих грехех и отогнати от себя оный полк сатанинский, собранный тобою на пагубу християнскую, сиречь кромешников, аби опришничцов нарицаемых, аз благословлю тя и прощу»*

Когда Курбскому приходилось говорить об опричниках, он называл их то «катами», т. е. палачами, то «кромешниками». Эти выражения («кромешник», «кат» или «опришнинец») свидетельствуют с несомненностью, что Курбский хорошо знал о существовании Опричного двора.

Неизвестно, кто первый, говоря об опричниках, назвал их «кромешниками», но эта остроумная игра словами и понятиями прочно заняла место в русском языке и дожила до наших дней. Слова «опричь» и «кроме» синонимичны. По тогдашним представлениям о потустороннем мире, «царство божие» было царством вечного света, за пределами, опричь, кроме которого находилось царство вечного мрака, «царство сатаны». Выражение «кромешная тьма», в которой зги не видно, употребляется и в наше время людьми, которым неизвестно его происхождение и чужды понятия о кромешной тьме «царства сатаны». Выражения «кромешный» и «кромешник», образованные по аналогии со словами «опричь»,

* РИБ, т. XXXI, с. 316.

«опричный» и «опричник», были не только игрой словами, но одновременно клеймили опричников как исчадье ада, как слуг сатаны. И Курбский во многих местах своих писаний называет приверженцев и слуг царя Ивана, и в частности опричников, «полком сатанинским», из чего вытекало или подразумевалось, что царь Иван уподоблялся сатане.

Молчание Курбского об Опричном дворе можно объяснить только тем, что, с его точки зрения, опричнина не внесла ничего принципиально нового в политику царя Ивана, что существенным и важным, по его представлениям, было не количество жертв, которое в период опричнины, несомненно, увеличилось, а вообще образ действий царя и отношение к своим слугам – бессудность и потому несправедливость его опал и крайняя жестокость наказаний, неблагодарность к заслугам лиц, подвергавшихся опалам, неуважение к преклонному возрасту жертв, истребление людей «всеродне», т. е. с женами, малолетними детьми и ни в чем не повинными родичами. Это «гонение великое воскурилось», как выражался Курбский, вскоре после удаления Сильвестра и Алексея Адашева, в 1560 г., и тогда же царь Иван начал привлекать к себе приверженцев, приводить их к присяге, образовывать как бы «великий полк сатанинский». С другой стороны, через шесть лет после отмены опричнины Курбский в последнем письме призывал Ивана очнуться, воспрянуть и не губить себя и дома своего. Курбский напоминал Ивану то время, когда он «блаженне царствовал», управляя государством в согласии с добрыми советниками, противополагал это время позднейшему, когда «вместо избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих, не стыдяся», царь окружил себя «подобедами и тунеядцами», «вместо крепких стратигов и стратилатов» привлек «прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарыщи; и вместо храброго воинства, кромешников или опришнилцов кровоядных, тьмы тьмами горших нежели палачей»*.

К этому противоположению счастливого начала царствования Ивана тому времени, когда Иван в 1560 г. отогнал от себя добрых советников, воздвиг гонение на всех верных слуг и вступил на путь порока, Курбский возвращается не раз. Эта антитеза, в несколько иной трактовке, легла в осно-

* РИБ, т. XXXI, с. 155.

ву карамзинской характеристики Ивана и его царствования. У Курбского Карамзин заимствовал указания на порочные наклонности Ивана еще в отрочестве: он мучил животных, топтал, вместе со сверстниками, конями встречных на улицах и т. п. У него же Карамзин почерпнул сведения о том впечатлении, которое произвели на юношу Ивана пожар Москвы 1547 г., мятеж черни, направленный боярами против партии Глинских, когда был убит брат Елены Глинской князь Михаил Васильевич и царь трепетал за свою безопасность, появление на сцене Сильвестра и т. д.

Карамзин использовал все эти высказывания Курбского для нравоучительного рассказа на тему о пагубности для правителя государства путей порока в частной жизни и попрания всех принципов элементарной морали в государственной деятельности.

Большой заслугой Н. М. Карамзина следует признать то, что он, рассказывая про царствование Ивана IV, про его опалы и казни, про опричнину в частности, не фантазировал и не претендовал на широкие обобщения социологического характера. Как летописец, он спокойно и точно сообщил огромное количество фактов, впервые извлеченных им из архивных и библиотечных первоисточников. Если в оценке царя Ивана и его политики Карамзин морализирует и берет на себя роль судьи, то его изложение настолько ясно и добросовестно, что мы легко можем выделить из рассказа сообщаемые им ценные сведения и отвергнуть тацитовский подход автора к историческим событиям. Нет надобности говорить и спорить о том, что Карамзин как историк устарел во многих отношениях, но по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он до сих пор остается образцом, не досягаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и с постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах.

Вместо того, чтобы, отправляясь от богатого наследства, оставленного Карамзиным, идти вперед, увеличивать запас прочно установленных фактов, совершенствовать методы исследования, расширять свой исторический кругозор и переходить постепенно к более широким обобщениям, в после-

карамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий.

В результате такого направления исторической науки интересная эпоха царствования Ивана IV представляется читателю менее ясной, чем это было при Карамзине. Историческое поле, если можно так выразиться, оказалось загроможденным противоречивыми оценками и концепциями, приводящими читателя в недоумение. Эти прихотливые узоры «нетовыми цветами по пустому полю» исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания.

С большой неохотой приходится взять на себя этот труд при ясном сознании, что результатом его будет нередко только отрицание и опровержение чужих ошибок, а не поступательное движение вперед.

К. Д. Кавелин

«Дней Александровых прекрасное начало» породило поучительную для государственных деятелей концепцию личности и государственной деятельности царя Ивана, данную Карамзиным. Суровая реакция царствования императора Николая I вызвала ряд попыток писателей разного калибра и различной степени осведомленности реабилитировать царя Ивана в противовес отрицательной характеристике Карамзина. При всем разнообразии этих попыток в основе их лежали две основные идеи: возвеличение Ивана как государственного деятеля и оправдание его пороков с точки зрения государственной пользы. При этом все положительное, что было сделано во время царствования Ивана, приписывали лично Ивану, а все отрицательные явления и события взваливали на шею «боярства», оправдывая тем самым опалы и казни грозного царя, хотя и жестокие, а иногда и несправедливые, но в конечном счете полезные. И делали это, не считаясь с хронологией и последовательностью событий; например, при-

писывали самому Ивану важные и разносторонние реформы 1547 – 1556 гг., когда Иван по молодости и неопытности не был способен стать самостоятельным государственным деятелем, а затем находился под влиянием своих советников, которые, как он выражался в послании к Курбскому, «сняли» с него всякую власть и оставили ему только честь председателя в Боярской думе.

Незнание фактов, неопрятное пользование известными фактами и крайняя небрежность умозаключений и вообще приемов изложения своих мыслей доходят до того, что относят ко времени царя Ивана или приписывают лично ему то, что было давно совершено его дедом или отцом. Так было более ста лет тому назад, и то же продолжается до наших дней. Это дало повод вдумчивому историку А. Е. Преснякову сказать, что характер и сущность реформ середины XVI в. совершенно не вяжутся с укоренившимся в историографии мнением о боярском и княжеском засилии в годы малолетства Ивана. «Как это на первый взгляд ни странно, – заключает Пресняков свой отзыв о книге С. Ф. Платонова об Иване Грозном, – но 16-й век в русской истории можно назвать одним из наименее изученных ее периодов. С. Ф. Платонов, конечно, справедливо отмечает, что наша историография сделала весьма существенные успехи в изучении эпохи Грозного, но цельное представление о ней отсутствует. Одна из причин этого в неразработанности истории первой половины 16-го века и конца 15-го – времен Ивана и Василия 3-х, деятельности которых Грозный был продолжателем и завершителем»*.

В личности и действиях царя Ивана так много отрицательного и темного, что для апологии их нужна была большая смелость и изворотливость. При незнании или умышленном игнорировании фактов апология превращалась в безответственную, ни для кого не обязательную болтовню и плодила мнимо научную фантастику. Отсюда – целая литература так называемых «психологических» этюдов и портретов, которые вызывали у читателей недоумение своим несходством и, в конце концов, всем надоели.

А. С. Грибоедов в своей бессмертной комедии осмеял существовавшую в его время претенциозную моду сочинять на разные темы «философские» этюды вроде репетиловского

* «Века». Исторический сборник, Пг., 1924, с. 181–182.

«Взгляда и нечто». Дань этой моде отдал известный историк права и публицист К. Д. Кавелин. В 1846 г. он выступил в печати с талантливым этюдом под заглавием «Взгляд на юридический быт древней России»*.

На фоне широчайших обобщений и бездоказательных общих фраз Кавелин, не считаясь с Карамзиным и М. П. Погодиным, которые очень невысоко оценивали личность и государственную деятельность Ивана, парадоксально сравнивает царя Ивана с Петром I. Оба они были, по мнению Кавелина, «благороднейшими и достойнейшими» представителями идеи государственности. Разница между ними была только в том, что Петр I при огромном уме был натурой волевой и практической, а Иван IV был натурой поэтической, страстной, в которой богатое воображение не сочеталось с практичностью. Как и у Петра I, у Ивана были великие замыслы, а крушение их объясняется тем, что его окружала косная, своекорыстная и невежественная среда боярства, которая была неспособна и не хотела принимать великие замыслы царя и упорно ему противодействовала. Иван изнемог в бесплодной борьбе с этой средой и в конце концов сделался «ханжой, трусом и тираном». «Иван IV так глубоко пал именно потому, что был велик», – заканчивает Кавелин свою психологическую характеристику Ивана**.

Поскольку характеристика Кавелина не основывалась ни на каких фактах и он не разъяснил читателю, в чем состояли великие замыслы царя Ивана и какие государственные начала он безуспешно пытался найти, Кавелину нетрудно было противоречить самому себе и в столь же общих фразах через год говорить, что «Иван IV есть целая эпоха русской истории, полное и верное выражение нравственной физиономии народа в данное время» и что он был «вполне народным деятелем в России»***. Так писал Кавелин в 1847 г. в отзыве о диссертации С. М. Соловьева «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома».

Идея о бездне падения, которая грозит великому человеку, заимствована Кавелиным у В. Белинского. В 1836 г. в рецензии на «Русскую историю для первоначального чтения»

---

* Перепечатано в собрании сочинений Кавелина, изд. под ред. проф. Д. Корсакова.

** К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1897, с. 47.

*** Там же, с. 400.

Н. Полевого Белинский писал: «Есть два рода людей с добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великие. Первые, сбившись с прямого пути, делаются мелкими негодяями, слабодушниками; вторые – злодеями. И чем душа человека огромнее, чем она способнее к впечатлениям добра, тем глубже падает он в бездну преступления, тем более закаляется во зле. Таков Иоанн: это была душа энергическая, глубокая, гигантская». «...Это был падший ангел, который и в падении своем обнаруживает по временам и силу характера железного, и силу ума высокого»*.

Легко заметить, что высказывания Кавелина бездоказательны, произвольны и противоречат фактам, известным еще в его время. От юриста с философским образованием, каким был Кавелин, можно было бы ожидать логичности рассуждений, но и в этом отношении Кавелин грешит.

Ему, конечно, было известно, что в годы отрочества и юности царя Ивана было проведено много крупных реформ в центральном и местном управлении, в области государственного хозяйства и в распределении налогового бремени, в реорганизации ратной службы и т. д. Всматриваясь в реформы середины XVI в., мы приходим к выводу, что все они довольно последовательно и разносторонне были направлены на то, чтобы преобразовать конгломерат «вотчин» московских великих князей в единое государство в собственном смысле слова.

Кому принадлежала инициатива этих реформ, кто их проводил в жизнь? На эти естественные вопросы Кавелин не отвечает, обходит их и вместо того говорит о великих замыслах Ивана, не выясняя читателю, в чем они выражались. Ведь сам Иван в «Послании к кн. Курбскому» говорит, что в это время бояре лишили его всякой власти и делали все, что им было угодно. Возможно, что Иван по своему обыкновению преувеличивал роль бояр, но почему в полемике с Курбским он ничего не говорит о своих государственных замыслах, которых бояре будто бы не понимали и которым не сочувствовали? Почему с 1560 г., когда возмужавший Иван взял власть в свои руки и освободился от непрошенных советов своих невежественных советников, «боярская среда» стала косной, невежественной, неспособной понимать общегосударственные интересы? Все эти естественные недоуменные вопросы Кавелин обходит.

---

* В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1900, с.442,444.

В общем, полет Кавелина в стратосферу фантазии настолько противоречит фактам и логике, что его высказывания можно было бы без сожаления сдать в архив историографических курьезов, если бы они не имели успеха и не оказали заметного влияния на последующих историков.

Кажется, можно довольно удовлетворительно объяснить причины успеха высказываний Кавелина. По вопросу об опричнине Кавелин в том же этюде писал: «Это учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством, не внушено Иоанну, как думают некоторые, желанием отделиться от русской земли, – противопоставить себя ей... Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»*. Попытка оказалась неудачной, но виноват в этом не царь, а боярская среда, которая не понимала великих замыслов царя и по своему своекорыстию оказывала ему только противодействие.

Итак, можно сказать, что царь Иван предполагал при помощи опричнины открыть дорогу безродным талантам, в интересах государства оттеснить на второй план бездарных представителей родовой знати. Нет надобности много говорить, что и это высказывание Кавелина голословно и не подтверждается фактами. Но в эпоху реформ Александра II и нарождения «мыслящего пролетариата» Писарева эта идея широкой дороги, открытой талантам, независимо от происхождения, оказалась как нельзя более кстати и обеспечила успех мнению Кавелина в кругах либеральной и революционной интеллигенции. С другой стороны, кавелинское восхваление самодержавия находило самый благожелательный прием в кругах консерваторов и реакционеров. Так высказывания Кавелина могли отвечать вкусам самых разнообразных читателей, и это обеспечило им едва ли заслуженный успех.

М. П. Погодин

Большой любитель и знаток первоисточников, ученый острого, реалистического и трезвого ума, человек, лишенный (к счастью или несчастью для него) всякой фантазии,

* К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I, с. 52–53.

М. П. Погодин в 20-х годах, вскоре после выхода в свет «Истории государства Российского», выступил с возражениями против некоторых мнений Карамзина. Много позже Погодин выступил с возражениями против С. М. Соловьева (не имея возможности пересмотреть статьи Погодина, цитирую его по Н. К. Михайловскому)*.

Вопреки Соловьеву Погодин отказывался признать Ивана крупным и оригинальным государственным деятелем. В преобразовании вотчины московских государей на новых началах Иван III сделал неизмеримо больше нового и полезного, чем его внук. Бесспорно, что в многолетнее царствование Ивана IV было совершено много великого, но можно ли приписывать это Ивану? Воспитание его было очень ненормальное и в общем скверное, образование – беспорядочное. Как можно предполагать, чтобы Иван в возрасте 17–20 лет вдруг стал большим государственным преобразователем? «Он мог оставить прежний буйный образ жизни, мог утихнуть, остепениться, заняться делом, соглашаться на предлагаемые меры, утверждать их – вот и все; но чтобы он мог вдруг понять необходимость в единстве богослужения, отгадать нужды и потребности народные, узнать местные злоупотребления, найти противодействующие меры, дать нужные правила касательно суда, например, об избрании целовальников и старост в городах и т. д., – это ни с чем не сообразно». В это время реформ Иван был под влиянием своих советников, а когда влияние пропало, то в последние 25 лет жизни Ивана нельзя указать никаких законов и указов и вообще действий правительства, в которых проявлялся бы государственный ум правителя и понимание требований народной жизни, которые видны в первые годы его царствования. После 1560 г. в деятельности Ивана «нет ничего, кроме казней, пыток, опал, действий разъяренного гнева, взволнованной крови, необузданной страсти», и не видно никаких государственных замыслов и планов, а вместо них – разделение государства на опричнину и земщину, странный эпизод с поручением земщины крещеному татарину Симеону Бекбулатовичу и бесконечные казни. «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик

* Н. К. Михайловский. Иван Грозный в русской литературе. Напечатано впервые в 1891 г. и перепечатано в собрании сочинений Н. К. Михайловского, т. VI.

с подъяческим умом – и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей»*.

Возражения Погодина Соловьеву ценны четкой постановкой основной проблемы исследования царствования Ивана Грозного, исторического значения его личности и связи эпохи царя Ивана с предшествовавшими княжениями – Ивана III и Василия III.

С. М. Соловьев

Основная исследовательская работа С. М. Соловьева, диссертация «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», по содержанию и времени исследуемых явлений очень далека от царствования Ивана Грозного. Историей образования Московского государства Соловьев специально не занимался и излагает ее только в своей многотомной «Истории государства Российского». Поэтому в VI томе его «Истории» сравнительно мало нового даже для своего времени, мало самостоятельных суждений, и главным содержанием его высказываний является полемика с мнениями предшественников. Поэтому изложить взгляды Соловьева ясно и коротко – задача нелегкая. С другой стороны, Соловьев не любил широких обобщений кавелинского типа, перегружал изложение множеством старых и новых сырых материалов, передавая их читателю с рук на руки зачастую без всяких необходимых комментариев, и слишком поспешно выпускал том за томом своей «Истории», чтобы устранять неувязку частей и даже противоречия отдельных высказываний.

Проверяя ссылки Соловьева на источники и цитаты из них, не раз можно констатировать, что в смысле критики источников, точности ссылок и цитат Соловьев значительно ниже Карамзина.

В рассказе о царствовании Ивана IV Соловьев возвращается к своей излюбленной идее – к вековой борьбе в истории Руси «государственных начал» с пережитками родового быта. По существу это не бытовые явления, а юридические понятия. Но, как известно, Соловьев не обладал юридичес-

* Н. К. Михайловский; Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1909, с. 160–161.

кой подготовкой и предоставлял читателю самому вкладывать содержание в употребляемые им термины. Кавелин в своем отзыве на VI том «Истории» Соловьева указывал, между прочим, что родовой быт первобытных народов весьма мало имеет общего с родовыми отношениями князей Рюрикова дома, а последние имеют очень мало общего с так называемыми пережитками родового быта XVI в. В XV – XVI вв. мы имеем дело не с родовым бытом и не с родами, а с семьями и фамилиями, и понятие родовитости боярина XVI в. не имеет ничего общего с родовым бытом.

У Соловьева все события царствования Ивана сводятся к борьбе государственных начал с родовым бытом. К сожалению, весь рассказ о «последней отчаянной битве», которую государственные начала дали при царе Иване родовому быту, лишен у Соловьева всякой конкретности, битва «декретируется», но не показывается на фактах. В частности, Соловьев не говорит, кто, собственно, был представителем и проводником государственных начал. Об этом Соловьев предоставляет догадываться самим читателям.

В оценке личности грозного царя Соловьев не менее строг и беспощаден, чем Карамзин, но какую роль играл царь в упомянутой «последней отчаянной битве», не видно за общими фразами вроде «государство складывалось», «новое сводило счеты со старым» и за лениво-небрежным изложением.

Особенно ярко это сказалось в заключительной главе VI тома. В IV главе Соловьев говорит об опричнине, затем следуют главы: «Полоцк», «Стефан Баторий», «Строгановы и Ермак». В последней главе после рассказа о завоевании Сибирского царства он как бы вспомнил о выводах и решил побеседовать непринужденно с читателем об Иване вообще.

После высказанных выше замечаний не будет неожиданностью, что конечные выводы и оценки Соловьева оказываются взятыми из области морали, а не из сферы вопросов торжества государственных начал. Полемизируя на два фронта, т. е. с апологетами царя Ивана и с ее противниками, Соловьев претендует на роль беспристрастного судьи и довольно наивно объясняет причину существовавших в его время разногласий: «Эти два противоположные мнения проистекали из обычного стремления дать единство харак-

терам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно сму при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств – в предмете, возбудившем отвращение». «Так случилось с Иоанном IV: явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершенных в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих – Сильвестра и Адашева»*.

Далее Соловьев, забывая об обобщающем характерс своих выводов, опровергает подобными цитатами из источников это мнение и заключает: «Но если, с одной стороны, странно желание некоторых отнять у Иоанна значение важного самостоятельного деятеля в нашей истории; с другой стороны, странно выставлять Иоанна героем в начале его поприща и человеком постыдно робким в конце, то более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием. Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняется борьбой старого с новым, событиями, происходившими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою?..»**.

Затем, после рассуждения о свободе человеческой воли, Соловьев дает заключительный аккорд: «Человек плоти и крови, он не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами – и страшна была жатва: собственноручное убийство старшего сына, убиение младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слова оправдания такому человеку; он может произнести только слова сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы; ибо и здесь, как везде,

---

* С. М. Соловьев. История России с древнейших времен т. VI, СПб., изд. «Общественная польза», с. 328, 332.

** Там же, т. VI, с. 334.

историк обязан указать на связь явлений; своекорыстием, презрением общего блага, презрением жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами: вырос Грозный»*.

Поскольку «историческое объяснение явлений» у Соловьева довольно слабо и часто спорно, поскольку государственные начала, проводником которых, как кажется, Соловьев считал главным образом самого царя, а не его советников, очерчены в очень неясных чертах, все заключения Соловьева сводятся к рассуждению: «с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой стороны, нельзя не признаться».

Карамзин последовательно и прочно стоял на оценке личности и деятельности царя Ивана с точки зрения морали и без претензии на бесстрастие летописца, который «не ведает ни правых, ни виновных» и излагает события, «не мудрствуя лукаво». Соловьев осложнил задачу историка обязанностью давать «историческое объяснение явлений», но так как последняя задача неизмеримо сложнее морализирования и выполнена Соловьевым неудовлетворительно, конечный вывод Соловьева получил характер полуоправдательного приговора историка, как будто беспристрастного, а в действительности не только не разрешившего всех существенных вопросов темы, но не поставившего даже вопросов дальнейшего, более углубленного исследования сложного процесса превращения вотчины московских великих князей в государство в собственном смысле слова, что составляет главное содержание княжений Ивана III, его сына Василия и внука, царя Ивана IV.

Мне кажется что было бы неуважением к памяти С. М. Соловьева замалчивать некоторую устарелость его исторического мировоззрения и методов работы, равно как и небрежность изложения, но, отмечая эти недостатки, нельзя не быть благодарным за богатую сокровищницу сообщенных им фактов и за множество мыслей, иногда весьма полезных, и метких замечаний, разбросанных в его многотомной и многословной «Истории России». Эти положительные стороны труда Соловьева были как бы арсеналом, из которого брали оружие последующие историки самых различных направлений, будили историческую мысль и в конечном счете принесли большую пользу русской исторической науке.

---

* Там же, с. 334.

С. Ф. Платонов

Никакое остроумие не может заменить или возместить незнание фактов. Эту бесспорную истину историки склонны нередко забывать. В истории есть вопросы, по которым источников так мало, что исследователю по необходимости приходится восполнять рассуждениями недостаток фактов. На нет и суда нет. Но совершенно иначе должны были бы мы относиться к историку, когда источников много, и только недосуг, самонадеянность или просто исследовательская лень порождают у историка соблазн отделаться остроумными и эффектными обобщениями.

Работы С. Ф. Платонова о литературных памятниках и о событиях Смутного времени настолько ценны как прекрасные образцы исследовательской мысли, что вовсе не будет неуважением к его репутации сказать, что вводные главы его «Очерков по истории Смуты», и в частности глава об опричнине, являются не самостоятельными исследованиями, основанными на изучении старых и новых источников, а попыткой дать обобщения современных ему достижений исторической науки, какие приходится делать профессорам университетов при чтении общего курса русской истории.

В погоне за эффектностью и выразительностью изложения лекций С. Ф. Платонов отказался от присущей ему осторожности мысли и языка и дал концепцию политики царя Ивана, настолько переполненную промахами и фактически неверными положениями, что поставил критиков его построений в весьма неловкое положение: опровержение всех ошибок может наскучить читателю, а главное, показаться ему неприличной и ненужной попыткой подорвать задним числом научную репутацию всеми уважаемого и высоко ценимого ученого.

Критика концепции Платонова необходима еще потому, что она имела большой успех и в упрощенном, как это обыкновенно бывает, виде перешла в общие курсы и учебники. С. Ф. Платонов, определив неточно и частью неверно территорию опричнины, писал: «В центральных областях государства для опричнины были отделены как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных

князей»*. Ниже Платонов прибавлял: «Если мы будем помнить, что в опричное управление были введены, за немногими и незначительными исключениями, все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества, то поймем, что опричнина подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще; на всем его пространстве»**.

Если мы возьмем территорию Московского государства времени царя Ивана, то увидим в ней следующие части:

1. Уезды, которые всегда входили в состав московского великого княжения и никогда не бывали в уделах. Таковы уезды: Московский, Коломенский, Переяславский, Юрьевский, Костромской, Владимирский, Муромский.

2. Вторую категорию составляют уезды великого княжения, которые обыкновенно бывали в уделах за князьями московского дома. Таковы уезды: Серпуховской, Боровский, Верейский, Малоярославецкий, Можайский, Звенигородский, Рузский, Волоколамский, Дмитровский, Угличский, Галицкий.

В уездах этих двух категорий не было и не могло быть княженецких старинных вотчин. Между тем в опричнине побывали из первой категории Костромской и Переяславский уезды, а из второй – Верейский, Можайский, Галицкий и Дмитровский. Побывали в опричнине Бежецкая и Обонежская пятины Новгорода, в которых не только княженецких, но и вообще никаких частных вотчинных земель не было.

Посмотрим районы бывших независимых княжеств, в которых могли быть остатки старинных вотчин княжат. Не прошли через опричнину территории княжеств: Рязанского, Оболенского, Стародубского, Ростовского, Тверского и Белозерского. Относительно Рязанского княжества следует сказать, что там княженецких вотчин не было совсем, так как удельные князья Пронские лишились своих вотчин еще в XV в., а рязанские князья утратили их после бегства в Литву в 1521 г. последнего рязанского князя Ивана Ивановича.

---

* С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. СПб., 1901, с. 110.

** Там же, с. 111.

Сильно размножившиеся белозерские князья растеряли большую часть своих вотчин еще в XIV–XV вв. Насколько известно, последним из белозерских князей, владевших старинной вотчиной, был князь Кемский, который в 1559 г. продал свою вотчину на р. Кеми Кириллову монастырю. У некоторых белозерских князей, например Ухтомских и Белосельских, были вотчины в Пошехонье, вероятно, купленные или полученные в приданое от ярославских князей, но эта часть Пошехонья в опричнине не была, и Ухтомские свободно распоряжались остатками своих вотчин.

Платонов показывал Ростов в числе городов опричнины. По-видимому, это ошибочное мнение основано на словах Таубе и Крузе и на том, что после отставки опричнины Ростов был в числе так называемых дворовых городов. Но, во-первых, дворовые города после опричнины вовсе не то же самое, что бывшая опричнина, во-вторых, и это самое важное, мы не имеем в источниках даже косвенных указаний на то, чтобы ростовцы, и в том числе княжата, подвергались выселениям. Пока не будут найдены прямые указания на это, мы не имеем оснований причислять Ростов к городам опричнины.

Бывшая территория Тверского княжества разделилась на четыре уезда - Тверской, Кашинский, Клинский и Старицкий, к которым позже прибавились уезды Зубцовский и Холмский. Здесь только в Тверском уезде, в Микулине, сохранилось несколько сел князей Телятевских Микулинских. Но... Тверской уезд в опричнине не был, а Телятевские служили в опричнине. Старица и Холм попали в опричнину как части старицкого удела князей московского дома, и в них старинных вотчин тверских князей не было со времени ликвидации в 1485 г. Тверского княжения.

Нет никакого сомнения, что районами, в которых сохранилось наибольшее количество княженецких вотчин, были небольшая территория бывшего Оболенского княжества и довольно обширная территория Стародубского княжения. Оба эти района в опричнине не были. В статье о монастырском землевладении во второй половине XVI в. я показал, что стародубские князья до опричнины, во время ее существования и после ее отставки владели и свободно распоряжались своими прародительскими вотчинами. Что касается оболенских князей, то у меня подробно рассказано, что из

всех княжеских родов, пострадавших от опал царя Ивана, Оболенские по количеству и значительности жертв занимали, бесспорно, первое место. Между тем, несмотря на это, они сохранили весьма значительное количество своих владений, и не только при опричнине и после нее, но даже в XVII в.

Итак, после проверки утверждений С. Ф. Платонова оказывается, что в опричнине побывали только два района бывших княженецких вотчин – Суздаль и Ярославль. Но и здесь вопрос представляется совсем не таким простым, как полагал Платонов, упустивший из виду прямые указания летописей о том, что ярославские князья и многие суздальские лишились своих вотчин еще в XV в., и великий князь Иван сделал это, не прибегая к помощи опричнины. При массовом выселении ярославских князей в 1463 г. при ликвидации Ярославского княжения некоторым из них удалось сохранить свои вотчины, и в 1504 г. великий князь Иван в своей духовной грамоте, а в 1570 г. царь Иван в проекте духовной завещали своим наследникам не вступаться в те вотчины ярославских князей, которые они оставили за ними.

Что касается суздальских князей, то из них В. Барабашин служил в опричнине, а Шуйские хотя и не служили, но неизменно пользовались благоволением царя Ивана, и никто из них не пострадал от опал царя. Можно ли после этого говорить, что зачисление Ярославля и Суздаля в опричнину было сделано для того, чтобы выселить нескольких княжат из их старинных родовых гнезд? Как будто Иван не мог этого сделать, не выселяя одновременно из уездов многие сотни рядовых помещиков и вотчинников. Подобная идея могла прийти в голову только совершенно полоумному человеку.

Между тем С. Ф. Платонова никак нельзя упрекнуть в том, что он считал царя Ивана полоумным. Совсем наоборот, Платонов хорошо понимал, насколько безнадежна попытка реабилитировать Ивана как человека. Поэтому он пустил в ход все свое остроумие, чтобы превознести Ивана как государственного деятеля, осмыслить его действия во что бы то ни стало.

Плодом этого обходного маневра реабилитации монархизма и явилась знаменитая концепция С. Ф. Платонова. Успех этой мнимонаучной концепции тем более непонятен,

что она оказалась большим шагом назад по сравнению с той оценкой опричнины и вообще государственной деятельности царя Ивана, которую дал другой историк, не менее авторитетный и не менее хорошо осведомленный, чем Платонов, – В. О. Ключевский.

Таким образом, направленность опричнины против старого землевладения бывших удельных княжат следует признать сплошным недоразумением. Об этом, может быть, не стоило бы так много говорить, если бы с ним не было связано другое утверждение С. Ф. Платонова, которое тоже направлено к тому, чтобы осмыслить и реабилитировать опричнину. Я имею в виду его характеристику бывших удельных князей как могущественных феодалов, сохранивших некоторые права полузависимых владетельных государей, и составлявших в классе привилегированных служилых землевладельцев особую категорию лиц с интересами, во многих отношениях враждебными интересам прочих титулованных и нетитулованных землевладельцев. Для времени царя Ивана такой взгляд на княжат следует признать запоздалым лет на сто.

Дело в том, что за последние два десятилетия XV в. великий князь Иван лишил всех княжат прав владетельных государей: права суда, дани и полной независимости от наместников и волостелей. Насколько известно, право суда и дани и полная независимость были оставлены только за князьями Пенковыми, старшими представителями рода ярославских князей. Последний представитель фамилии Пенковых князь Иван Васильевич Пенков умер в 1562 г.

Затем С. Ф. Платонов упустил из виду, что Судебник 1550 г. определенно запретил детям боярским, не получившим полной отставки, поступать на службу к владыкам и частным лицам. Платонов ссылается на писцовые книги Тверского уезда 1540 г. в доказательство того, что вотчинники при желании могли поступить на службу к владыкам, боярам и княжатам или никому не служить. Между тем в том же 1550 г. состоялся указ, запрещавший митрополиту и владыкам принимать к себе на службу детей боярских без особого разрешения царя. А в ближайшие годы, в связи с уложением 1556 г. о кормленьях и службе с земли, служба с земли, стала обязательной, и все землевладельцы лишились права никому не служить или служить княжатам, боярам и

другим крупным землевладельцам. Этот большой удар по пережиткам феодализма был сделан задолго до опричнины, не царем Иваном, который по молодости не мог иметь никаких государственных замыслов. И вообще опричнина не имела никакого отношения к этим действительно важным государственным преобразованиям. Если дело обстоит так, то естественно возникает вопрос, на чем же основано мнение, общепринятое в исторической литературе, о том, что княженецкое землевладение перед опричниной представляло большую силу и что царь Иван, учреждая опричнину, поставил себе цель искоренить землевладение княжат и сломить таким образом остатки феодализма, несовместимые с царской властью и интересами государства.

Источниками подобных представлений были, по-видимому, некоторые высказывания Флетчера и князя Курбского, принятые на веру без надлежащей критики и осмотрительности. В рассказе о казни князей Михаила Воротынского и Никиты Одоевского Курбский, не зная причины казни, сообщает, что царь подучил беглого холопа князя Воротынского донести на своего господина и обвинял Воротынского в том, что он намеревался убить царя при помощи чародейства и «баб шепчущих». При этом Курбский высказал предположение: «А мню, научен от него (холоп. – С. В.), бо еще те княжата были на своих уделех, и велия отчины под собою имели: околико тысящ с них почту воинства было слуг их»*. По словам Курбского, Одоевский умер от пытки, а Воротынский чуть живой был послан на Белоозеро, но умер по дороге. Ясно, что Курбский, не имея верных и точных сведений о причинах казни указанных лиц, доверился слухам и лишний раз сорвал свой гнев на царе Иване, обвиняя его в корыстных побуждениях.

Сообщение Курбского о том, что указанные княжата имели дворы и несколько тысяч слуг, страдает, несомненно, большим преувеличением, даже если к слугам причислять обозную прислугу, которая не входила в состав «двора» или «почта»**. Но не будем об этом спорить, а отметим только то, что Курбский имел в виду только этих двух князей и вовсе не думал распространять эту характеристику на всех

* РИБ, т. XXXI, с. 288.

** Почт – польско-литовский термин для определения того, что в Москве называли боярским двором слуг и послужильцев.

русских княжат. Мы знаем, что удельными в собственном смысле слова в это время были: Михаил Воротынский, Владимир Андреевич, Гедиминовичи И. Д. Бельский (умер в 1571 г.) и Мстиславский и валашский воеводич Александр Богданович. По размерам своих владений эти князья стояли так высоко над массой рядовых русских княжат, что применять к последним явно преувеличенную оценку двора князя Воротынского совершенно невозможно. Между тем С. Ф. Платонов в своей характеристике княжат как противников царя исходит именно из указанного сообщения Курбского, не подозревая и не делая различия между рядовыми княжатами и последними остатками удельного строя.

Как можно видеть, приведенное высказывание Курбского совершенно не пригодно для обоснования концепции о принципиальной борьбе царя Ивана против могущественных врагов государства – княжат.

Крупная и яркая личность царя Ивана Грозного, историческая значительность событий его царствования и, в частности, его опричнина с многочисленными опалами и казнями произвели глубокое впечатление на современников и ближайших потомков. Ни одна, кажется, эпоха русской истории до Петра I не оставила нам такого большого количества источников, отечественных и иностранных, как царствование Ивана IV.

И много позже, когда трагическая личность грозного царя и его время отошли в область истории, они неизменно привлекали к себе внимание не только историков, но и поэтов, писателей, художников, композиторов, публицистов и популяризаторов исторических знаний. Надо, однако, признать, что этот повышенный интерес широких кругов читателей к царю Ивану и его времени едва ли был полезен для исторической науки.

Отыскивать новые источники, подвергать их необходимой предварительной критике и обрабатывать, терпеливо устанавливать факты и точно описывать события с тем, чтобы понять и уяснить читателю большие и сложные события эпохи, – все это требовало много времени, самоотверженного черного труда и хорошей научной подготовки. Широкие круги читателей не интересуются «кухней» исторической науки и нередко проявляют наклонность относиться с пренебрежением и полным неуважением к неблагодарному труду

ученых, посвящающих свои силы разработке источников и технике научного исследования. Читатель требует от историка широких обобщений, ярких характеристик лиц и событий, категорических суждений и эффектных в соответствии с темой картин. Историки поддавались соблазну выполнить «заказ» читателя, не тратить свои силы и время на неблагодарный труд фактического исследования прошлого и спешили дать читателю эффектные, мнимонаучные обобщения и концепции.

Известный публицист Н. К. Михайловский полстолетия тому назад не без остроумия заметил: «Если историки, как Костомаров, превращались ради Грозного в беллетристов, то и поэты, как г. Майков, превращались ради него в историков и приводили в восторг настоящих историков (г. Бестужева-Рюмина). Личностью Грозного интересовались и увлекались и критики-публицисты, как Белинский»*.

Подводя итоги обзору высказанных в научной и ненаучной литературе мнений, Михайловский писал: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайною осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а, как мы видели, даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю»**. Михайловский объяснял эти курьезы тем, что «огромная личность Грозного, огромная отнюдь не внутренними достоинствами, а в качестве центра событий великих и позорных, давит воображение историков и лишает их мысль возможности свободно и логически двигаться»***.

Лет за 25 до Михайловского С. М. Соловьев объяснял эти несообразности и разногласия историков «незрелостью» русской исторической науки. Если поверить диагнозу С. М. Соловьева, то следует сказать, что причина разногласий,

---

* Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. VI, с. 30.
** Там же, с. 186–187.
*** Там же, с. 213.

«незрелость» исторической науки, остается неустраненной до наших дней. Со времени Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева было найдено и опубликовано очень большое количество новых источников, отечественных и иностранных, но созревание исторической науки подвигается так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени. С. Ф. Платонов причину разногласий и непримиримых противоречий в историографии об Иване находил в недостаточности и отрывочности наших сведений даже по важнейшим событиям и периодам царствования Ивана. Одну из «решительных побед исторического метода» Платонов находил в том, что новейшие историки отказались от психологических характеристик и направили свое внимание на исследование и описание общественного строя Московского государства, правительственного механизма, международных отношений и т. п.

Со времени этих высказываний Платонова прошло еще 20 лет, историки отказывались от вышедших из моды размашистых характеристик царя Ивана, но разногласия не только не изживаются и не смягчаются, но остаются прежними и даже более сложными, по мере того как главной темой исторических сочинений становятся сложные социальные явления и историческая мысль получает возможность «свободно и логически двигаться».

В чем же причина того, что новейшие сочинения об Иване и его времени не разрешают старых сомнений, споров и разногласий, не обогащают нас новыми фактическими сведениями, а осложняют и даже запутывают тему?

На место героев и негероев разных масштабов в качестве движущих историю сил появились категории, широкие и неширокие, слои, классы и т. п. отвлеченные понятия. Но оказалось, что оперировать в историческом исследовании отвлеченными понятиями гораздо труднее, чем давать блестящие характеристики героев. Задача историка стала неизмеримо сложнее уже потому, что потребовалось привлечение массовых источников, потребовалось знание такого огромного количества фактического материала, которым историки не располагали.

От предшествовавших стадий развития исторической науки достались скверные замашки к широким обобщениям и

разрешающим все сомнения читателя стройным концепциям. С другой стороны, новый стиль исторических сочинений предъявлял к историку очень высокие требования логической выправки в умозаключениях и обобщениях. В этом вопросе историки очень часто оказываются не на высоте своего положения и стоящих перед ними задач.

С недавних пор все, кому приходилось писать об Иване Грозном и его времени, заговорили в один голос, что наконец-то Иван, как историческая личность, реабилитирован от наветов и искажений старой историографии и предстал перед нами во весь рост и в правильном освещении. С. Бородин в отзыве о «Трилогии» В. Костылева хвалил автора за то, что Иван Грозный показан у него «передовым государственным деятелем, преобразователем жизни страны, твердым в достижении цели, прозорливым и смелым»*. С. Голубов в отзыве о новой постановке пьесы А. Толстого на сцене Малого театра писал, что «после многих веков» наветов и клеветы врагов Ивана Грозного «мы впервые видим на сцене подлинную историческую фигуру борца «за пресветлое царство», горячего патриота своего времени, могучего государственного деятеля»**. Приблизительно так же высказался академик Н. Державин в отзыве о «Трилогии» Костылева: «Лишь сравнительно недавно события периода царствования Ивана IV получили в нашей исторической науке правильное, объективное толкование»***.

Итак, реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки. Но верно ли это? Можно ли поверить, что историки самых разнообразных направлений, в том числе и марксистского, 200 лет только и делали, что заблуждались, и искажали прошлое своей родины, и что только «сравнительно недавно» с этим историографическим кошмаром покончено и произошло просветление умов. Но, во-первых, достаточно небольшого знакомства с нашей историографией, чтобы убедиться, что историки не раз делали добросовестные попытки дать по-

* С. Бородин. «Иван Грозный», роман В. Костылева.– «Литература и искусство», 15 мая 1943 г.

** С. Голубов. Новая постановка пьесы Ал. Толстого на сцене Малого театра.–«Правда», 30 мая 1945 г.

*** Н. Державин. Роман об Иване Грозном.– «Правда», 11 декабря 1944 г.

ложительную оценку деятельности Ивана IV и что новостью является только то, что наставлять историков на путь истины «сравнительно недавно» взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры. Но главное, быть может, то, что люди науки, и в том числе историки, давно утратили наивную веру в чудеса и твердо знают, что сказать что-либо новое в исторической науке не так легко, что для этого необходим большой и добросовестный труд над первоисточниками, новый фактический материал и совершенно недостаточно вдохновения, хотя бы и самого благожелательного.

А не исследованных еще, главным образом архивных, источников по ряду весьма важных вопросов эпохи Грозного много. Да и многие старые источники нуждаются в научном пересмотре. В исследовании о Синодике опальных царя Ивана я показал, как много нового дает этот давно напечатанный источник*. В работе о монастырском землевладении во второй половине XVI в. я показал на основе новых источников, что земельная политика Ивана Грозного имела другой вид и другие последствия, чем представляли себе историки**. Наконец, в небольшом этюде о так называемой Тысячной книге и Тетради дворовой мной выяснено значение этих давно известных памятников для понимания Государева двора до опричнины и для понимания Опричного двора, выделенного в 1565 г. из старого Государева двора***. Так монографические исследования частных вопросов по первоисточникам выбивают камень за камнем из фундаментов воздушных замков старых концепций.

1944 – 1945

Впервые опубликовано в кн.:
С. Б. Веселовский. «Исследования по истории опричнины».
М., 1963, с. 11–37.

---

* Опубликовано в кн.: С. Б. Веселовский. «Исследования по истории опричнины» – М., Наука, 1963, с. 323 и далее.

** «Исторические записки», т. 10.

*** С. Б. Веселовский, указ. соч., с. 77 – 91.

Из истории закрепощения крестьян

статьи, этюды и фрагменты

Отмена Юрьева дня

Изданные за последние 20 – 25 лет по истории крестьянства первоисточники и исследования дают возможность пересмотреть и, быть может, решить старый спорный вопрос об отмене Юрьева дня, т. е. о лишении крестьян права отказа и выхода. Известно, что этот вопрос разделяет историков крестьян на два лагеря. Одни (например, В. И. Сергеевич) полагают, что право крестьян на переходы в Юрьев день осенний было отменено указом и что этот указ положил основание закрепощению крестьян. Другие (например, В. О. Ключевский и М. А. Дьяконов) отрицали существование подобного указа (или указов) и искали объяснение закрепощения крестьян в самом ходе жизни, в частности в экономических условиях. Теперь мы имеем возможность дать вопросу иную постановку.

Прежде всего следует сказать, что и те и другие ученые придавали в общем ходе развития крепостной зависимости вопросу об отмене Юрьева дня слишком большое значение. Поэтому историки второй категории с излишней настойчивостью и вопреки фактам отрицали существование указа (или указов), как будто в них была самая суть сложного процесса многовековой истории крестьянской крепости, а историки первой категории удовлетворялись констатированием указного закрепощения крестьян и в дальнейшем изложении оставляли без внимания целый ряд других важных факторов этого сложного процесса.

Исследование так называемого вотчинного режима как основы, на которой развивалась крепостная зависимость, было оставлено почти совсем без внимания. Мне кажется, перед исторической наукой теперь ясно определилась задача выдвинуть на первый план исследование вотчинного ре-

жима и дать вопросу другую постановку. Тогда, в частности, вопрос об отмене Юрьева дня займет в процессе возникновения и развития крепостной зависимости место более скромное, чем-то, которое отводили ему сторонники указной теории и увлеченные полемикой с ними их противники.

В пределах небольшой статьи приходится быть кратким, и потому я воздержусь от изложения литературы вопроса и от полемики и сразу перейду к фактам.

В. Н. Татищев, известный деятель петровского времени, историк и ревностный собиратель исторических памятников, подготовил к печати Судебник царя Ивана и «некоторые сего государя и ближних его преемников указы»[1]. В числе указов Татищев поместил указ 9 марта 1607 г. царя Василия, сообщенный ему в списке казанским губернатором князем С. Голицыным. Ни подлинника, ни других списков этого очень важного для истории крестьянства документа до сих пор не найдено.

Собственно говоря, документ Татищева есть не просто указ, а приказный доклад царю с указом[2]. В докладе мы читаем, что при царе Иване Васильевиче крамол, обид и насилий не было, «потому что крестьяне выход имели вольный; а царь Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил и после от того начались многия вражды, крамолы и тяжи. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги оставил (отставил? – С. В.) и переход крестьяном дал, да не совсем, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и ныне (т. е. в 1607 г.– С. В.) великия в том учинились разпри и насилия, и многим раззорения и убивства смертныя и многие разбои и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есми и уложили по святым великим Соборам и по правилам святых отец». Далее следует указ по этому докладу.

Не требуется больших познаний по истории приказного языка, чтобы заметить, что Голицынский список дает не подлинный доклад, а изложение его языком более позднего

[1] Труд этот напечатан после смерти Татищева Г. Ф. Миллером в 1768 г. в Московской университетской типографии.

[2] Различные образцы подобных докладов с указами можно видеть в Указной книге Поместного приказа.

времени, приблизительно конца XVII в. или начала XVIII в. Уже Н. М. Карамзину этот документ казался «сомнительным, по слогу и выражениям, необыкновенным в бумагах того времени, оставляю, – прибавил он, – будущим разыскателям древностей решить вопрос об истине или подлоге Татищевского списка: пусть найдут другой»[3].

Последующим «разыскателям» пока не удалось найти лучшего списка, а вопрос об «истине или подлоге» они решали разно: одни доверяли, с теми или иными оговорками, документу Татищева, а другие смело отвергали его, но никто не попытался проанализировать его при помощи других источников и проверить *отдельные* показания его, чтобы выяснить, что в нем «истинно», а что может быть признано «подложным».

Наиболее решительный противник указной теории закрепощения крестьян – В. О. Ключевский – отверг показание Татищевского документа относительно отмены крестьянского выхода царем Федором, хотя одновременно отметил, что «содержание самого указа с изменениями почти все вошло в *Уложение*». Татищев, говорит Ключевский, «изложил доклад *своими словами* и с собственными пояснениями... Доклад в указе 1607 г. не подделка, а неудачный исторический комментарий издателя»[4].

Так ли это? Ведь, кроме этого указа, Татищев скопировал и приготовил к печати Судебник и много других указов, причем сделал это, в общем, весьма аккуратно, что можно установить сличением с другими изданиями и списками этих памятников. Затем – свои комментарии, иногда очень любопытные, иногда неудачные, он всегда помещал особо, в примечаниях. Так же он поступил и с указом 1607 г. По поводу фразы «сего ради приговорили осми и уложили...» он писал в примечании не без иронии: «Выше сие уже показано, что ни Соборы, ни святые отцы о беглых говорить нужды не имели». Из этого можно видеть, что сам Татищев относился скептически к некоторым местам доставленного ему Голицыным списка и если поместил его в свое собрание указов, то только ввиду большой важности этого документа.

---

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. X. СПб.,1824, примеч. 349.

[4] *Ключевский В. О.* Опыты и исследования. Первый сборник статей, М., 1912, с. 271 [Курсив Ключевского.]

Следует думать, что Татищев сам не делал никаких домыслов и комментариев, а получил неисправный и неточный список, в котором указ был скопирован довольно близко к подлиннику, а доклад, как менее важный с точки зрения переписчика, подвергся сокращению и пересказу, быть может, тенденциозному по отношению к Борису Годунову и к «старейшим бояром». Внес ли Татищев от себя еще какие-нибудь изменения, решить нельзя, но, судя по его точности и издательской добросовестности вообще, можно думать, что он скопировал доставленный ему список дословно. Как мы увидим ниже, показания Татищевского документа в общем и основном подтверждаются другими источниками.

И если Ключевский писал, что «не только не сохранилось общего указа, отменявшего крестьянский выход, но в уцелевших актах нет и намека на то, чтобы такой указ был когда-либо издан»[5], то в этом категорическом утверждении можно только видеть лишний пример самоослепления во имя предвзятой идеи.

В актах 90-х годов XVI в. появляются новые термины: «государевы заповедные годы» (лета) и «государевы выходные годы». Исследователи почти не обращали внимания на редкие случаи упоминания этих терминов, а когда говорили о них, то не могли дать удовлетворительного объяснения[6].

Изданные в 1909 г. Д. Я. Самоквасовым акты[7] в связи с другими источниками, частью известными ранее, а частью напечатанными позже, дают возможность выяснить эти термины, по крайней мере в существенных чертах. «Заповедь» – значит «запрещение»; «заповедный» – «запрещенный». В применении к крестьянам заповедный год (или заповедные годы) есть такой год, когда отказы крестьян были запрещены государевым указом. Наоборот, выходным годом назывался такой, когда выход и вывоз крестьян с соблюдением, конечно, старых правил судебников относительно срока и условий отказа были разрешены.

---

[5] *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. II. М., 1906, с. 394; *[Ключевский В. О.* Сочинения, т. И. М., 1957, с. 310].

[6] См., например: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908, с. 307, 341–343. О статье М. А. Дьяконова «Заповедные и выходные лета», напечатанной в «Известиях Петроградского политехнического института» (1915, т. XXIV), см. ниже.

[7] Я имею в виду т. II «Архивного материала» (М., 1909).

Когда впервые был запрещен крестьянский выход, т. е. какой год был первым заповедным? В напечатанных Самоквасовым актах самым старшим, среди прочих, заповедным годом указывается 90 г., т. е. 7090 г. от сотворения мира. По нашему летосчислению, это соответствует времени с 1 сентября 1581 г. по 1 сентября 1582 г. По-видимому, 90 г. и был первым заповедным годом. Во всяком случае, сомнение возможно только относительно 89 г. Что же касается более ранних лет, то относительно их мы имеем много указаний, что в 1580 г. и ранее действуют правила Судебника царя Ивана относительно крестьянского отказа и выхода, и указаний на заповедь выходов пока не известно, если не считать Важской уставной грамоты 1552 г., которая имела местный характер[8]. На основании этого я считаю возможным сказать, что первым заповедным годом, вероятно, был 90 г., т. е. указ был дан царем Иваном осенью 1581 г.

Имел указ общегосударственное или местное значение, остается пока под вопросом. Вполне возможно допустить, что заповедные указы, по крайней мере, в первое время, распространялись не на все государство, а на отдельные местности, но один акт 1584 г. показывает, что они быстро, если не с самого начала, захватили большой район. По актам Самоквасова, 90–93 гг. были заповедными в Новгородской области. А в судном деле 92 г. рязанского вотчинника Шиловского с дьяком А. Шерефединовым мы находим указание на то, что эти же приблизительно годы были заповедными и в Рязанской области. Истец заявлял на суде и слался на повальный обыск, что Шерефединов, завладев его селом

---

[8] В этих актах жалобы на крестьянский выход и вывоз сопровождаются обыкновенно ссылками на нарушение правил Судебника, а ссылок на государеву заповедь мы не видим. Для 88 г. см.: *Катаев И. М., Кабанов А. К.* Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. М., 1905, № 53, с. 61. Для того же 88 г. и предшествовавших ему лет см. писцовую книгу земель великого князя Семиона в Тверском уезде (ПКМГ, ч. I, отд. 2. СПб., 1877, с. 322, 357]. Для 86 г. см.: *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II. Юрьев, 1897, № 27, с. 26–27; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I. М., 1896, № 45. Для 82 г. см.: АИ, т. I. СПб., 1841, № 191, с. 354–355. Для 79–81 гг. см.: *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909, с. 31, 48–55, 440 и *Катаев И. М., Кабанов А. К.* Указ, соч., № 45, с. 50. Для более ранних лет см.: *Самоквасов Д. Я.* Указ, соч., т. II, ч. 2, с. 3; ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 257, с. 281; РИБ, т. II. СПб., 1875, № 36, с. 40–41; ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 56, с. 120.

Шиловым, «крестьян насильством твоих государевых дворцовых сел и из-за детей боярских возит мимо отца твоего (т. е. Ивана Васильевича. Суд происходил при царе Федоре. – *С. В.*), а нашего государя уложенья в то село Шилово»[9]. Истец не говорит ни слова о нарушении правил Судебника относительно крестьянского отказа, а прямо указывает на то, что дьяк-самоуправец, один из фаворитов царя Ивана, вывозит крестьян «мимо уложенья», т. е. вопреки запрещению вывозить. В этом показании ценно еще то, что указ царя Ивана называется уложением. Известно, что уложениями назывались обыкновенно такие указы царей, которые имели общее и длительное значение, были законами в современном смысле слова в противоположность указам, распоряжениям по частным случаям.

Итак, следует считать несомненным, что идея заповедных лет и первый указ или указы принадлежали правительству Ивана Грозного, а не царя Федора, как сказано в докладе 1607 г. Мне кажется, что эта неточность легко объяснима приказными порядками: приказные, выписывая в доклад царю прецеденты и излагая суть вопроса, никогда не гнались за полнотой исторических справок, а ограничивались самым существенным. В 1607 г., когда составлялся доклад 9 марта, прошло уже более 25 лет со времени первых заповедных указов царя Ивана, и память о них могла быть заслонена более поздними указами царей Федора и Бориса, которые и упоминаются в докладе. Действительно, есть основания думать – и ниже они будут указаны, – что при царе Федоре по вопросу о крестьянских выходах был дан новый указ с некоторыми существенными изменениями сравнительно с первым указом и потому приказные ссылались в докладе именно на этот более поздний указ.

Рассмотрим указания источников на заповедные годы.

В 1585 г. губные старосты, отделяя в Деревской пятине Б[орису] Сомову поместье, переписали жилые и пустые дворы. Относительно последних они писали: «и с тих дворов, который в деревни на Мошни пустыя, разошлись в заповидныя лита: в 90-м году, и в 91-м году, и в 92-м году, и в 93-м году» такие-то крестьяне. Один сошел в государево село Холынское, один – в Старую Русу, трое – в вотчину

---

9 *Юшков А. И.* Акты. М., 1898, с. 206; *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. П. СПб., 1895, с. 249.

Хутынского монастыря, один – в вотчину Троице-Сергиева монастыря[10].

Из этого случая видно, что 90–93 гг. были заповедными. Из нижеследующего видно, что выход в заповедные годы был незаконным.

Тим[офей] Пестриков, получивший в Рютинском погосте (Новгородского уезда) в поместье с. Заостровье, бывшее ранее за князем [Михаилом] Кропоткиным, бил челом, что Кропоткин вывез в 1583 г. трех крестьян в свое сельцо Велье того же погоста и променял это сельцо своему зятю Б[орису] Белеутову, за которым эти крестьяне и живут. По этому челобитью новгородские воеводы посылали (в ноябре 1589 г.) обыскивать П[осника] Скобеева: «в прошлом 91-м году князь М[ихайло] Кропоткин из сельца из Заостровья, что дано в помистье Тимофию Пестрикову, ис попова двора крестьян насильством... в свое помистье, в Рютинской же погост в сельце в Велью в заповидныя годы вывез ли, и сколь давно и в котором году, и то свое помистье Б[орису] Белеутову, и с тими крестьяны, проминил ли, и те крестьяне ныне живут за Борисом ли за Белеутовым?»[11] По обыску дело было решено в пользу Т. Пестрикова, и в мае 1596 г. губные старосты Деревской пятины, взяв понятых, приехали в поместье Белеутова «да Тимофеевых крестьян Пестрикова Демеха Тарасова да Иванка Панова отвезли назад за его, за Тимофея, в старые их дворы».

В 1588 г. по жалобе Ив[ана] Непейцына на старца Никольского монастыря новгородские воеводы посылали губных старост обыскивать про двух крестьян, сбежавших в заповедный 90-й год. Эти же старосты обыскивали про крестьян князя Б[огдана] Кропотника: «иза князя Богдана иза князя Иванова сына Кропоткина крестьяни его в заповедные годы вышли ли и в котором году хто именем вышол, и за кого которой крестьянин вышол?» Обыскные люди показали, кто и куда вышел, причем заповедными названы годы с 92-го по 95-й включительно[12].

---

10 *Самоквасов Д. Я.* Указ, соч., т. II, ч. 2, с. 500.

11 Там *же*, с. 453 и 482. Еще один обыск Скобеева о том же напечатан М. А. Дьяконовым (*Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. – Известия Петроградского политехнического института, 1915, т. XXIV, с. 2–3).

12 *Самоквасов Д. Я.* Указ, соч., т. II, ч. 2, с. 451; *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета, с. 2.

Таким образом, по этим актам заповедными годами были годы с 90-го по 95-й включительно, что соответствует, по нашему летосчислению, времени с 1 сентября 1581 г. по 1 сентября 1586 г.

Следующее по времени указание на заповедные годы находится в уставной грамоте 7099 (1590) г., данной Торопецкому посаду. В ней сказано: «И на пустые им места старинных своих тяглецов из-за князей, и из-за детей боярских, из-за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их места, где хто жил наперед того безсрочно и безпошлинно»[13]. Смысл этой фразы такой. Перед 1590 г., когда дана грамота, были заповедные годы, т. е. такие, когда старым тяглецам выход с посада был запрещен. По-видимому, всем было хорошо известно, какие именно годы были заповедными, и потому грамота их не перечисляет. Уже на основании заповедного указа посадский мир имел право свозить обратно, но так как при обратном вывозе сами беглецы и лица, у которых они, сбежав, жили, могли создавать затруднения, то уставная грамота подтверждает право мира и облегчает осуществление его определенным указанием на то, что он может вывозить своих беглых всегда, без соблюдения сроков и без уплаты каких бы то ни было пошлин, т. е. пожилого, отказа и т. п. Смысловое ударение в приведенной цитате следует ставить на словах «безсрочно и безпошлинно», так как в этом именно состояло пожалование, включенное в уставную грамоту.

Ценное указание на временный характер заповедных указов и лет мы находим в грамоте 1592 г. на Двину по

---

[13] Напечатана И. И. Побойниным (Торопецкая старина. М., 1902, с. 353–359) по списку конца XVII в. с неправильно поставленными редактором знаками препинания и с ошибкой в конце приведенной в тексте фразы: «безоброчно и безпошлинно» (с. 359). Такое чтение не имеет смысла. Ср. с этим соответствующее место Важской уставной грамоты, где сказано: «выводить назад безсрочно и безпошлинно» (ААЭ, т. I, №3 234, с. 238). Запятая поставлена неправильно после слова «разошлись»: «с посаду разошлись, в заповедные годы вывозить». Получился любопытный редакционный промах, когда поставленная не на своем месте запятая придает фразе смысл, противоположный действительному. С испорченным так текстом грамота перепечатана в «Уставных грамотах Московского государства» (М., 1909, с. 147). В таком же виде цитировал это место М. А. Дьяконов и сделал, конечно, неправильный вывод (*Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд., с. 307, 341–343).

челобитью властей Николо-Корельского монастыря. Игумен жаловался на своих двух крестьян, выбежавших из монастырской вотчины в 1592 г. в черные деревни. В ответ на это земскому судье было велено сыскать, действительно ли сбежавшие были монастырскими крестьянами, и, если они вышли без разрешения игумена, вывезти их обратно в монастырскую вотчину. А затем прибавлено: «Да и вперед бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные деревни не вывозили (напечатано ошибочно: не волозили. – *С. В.)*, тем их Никольские вотчины не пустошили»[14].

Таким образом, 7100 г. и, видимо, предшествовавшие ему годы были заповедными. Очень вероятно, что и ближайшие последующие годы были тоже заповедными. Думать так позволяет наказ 1596 г. арзамасского воеводы городовому приказчику по челобитью Як[ова] Миленина. В 104 г. в Арзамасский уезд был послан П[арфен] Нефимонов сыскивать беглых дворцовых крестьян и свозить их обратно в государевы дворцовые села. Нефимонов вывез одного крестьянина из-за Миленина и стал взыскивать на последнем «денежных доходов и посошнаго хлеба» на 10 лет. Миленин жаловался на это и писал в челобитной, что крестьянин жил за его отцом и за ним самим 21 год, «а пришел де тот крестьянин за отца его жить в выходные лета»[15]. Вся суть этого случая заключалась в том, когда вышел крестьянин. Миленин утверждал, что он пришел жить к его отцу в выходные годы 21 год тому назад, т. е. около 1575 г., когда еще не было заповедей выходить. Нефимонов же полагал, имея, вероятно, какие-нибудь основания, что крестьянин вышел из дворцового села позже, в заповедные годы, быть может в 94 г. (104–10=94). Возможно впрочем, что взыскание государевых доходов за 10 лет было просто нормой штрафа и не указывает на время выхода крестьянина.

О ближайших последующих годах пока у нас сведений нет.

Несомненно, выходными, по тогдашней терминологии, годами были 7110 и 7111 гг. по двум указам царя Бориса –

[14] РИБ, т. XIV. СПб., 1894, ц LXXII, с. 135-137; [Феодальная деревня Московского государства XIV–XVI вв. Сборник документов. Подгот. к печати акад. *Б. Д. Грековым*. М.–Л., 1935, ц 56, с. 74–75].

[15] Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915, ц 112, с. 129.

1601 и 1602 гг. Эти указы давно известны, и я остановлюсь только на тех вопросах, которые важны для нашей темы. Следует отметить, что оба указа дают выход только на год, сначала на 110-й, а по второму указу на 111-й. В ноябрьском указе 1601 г. сказано: «В нынешнем во 110 году, великий государь... и сын его... пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход»[16]. Однако выход дан с большими ограничениями: 1) не имели права вывозить к себе крестьян все высшие чины, начиная с бояр и до голов стрелецких, патриарх, власти и монастыри, 2) запрещено вывозить дворцовых и черных крестьян, 3) в Московском уезде вывоз и ввоз крестьян из других уездов запрещен совершенно, для всех, 4) во всех прочих уездах лица, которым был разрешен своз, могли вывозить друг у друга не более 1–2 крестьян: «возити меж себя одному человеку из-за одного же человека крестьянина одного или дву, а трех или четырех одному из-за одного никому не возити». В следующем году выход дан еще на один год, на тех же основаниях, как в 1601 г.: «крестьян отказывати и возити по томуж, как и в прошлом во 110 году»[17] Весьма возможно, что и в следующем, 112-м году в третий раз дан был указ о выходах. Такое предположение может быть обосновано рассмотрением мотивов и обстановки выходных указов 110 и 111 гг.

О причинах, вызвавших эти указы, можно высказать очень правдоподобную догадку. В указе 1601 г. сказано, что государи указали давать выход «от налога и от продаж». Это неясно, так как не видно, кто и от кого испытывал притеснения и убытки. Ясно только, что перед этими указами все крестьяне, и частновладельческие, и государственные, не имели уже права выхода и что понадобились особые указы, каждый раз только на год, чтобы дать выход. Именно эти указы имел в виду Татищевский документ, когда говорил, что царь Борис дал выход, «да не совсем», т. е. с указанными выше ограничениями, «видя в народе волнение велие». Но почему же волнение по поводу запрещения крестьянских переходов стало «велиим» именно в 1601 г.? Мне кажется, ответ ясен. В этом году разразился страшный трехлетний

---

[16] ААЭ, т. II. СПб., 1836, ц 20, с. 70. Ниже сказано: «в нынешнем во 110 году крестьян возити не велети».

[17] Там же, ц 23, с. 74.

голод. По свидетельству современников и иностранных писателей, бедствие было ужасно. Крестьяне и холопы бросали от голода свои семьи и дома, уходили, куда глаза глядят, и гибли на дорогах тысячами от истощения и морозов. Другие, потеряв все и лишившись своих семей, образовывали шайки и занимались разбоем и грабежом. Многие господа не были в состоянии помочь своим людям и крестьянам, но в то же время не желали отпускать их на волю и тем отягчали их положение.

Последним именно обстоятельством был вызван указ Лжедмитрия 1 февраля 1606 г. Указ исходит из положения, что все крестьяне давно лишены права выхода, но делает для сбежавших различие, в зависимости от того, когда и почему они выбежали. Крестьяне и холопы, сбежавшие от голодных лет, т. е. до 1601 г., а также после голода, в 1604–1606 гг., подлежат сыску и возврату на прежних основаниях. Что же касается крестьян и холопов, сбежавших в голодные годы, т. е. в 110 и 112 (1601–1603) гг., то указ делит их на две категории: 1) крестьян, которые сбежали с имуществом (с животы), «а прожити было им мочно», по сыску отдавать прежним господам, 2) если же крестьянин сбежал от голода и бедности, «что было ему прокормиться не мочно», то такому крестьянину жить впредь за тем, «кто его в голодные лета прокормил», а прежнему господину отказывать и суда в таких случаях не давать: «не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай»[18].

Очевидно, что в голодные годы многие землевладельцы, особенно мелкие, не могли или не хотели помогать своим крестьянам, но в то же время не желали им давать отпускных, чтобы не лишиться в будущем рабочих рук. Другие же землевладельцы, у которых были средства прокормить голодающих беглых, не принимали их к себе, опасаясь понапрасну «истощить себя», как выражается указ, так как позже прежние господа могли вернуть к себе судом этих беглых. На почве голода ярко сказались темные стороны лишения крестьян права выхода. Отсюда то «в народе волнение велие», которое вынудило царя Бориса дать крестьянам выход. Но и понятно, почему Борис дал выход ограниченный – «не совсем», по выражению Татищевского документа. Если

[18] ААЭ, т. II, ц 40, с. 96.

бы он дал право вывозить и принимать крестьян патриарху, властям, монастырям и высшим служилым чинам, то эти более сильные экономически землевладельцы подавили бы легко служилую мелкоту и лишили бы ее рабочих рук. Понятно также, почему вывозить крестьян разрешено было только у мелких служилых людей, так как именно последние чаще всего оказывались не в состоянии прокормить своих крестьян.

Таким образом, выходные указы царя Бориса 1601 и 1602 гг. имели целью смягчить и предотвратить гибельные последствия прикрепления крестьян, вызванные голодом. Указ Лжедмитрия подходит к тому же вопросу другим путем и с другой стороны – его можно рассматривать как амнистию побегов, вызванных угрозой голодной смерти.

Условия, вызвавшие выходные указы 1601 и 1602 гг., и самое содержание указов бросают яркий свет на ход закрепощения крестьян заповедными указами. Если только под давлением такого страшного бедствия и указанных выше последствий лишения крестьян права выхода правительство царя Бориса решилось дать ограниченный выход, сначала на год, а затем еще на год же, то это показывает, что к этому времени (т. е. к 1601 г.), после 20 лет практики заповедных указов, заповедь выхода стала уже правилом, а выход – исключением из этого правила.

Ограниченный выход по указам 1601 и 1602 гг. должен был вызвать большую путаницу и споры. Дело в том, что на практике не было возможности провести границу между самостоятельным выходом крестьянина и вывозом его. Выход и вывоз были обставлены, по Судебнику, одинаковыми правилами, и если при вывозе дело не осложнялось насилиями, боем и грабежом, то различие между ними было только бытовое и частью хозяйственное. Вывоз при участии землевладельца, который свозил к себе крестьянина, нужен был только тогда, когда прежний господин открыто чинил крестьянину незаконные препятствия. Тогда, в сущности, вывоз превращался в драку, с насилием и боем с обеих сторон. Если последнего не было, то крестьянин, сговорившись с новым господином и получив от него средства для расплаты с прежним, отказывался и выходил. Поэтому если царь Борис хотел дать ограниченный выход, то он должен был разрешить только выходы и запретить совсем вывозы. На деле это было неосуществимо, и это отразилось

в указах. В первом указе говорится только о вывозе с согласия, конечно, самого крестьянина. Второй указ сначала повторяет предписание первого, а затем сбивается и говорит о выходе: «которые крестьяне похотят из-за кого итти во крестьяне ж...» и т. д.[19] Таким образом, на деле крестьянин мог не дожидаться свозчика, а расплатиться при помощи нового господина и уйти. Став вольным человеком, он мог затем порядиться к кому угодно, не считаясь с теми ограничениями, которые были установлены указами. Что на деле было так, можно видеть в напечатанных М. А. Дьяконовым отдельных на поместья книгах 1603– 1606 гг. по Новгородскому уезду. В них мы находим много указаний на выходы в 1601 – 1603 гг. без упоминаний, к кому и где порядился вышедший крестьянин: «в прошлом 111 году вышли о сроки, о Егорьеви дни»; «вышел в отказной срок в 110 год»[20].

Если указы 1601 – 1602 гг. были так поняты и применяемы на практике, то, конечно, было очень трудно проводить установленные ими ограничения относительно принимаемых крестьян и категорий землевладельцев, которым не было разрешено свозить и принимать крестьян. Разрешенный царем Борисом выход, «да не совсем», как говорит Татищевский доклад, должен был повести к большим спорам и к запутанным тяжбам: «что судьи не знали, како по тому суды вершити».

Тяжбы из-за крестьян, возникавшие в связи с указами царя Бориса, должны были осложниться и тем значением, которое, по-видимому, пыталось придать писцовым книгам правительство царя Федора. Если царь Федор действительно попытался придать писцовым книгам крепостной характер, то частичный выход, разрешенный царем Борисом, должен был нарушить крепостное значение писцовых книг и вызвать множество конфликтов. Этим, очевидно, объясняется фраза Татищевского документа, что Борис, дав выход, «книги отставил»[21].

В исследовании о сошном письме[22] мне пришлось остановиться на этом вопросе. Сопоставление фактов показыва-

---

[19] ААЭ, т. II, № 23, с. 74.

[20] См. указанную выше статью М. А. Дьяконова «Заповедные и выходные лета».

[21] Напечатано по ошибке «оставил», что не имеет смысла. Ясно, что следует читать «отставил».

[22] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо, т. п. М., 1916, с. 175 и сл.

ет, что ход дозоров и описаний царя Федора устраняет мысль о том, что они были предприняты для регистрации и закрепощения крестьян. С другой стороны, нет никаких указаний на то, чтобы царь Борис «отставил», т. е. отменил, описания царя Федора в финансовом и земельно-правовом отношениях. Тем не менее показание Татищевского доклада содержит некоторую долю истины и весьма интересно. Его надо понимать в том смысле, что царь Федор, запретив выход, сделал попытку придать задним числом значение крепостного документа уже произведенным описаниям и впредь считать описания (в тяжбах и других случаях) крепостными документами. Царь Борис, давая выход, хотя бы и ограниченный, естественно нарушил значение писцовых книг как крепостного документа и должен был их «отставить». Позже царь Василий Шуйский, возобновляя запрет выходов, сделал вторую попытку придать писцовым книгам значение крепостных документов[23].

Указ Лжедмитрия, амнистировавший побеги крестьян от голода в голодные годы, должен был еще более осложнить и запутать все отношения.

При таких условиях и в такой обстановке возник мартовский указ царя Василия, сообщенный нам Татищевым. Вышеизложенное показывает, что к этому времени вопрос о лишении крестьян права выхода был основательно запутан и требовал ясного решения. Быть может, именно этим объясняется та неувязка между докладом и указом, которая бросается в глаза. В самом деле, доклад начинается заявлением, что при царе Иване все было хорошо, так как крестьяне имели вольный выход; затем в докладе прорывается нота осуждения по адресу Бориса Годунова, который будто бы подбил царя Федора, вопреки мудрым советам бояр, отменить крестьянский выход; далее доклад говорит, что царь Василий с освященным собором и думой решил дело по правилам святых отцов, а решение сводится в указе к

[23] Подобные случаи сообщения задним числом финансовым описаниям значения крепостных документов повторялись в русской истории не раз. Так, например, указ 3 мая 1783 г., распространявший крепостное право на малороссийские губернии (ПСЗ, т. XXI. СПб., 1830, № 15724), придал значение крепостных документов ревизским сказкам 1782 г., которые составлялись совсем с другими целями. Колебания правительства относительно крепостного значения писцовых книг продолжались до переписи 1646 г. и до Уложения 1649 г.

полному лишению крестьян права выхода и восстановлению крепостного значения писцовых книг, которые были отменены царем Борисом.

В какой мере эта неувязка объясняется допущенными переписчиком пропусками в докладе или переделками отдельных выражений, сказать невозможно, но ясно, что доклад никак нельзя назвать неудачным историческим комментарием Татищева или лица, которому князь Голицын поручил переписку документа. Мы видим, что, в общем, показания доклада при некоторой неточности в отдельных выражениях подтверждаются исследованием процесса прикрепления крестьян. Поэтому и самый указ, позже вошедший с некоторыми изменениями в Уложение 1649 г., заслуживает гораздо большего внимания и доверия.

Отмечу главные положения указа 1607 г. Во-первых, следует отметить, что исходной мыслью указа является отсутствие у крестьян права переходов. Указ снова восстанавливает в целях проведения на практике этого принципа крепостное значение писцовых книг: крестьянам, записанным в книгах, «быть за теми, за кем писаны». Это относится к беглым крестьянам и к тяжбам из-за них. Затем указ запрещает выход крестьян впредь и устанавливает высокий штраф с землевладельцев за прием беглых: по 10 руб. за принятого беглого и по 3 руб. с человека в год пожилого. Последняя мера, по-видимому, была новостью.

Означает ли указ 1607 г. окончательное прикрепление крестьян? На это приходится ответить отрицательно. По-видимому, и после 25-летней практики запретов и неудачных опытов царя Бориса лишение крестьян права выхода рассматривалось еще как временная мера. На это есть определенные указания.

В 1574 г. Казанский Иланто в монастырь получил грамоту на имя воевод по разным вопросам. Между прочим, власти монастыря жаловались, что служилые люди, из-за которых они призывают к себе крестьян, берут с уходящих пожилое не по указу и тем затрудняют заселение монастырской вотчины. В ответ на это челобитье в грамоте было указано соблюдать постановления Судебника, «а мимо-б уложенья, как по сроку за монастырь крестьянин пойдет, пошлин и пожилого не имали ...»[24]. При царе Василии вла-

[24] АИ, т. I, № 191, с. 355.

сти просили подтвердить им старые пожалования и дать новую сводную грамоту. Грамота была им дана 28 апреля 1608 г., т. е. через год после мартовского указа 1607 г. Так как выход крестьян был запрещен, то нельзя было переписать грамоту 1574 г. дословно, но, имея в виду временный характер заповеди выхода, пожалование 1574 г. в новой грамоте было переделано так: «которому крестьянину лучитца пойти за монастырь из-за кого ни буди в выход в незаповедные лета, и с тех крестьян пошлин и пожилого имать... по Судебнику... а мимо уложенья, как по сроку за монастырь крестьянин пойдет, пошлин [и] пожилого не имати»[25]. Очевидно, что дьяки и подьячие, составлявшие новый текст грамоты, считали возможным наступление незаповедных, т. е. выходных, лет.

В наказе 1610 г., от имени королевича Владислава, С[емену Александровичу] Левшину для управления Чухломой предписывалось никуда не выпускать черных государевых крестьян и самому не вывозить крестьян ни из-за кого в черные волости «до государева указу»[26]. Одновременно (в ноябре 1610 г.) шведско-русское правительство Великого Новгорода в наказе Нехорошему Вельяшеву для управления дворцовыми волостями Обонежской пятины предписывало призывать вольных людей, «которые крестьяне от отцов дети и от братьи братья и от дядь племянники и бобыли и иные какие вольные люди похотят взяти пустые выти в жило и на льготу». Относительно же старых тяглецов сказано: «а старых крестьян из тех погостов никуды не выпущати и возити их из-за государя никому не давати, а за государя в те погосты крестьян до государева указу ни из-за кого не возити-ж, опроче вольных людей»[27].

О том, что принцип крестьянской несвободы выхода нуждался в это время как не вполне бесспорный и утверждавшийся в подтверждениях, свидетельствует ряд других актов. Так, в вотчинной грамоте 22 августа 1610 г. Лжедмитрия II Исуповым сказано: «Да крестьяном же, из-за них, за бояр наших, за окольничих, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за митрополита, и за владык, и

---

25 *Кунцевич Г. З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901, с. 15.

26 Древняя российская вивлиофика, ч. XI. М., 1789, с. 369.

27 ДАИ, т. I, № 167, с. 296.

за монастыри не выходить, и никому их не вывозить. А буде кто учнет их вывозити, или учнут за кого выходити, и бояром нашим и воеводам крестьян сыскивати, а сыскав велети за ними жити по прежнему»[28]. В вотчинных грамотах после Смутного времени подобной статьи уже никогда не встречается.

Укажу еще на августовский договор 1610 г. боярского иравительства с Сигизмундом. Запрещение крестьянского выхода оговорено в нем особой статьей: «Торговым и пашенным крестьянам в Литву с Руси, а из Литвы на Русь выходу не быти; также и на Руси промеж себя христианам выходу не быти[29].

Все это – последние слабые отголоски времени свободы переходов. После Смуты в официальных источниках уже нет указаний ни на выходные, ни на заповедные годы, так как выходов больше не давали, а повторять заповедные указы не было надобности, ибо невыход из временной меры стал прочно установившимся порядком. И можно только удивляться, как с первых же месяцев царствования Михаила, когда власть еще не окрепла и Смута не была ликвидирована, посадские миры, монастыри и служилые люди принялись разыскивать и свозить обратно своих разбежавшихся во время Смуты тяглецов.

Но если официально с выходами было покончено, то в народе воспоминание о выходах и выходных годах держалось еще долго.

До нас дошли записные книги по Пскову и Псковскому уезду почти без перерывов с 1628 по 1650 г.[30] В них записано несколько сотен крестьянских и бобыльских порядных, и в 11 порядных мы находим воспоминания о выходных летах: крестьянин обязывается жить и никуда не выйти «до государевых выходных лет», т. е. до того времени, когда выход будет разрешен особым указом и когда можно будет легально выйти или порядиться на новых условиях[31].

---

[28] О роде князей Юсуповых, ч. II. СПб., 1867, с. 122.

[29] СГГД, ч. II. М., 1819, № 200, с. 404.

[30] Вотчинной конторы по Пскову книги № 80 (1628–1635 гг.), № 84 (1636–1644 гг.), № 83 (1644–1650 гг.) [ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, кн. 17767, 17771, 17770].

[31] 1629 г.: «...до выходных лет и[з] Спасской вотчины никуды вон не выйти и не збежати» (по Пскову кн. 80, л. 41 об.). Случай 1643 г.: «До государевых до выходных лет не збежати и ни за кого во Дворец, ни за

Подобные же указания встречаются в порядных записях того же времени и по Новгородской области. Например, порядчики Ивана Ушакова (1637 г., 7 ноября) обязуются не воспользоваться выходными годами и жить вечно, безвыходно: «и не отиматца нам от его, своего государя Ивана Ондреевича, ни государевыми выходными годами»[32].

Подобные отклики находим и в «государевых делах», т. е. в политических процессах того времени. В 1647 г. в Одоеве была молва: «прежние государи выход давали и тюрьмам роспуск бывал, а нынешний государь к нам не милостив». В Арзамасе в 1633 г. при вести о рождении наследника говорили: «дал нам бог – родился царевич, будет нам выход»[33]. По-видимому, Уложение 1649 г. покончило с надеждами на выходные годы, и во второй половине XVII в. воспоминаний, подобных вышеприведенным, уже не встречается.

Общий ход процесса лишения крестьян права выхода может быть резюмирован так. В последние годы царствования Ивана Грозного, вероятно осенью 1581 г., но, во всяком случае, не ранее 1580 г., выход и вывоз крестьян были временно запрещены. Указ об этом, видимо, был бессрочный, т. е. должен был действовать впредь до нового указа. Такие годы назывались заповедными. Течение их прерывалось выходными годами, когда особым указом разрешались выход и вывоз по прежним правилам Судебника. Установить все заповедные годы и сказать, сколько раз и когда именно они сменялись выходными годами, пока нельзя. Несомненно, заповедными годами были годы с 90-го по 95-й включительно, 99-й и 100-й, 109-й, 115-й и последующие. Вероятно, что годы, непосредственно предшествовавшие 99-му, 109-му и 115-му, тоже были заповедными. Несомненно, выходными (с указанными выше ограничениями) были 110 и 111 гг., а может быть, и 112-й, т. е. последние годы царствования Бориса. После указа царя Василия 1607 г. выходных лет,

---

монастыри, ни за церкви, ни запомещики не вытти» (там же, кн. 84, л. 402). См. там же еще: 1638 г.-л. 95 об. и 112 об.; 1640 г.-л. 160 об.; 1642 г, л. 315 об. [ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, кн. 17767, л. 45 об. (новая нумерация листов); кн. 17771, листы те же, что у С. Б. Веселовского].

[32] [ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная палата, кн. 23], Новгородского уездного суда записная книга порядных 146 г., [л. 513 об.].

[33] Цитировано у М. А. Дьяконова в статье «Заповедные и выходные лета», с. 20.

по-видимому, уже не было. Таким образом, лишение крестьян и вообще всех тяглых людей свободы выхода растянулось лет на 25. Целое поколение тяглецов жило с мыслью, что они лишаются свободы только на время, а следующие за ним два поколения питали в глубине души ослабевшую с течением времени надежду на возврат свободы. В общем должно было пройти почти 75 лет, прежде чем окончательно сложилась и получила общее распространение поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Такое понимание процесса отмены Юрьева дня устраняет те возражения противников указного прикрепления крестьян, которые казались убедительными, когда одни ученые предполагали, что выход был отменен одним указом (например, В. И. Сергеевич – указом около 1592 г.), а противники этой теории указывали на акты, в которых говорится о легальном выходе, Юрьеве дне и т. д., после предполагаемого указа о невыходе. Если мы признаем, что указы о заповедных летах с самого начала и следующие лет 20–25 рассматривались и правительством, и населением как временная мера, что течение заповедных лет прерывалось выходными годами, то все подобные указания источников объясняются просто и возражения оказываются несостоятельными.

В 1589 г. неизвестный нам юрист составил проект нового Судебника и внес в него статью Судебника 1550 г. о крестьянском отказе с несущественными изменениями. В 1590 г. патриарх Иов дал Новинскому монастырю уставную грамоту, в которой предусматривается право крестьян отказываться. И автор нового Судебника, и патриарх исходили из мысли, что выход запрещен временно, «до государева указа», а так как новый Судебник и уставная грамота были актами, которые должны были служить много лет, то они и писали о выходе по старым правилам, как о нормальном порядке, временно измененном. С этой же точки зрения вполне понятны и указания источников на конкретные случаи. Выше я привел указания на легальные выходы в Новгородском уезде в 110 и 111 гг., и эти случаи вполне естественны, так как по ноябрьским указам 1601 и 1602 гг. эти годы были выходными.

[ЭТЮД I]

Недостаточное внимание исследователей к юридическим, экономическим и бытовым условиям крестьянского отказа было причиной многих недоразумений. По вопросу об отказе все ограничивалось рассуждениями о Юрьеве дне и о статьях судебников о крестьянском отказе.

И здесь исследователи слишком часто забывали, что источники иногда молчат о каких-нибудь явлениях не потому, что таких явлений не было, а потому, что они были слишком заурядными и не привлекали внимания современников. В самом деле, вчитаемся внимательно в статьи судебников о крестьянском отказе. Они говорят о сроке отказа, об уплате пожилого, о повозе «и всяких пошлинах». Но достаточно небольшого воображения, чтобы представить себе, что дело отказа не ограничивалось указанными вопросами. Законодатель перечислял их в Судебнике вовсе не потому, что ими исчерпывались все вопросы отказа, а потому, что это были такие пункты, которые чаще всего на деле вызывали споры и в силу этого нуждались в законодательном решении. Почему из всех повинностей крестьянина внимание законодателей остановилось на повозе? Почему понадобилось определять цену пожилого? Почему ни слова не сказано о государственных податях и различных денежных и натуральных повинностях крестьян?

Есть много указаний в источниках на исконный принцип обычного права, который гласил, что всякие подати и оброки текущего года крестьянин должен платить «по хлебу», т. е. тот, кто снял урожай текущего сезона, должен уплатить подати текущего года. В различных актах, например купчих, порядных записях, льготных грамотах и других, мы находим указания на то, как контрагенты предусматривают этот вопрос. Например, продавец даст обязательство

покупателю, что на нем лежит «очистка» продаваемого тяглого участка от всяких невыплат и недоимок, или новопорядчик, садящийся на тяглый участок, в порядной записи ограждает себя от обязательств платить старые недоимки. Одним словом, можно считать несомненным, что уходящий крестьянин был обязан расплатиться во всех податях и недоимках за истекшее время. Если он, как неисправный недоимщик, убегал, то весь вопрос разрешался не юридически, а фактически. Нас интересует юридическая форма ухода, т. е. «отказ». И вот при отказе крестьянин должен был выплатить все недоимки – как государственные подати и повинности, так и земледельческие доходы.

Очень интересное указание на это мы находим в грамоте Троицкому монастырю об угличских крестьянах[1], грамоте, которую исследователи, мне кажется, истолковывали неправильно. В ней видели одно из древнейших указаний на ограничение крестьянского выхода, между тем эта грамота никаких ограничений не устанавливает, и указ, находящийся в ней, стоит на почве всем известного обычного права. Береговая служба, о которой говорит грамота, несомненно, есть посоха (быть может, чрезвычайная), которую потребовал князь от монастыря и других землевладельцев. Угличские крестьяне, быть может, не желая выполнять этой, вероятно, чрезвычайной повинности, стали бросать свои тяглые (насиженные) участки, на которых лежала ответственность. По жалобе монастыря князь «разъяснил» обычное право и подтвердил особой грамотой право монастыря вывести крестьян обратно.

Можно считать совершенно несомненным, что легально правильный отказ предполагал полный расчет и погашение всех недоимок. Остается неясным, принадлежало ли это обязательство к такому, которое лишало крестьянина права выхода, если он не был в состоянии рассчитаться.

Ясно, что в случае невыплаты недоимок (недоимочности) самостоятельный выход для крестьянина был очень трудным. Оставим в стороне те случаи, когда его «окупал» другой землевладелец, но, тем не менее, все-таки остается вопросом, принадлежало ли податное обязательство к таким, которые лишали крестьянина права выхода? Вопрос очень неясен. Известные грамоты белозерского князя Михаила

[1] [АСЭИ, т. I. М., 1952, № 265, с. 192–193].

Андреевича не разрешают вопроса, так как имеют в виду ссуду, а не долг по податям. Следует только отметить, что они допускают возможность выхода с «переводом», т. е. ухода крестьянина при условии, что он найдет поручителей за свой долг. Может быть, что и относительно недоимок возможен был подобный выход из положения. Но такое допущение все-таки сомнительно, так как в вопросе о недоимках, кроме землевладельца и крестьянина, было третье заинтересованное лицо – государство, причем вся ответственность за недоимщика падала в первую голову на землевладельца. Вот этой ответственности землевладельца нельзя упускать из виду.

Ответственность землевладельца за своих крестьян была чрезвычайно важным фактором развития крепости. За недостатком источников мы не можем выяснить ее происхождение. По-видимому, она была естественным выводом из податной, судебной и административной зависимости боярщин и монастырщин еще во время существования уделов. С древнейших известных нам времен церковное служилое землевладение добивается того, что позже называлось «особным тяглом». В жалованных грамотах первой половины XV в. мы видим обычно статью о независимости тягла. Пределы этой независимости не совсем ясны, потому что, как бы ни были широки привилегии грамотчика, оставались еще подати и повинности, которые падали на все население, в том числе и на привилегированных владельцев, которым приходилось их раскладывать. Но несомненно, что отбывание подобных повинностей происходило не по раскладке волостного мира, а по окладу писцов и данщиков. Вполне понятно и естественно, что князья, освобождая иммунитетное владение от власти мира, не могли облагать всех отдельных тяглецов иммунитетного владения и собирать с них самостоятельно подати, и совершенно естественно, что они предоставляли это землевладельцу. Это видно из тех статей (жалованных) иммунитетных грамот, которые в шаблонных выражениях говорят, что наместник и волостель не «въезжают» в иммунитетные владения и не могут «всылать» в них своих людей. Поэтому можно считать несомненным, что ответственность землевладельца за своих крестьян была исконным явлением и исконным выводом податной независимости.

Теория закрепощения через задолженность представляется большим недоразумением, проистекающим от игнорирования и недостаточного знания правовых явлений.

Не говоря пока о совершенной неправдоподобности объяснения происхождения юридических институтов подобным путем, надо считать совершенно недоказанной посылку о прогрессирующем закабалении крестьян путем ссуд.

Исходя из показаний источников, надо попытаться представить себе, когда, почему и для чего землевладелец оказывал крестьянину ссуду. Наивно думать, что землевладельцы смотрели на ссуду как на своего рода способ закрепить за собой крестьян.

По-видимому, источником этой теории послужили многочисленные, разбросанные в разных источниках указания на кабальные и бескабальные долги, на что ссылались землевладельцы в своих спорах из-за крестьян. Но достаточно внимательно рассмотреть подобные факты, чтобы увидеть, что, во-первых, они относятся только к некоторым крестьянам, а не ко всей массе крестьянства, а во-вторых, вопрос о задолженности крестьян выплывал только тогда, когда из-за него спорили два землевладельца.

Уже в древнейших жалованных грамотах, первой половины XV в., мы находим указание, что задолженность бывала иногда основанием крепости крестьян. Например, некоторые льготные грамоты говорят о крестьянах, «окупленных» монастырем у части владельцев и посаженных на землю. Затем мы знаем, что не только по грамотам XV в., но и по Царскому Судебнику 1550 г. землевладелец мог купить крестьянина с пашней в холопы.

Термин «окупленные люди» не настолько ясен, чтобы можно было утверждать, что «окуп» крестьянина был закабалением навеки. Выражение «окупленные люди» правдоподобнее понимать в широком смысле слова, что это люди, за которых землевладелец уплатил долги. Во всяком случае, и «люди окупленные» жалованных грамот XV в., и крестьяне, продавшиеся по Царскому Судебнику с пашней в холопы, не могли изменить юридического положения всей массы крестьян. Об относительном количестве «окупленных людей» у нас нет никаких сведений, но что касается крестьян, продавшихся в холопы, то они либо переходили во двор господина и переставали быть крестьянами, либо продолжали

оставаться «сидеть на пашне». По отрывочным данным, имеющимся у нас, можно думать, что последнее было редким явлением (факты из митрополичьих актов очень интересные). Чтобы покончить с вопросом о закабалении в холопство, следует напомнить факт, неизвестный, по-видимому, сторонникам разбираемой теории, что во второй половине XVI в. покупка тяглых крестьян с пашней в холопство была запрещена указом. Вероятно, такие указы были изданы одновременно с указами о заповедных летах. Во всяком случае, в конце XVI в., когда свобода крестьянского выхода доживала свои последние дни, закабаление крестьянина путем полного холопства было, несомненно, уже запрещено. Непонятно, каким образом сторонники указанной теории не обратили на это внимания. С одной стороны, путь «закабаления» был самым верным и крепким, в то же время был как будто самой подходящей формой, потому что создавал личное закрепощение и был, следовательно, возможен не только на вотчинных землях, но и на поместных; с другой стороны, следует напомнить, что с древнейших времен холопы не подлежали государственному тяглу; выходит, как будто, что в таких случаях, не выгодных для государства, землевладельцы могли выигрывать во всех отношениях, между тем мы видим, что до последней четверти XVI в. государственная власть разрешает подобные сделки.

Если бы закабаление крестьян было спортом, которым землевладельцы могли заниматься в свое удовольствие, то вероятно, что свободных крестьян не было бы совсем. Между тем мы видим, что количество холопов на пашне было очень невелико, и это объясняется, по-видимому, очень просто: [во-первых,] чтобы давать ссуду и закабалять тем или иным образом, нужно было иметь капитал; во-вторых, несомненно, что и сами закабаляемые шли на самопродажу только «от самой нужды», т. е. в исключительных случаях; фактическая возможность для крестьянина убежать в соседнее княжество была третьим моментом, который не давал возможности землевладельцам применять в широкой мере этот способ закабаления.

В источниках очень много указаний, что землевладельцы, не только мелкие, но и крупные, и монастыри давали ссуды крестьянам только «по нужде», т. е. потому, что без ссуды они не могли привлечь к себе новых крестьян, и по-

тому, что новые и старые их крестьяне были иногда бессильны вести хозяйство без помощи землевладельца. Ясно при таких условиях, что теория «прогрессии задолженности» должна быть причислена к категории ничем не обоснованной фантазии. Если бы мы имели возможность статистически учесть количество и движение ссуженных капиталов, несомненно получилась бы очень кривая линия, не имеющая ничего общего с прогрессивным ростом, так как такие факторы, как наличность капиталов у землевладельцев и потребность крестьян в ссудах, были изменчивыми величинами, действовавшими вовсе не в одном направлении и дававшими очень большие отклонения не только во времени, но и по месту (невозможно было бы учесть: какая-нибудь война и другие обстоятельства изменяли условия).

Мы видим, что в древнейшее время и в XVI в. многие крестьяне были совершенно не связаны долгами, однако и в XVII в., когда землевладельцам не было никакой надобности закреплять крестьянина путем ссуд, землевладельцы, даже самые мелкие, должны были давать ссуды своим крестьянам, употребляя на это иногда все свое «государево жалование».

Но, может быть, самым слабым местом разбираемой теории является игнорирование юридической стороны дела. Удивительно, как сторонники этой теории проглядели тот важный факт, что в праве тогдашнего времени существовали различные формы долговых обязательств между свободными людьми. Человек, принявший на себя долговое обязательство по служилой кабале, лишался, подобно закупу, права покинуть двор своего кредитора до выплаты долга. В то же время известно, что крестьяне получали ссуды по простой кабале или даже бескабально (т. е. по словесному договору), которые вовсе не лишали их свободного передвижения и вовсе не давали кредитору уверенности в том, что он может удержать таким путем у себя крестьянина, который не пожелал бы за ним жить.

Конечно, положение обремененного долгами крестьянина, в какой бы форме он ни сделал долги, было тяжелым, но оно только косвенным образом могло привязывать его к своему кредитору, так как при свободе отказа всегда мог найтись другой капиталист-землевладелец, который мог «окупить» крестьянина, т. е. дать ему средства расплатиться с кредитором.

Можно было бы возразить, что «окуп» такого задолженного крестьянина был делом невыгодным, непосильно задолжавший крестьянин и неисправный плательщик налогов едва ли был желательным крестьянином для кредитора. (Есть в источнике указания, что таких неисправных крестьян землевладельцы «выбивали из боярщины».)

Таким образом, различные формы задолженности (по кабалам и без кабалы), которые не лишали должника права уйти (иногда находили «поручителя записи» и уходили) и не обязывали его непременно жить у кредитора, вовсе не могли создавать крестьянской крепости. При неблагоприятном стечении различных обстоятельств такая задолженность могла быть невыгодной для кредитора, могла приводить к тому, что крестьянин, не улучшая своего положения, мог переходить из рук одного кредитора к другому, и все это не могло иметь решающего значения для юридического положения крестьянства в целом.

Несмотря на крайний недостаток источников, следовало бы направить усилия на выяснение различных форм задолженности, особенно на те, которые по кабале лишали должника права на передвижение. Здесь все остается под вопросом. Долг по служилой кабале можно рассматривать как временное рабство, но совершенно неясно, в какой области отношений создалась эта форма долговой зависимости. Если придерживаться буквенного смысла текста служилой кабалы, то, скорее всего, следует принять, что служилая кабала применялась к службе во дворе господина, а не к крестьянству. Если принять это, то возникает другой вопрос: не было ли другой формы кабалы, нам пока неизвестной, которая юридически была бы аналогичной служилой и применялась в крестьянском быту? Если такая форма существовала, то когда она исчезла?

Недоказанность мнения о том, что «с течением времени крестьянский выход сменился крестьянским вывозом», т. е. что самостоятельный отказ и выход крестьянина, его активная роль в перемене господина с течением времени сменились вывозом, пассивной переменой господ по инициативе владельца (нового господина). Прогресс в этом надо считать не доказанным. В множестве жалованных грамот и других источников мы видим, что и в древнейшее время крестьян очень часто «окупали», сманивали большими льготами в податях и т. д.

Некоторым оправданием гипотезы о прогрессирующем закрепощении могут служить указания многочисленных источников на «своз» крестьян, происходивший во время разорения всего крестьянства при Иване Грозном.

* * *

Ответственность землевладельцев за крестьян не ограничивалась ответственностью в податях. Естественным же и неизбежным выводом административной, судебной и податной независимости иммунитетных владений была ответственность за преступления и различные правонарушения. Эта ответственность распространялась не только на крестьян, но и на «людей» землевладельцев. Господин еще по Русской Правде был ответствен за своих рабов и должен был либо уплатить за раба виру и другие пошлины, либо выдать его «головой» князю и истцам. Об ответственности монастырей в уплате виры за разбой и душегубство мы можем судить по жалованным грамотам монастырям. Ответственность служилых землевладельцев в основном была такой же, но в подробностях для нас не ясна.

Впервые выступает она со всей определенностью в уставных губных грамотах. Вслед за вопросом о податной, судебной и административной ответственности землевладельцев перед властью возникает другой первостепенной важности вопрос о формах и пределах ответственности крестьян данного владения перед своим землевладельцем. Можно думать, что в древнейшее время при расселении крестьян хуторами-деревнями, при индивидуальном договоре землевладельца с каждым крестьянином при отсутствии общего крестьянского поля, разделенного на наделы, каждый крестьянин был ответствен только за себя. За недостатком источников мы не можем точно выяснить сложного и длительного процесса, результатом которого были круговая порука крестьян друг за друга, общие поля, наделы, переделы наделов и т. д.

Процесс укрупнения селений и сосредоточения крестьян вокруг господского усадища, несомненно, протекал параллельно и одновременно с развитием круговой поруки. Здесь для исследовательской мысли открывается широкое неизведанное поле. Надо искать источники и поставить на очередь исследование этих вопросов.

Возвращаюсь к судебникам и [к вопросу] о податях.

Легко понять, почему судебники в статьях о крестьянском отказе ничего не говорят о податной ответственности крестьян перед землевладельцем. Мне кажется несомненным, что обязанность крестьянина при отказе – уплатить все недоимки – была настолько несомненным и ясным правилом, что судебники не находили нужным говорить о нем. Тем более не было надобности говорить об этом, что самый принцип был бесспорным, а размер ответственности (недоимки) был объективной величиной, которую легко было доказать.

Иначе обстояло дело с повозом и пожилым. Не потому, что расплата по этим обязательствам была спорной в принципе, а потому, что при отказе чаще всего могли возникнуть споры о размере повинностей. В предвидении споров, которые на практике иногда могли лишить крестьянина возможности выхода, судебники устанавливают определенные нормы.

Следует рассмотреть, почему именно эти две повинности могли вызывать споры, а в некоторых случаях – лишать крестьянина возможности выхода. Что такое повоз сам по себе – ясно. Необходимо только выяснить обстановку, в которой он совершался, и тогда станет ясным его практическое значение и вмешательство судебников в оценку этой повинности.

Повоз – это обязанность крестьянина в известных случаях доставить на двор господина хлеб и другие натуральные платежи.

Легко заметить, что повоз должен был быть чрезвычайно разнообразной и изменчивой повинностью. В самом деле, когда дело шло о повозе в монастырь как постоянный потребитель, находящийся на определенном месте, то повоз как повинность приобретал более устойчивый характер. Для крестьян, живущих возле монастыря, легко было предвидеть размеры повинности и установить для нее определенные правила. В отдаленных владениях монастыря повоз мог быть заменен денежным платежом и т. п.

Гораздо сложнее было положение в боярщинах. В одних случаях землевладелец, живший в своем владении и нуждавшийся в продуктах, мог назначить местом повоза свое усадище. Тот же землевладелец, вызванный на осадную

службу в уездный город, мог потребовать повоза на свой осадный двор. Если он служил по Москве, то он нуждался в доставке продуктов в Москву. Мы не знаем, имел ли право землевладелец назначать место повоза по своему усмотрению. Неограниченность такого права весьма сомнительна, но также несомненно, что в известных пределах, весьма широких, у него было право выбора. В псковских порядных XVII в. указания на повинность повоза довольно часты. Иногда крестьянин обязыва[лся] доставить хлеб и всякое обилье в уездный город или во Псков, но нередко обязательство выражается формулой «куда государь укажет». Я думаю, нет оснований видеть в этом порядок, сложившийся тогда, когда крестьянин был уже лишен права выхода. Мне кажется, что для служилых землевладельцев, которые по долгу службы должны были вести передвижной образ [жизни], повоз, по крайней мере в размере необходимого пропитания в походе, изменявшийся из года в год в зависимости от передвижения и сроков службы, был исконным явлением. Белозерские помещики жалуются на крестьян, не доставлявших продуктов на место службы (крестьяне вновь назначенного служилого человека). Государство не кормило войско во время походов, служилые люди питались на свой счет. Для этого и поместья давались им, и крестьяне.

Поэтому мне кажется, что как бы мы ни оценивали повозную повинность, несомненно, что она была очень разнообразной по местности и изменчивой во времени.

Если обратить внимание на то, в какое время года она исполнялась, станет ясно, почему судебникам пришлось ее оценить именно по поводу крестьянского отказа.

Пока крестьянин жил, размеры повоза определялись местными условиями, обычаями, усмотрением землевладельца (посильностью крестьян), его естественным учетом посильности крестьян и т. п. Вся острота вопроса о повозе возникала именно при отказе. В самом деле, законодательным сроком отказа был Юрьев день осенний (26 ноября), точнее, неделя до этого дня (19 ноября) и неделя спустя (по 5 декабря). По климатическим и сельскохозяйственным условиям крестьянин к этому времени только-только успевал реализовать урожай, т. е. снять и обмолотить все хлеба, между тем еще задолго до Юрьева дня наступали осенние

дожди и осенняя беспутица. Можно с уверенностью сказать, что исполнение повоза становилось возможным только по санному пути. В средней полосе России хороший санный путь устанавливается к самому концу ноября. Таким образом, крестьянин, желавший разделаться с землевладельцем, не имел возможности в огромном большинстве случаев исполнить повозную повинность до отказа. Ясно, что при этих условиях возможны были большие злоупотребления со стороны землевладельцев, которые могли затруднить для крестьянина отказ, а во многих случаях лишить его возможности уйти немедленно после отказа. Этим, как я думаю, объясняется то, что судебники из всех многочисленных повинностей крестьянина говорят только о повозе и дают обязательную для крестьянина и землевладельца оценку этой повинности.

Несколько иначе можно объяснить себе вмешательство судебников в оценку пожилого. Обязанность платить пожилое вытекает из предположения, на деле, вероятно, соответствовавшего действительности, что постройки есть капитал землевладельца, данный крестьянину во временное пользование. Из других источников мы знаем, что иногда крестьянин приходил в готовые хоромы (постройки), но очень часто новоприходец садился на пустоши, и тогда землевладелец давал ему лес и ту или иную льготу в податях для дворовой ставки. В частности, на поместных землях дворовые постройки как самого землевладельца, так и крестьянина не были их собственностью, а принадлежали поместью.

Можно думать, что трудность определить [сумму] за пользование поместьями заставила законодателя вмешаться в оценку. Судебники устанавливают двоякий тариф: для местностей, где лес близок и постройка обходится, следовательно, дешевле, и для безлесных местностей, где постройка обходилась дороже.

Для оценки взято чисто произвольное предположение, что пожилое должно составлять четвертую часть стоимости постройки. Крестьянин, проживший четыре года и больше, уходя, должен был оплатить пожилое в полном размере.

В заключение настоящего отдела следует определенно поставить вопрос: представляла ли обязанность крестьянина при отказе уплатить все недоимки такое обязательство,

которое лишало крестьянина права выхода? По-видимому, на это надо ответить отрицательно. На деле, вероятно, неоплатный недоимщик или убегал «не в срок без отказа и безпошлинно», или его «окупал» другой землевладелец.

Возможно предположить и такие случаи, что он уходил на Юрьев день, не заплатив недоимок, и тогда у землевладельца оставалось только право иска об уплате недоимок, но никак не о возврате на старое тягло. Если выразиться языком позднейшего времени, то можно сказать, что землевладелец имел право искать на нем ссуды и серебра, а не крестьянство. Но как бы то ни было, мы видим, что вопрос о полной уплате всех податей и недоимок при отказе играл первостепенную роль.

Здесь само государство, а не частная задолженность того или иного крестьянина завязывало самые крепкие узлы будущей крепостной зависимости. Понятно, что тяжелые продолжительные войны Ивана Грозного, осложнившиеся террором опричнины, экспроприацией имущества землевладельцев целыми уездами и переселениями их в другие уезды, эпидемиями и неурожаями, создали такую обстановку, при которой указы о заповедных летах, т. е. лишение крестьян права выхода, стали неизбежными (это было единственным выходом при создавшемся положении).

Достаточно запутанный литературой вопрос о происхождении земельной общины можно оставить пока в стороне. Гипотеза об исконности общинного землевладения в настоящее время утратила кредит и представляет [собой], в сущности, кучу развалин, которую было бы полезно убрать, чтобы расчистить поле для исследования вопроса вновь. Я постараюсь ограничиться рассмотрением земельных отношений крестьян к владельцам в самом необходимом размере. Прежде всего можно совершенно оставить и забыть фантастическое мнение, будто все или большинство частных владений образовались из раздачи князьями монастырям и частным владельцам земель, уже населенных. Очевидно, такой взгляд был подсказан ставшими давно известными фактами раздачи в поместье земель новгородского боярства после завоевания Новгорода, а затем указанием источников XVI в. на раздачу в поместья черных, дворцовых и других великокняжеских земель. В противоположность этому можно было бы указать для того же XVI в. факты раздачи в

в огромных размерах *пустых земель* на восточных и южных окраинах государства, пустых земель, которые приходилось служилым людям населять за свой счет. Но все эти факты относятся к сравнительно позднему времени: раздача земель новгородских – к концу XV в. Все, что мы знаем о более раннем времени, говорит о совершенно другом характере земельных отношений. У князей было огромное количество пустых земель и очень мало таких населенных, из которых они могли бы раздавать земли в поместья и вотчины. Есть много указаний, что в XIV и XV вв. князья как частные лица усиленно занимались колонизацией своих пустых земель,– конечно, не для того, чтобы потом раздавать их монастырям и служилым людям. Большинство известных нам пожалований монастырям и частным лицам этого времени касается земель либо совершенно пустых, либо населенных очень слабо.

Таким образом, в большинстве случаев частному землевладельцу приходилось устраивать свои земельные отношения с крестьянами самостоятельно и вновь. Следует отметить еще очень важное обстоятельство, которое совершенно не было принято во внимание такими горячими сторонниками исконности земельной общины, как И. Д. Беляев, что каждая боярщина и монастырщина независимо от своих размеров, как маленькие, так и крупные, представляли замкнутую хозяйственно-административную единицу, в которой вотчинник был полным хозяином земли.

Быть может, было бы рискованно утверждать, что никогда ни в одной местности Северо-Восточной Руси не было обычного права, которое защищало бы крестьянина от произвола землевладельца в этом отношении, но несомненно, что в отличие от многих стран Западной Европы Великороссия, как страна вновь колонизуемая, не имела сколько-нибудь прочных обычаев на этот счет, не осталось следов от них по крайней мере.

Несколько сложней представляется этот вопрос на государевых землях, розданных в поместье. Несомненно, что слуги под дворским удельного времени и конца XV в. не могли распоряжаться землей так же свободно, как вотчинники, но ограничения касались права отчуждения и заклада, а не права пользования, поскольку шла речь об отношениях между помещиком и крестьянами. Уже в древнейших поме-

стных грамотах мы видим, что помещик по своему усмотрению мог взять у крестьянина участок и завести на нем пашню, тем более вероятно, что он имел право по своему усмотрению распределять землю поместья между крестьянами. Все ограничение, которое налагало на него государство в этом отношении, выражалось общей фразой «только б не было пусто». Если же помещик своими распоряжениями учинит пустоту, то и здесь вмешательство государства выражается только в том, что он должен оплачивать пустоту собой. С течением времени, по мере того как поместье теряло свой прекарный (?) характер, и эти небольшие ограничения теряли свою силу и помещик становился таким же полным хозяином земли в своем поместье, каким всегда был вотчинник в своей вотчине. В общем ни государственная власть, ни обычай не связывали произвола землевладельца в распределении земли между крестьянами в своем земельном хозяйстве.

Попробуем же представить себе, каковы были земельные отношения в древнейшее время, какие перемены произошли с течением времени и какое это имело значение в институте крестьянской крепости. Положение дел в боярщине и в монастырщине удельного времени представляется [мне в следующем виде].

Наиболее типичным не только для Новгорода и поморского Севера характер[ом] поселения для древнейшего времени были мелкие поселки (хутора), разбросанные на лесных полянах и по речным долинам, которые «тянули» тяглом и судом к боярскому или монастырскому усадищу. (Село Зубачево Троице-Сергиева монастыря. Село и деревня и их населенность в митрополичьих владениях.)

По различным источникам, главным образом правым грамотам (для древнейшего времени почти исключительно) и некоторым источникам позднейшего времени(?), можно нарисовать приблизительно такую картину земельных порядков. Деревня в один-два двора, поставленная на окраине леса, живет самостоятельной хозяйственной жизнью. Непосредственно возле двора находятся огород и пахотная земля, огороженная осеком (тыном?). Тут же, в большей или меньшей близости, находятся пожни, т. е. земля под покосом, которую тоже приходится иногда огораживать от скота. Дальше лежит лес, которым крестьянин имеет право

пользоваться для своих нужд. Скот пасется без пастуха под присмотром детей, стариков и самого крестьянина. Границы такого участка определяются стереотипной фразой «покаместа соха, коса и топор ходят». Таким образом, «деревня» на языке того времени означала не группу построек, а совокупность различных хозяйственных угодий, находящуюся в пользовании крестьян деревни. В некоторых боярщинах, особенно крупных, могут быть и другие угодья, например рыбная ловля, звериное и птичье ловище, бортное ухожие и т. п., которые землевладелец мог эксплуатировать сам, при помощи своих холопов или отдавать на тех или иных началах в пользование крестьян. Но все подобные и иные угодья не являются типичными и характерными и не изменяют основного строя земельных порядков. Большее или меньшее количество таких деревень тянет тяглом и судом к боярскому усадищу, вокруг которого обыкновенно был более крупный поселок, сельцо или село, население которого составляли не только крестьяне, но и «люди», т. е. холопы разных служб.

Земельные отношения жителей такого поселения были обыкновенно сложнее. Здесь мы видим: общее поле пахотной земли, состоящее обычно из трех частей – парового, озимого и ярового («а в дву потому ж»!), общие пастбищные земли, на которых появляется пастух, а иногда и общие луга, отведенные под покосы. Пахотные земли и здесь огорожены обыкновенно осеками. В соответствии с таким характером поселений и пользования землей отношение землевладельца к крестьянам индивидуальное в том смысле, что крестьяне эти, пришедшие в разное время, получали землю на различных условиях, каждый раз по особому соглашению. Конечно, в каждой местности существовали некоторые общие образцы поряда в тягло и наделения землей, но в общем несомненно, что при свободе поряда и выряда, при населении в разбросанных деревнях, отношения каждого отдельно крестьянина к землевладельцу имели индивидуальный характер. Однообразные нормы земельных наделов и повинностей могли зарождаться и развиваться только в более крупных селениях, при усадище, под непосредственным влиянием господской власти. Очень неясным представляется вопрос о тяглых отношениях, слагавшихся на такой почве, но несомненно, что нужен был длительный процесс и очень энергичное вмеша-

тельство господской власти, чтобы связать крестьян круговой порукой и заставить свободных арендаторов разбросанных по лесам деревень пойти на «господский коллектив». Можно допустить, что под давлением государственной власти землевладельцы прилагали усилия, чтобы достигнуть этого еще тогда, когда крестьяне имели право отказа. Можно допустить, что такой порядок представлял некоторые выгоды для крестьян в крупных боярщинах и монастырщинах, где землевладелец, связывая разрозненных деревенщиков в общину, возмещал невыгоды поруки и мирской раскладки податей правом пользования свободными землями и угодьями.

Но как бы то ни было, можно думать, что образование земельно-тяглой общины в землях боярщины стало на твердую почву (укрепилось) только после лишения крестьян права выхода. Нет надобности говорить, что переделы общинных земель были еще более поздним явлением.

Основная мысль вышеизложенного такова: указанные процессы объединения крестьян в тягло-земельную общину на княжеских землях совершились, по-видимому, раньше, чем в крупных боярщинах и монастырщинах, а в последних – раньше, чем в мелких поместьях и вотчинах служилых людей.

В некоторых исключительно счастливых случаях мы можем наблюдать исчезновение мелких деревень и укрупнение селений на протяжении нескольких столетий. Этот процесс, параллельный образованию земельно-тяглой общины, протекал чрезвычайно медленно. Мы не имеем прямых указаний на то, чтобы землевладельцы активно в него вмешивались, т. е. уничтожали мелкие деревни и заставляли крестьянина переселяться к его усаду.

По источникам мы наблюдаем другие формы процесса: деревня пустеет от морового поветрия, от воинских людей, от разорения тяглецов, от разбойников и исчезает навсегда. Приходящих вновь тяглецов землевладелец поселяет уже не в отдельных деревнях, а в своем селе или сельце, возле усадища. Ни в чем, быть может, не сказывается так ясно медленность образования крепостного строя со всеми его институтами, как в этом факте укрупнения на протяжении столетий селений.

Огораживание полей в деревнях

В докладном судном списке конца XV в. по Малоярославскому уезду описывается межа – «поперек леску через осек». Там же, выше один старожилец показывал, что приказчик князя И[вана Константиновича] Оболенского платил крестьянам протраву за свою скотину, которая «вломилася» на поле, засеянное ячменем[1]. Если скотина «вломилась», то это значит, что поле было огорожено.

Из этих статей ясно, какие поля и для чего огораживали. Каждый должен был огораживать крепкой оградой (в 7 – 9 жердей) свое пахотное поле и пожни. В местах, где это поле или пожня были смежны с полем же или пожней соседа из другого села или деревни, владелец и его соседи устанавливали ограду или сообща, или по половинам. Кто не огораживал своего поля, тот был сам виноват, если чужая скотина травила его хлеб или покос, и не имел права иска. Если ограда была установлена по половинам с соседом, то каждый отвечал за целость прясел своей половины. Поэтому он не имел права иска, если чужая скотина портила его хлеб, пройдя через неисправную ограду, и должен был заплатить за потраву, если скотина соседа из чужой деревни портила хлеб однодеревенщика, поле которого было в одной ограде с его полем.

Из ст. 170 Судебника царя Федора[2] ясно, что огораживалась не вся земля деревни, а только пахотные поля и покосы («хто назло огород отворит и в поле скота напустит»). Из этой же статьи видно, что на границе владений делали осеки, чтобы бродящая без присмотра скотина не

---

[1] [*Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, с. 105, 106 – 108; АСЭИ, т. I. М., 1952, №607, с. 505–510].

[2] [Судебники XV-XVI веков. М.– Л., 1952, с. 404].

уходила на чужую землю. Осеком называлось заграждение из срубленных и поваленных целиком, с сучьями деревьев. Осеки делали, конечно, не по всей границе, а только местами, где скотина легче всего могла уйти на чужую землю и где был под руками лес. Это ясно из многих мест обводных книг 1482 г. всех земель Кириллова монастыря в Белозерском уезде, составленных по указу великого князя Ивана III при присоединении Белозерского удела к Московскому княжеству после смерти князя Михаила Андреевича[3].

На какой почве создалось это повсеместное обыкновение возводить сложные сооружения огородов и осек и такие правила, как лишение земледельца права иска за потраву неогороженного или плохо огороженного поля? Мне кажется, ответ ясен. Великоросы привыкли селиться деревнями однодворными или в 2–3 двора. Обработанный участок был невелик, а вокруг него лежали огромные пустыри, болота и дикий лес. Между тем небольшие размеры деревни и небольшое количество скота делали невозможным наем пастуха. Крестьянин стран с интенсивной системой земледелия тоже обходится без пастуха, но он держит скот в ограде, а наши колонисты и крестьяне делали обратное: огораживали поля и наиболее ценные покосы и пускали бродить скотину вокруг этих огороженных оазисов культуры. Ребятишки и сам хозяин присматривали за скотом, чтобы не зашел слишком далеко, а если владения деревни имели общую межу с владениями соседней деревни, то приходилось в наиболее угрожаемых местах делать осеки, а где были смежные поля, то изгородь. При этом изгороду ставили пополам только в том случае, если с полем сходилось поле же. Если же поле соседа примыкало к пустоши или лесу другого владельца, то последний не должен был заботиться о возможной потраве хлебов соседа, так как тот не имел права взыскивать протраву, если его поле не было огорожено и скотина соседа заходила на него.

Это противное современным понятиям о земельной собственности правило объясняется, по-видимому, тем, что обыкновение обходиться без пастуха было всеобщим и на почве этого обыкновения выработался взгляд, что всякий должен

---

[3] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии», вып. II. М., 1900, с. 87 и др.

огораживать свое поле от скотины, своей и чужой, которая не имеет «понятия» и не разбирает, где свое и чужое.

В источниках XVI в., например в писцовых книгах, мы встречаем изредка указания на пастухов, но все эти указания относятся или к пастьбе больших стад посадских людей, или к монастырским вотчинам, где велось уже большое хозяйство с большим количеством скота и большой запашкой. Возможно, что пастухи были известны и ранее XVI в., но несомненно, что это было редкое исключение, а огромное большинство населения жило в мелких деревнях и обходилось без пастухов, тратя ежегодно много сил на устройство и починку изгороди.

Характеристика деревни у В. И. Сергеевича, в общем правильная, нуждается, однако, в поправках. Совершенно верно, что «старые наши деревни и их поля представляли совсем иную картину, чем та, которую мы теперь наблюдаем», но неточно или неверно, что «они все были огорожены»[4]. Там же, выше: «Каждая деревня, составляя отдельное хозяйственное целое, отгораживалась от соседей особой изгородью. Крестьяне, рядившиеся на деревни, обязывались «изгороди около поль городить». По поводу последней фразы, часто встречающейся в крестьянских порядных XVI–XVII вв., замечу, что полем или полями в источниках называются обыкновенно не вс[е] земл[и], а только распаханные. В писцовых, порядных и других книгах всегда читаем пашни паханые или пашни под перелогом «в поле... четвертей, а в дву потому ж». Покосы описываются копнами сена, а леса – верстами и десятинами. В описаниях разного рода полей есть технический термин для обозначения пахотных земель, паханных и под перелогом. Эта земля всегда описывается и считается «в поле, а в дву потому ж».

Если Сергеевич хотел сказать, что деревня обносила оградой все свое владение по границе с соседями, то это неверно. Во-первых, не было смысла огораживать лес, болота и вообще разные малоценные угодья; во-вторых, это было бы непосильно для крестьянина ставить и поддерживать, так как иногда он владел территорией в десятки и даже сотни десятин; наконец, такая ограда была бы бесполезна, так как крестьянам нужно было защитить свои посевы и луга не только от чужой, но и от своей скотины.

---

[4] *Сергеевич В. И.* Древности русского права, т. III. СПб., 1903 с. 48.

Известно, что судебники очень бедны нормами материального права. Однако первые два судебника посвящают вопросу об огородах особую статью, а в Судебнике царя Федора им отведены целые четыре статьи, из чего можно заключить, что этот вопрос, как насущный, пользовался большим вниманием.

Разбор этих статей дает ясное представление о значении и назначении огород в жизни деревни. В первом Судебнике читаем (ст. 61): «А промежи сел и деревень...»[5]. Во втором Судебнике после почти дословного повторения этой статьи прибавлено (ст. 86): «А кто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожню платити тому, чья изгорода»[6].

Судебник царя Федора дает к этой статье целый ряд дополнений, взятых, несомненно, из богатой по данному вопросу практики северных крестьян. Статья первого и второго судебников в нем изменена так: «А промеж селы и деревни городити межной огород, где межа придет, пополам. А чиим огородом протрава учинитца, и про то сыскати и на нем протрава взяти, чем люди осудят». Затем сделано интересное добавление: «а протрава до Семена дни, а после Семена дни протравы нет»[7]. Это добавление основано на том предположении, что к 1 сентября все хлеба уже бывают убраны с полей, все и каждый имеют право пускать свой скот где попало, днем или в ночное, и потому после 1 сентября нет «протрава», т. е. не может быть иска в протраве. Пережитки такого взгляда на осеннюю пастьбу скота живы до сих пор по всей Руси.

Дальше Судебник определяет понятие «доброй» огороды: «А огород ставить около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая, а осек ставить 7 клубин нарочитая. А чия животина через таков огород пакость сотворит, и сыскав на том протрава взяти»(ст. 169)[8]. Следующая статья (170) устанавливает наказание для тех, «хто назло огород отворит и в поле скота напустит или осек отворит и выпустит скот за осек»[9]. Наконец, ст. 171 говорит об ограде

---

[5] [Судебники XV–XVI веков, с. 27].
[6] [Там же, с. 172].
[7] [Там же, с. 403. (Судебник 1589 г., ст. 168)].
[8] [Там же, с. 404].
[9] [Там же].

«отхожих» пашен и пожен, т. е. таких, которые находятся вдали «от сел и от деревен на лисе и при реках»[10].

Прежде чем перейти к разбору этих правил, замечу, что вся сложная нормировка огораживания полей, несомненно, была делом глубокой древности. Как ни скудны наши источники XV в., но в них мы часто встречаем указания на огороды, нарушение огород и протравы, на осеки и т. п. Разъезжая 1491 г. Симонова и Троицкого монастырей в Рузском уезде: «хрестьяне Ивановы Осокины землю монастырьскую вгородили к собе в поле...»[11]. Разъезжая середины XV в. (не позже 1462 г.): «а с клену на вымол по Никулину изгороду Чиркова...»[12].

Если бы поместн[ые] дачи не разошлись с течением времени из пом[естных] окладов, то несомненно, что наследственная передача поместий не утвердилась бы совсем или, во всяком случае, так, как это было в действительности. Правило давать на прожиток человеку, отставленному от службы, не долю помест[ной] дачи, а «с оклада» привело к следующему. Когда во второй половине XVI в. служ[илый] человек [не] имел полностью часть оклада, иногда небольшую, то очень часто случалось, что [прожиточная] часть оклада не [покрывалась] по даче. Тогда служ[илый] человек получал целиком или большую часть своего поместья на прожиток. Таким образом, участок переходил целиком по наследству.

Второе – временно оставляли поместье за детьми до достижения 15 лет.

---

[10] [Там же].

[11] *Мейчик Д. М.* Грамоты..., с. 112; [АСЭИ, т. II. М., 1958, № 403, с. 413].

[12] *Мейчик Д. М.* Грамоты..., с. 109; [АСЭИ, т. I, № 257, с. 186].

[ЭТЮД II]

Несколько слов по поводу грамоты 1592 г. на Двину по челобитью Николо-Корельского монастыря[1]. Она обратила на себя внимание исследователей и вызвала различные толкования и недоразумения. Игумен жаловался на то, что два их «искони вечных» крестьянина сбежали, покинув свои дворы и земли, в государевы черные деревни и монастырю пришлось заплатить за них более 20 руб. всяких податей и оброков. Крестьяне, по его словам, были записаны за монастырем в писцовых книгах (1587 г.). Один крестьянин выбежал «без отказу, безпошлинно», а другой выбежал, «а пошлин деи монастырских на нынешней 100 год не платил никаких». Из приказной резолюции во второй половине грамоты видно, что 100 г. был заповедным, и потому возникает недоумение, зачем игумен указывал на все эти обстоятельства, а не сказал прямо, что крестьяне вышли в заповедный год и потому должны быть возвращены. Этот плеоназм, если можно так выразиться, аргументов объясняется приказными нравами и порядками.

Челобитчики редко лгали – это было рискованно, но они обыкновенно умалчивали о всех обстоятельствах дела, для них неблагоприятных, и приводили в свою пользу не только непосредственные аргументы, но и такие, которые шли навстречу подозрительности и недоверчивости приказных.

О заповедности же 100 г., когда вышли крестьяне, игумен не говорил, быть может, потому, что это было ясно само собой. Приказные, которым приходилось давать грамоты по одностороннему заявлению челобитчиков, вполне естественно были очень осторожны и в огромном большинстве

---

[1] [РИБ, т. XIV. СПб., 1894, № LXXII, с. 135–137; Феодальная деревня Московского государства XIV–XVI вв. Сборник документов. Подгот. к печати акад. Б. Д. Грековым. М.– Л., 1935, ц 56, с. 74-75].

случае, как и в разбираемой грамоте, давали резолюции в условной форме и обставляли их оговорками.

Игумен жалуется, что сбежали монастырские крестьяне, а в уме приказного возникают сомнения: может быть, монастырь сам принял беглых, которые затем его обманули и сбежали? Быть может, это не «извечные» монастырские крестьяне, а беглые из черных волостей, которых черный мир вывез к себе обратно? Такие и подобные мысли приходят в голову приказному. Игумен-челобитчик это знает и потому заранее приводит свои аргументы: 1) крестьяне их извечные, 2) записаны за монастырем в писцовых книгах, 3) ушли без отказа, т. е. без согласия игумена и не ликвидировав своих обязательств и не заплатив податей, 4) бросили в пусте свои участки, т. е. не посадили вместо себя новых тяглецов, как это было в обычае на севере, 5) унесли все имущество и т. д. На нарушение срока (Юрьева дня) игумен прямо не указывал, но сообщил время, когда они ушли. Что же ответил на это приказ? Он ответил не столько на аргументы челобитной, сколько на свои подозрения, и между первой частью грамоты, где изложено челобитье, и второй заметна неувязка. Приказ предписывал местным властям сыскать накрепко: 1) жили ли беглые до того за монастырем, т. е. не были ли они чернотяглыми беглецами, и 2) «без отпуску» ли монастырских властей они вышли. Если обыск подтвердит, что они действительно монастырские крестьяне и ушли без согласия монастырских властей, то их предписывалось свезти обратно и посадить в монастырской вотчине на старые места. После этого в грамоте в конце довольно неожиданно прибавлено общее предписание: «Да и вперед бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные деревни не вывозили, тем их Никольские вотчины не пустошили».

Мне кажется, что с точки зрения приказных вся суть дела сводилась к двум вопросам: 1) Действительно ли беглые были извечными крестьянами монастыря? 2) Не с согласия ли игумена они вышли? Эти вопросы они и поставили для обыска. Действительно, если бы это были черные крестьяне, пришедшие в монастырскую вотчину в заповедные годы, то монастырь не имел бы права в своей жалобе о возврате их за монастырь ссылаться на заповедность 100 г. Неосновательна также была бы жалоба, если бы власти «отпустили»

этих крестьян, а позже по тем или иным причинам, например из-за неуплаты податей или сноса животов, стали требовать их обратно.

По поводу «отпуска» крестьян следует прибавить следующее. По-видимому, ни заповедные указы, ни позже, в XVII в., различные указы по вопросам крестьянской крепости не лишали землевладельцев, за исключением помещиков, о чем будет сказано ниже, права отпускать своих крестьян. Власть возложила податную ответственность за крестьян на землевладельцев, снабдила их правом не выпускать крестьян, помогала им в возврате разбегающихся, но вовсе не имела в виду и не располагала средствами навязывать им блага крепости. Благодаря этому на севере в среде крупных чернотяглых миров старые обычаи и переходы удержались и в XVII в., когда в других частях государства, в уездах служилого землевладения, под влиянием и при участии частных землевладельцев старое право крестьян на выходы исчезло и оставило после себя одни воспоминания.

Кажется, никто из споривших по поводу этой грамоты не обратил внимания на сводную жалованную грамоту, данную царем Василием (28 февраля 1607 г.) тому же монастырю. Власти положили перед Василием свои старые грамоты царей Ивана и Федора и просили переписать их в одну грамоту. Василий дал им сводную грамоту, в которой суть грамоты 1592 г. была переработана так: «их же монастырских крестьян в наши черные деревни и в сотни не принимати, а которые крестьяне, из их монастырские вотчины выбежав, живут в черных деревнях (и. – С.В.) в сотнях, а в писцовых в княж Васильевых книгах (книги 1587–1589 гг. князя Василия Звенигородского. – С.В.) написаны Николы чюдотворца за Корельским монастырем, и тех крестьян сыскивая отдавати назад Николы Корельского монастыря в вотчину на старые деревни, где хто жил»[2]. В грамоте 1592 г. было указано не вывозить крестьян в заповедные годы «до указа», а теперь, в феврале 1607 г., указ дан в смысле прикрепления по писцовым книгам. Через несколько дней после этого (9 марта) состоялся Татищевский указ, которым крепость по писцовым книгам была установлена как общее правило.

---

[2] Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Пб., 1922, № 408-а, стб. 880. Ранее напечатана дважды (АИ, т. II. СПб., 1841, № 77, с. 105; РИБ, т. XIV, и XCVI, стб. 187).

На какие категории тяглых людей распространялись заповедные указы? Судя по известным нам актам, можно полагать, что на все, т. е. на дворцовых и черных крестьян, категории частновладельческих и, может быть, на посадских людей. Новгородские акты, напечатанные Д. Я. Самоквасовым[3] и М. А. Дьяконовым[4], говорят о заповеди выхода для монастырских и поместных крестьян. Грамота 1592 г. на Двину запрещает выход черных и монастырских крестьян.

Арзамасский акт 1596 г.[5] даст основание полагать, что и дворцовые крестьяне не имели права выхода в заповедные годы. Наконец, Торопецкая уставная грамота[6] говорит о посадских людях. В многолетней практике указов, конечно, могли быть отступления. Так, в указах царя 1601 и 1602 гг. разрешение выхода не распространялось на черных и дворцовых крестьян.

Более сложным и трудным представляется вопрос, какие именно люди были лишены права выхода, т. е. кто считался тяглым, и распространялось ли прикрепление на потомство этих людей. В этом отношении мы видим на практике большие колебания и разнообразие, что, конечно, весьма понятно. Что касается дворохозяев, ответственных перед казной и землевладельцами тяглецов, то могло быть два решения. Первое – признавать лишенными права выхода тех, кто были записаны в писцовых книгах и других правительственных актах, например [в] отказных на поместья и вотчины книгах. Такое решение вопроса имело большую выгоду в ясности и определенности понятия тяглого человека со всеми вытекающими из этого положительными последствиями для гражданского [обихода]. Большая невыгода такого понятия тяглого человека состояла в том, что описания и отказы происходили иногда через большие промежутки времени, а текущей регистрации не было. Между тем в промежутке между описаниями происходили перемены: приходили и садились на землю новые тяглецы, прежние умирали и сменялись другими и т. д. Все такие тяглецы, не записанные в писцовых книгах и других правительственных актах, оставались вне

---

[3] [*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909].

[4] [*Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета.– Известия Петроградского политехнического института, 1915, т. XXIV].

[5] [Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915, № 112, с. 129].

[6] [*Побойнин И. И.* Торопецкая старина М., 1902, с. 353–359].

учета и подрывали значение заповедных указов. Другим решением вопроса было признание лишенными права выхода 1) всех наличных в момент издания указа тяглецов и 2) всех, кто позже садился на тягло, во время действия указа. Такое решение вопроса было более практичным и выгодным для казны, но имело ту невыгоду, что открывало возможность для споров и создавало некоторую неопределенность. На деле мы видим постоянные колебания между этими двумя решениями. Правительство более склонялось, по-видимому, ко второму как более выгодному для казны. Частные же землевладельцы склонялись более к первому решению, так как оно вносило больше ясности и определенности в их взаимные отношения по поводу крестьян и в отношения к самим крестьянам.

И при первом, и при втором решениях открытым оставался вопрос относительно семьи и домочадцев тяглого человека. Едва ли можно оспаривать, что в древнейшее время, при свободе выхода, тяглые связи крестьянина с землевладельцем были личными, т. е. не касались семьи и потомства крестьянина. Если семья крестьянина была связана, то житейскими связями, т. е. тем фактом, что она жила при домохозяине. По-видимому, на такой точке зрения стояли и заповедные указы, по крайней мере первое время прикрепления. Напомню хорошо известный факт, что не только в XVI в., но и позже правительство считало вольными людьми, не лишенными права выхода, «от отцев детей, от брата братьев, от дядей племянников и всяких соседей», подсоседников и захребетников, родственников и посторонних тяглого человека. Однако уже в XVI в. по этому вопросу заметно расхождение во взглядах правительства, с одной стороны, и землевладельцев – с другой. Правительство в отношении к своим тяглецам, т. е. посадским, черным и дворцовым, долгое время стоит на точке зрения личной крепости тяглеца и допускает выходы его детей и родственников, в особенности если отделяющиеся не уходят на сторону, а садятся на государево тягло. Позже, в XVII в., по мере развития и усиления закрепощения оно начинает проводить принцип наследственности тягла, но не полного, т. е. не для всех детей и родственников, а ограниченного в той только мере, в какой это необходимо для обеспечения непрерывности тягла. Так, например, по указу 1640 г., данному князю Б. Реп-

нину для сыска посадских тяглецов, было велено возвращать в тягло двух сыновей тяглеца, если они стали в стрельцы, а «третьева сына не имать, а быть в стрельцах»[7].

Вопрос о наследственности тягла на частновладельческих землях получал на практике совершенно иную постановку в зависимости от того, что здесь дело осложнялось интересом землевладельцев удержать не только самого тяглеца, но и его потомство. И раньше, когда крестьяне пользовались правом выхода, в случаях, если он убегал с нарушением условий порядной и правил судебника, беглого возвращали «с женой и детьми и со всеми животы», но это не дает еще права говорить, что уже тогда крепость была наследственной. Крестьянина возвращали на старое тягло с семьей и имуществом, чтобы удержать его от нового побега и заставить выполнить все свои обязательства. Что было дело так, видно из того, что возвращенный таким образом на старое место крестьянин не лишался права отказаться и уйти вместе с семьей в ближайший Юрьев день с соблюдением правил отказа и ликвидацией принятых на себя обязательств.

Нет никаких указаний на то, чтобы заповедные указы дали землевладельцам в этом отношении какие-нибудь новые права. По-видимому, правительство считало достаточным лишать права выхода тяглеца-домохозяина, а судьбой его потомства не интересовалось. При временном характере указов о заповедных годах иначе быть и не могло, так как в первый же выходной год от землевладельца могли уйти не только дети тяглеца, но и сам глава семьи. Таков, как мне кажется, был взгляд правительства. Интересы землевладельцев, конечно, шли дальше закрепощения тяглецов-домохозяев, и заповедные указы, несомненно, создавали благоприятную почву, чтобы на практике распространить прикрепление на потомство тяглецов. Главное препятствие представляли временный характер заповедных лет и возможность наступления выходных лет. Когда же последняя возможность отпала, то путь для развития наследственной крепости был открыт и она стала развиваться, вероятно, без всякой помощи правительства, просто как житейски естественный вывод из факта лишения свободы главы семейства.

---

[7] Акты писцового дела, т. II, вып. 1. М., 1917, № 177, с. 431.

Вопрос о новопорядчиках – предварительно о писцовых книгах.

Чтобы осветить вопрос о значении писцовых книг в истории прикрепления крестьян, полезно выйти из хронологических рамок этюда и рассмотреть писцовую и приказную практику XVII в., которая нам известна много лучше, чем XVI в.

До подворной переписи 1646 – 1647 гг., а отчасти и позже мы видим со стороны приказных постоянные колебания, которые объясняются сложностью дела и некоторыми свойствами писцовых описаний. Приказы ставили писцам очень широкие задачи и предъявляли на всякий случай «программу-максимум» в расчете, что, чем больше запросишь, тем больше получишь. В своих наказах они требовали от писцов переписать дворы, людей во дворах, пустые дворы, с указанием, от чего и сколь давно запустели и кто и куда ушел. В действительности писцам приходилось большую часть времени и сил употреблять на описание, измерение и межевание земель, на разбор земельных споров и т. п. Направляя свои силы на самое существенное, они стремились свести работу к минимуму необходимого. И в сохранившихся писцовых книгах мы видим в описании дворов и людей большое разнообразие. В одних книгах, и таких большинство, переписаны только дворохозяева, в других – указаны с большей или меньшей подробностью люди в дворах, но явно не полно, а иногда и случайно. То же и относительно запустевших дворов и беглых крестьян. Наказы требовали, чтобы писцы все делали сами, дозирали лично и расспрашивали людей. В действительности у писцов на это не было ни времени, ни сил, и по большинству вопросов описания им приходилось довольствоваться «заручными сказками» землевладельцев и на основании их переписывать дворы и людей. Между тем землевладельцы на многих крестьян не имели никаких актов-крепостей, так что проверка их показаний требовала большого внимания. Когда они имели какие-либо крепости, то далеко не всегда были заинтересованы представлять их писцам. Желание уклоняться от налогов, а иногда и другие соображения побуждали помещиков и вотчинников порой скрывать не только крепости, но и самих крестьян, разбирать их дворы и прятать людей на время описания по лесам[8]. Еще большие

[8] См. об этом в писцовых наказах (Акты писцового дела, т. I. М., 1913; т. II, вып. 1; [Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.). М., 1977]).

трудности представлял вопрос о записи в книги крестьян в бегах. Если бы книги имели крепостной характер, то отказ со стороны писцов записать беглых был бы равносилен если не полному лишению землевладельца всех прав на бежавшего, то, во всяком случае, серьезному осложнению доказательства этих прав на суде. Запись тяглых в книги заочно, по сказкам владельцев, когда писцы даже при желании не могли проверить показание землевладельца, приводила к злоупотреблениям и вносила смуту (см., например, наказ 1646 г. переписчикам). Служилые люди жаловались: «А иных де крестьян их беглые их крестьяне, живучи за сильными людьми, пишут в писцовыя книги и в ссудныя записи заочно, дружа тем, за кем они живут». Переписчикам предписывалось «смотреть и беречь накрепко», чтобы никто «чужих бы крестьян и бобылей ничьих заочно за собой не писали»[9].

Затем было еще одно обстоятельство, не зависевшее от воли писцов, – разновременность описаний по уездам, так что легко могло случиться, что писцы разных уездов вполне добросовестно могли записать одного и того же крестьянина – одни писцы в бегах, а другие в наличности, так как и те и другие писали обыкновенно по сказкам владельцев. Наконец, писцовые книги подводили, так сказать, итоги прежним отношениям, а в промежутке между описаниями происходили в составе населения перемены, для учета которых нужна была текущая регистрация. Такая регистрация для холопов была заведена указом 25 апреля 1597 г.[10] По этому указу господа должны были представить и записать в книги в Холопьем приказе крепости на своих наличных холопов, а затем впредь записывать все новые крепости. Таким образом была заведена регистрация холопского населения. Но что удалось правительству для сравнительно немногочисленного и менее подвижного холопского населения, то было ему совершенно непосильно относительно тяглых людей.

При таких условиях понятно, что приказы в своих предписаниях и при разборе судных дел о крестьянстве постоянно колебались, и в сохранившихся судных делах мы видим, что они то склонялись к тому, чтобы считать писцовые книги основанием и бесспорным доказательством крепости, то чаще

---

[9] ААЭ, т. IV. СПб., 1836, № 14, с. 24, 27.
[10] АИ, т. I. СПб., 1841, № 221 (II), с. 417–420.

признавали за ними значение одного из доказательств, которое можно было оспаривать другими, например обысками, частными актами и т. п. Служилые землевладельцы в своих челобитных об отмене урочных лет не раз просили «беглых крестьян и бобылей отдавати по поместным их и по вотчинным дачам (т. е. по отказным книгам. – *С. В.*) и по писцовым книгам и по выписям (из книг. – *С. В.*), кто кому чем крепок»[11], но правительство не решалось положиться на эти документы и отменить урочные лета. Предпринимая в 1646 г. дворовую перепись, правительство предполагало сделать переписные книги крепостным документом: «как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет»[12]. Опыт с переписными книгами оказался удачнее, чем с писцовыми, так как перепись была произведена сразу во всем государстве довольно быстро (1½ – 2 года) и при выполнении ее переписчики все свои силы могли употребить на перепись дворов и людей. Однако и после этого встретились какие-то препятствия. Урочные годы для сыска беглых были отменены только Уложением царя Алексея, причем беглых было указано отдавать по писцовым книгам, составленным после пожара 1626 г.[13] Очевидно, что перепись не исчерпала вопроса о старых беглых. Одновременно в Уложении было постановлено завести впредь регистрацию крестьян, поряжающихся вновь[14]. Успешность этой меры находится под большим сомнением; во всяком случае, ее предстоит еще исследовать.

Вернемся теперь к вопросу об описаниях в период заповедных лет.

Татищевский доклад к указу 1607 г. дважды отмечает связь между писцовыми книгами и прикреплением крестьян: царь Федор «выход крестьяном заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил», а царь Борис «те книги отставил и переход крестьяном дал». Эти выражения не ясны, но как будто выходит (и так понимали их некоторые историки), что книги были составлены нарочно, чтобы закрепить запрещение выхода. Неясно [в тексте] также, в ка-

[11] ААЭ, т. III. СПб, 1836, ц 350, с. 496.
[12] Наказ переписчикам см.: АЛЭ, т. IV. СПб., 1836, № 14, с. 26.
[13] ПСЗ, т. I. СПб., 1830, с. 62.
[14] Там же, с. 66.

ком смысле Борис отставил книги. Эти «неясности» понятны, так как колебания приказов по вопросу о писцовых книгах, которые были указаны выше, несомненно, были и в XVI в.

В исследовании о сошном письме[15] я показал, что наблюдения над ходом описаний последней четверти XVI в. совершенно устраняют мысль, будто описания царя Федора были предприняты нарочно для прикрепления крестьян. Описания то в одном, то в другом уезде шли почти непрерывно во все царствование Ивана IV, но удовлетворение текущей потребности в них задерживалось войнами и другими событиями этого бурного времени. С воцарением Федора правительство имело больше досуга и средств «обновить землю» новыми описаниями, и в первые пять лет [царствования] царя Федора было произведено описание значительной части государства, В 1590 – 1594 гг. дело описания заметно затихает, а в 1594 г. и в следующие годы (102 – 106) опять оживляется, причем в одних городах производятся повторные описания (после недавнего описания царя Федора же), а в других городах производятся новые описания после значительного промежутка времени (после описания царя Ивана). Поэтому приходится заключить, что цель описания царя Федора состояла в удовлетворении текущих потребностей управления, главным образом финансовых, а не в переписи населения с целью его закрепить. Но если следует отвергнуть мысль, будто описание было предпринято нарочно, для закрепления крестьян, то это не значит, что в словах Татищевского доклада нет доли истины. По-видимому, были сделаны попытки если не для прямого закрепления, то, во всяком случае, для применения писцовых книг в решении тяжб о крестьянах. Интересное указание на это находится в челобитной 1641 г. служилых землевладельцев по поводу урочных лет: «А в прежних де годех и при прежних государех в тех их беглых крестьянех урочных лет не бывало: крепки им крестьяне были по поместным дачем (т. е. по отказным на поместья книгам. – *С. В.)* и по писцовым книгам и по выписям, кому хто старее в дачех»[16].

Так как первый указ об урочных летах состоялся в 1597 г. (24 ноября 106 г.), то данное показание дворян относится,

---

[15] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо, т. II. М., 1916, гл. XII, с. 180–186.

[16] *Смирнов П. Я.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.– ЧОИДР, 1915, кн. 3, с. 42.

очевидно, ко времени до этого года. Оно еще не значит, что писцовые книги были признаны крепостными документами, но, во всяком случае, свидетельствует о том, что тяжбы о крестьянах решались на основании писцовых и отказных книг, без ограничения права иска временем. Косвенное подтверждение этому мы находим в грамоте 1592 г. на Двину по челобитью Корельского монастыря. Грамота предписывала крестьян вернуть монастырю по обыску, но ничего не говорила о писцовых книгах, хотя игумен определенно ссылался на писцовые книги 1587 г. Поэтому я думаю, что правительство царя Федора еще в 1592 г. не решилось сделать писцовые книги крепостным документом. Если такая попытка была сделана после 1592 г., то она, по-видимому, оказалась неудачной, и при таких обстоятельствах был издан указ 1597 г. об урочных летах, а позже целый ряд других указов по этому же вопросу.

Указы об урочных летах, несомненно, противоречили крепостному значению писцовых [книг] и, во всяком случае, ограничивали его. Еще большим нарушением крепостного значения книг были выходные годы. Даже частичный выход по указам 1601 и 1602 гг. должен был внести большую путаницу. Потому понятно выражение Татищевского указа, что царь Борис выход дал и книги отставил. После этого при Василии, в указе 9 марта 1607 г., мы видим попытку опять вернуться к признанию за книгами крепостного значения: «которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». Указание на книги 101 г. есть несомненная неточность. Описания первых лет [царствования] царя Федора были закончены лет за 5 до этого года, а описания [102 г.] и последующих лет были закончены на несколько лет позже. В жалованной грамоте Николо-Корельскому монастырю 1607 г. устанавливается укрепление по книгам 1587 г. Поэтому несомненно, что указ 1607 г. имел в виду не книги 101 г., а вообще предшествующие описания. (Я отмечаю это потому, что в литературе данный указ и указ 1597 г. подвергались неправильному толкованию и делались попытки вычислить по ним время предполагаемого первого указа о прикреплении крестьян. Вычитая из 1607 г. исковую давность в 15 лет, а из 1597 г. – в пять лет, получали 1592 г., который и считался предполагаемым годом первого указа. Конечно, такие вычисления совершенно произвольны и неправильны.)

Суть указов об урочных летах состояла в том, что устанавливались сроки исковой давности о беглых крестьянах. Так, указом 1597 г. был установлен 5-летний срок, а указом 1607 г.– 15-летний. Землевладелец, не предъявлявший иска в урочные годы со времени побега крестьянина, лишался права иска, и беглый оставался за тем, к кому пришел. Таким образом уменьшалось количество тяжб; отпадали тяжбы о давних побегах, в которых судам было трудно разобраться, так как за давностью нелегко было восстанавливать обстоятельства дела и собирать доказательства; наконец, бежавшие крестьяне не оставались неопределенно долгое время на положении людей, которые во всякое время могут быть оторваны от дела и могли на новых местах обстраиваться и становиться полезными работниками.

Однако исковая давность была невыгодна для рядовых и мелких служилых людей. Дело в том, что иск можно было предъявлять только к определенным лицам – к беглому и к землевладельцу, у которого он жил, а для этого надо было «проведать», куда и к кому сбежал крестьянин. «Проведав», следовало подать в приказ челобитную и получить пристава, который должен был поставить к суду ответчиков. Вот это-то «проведывание» и представляло большое затруднение для рядовых и мелких служилых людей. Отсюда частые их жалобы на то, что, находясь постоянно на службе, они не имеют возможности своевременно предъявить иск, пропускают урочные годы и что богатые и чиновные помещики и вотчинники «хоронят» беглых в своих отдаленных (от места побега) боярщинах, где беглые «заживают» урочные годы и «выходят из урочных лет». Поэтому рядовые служилые люди настойчиво добивались отмены урочных лет и выдачи беглых по писцовым и отказным книгам.

Следует сделать еще одно замечание. Когда иск был предъявлен и дело, как тогда говорили, «засужено», т. е. начато, то течение исковой давности прерывалось, т. е. тяжба могла длиться без ограничения времени. Начиналась знаменитая «приказная московская волокита» с отсрочками, дополнительными обысками, неявкой ответчиков на суд по формально уважительным причинам и новые отсрочки. Для верхов служилого класса это не представляло особых неудобств, так как они жили большей частью в Москве или часто бывали в ней по долгу службы, но для провинциальной

служилой бедноты это было разорительно. Таким образом, по указанным вопросам возврата беглых ясно обозначался антагонизм в среде служилых землевладельцев. Столичное, чиновное и богатое дворянство стояло за ограничение исков о беглых урочными летами и, может быть, даже за свободный переход крестьян и было против выдачи беглых по писцовым книгам, а рядовые служилые люди и провинциальная мелкота, экономически и социально более слабые, стояли за крепость по писцовым книгам без урочных лет. С этой точки зрения становится понятным показание Татищевского указа, что царь Федор заказал выход и учинил книги, «не слушая совета старейших бояр», и сделал это по наущению Бориса, который, как известно, в борьбе с титулованной и нетитулованной знатью стремился опираться на рядовое дворянство.

Итак, мы видим, что указы об урочных летах имеют связь с вопросом о крепостном значении писцовых [книг]. С указами же о заповедных летах связь только косвенная, так как и до них крестьянин, выходивший с нарушением правил отказа, считался беглым и потому и тогда были возможны иски о беглых, а следовательно, и указы об исковой давности. Отвлеченно говоря, в действительности косвенная связь между заповедными указами и указами об урочных летах есть, и весьма интересная.

Когда крестьяне имели право выхода, то борьба землевладельцев за рабочие руки выливалась главным образом в форму своза, иногда с боем, грабежом и нарушением правил отказа. Тяжбы из-за беглых были сравнительно редки. При таких незаконных и насильственных свозах потерпевший землевладелец обыкновенно знал своего обидчика, и ему не было надобности тратить многие годы на «проведывание», куда бежал крестьянин и кому следует предъявить иск. Иск можно было предъявить немедленно, и так, вероятно, и бывало. Поэтому не было множества запоздалых исков и не было надобности аннулировать их указами об исковой давности. Когда выход был заповедан указами, то количество тайных побегов должно было увеличиться, и борьба землевладельцев из-за крестьян стала выливаться не в форму открытых свозов, а в форму сманивания крестьян. Подговорив крестьянина к побегу, его отправляли подальше от места его жительства и «хоронили» от «проведыванья»

потерпевшего землевладельца. При таких условиях не только количество тяжб должно было значительно увеличиться, но самые тяжбы становились сложными и трудными для судей, особенно если после побега проходило много лет. На такой почве возникла потребность ограничить право иска известными сроками, что и было осуществлено впервые указом 1597 г. Это было тем более необходимо, что опыт сделать писцовые книги крепостным документом оказался неудовлетворительным. Если так, то становится понятным, почему вопрос об урочных летах получил после лишения крестьян права выхода такое большое значение и так волновал служилых людей до самой середины XVII в., когда они добились отмены урочных лет, писцовые и переписные книги были признаны крепостным документом и было постановлено завести текущую регистрацию вновь поряжающихся крестьян.

* * *

Вопрос о характере прикрепления, происшедшего в конце XVI в., представляется сложным и нуждающимся в подробном исследовании. Защитники государственной, указной теории полагали, что крестьяне были прикреплены к земле или к тяглу, к тяглому жеребью земли. Сторонники противной теории отстаивают не земельно-тяглый, а личный характер прикрепления. Вот, например, что писал В. О. Ключевский по поводу Татищевского указа 1607 г.: указ «признал личное, а не поземельное прикрепление владельческих крестьян, т. е. признал возникшее в XVI веке притязание, считавшее крестьян по ссудным записям крепкими не земле, а лично землевладельцам: указ гласил, что крестьянам, которые за 15 лет до указа «в книгах 101 (1592–1593) года положены, быть за теми, за кем писаны». Далее, в число доказательств крепостной зависимости указ внес крепость особого рода, непохожую на прежние, *писцовую книгу*»[17]. Чтобы устранить возможные недоразумения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Если под земельным прикреплением понимать безусловное прикрепление к земле, полное лишение крестьянина права оставить землю или лишение землевладельца возможности отделить

[17] *Ключевский В. О.* Опыты и исследования. Первый сборник статей. М., 1912, с. 271 – 272. [Курсив Ключевского.]

крестьянина от земли, то такого прикрепления не было ни в XVI, ни в XVII вв., ни по указам, ни на практике. Положение черных и дворцовых крестьян и их отношение к земле, с одной стороны, и положение крестьян на частновладельческих землях с другой, было настолько различно, что прикрепление тех и других не могло выливаться в одинаковые формы. Да и на частновладельческих землях условия были очень различные. Положение крестьян на монастырских и властелинских землях во многом отличалось от положения на землях служилых людей. Наконец, на землях помещиков положение крестьян существенно отличалось от положения на землях вотчинных. В зависимости от этого и тяглые обязанности и отношение крестьян к земле, к землевладельцу и государству были весьма различными.

Мы не знаем мотивов заповедных указов, но уже тот факт, что они распространялись не только на частновладельческих крестьян, но и на тяглецов всех категорий, свидетельствует с несомненностью, что прикрепление, говоря вообще, преследовало цели государственного тягла и имело не личный, а тяглый характер. Невозможно говорить о личном прикреплении посадских людей и черных и дворцовых крестьян, так как здесь не было лица, к которому можно было бы прикрепить.

Трудно говорить о личном прикреплении и относительно монастырских и властелинских крестьян, так как во второй половине XVI в. монастыри и кафедры иерархов церкви получили уже вполне определенный характер учреждений, юридических лиц. Тяглецы этих категорий в общей сложности составляли, несомненно, более половины всего тяглого населения. Поэтому я считаю несомненным, что прикрепление в принципе должно было иметь земельный и безличный характер. Жизнь сделала из этого принципа свои выводы, весьма различные в различных случаях, но это уже другой вопрос, который следует рассматривать во всем его разнообразии, а не отделываться общими фразами.

Этого многообразия жизни не видели сторонники экономической теории закрепощения, и в этом одна слабая сторона их теории. Далее, если прикрепление имело прежде всего земельный характер, то ключ к решению вопроса надо искать в порядках тягла, в тяглых отношениях власти к землевладельцам и крестьянам. В игнорировании этих вопросов другая и еще более слабая сторона экономической теории.

Ключевский писал, что землевладельцы имели притязание считать задолжавших крестьян крепкими по ссудным записям лично себе, а не земле. Возможно, что такие притязания были, но что мы видим на деле? По Судебнику 1550 г., когда крестьяне имели право перехода, крестьянин мог продаться с пашни, т. е. с тягла, в полное холопство, не соблюдая даже общеобязательных условий выхода, бессрочно и без расплаты с землевладельцем, т. е. без его согласия[18]. При этом казна терпела ущерб, так как холопы были свободны от тягла, были нетяглыми людьми. Вот возможность личного закрепощения в ущерб государственным интересам. Что же мы видим в дальнейшем? Мы не знаем, когда была отменена эта статья Судебника, но я лично не сомневаюсь, что это было сделано в связи с указами о заповедных летах. Быть может, это было сделано не сразу, но ясно, что право продаваться с тягла в холопы стояло в противоречии с целью указов – прикрепить к тяглу в интересах фиска. Интересно отметить, что в проекте нового Судебника 1589 г. эта статья выкинута, быть может, потому, что перед этим право продаваться с пашни в холопы было уничтожено указом. Во всяком случае, в указе 1 февраля 1606 г. мы видим, что похолопление крестьян рассматривается как давно запрещенная вещь: «которые крестьяне пошли в холопи до голодных лет (т. е. до 1601 г. – *С. Б.)* и тех, сыскивая, по крестьянству из холопей выдавати»[19]. Так государственные интересы тягла взяли верх в этом деле над притязаниями кредиторов.

Кроме того, Ключевский дал, как мне кажется, неправильное толкование словам указа 1607 г. «быть за теми, за кем писаны». Выше я показал значение писцовых книг в этом вопросе и подробно рассказал о колебаниях правительства и приказной практики в этом деле. Кроме того, следует признать, что запись в писцовые книги сама по себе могла означать одинаково хорошо и земельное прикрепление, и слова «за кем писаны» вовсе не означают, что крестьяне закреплялись за личностью землевладельца. Это просто технический термин, способ выражения мысли, что тяглец должен оставаться в том владении, в котором он за-

---

[18] [Судебники XV-XVI веков. М.- Л., 1952, с. 173].

[19] ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 40, с. 96.

писан в книгах. В других аналогичных случаях употребляются выражения «жить, где кто живет», или «где кто наперед сего жил» и т. п.[20]

Характер прикрепления к тяглу посадских людей и черных и дворцовых крестьян описан в третьем этюде, а здесь я остановлюсь на частновладельческих крестьянах.

* * *

В первом этюде было показано, что особное от черных людей тягло составляло постоянный и существенный элемент судебно-податного иммунитета. Этот принцип лег в основу податных отношений к казне и стал общим правилом для всех частных землевладельцев. Каждое владение составляло особую податную единицу, не принимало участия в мирской раскладке податей и в мирских расходах и не было связано с черными людьми круговой порукой; все государственные и местные повинности оно несло по писцовому сошному или обежному окладу. Отсюда естественно вытекало, что ответственным перед казной лицом стал сам землевладелец: он должен был собирать подати и вносить в казну. По сохранившимся источникам трудно определить точно характер и пределы ответственности, тем более что в этом отношении были местные особенности и изменения во времени. В общем, однако, по-видимому, нельзя оспаривать, что с течением времени ответственность землевладельцев усиливалась.

Формально, с точки зрения казны, дело было так. Каждое владение должно было платить все подати и нести повинности по сошному или обежному окладу писцов впредь до нового описания. Как распределял и собирал подати землевладелец, было его дело, в которое власть не вмешивалась. Равным образом она игнорировала то, что после описания в составе населения владения могли происходить перемены. Если во владение прибывали новые тяглецы, то прежним, вероятно, становилось легче; если тяглецы убывали, то их приходилось оплачивать землевладельцу и его крестьянам. Так как землевладелец, особенно вотчинник, был заинтересован в сохранении своих тяглецов, то можно

[20] См., например, грамоту Николо-Корельскому монастырю от 28 февраля 1607 г. (Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, № 408-а, стб. 876–882).

думать, что он приходил к ним на помощь, не доводя их до разорения. Если пустота принимала большие размеры, то он бил челом государю о дозоре и просил указа платить только с живущего. По дозору приказ слагал пустоту и определял новый оклад, с которого землевладелец должен был платить впредь до нового общего описания[21].

Формально так было не только в XVI, но и в XVII в. На деле очень многое зависело от следующих обстоятельств: в зависимости от большей или меньшей строгости взыскания податей, от большей или меньшей уступчивости фиска в вопросе о дозоре и новом окладе и т. д.

Можно привести множество свидетельств ответственности землевладельцев за свое владение и крестьян. В обысках 1573 г. о пустоте по Новгородскому уезду читаем, что в Егорьевском погосте в поместье Хомутовых от мора 1570–1571 гг. запустели 3 обжи, «а тягло тянул сам помещик». В другом поместье от мора 1568 – 1570 гг. запустели 5 обеж, «а платил с тех деревень всякие государевы подати и посохи Ондрей Федоров сын Блеклой с пуста два года»[22].

В Заверьяжском погосте про пустые деревни Вяжицкого монастыря в обыске сказали: «и мы с тех пустых деревень за 79 год платили всякие государевы подати и волостные розрубы Вежитцкого монастыря Никольскою казною; а нынеча, государь, казна оскудела, платити нечим, и те деревни за то опустели»[23]. Власти Михалицкого Новгородского монастыря писали в челобитной 1560 г., что они «тягли деи многие во много лет, измогаясь и займуя, за тех своих крестьян платили сами собою, и от того они деи сами одолжали ж и вперед деи им наших тяглей за тех своих крестьян платити и своих убытков на тех своих крестьянех взяти немочно, потому что деи те крестьяне от обид (посторонних людей. – *С. В.*), да и они за них платячи, обнищали»[24].

В 1580 г. Новгородский Антониев монастырь получил жалованную грамоту со льготой в податях, причем по просьбе

---

[21] См. такие случаи особных дозоров: 1555 г., поместье Костромского уезда (*Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II. Юрьев, 1897, № 18); 1572 г., монастырь Белозеро (там же, № 20); 1574 г., вотчина в Бежецком Верхе (там же, № 21). См. еще: там же, № 24 и 26; [ЦГАДА, ф. 281], Грамоты Коллегии экономии, № 14585, по Юрьеву Польскому № 35.

[22] *Самоквасов Д. Я.* Указ, соч., т. II, ч. 2, с. 323; см. также с. 324.

[23] Там же, с. 319.

[24] ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 113, с. 158.

властей в грамоту внесена такая статья: «А как льготные лета отойдут, и с тое их монастырския вотчины наши всякие подати и на ямы охотников и кормы имати на крестьянех, а на игумене и на старцех мимо их крестьян наших никоторых податей не правити»[25].

А вот случай коллизии между податными и служебными обязанностями землевладельцев. В 1580 г. В[ладимир Игнатьевич] Загряжский, отправленный в Ряжск собирать и высылать на службу детей боярских, писал государю, что некоторые дети боярские стоят на правеже у сборщиков посошных податей и что сборщики без государева указа их «на нашу службу не пустят». На это к сборщикам была послана грамота: «детей боярских, которые у них на правежу, отдать» В. И. Загряжскому, а последнему велено вести их на службу[26].

Несомненно, что податная ответственность была особенно тяжела для мелких помещиков. Монастырь мог оплачивать своих крестьян-недоимщиков своей «казной» в надежде после взыскать с них уплаченное; крупный вотчинник мог разложить тягло запустевших дворов на оставшихся тяглецов, но для мелкого помещика, у которого часто бывало 2–3, много 10 дворов, побег или выход нескольких крестьян был равносилен разорению и невозможности нести службу, «отстаиваясь» одновременно на правеже. Выше я говорил, что первой и главной целью заповедных указов было прикрепление к тяглу вообще всех тяглецов, но едва ли можно сомневаться, что царь Иван имел в виду также и интересы служилых людей, особенно рядовых и мелких помещиков. Указы должны были закрепить за ними рабочие руки и дать им возможность нести службу и тягло.

Трудно сказать, как отразилось лишение крестьян права выхода на их отношения к землевладельцам в вопросах тягла. A priori можно думать, что положение крестьян значительно ухудшилось. Землевладелец получил в свое распоряжение больше возможностей обременять крестьянина податями и более по своему усмотрению, чем по соглашению с ним, слагать на него ответственность в том бремени, которое государство налагало на него самого. На этой почве,

---

[25] *Амвросий Орнатский.* История российской иерархии, ч. III. М., 1811, с. 152.

[26] *Юшков А. Я.* Акты. М., 1898, № 217, с. 194, 195.

можно думать, если не впервые возникла, то, во всяком случае, усилилась возможность лишения крестьян основных имущественных прав. Процесс лишения крестьян элементарных прав на личную собственность протекал очень медленно и занял весь XVII век, но едва ли можно сомневаться, что лишение права выхода и отмеченное следствие этого сыграли решающую роль.

Однако пока заповедь выхода имела характер временной меры, землевладельцы не имели еще возможности сделать все выводы из прикрепления немедленно. По-видимому, правительство сделало свои выводы раньше и быстрее: в интересах фиска и ратной службы оно стало еще теснее, чем раньше, связывать землевладельца с крестьянином. Выше я приводил факты податной ответственности землевладельцев за свою землю и крестьян. Теперь, после указов, оно идет дальше и делает при случае крестьян ответственными за служилых землевладельцев в их служебных обязанностях.

В этом отношении интересно сопоставить два наказа лицам, которых отправляли для высылки на службу помещиков и вотчинников. В наказе 1578 г., т. е. за несколько лет до первых заповедных указов, М[ихаилу Ивановичу] Внукову, посланному в Водскую пятину, предписывалось давать детей боярских на поруки и отсылать на службу. «А которые дети боярские учнут бегати, и им имати детей и их людей, да где про них скажут, и им тамо посылати. Да сыскав тех детей боярских, велено бити кнутом да дати их на поруку, а за поруками выслать их на государеву службу». «А кто по списку с ним детей боярских не пойдет, и тем быти казненым и поместья их и с животами и с хлебом имати на государя»[27]. Эта угроза [наказанием] кнутами и с отпиской поместий и движимого имущества не должна была касаться крестьян. Лет через 10 после первых заповедных указов (в 1589 г.) в Шелонскую пятину были посланы для высылки служилых людей Г[ригорий] Баранчеев и Ив[ан] Дороговский. Им предписывалось наличных детей боярских давать на поруки и высылать на службу; в тех поместьях, где они не застанут помещиков, «имати людей... да метати их по станом в тюрьму до тех мест, как те дети боярские появятца». Когда помещики появятся, то их людей и крестьян выпускать

[27] ДАИ, т. I, № 124(1), с. 180.

из тюрьмы, а самих их давать на поруки и высылать, доправив поверстные прогоны по подорожной. Если же высыльщики не найдут помещиков, то прогонные деньги править «на их людех и крестьянех»[28]. Эти два наказа настолько красноречивы, что не нуждаются в пояснениях.

После этого отступления вернемся к вопросу о характере прикрепления. О так называемом личном прикреплении, конечно, не может быть и речи: на такой характер прикрепления нет никаких указаний ни в актах, ни в явлениях того времени. Можно допустить, что факт лишения свободы выхода создавал благоприятную почву для развития и усиления личной власти землевладельцев и личной связи их с крестьянами, но это было не целью, а следствием указов, следствием, которого, может быть, даже и не предвидели. Во всяком случае, это следствие сказалось много позже, а на первых порах прикрепление состояло в том, что 1) крестьяне лишались права покинуть свой тяглый жребий и 2) посторонним лицам было запрещено выводить к себе чужих тяглецов. Землевладельцу было дано право требовать возврата сбежавшего или вывезенного крестьянина. Так можно представить себе, судя по всему, характер прикрепления. Власть в интересах фиска и исправного отбывания землевладельцами податных и служебных обязанностей лишала крестьян-тяглецов права покинуть тягло, но вовсе не в ее духе и не в правах было навязывать землевладельцам какие-либо выгоды или преимущества против их воли.

Возложив на землевладельца податную ответственность и служебные обязанности и дав еще право не выпускать тяглеца, власть не вмешивалась в дальнейшие отношения землевладельцев и крестьян. При этом она делала, однако, различие между вотчинами и поместьями. В отношения вотчинников к своим крестьянам власть совершенно не вмешивалась, предоставляя им по своему усмотрению призывать новых тяглецов, отпускать, если они находили нужным, того или иного крестьянина, переводить из одной вотчины в другую и т. п. Поместное владение было владением прекарным, и потому правительство относилось иначе к поместным крестьянам и не допускало такой свободы в распоряжении ими, как относительно крестьян вотчинников.

---

[28] *Юшков А. И.* Акты, № 246, с. 265, 266.

С точки зрения власти, которая выражается во многих сторонах системы поместного землевладения, крестьяне входили в состав поместья и были наравне со всеми постройками как бы принадлежностью поместной земли. При отписке поместья у одного служилого человека и при переходе его во владение к другому крестьяне, их дворы и имущество, дворы и посевы самого помещика – все это поступало во владение и пользование нового помещика. Служилый человек, лишавшийся всего поместья или части его, не имел права вывозить крестьян, даже тех, которые поселились и обстроились при нем и при его помощи. Он имел право только на часть хлеба (на семена), посеянного на него его людьми и крестьянами. В принципе такого порядка перехода поместий не могли изменить какие бы то ни было частные обязательства, которыми временный владелец поместья мог связать и обременить крестьян, за исключением, конечно, тех случаев, когда крестьянин продавался с пашни в холопы.

Действительность иногда расходилась с этими принципами. Не говоря о злоупотреблениях, например о незаконном вывозе крестьян, могло случаться, что новому владельцу самому было невыгодно удерживать разоренного и обремененного долгами крестьянина. В таких случаях он за вознаграждение или даже даром «выпускал» крестьянина из поместья или уступал его старому помещику. Возможность подобных случаев зависела от практических условий и обстановки проведения в жизнь идеи поместного владения.

Поместное владение правильнее определять не как условное владение (обусловленное службой), а как прекарное в истинном смысле этого западноевропейского термина. Московские государи смотрели на поместные земли как на свою собственность и распоряжались ими совершенно свободно. Они отбирали их, смотря по надобности, не только за неисправность владельца по службе или за выходом его в отставку, но также и независимо от вины и вообще служебных обязанностей помещиков. Из источников можно привести много примеров отписки на государя поместных земель для округления дворцовых владений, для устройства ямских слобод, по случаю пожалования их монастырям и т. п. Конечно, в таких случаях помещик имел право подыскивать себе поместье в другом месте и часто действительно его получал взамен взятого. Подобные случаи от-

писки поместий можно считать исключительными. Но и в виде общего правила все помещики всегда находились под более или менее близкой угрозой лишения поместья. Несомненно, что с хозяйственной точки зрения такая форма землевладения имела свои отрицательные стороны. В источниках нередко встречаются указания на то, что помещики, «не проча себе и детям» свое владение, пустошили его по небрежности или злонамеренно, сводили лес и разгоняли непосильными поборами крестьян и затем бросали поместье «за пустом». Кроме этих указаний на частные случаи, мы имеем в писцовых книгах указание и общего характера: известно, что, в общем, поместные земли по числу крестьянских дворов и пашни (сравнительно с площадью владений), а следовательно, и по культуре стояли ниже вотчинных.

С течением времени прекарность поместного владения была ослаблена, частью указами, а частью практикой. Указы об отписке поместий за неявку на службу или побег со службы употреблялись больше как угроза и редко применялись на деле. Затем вышедший в отставку за старостью или увечьем помещик получал часть поместья на прожиток. Если у него были сыновья, то во многих случаях он мог закрепить поместье за ними на условии [несения] будущей службы, если они были малолетними, или немедленной службы, если они были взрослыми. Вследствие этого в конце XVI в. мы нередко встречаем случаи, когда поместье, по словам служилых людей, было «отца и деда выслугой», т. е. оставалось в одной семье в третьем поколении. Однако и при таких правилах поместного владения часто случалось, что если не все, то часть поместья ускользала из рук служилого человека и попадала в посторонние руки. В общем же в XVI в. все помещики всегда должны были считаться с большей или меньшей возможностью потери всего поместья или части его.

Нам трудно представить себе, как можно было обходиться в этом сложном деле отвода, отписки, передачи поместий из рук в руки без инвентарей, без охранительных описей поместий и поместного имущества. Между тем правительство обходилось без них, не имея для того достаточных средств. Писцовые описания преследовали другие цели и в лучшем случае давали материал только для учета земель и угодий. В древнейших писцовых книгах по Новгородской области и

в некоторых других, например в книгах 1534 г. по Торопецкому уезду, мы видим описание повинностей крестьян в пользу помещиков. Эти сведения в известной степени позволяли правительству судить о доходах помещиков и могли быть полезными как средство контроля. Однако такая форма описаний составляет несомненную особенность описаний по Новгороду и некоторым другим западным уездам Московского государства. В описаниях же по другим уездам центра, востока и юга государства этих сведений нет, а во второй половине XVI в. они исчезают и из писцовых книг по Новгородской области. Отписные и отдельные на поместья книги тоже не преследовали цели учитывать инвентарь поместных земель.

Естественно возникает вопрос, на чем держалась и как функционировала эта неуклюжая и примитивная система землевладения. Власть грозила помещику государевой опалой за разорение крестьян и запустошение поместья, но естественно, что эта угроза при слабости правительственных агентов и почти полном отсутствии контроля осуществлялась редко, в исключительных случаях. Поэтому правительство боролось против отрицательных сторон поместной системы косвенными средствами и, отказавшись от мысли предупреждать злоупотребления, стремилось создать такую обстановку, которая не давала слишком большого простора и безнаказанности для запустошения поместных земель. Помещик был ответствен за поместье в податном отношении. Если он вел хозяйство плохо или разорял крестьян, то с него продолжали взыскивать подати по старому окладу. Если он просил о дозоре пустоты и сложении старого оклада, то приказ не без затруднения и оттяжек посылал наконец дозорщика. Дозорщик должен был сыскать, как, когда и почему произошло запустение. Если по сыску обнаруживалось, что оно произошло по вине помещика, то могло последовать наказание. Другим косвенным средством было то, что приказ в виде очень редкого исключения «снимал» с помещика пустое поместье и всячески уклонялся от рассмотрения вопроса, как и по чьей вине произошло запустение. Вследствие этого пустая дача оставалась, если можно так выразиться, на шее у служилого человека, он должен был нести с нее службу, даже если по дозору был освобожден от обязанности платить за пустоту, и лишался возможности получить новое поместье.

Большое значение имела обычная обстановка перехода поместий из рук в руки. Поместные земли редко бывали отписываемы непосредственно в казну; в огромном большинстве случаев поместья переходили от одного служилого человека к другому. Служилый человек, желавший получить поместье, должен был сам подыскать свободные земли и затем просить приказ об отделе. Поэтому беспоместные и малопоместные служилые люди зорко следили за поместьями, которые могли освободиться и которые освобождались, и, высмотрев такое поместье, немедленно били челом об отписке. Поэтому в огромном большинстве случаев новый помещик присутствовал при отделе и наблюдал, конечно, чтобы старый помещик не вывозил крестьян и не обесценивал тем или иным путем поместья. Отдельщик как представитель власти оказывал ему в этом полное содействие.

Практика поместных окладов до сих пор еще не изучена должным образом, хотя имеет большое значение для выяснения истории закрепощения крестьян[29]. Я постараюсь охарактеризовать ее в самых существенных чертах.

Случаи, когда поместье за смертью помещика и отсутствием жены и детей становилось выморочным и переходило в другие руки целиком, были сравнительно редки. Обыкновенно отставленный от службы помещик или после его смерти жена и дети сохраняли часть поместья, а остальное отходило новым лицам. Иногда и выморочное поместье приходилось делить, если оно переходило к нескольким лицам. Вот эти-то раздельные книги и представляют наибольший интерес для выяснения практики поместных отделов.

По шаблонным предписаниям наказов отдельщик должен был разделить землю, дворы, угодья и пр. «повытно», «по четям», т. е. соответственно доле каждого помещика. При этом каждый помещик должен был получить равномерно соответствующую долю в живущем и в пустом, т. е. в пахотной и переложной земле и в жилых и пустых дворах. Усадное место с соответствующей долей построек предписывалось обыкновенно оставить старому помещику, а новым отвести особо место под усадьбу и дать часть построек на их долю. Землю и дворы отдельщик должен был отделять

---

29 Небольшую, но очень интересную работу по этому вопросу написал незадолго до своей преждевременной смерти М. А. Дьяконов (*Дьяконов М. А.* Поместье и крестьянская крепость. [Пг., 1919]).

«сряду, содного» не через землю, не через дворы и «не выборем», т. е. по возможности в одной меже, не создавая чересполосицы и не выбирая лучшую землю и лучшие дворы в пользу того или иного лица. Эти операции раздела живого хозяйственного организма на несколько частей, иногда мелких, представляли большие трудности и требовали от раздельщика и от самих помещиков большой способности к компромиссам.

При устройстве помещиков усадами отдельщик, иногда разделив постройки, оставлял их на старых местах по желанию самих поме[щиков]. Так, например, матери Богдана Пилюгина на ее прожиточную половину поместья был отделен «двор помещиков Богдановской, а на нем хором... изба да против ее клеть, да конюшня». Новому помещику Воину Соболевскому на его половину были отделены из того же двора «изба у ворот да вырец»[30]. Если новый помещик получал новый усад, то постройки приходилось переносить. Так, поместье Бессона Скрябина было разделено между четырьмя помещиками, из которых один получил $^1/_3$ двора Скрябина в д. Юрьевской, а Никифору Панину досталась с этого двора «житница большая, липовая; и Никифору тое житницу свести в свое поместье в сельцо Ушакова»[31].

Чтобы упростить раздел построек, иногда прибегали к денежной компенсации. Так, при одном разделе новым помещикам достались с двух усадеб старых помещиков две клети, «а будет клети старым помещиком себе любы и новым помещиком... взяти у старых помещиков... за клеть по 10 алтын»[32]. Так как Арзамасский уезд был богат лесом, то главную ценность в постройках представлял труд. Поэтому иногда отдельщик оставлял усадьбу за старым помещиком, а за то возлагал на крестьян обязанность поставить своими силами двор новому помещику: «поставить двор вместе сообща всеми крестьяны»[33].

Учитывая качество дворов и построек, иногда приходилось компенсировать их крестьянами или бобылями, лично или вместе с их дворами. Так, вдова Федора Тоузакова по-

---

[30] Арзамасские поместные акты (1578 – 1618 гг.). М., 1915, № 45, с. 44 (1591 г.).

[31] Там же, № 209, с. 291 (1606 г.).

[32] Там же, № 221, с. 312 (1607 г.).

[33] Там же, № 216, с. 304 (1606 г.).

лучила на свою прожиточную половину поместья, между прочим, двор приказчика, «а положен (тот двор. – *С. В.*) против дву бобыльских дворов», «...что тот двор получше»[34]. В 1585 г. вдова Дарья Расловская получила на свою половину (25 частей) двор покойного мужа и один двор крестьянский пустой, «а в тот ей двор перевести за себя крестьянина Якушка Осеева». Новые помещики получили другую половину поместья, а на усадище «против помещикова двора» (т. е. как эквивалент двора, оставленного за вдовой) «двор крестьянской Якушков Осеева» и один жилой двор с крестьянином[35]. Таким образом, на обе половины поместья пришлось по одному двору для жилья и по одному крестьянину с двором. Иван Шадрин получил на свою долю вместо боярского двора крестьянский двор с крестьянином[36]. Такой же случай в 1612 г.[37] Федору Дементьеву вместо боярского двора дан бобыль (без двора): «против дано боярского двора бобыль Добрышя»[38].

Вот случай раздела того, что можно назвать сельскохозяйственными улучшениями. Вдова Федора Тоузакова получила из поместья своего мужа на свою половину различные постройки, да в огороде 9 яблонь с молодыми присадками, и пруд перед двором, а боярин князь Владимир Долгоруков получил на свою половину 11 яблонь и большой пруд перед своим усадом[39].

Большой интерес представляет раздел очень благоустроенного поместья Плакиды Панова. По счастливой случайности до нас дошли отписные книги этого поместья 1607 г. и раздельные книги 1608 г., сличая которые можно проследить поименно, как были разделены крестьяне. В 1607 г. за какую-то вину, «за ево Плакидино воровство»[40], поместье было отписано на государя. В отписных книгах подробно описаны усадебные постройки и крестьянские дворы: в с. Варгалее, Паново тож, на 200 четях земли было 52 двора крестьянских и 13 бобыльских да в д. Катеринкине на 100

---

[34] Там же, № 220, с. 310 (1607 г.).
[35] Арзамасские поместные акты, № 17, с. 17 (1585 г.).
[36] Там же, № 372, с. 483 (1613 г.).
[37] Там же, № 303, с. 399 (1612 г.).
[38] Там же, № 304, с. 401 (1612 г.).
[39] Там же, № 220, с. 311 (1607 г.).
[40] Там же, № 337, с. 440.

четях земли – 23 двора крестьянских[41]. В том же году царь Василий, по заступничеству Прокофия Ляпунова, вернул поместье Планиде Панову, но ему не пришлось им владеть, так как он вскоре умер, оставив бездетную вдову. Тогда по челобитью дьяка Андрея Иванова было указано оставить вдове $^{1}/_{5}$ часть поместья (60 четей), а $^{4}/_{5}$ (240 четей) отделить Андрею Иванову[42]. По этому указу отдельщик отвел вдове Панова в с. Панове 14 дворов крестьянских, 3 бобыльских и 2 двора пустых, а дьяку Иванову отвел всю д. Катеринкину с 24 дворами крестьянскими да в с. Панове 38 дворов крестьянских, 12 бобыльских и 1 двор пустой. Как можно видеть, дворы были разделены довольно точно по долям помещиков. Про усадьбу отдельщик писал в своих книгах: «двор помещиков Плакидинской Панова довелся делить на 5 доль, и дьяку Андрею Иванову довелось из того двора взяти и в гумне, и в огороде, и в хмельниках, и во всяком угодье 4 доли, а вдове Настасье довелось из того же двора пятоя доля, и они промеж себя сговорили полюбовна, что им двора и гумна и огородов и хмельников по жеребьям меж себя не делити». Вдова уступила свою долю двора Андрею Иванову, а он уступил ей за это дворы бывшего приказчика Плакиды Панова и его человека Первуши Юрьева со всеми постройками, гумнами, огородами и хмельниками, да 472 десятины полевой земли; «да с двора с помещикова поступился вдове ж Настасье хором: горенку с сеньми и с повалушею, что стоит у ворот, да житницу»[43]. Если сравнить имена крестьян и бобылей по отписным книгам 1607 г.[44] и по разделу 1608 г.[45], то увидим следующий интересный факт. Деревня Катеринкина отошла целиком дьяку Андрею Иванову. По отписным книгам в ней было 23 двора крестьянских и 1 пустой двор. По раздельным книгам – 24 двора с теми же крестьянами, причем прибыл крестьянин Афанасий Ногаев, очевидно отделившийся сын Ногая Никитина, который упоминается в обеих книгах. В с. Панове крестьянские дворы поименованы в отписных книгах, по-видимому, в том порядке, как они стояли улицей, один возле другого. В той же

[41] Там же, № 223, с. 317 – 319.
[42] Там же, № 229, 230, с. 326–327.
[43] Там же, № 231, с. 328–329.
[44] Там же, № 223, с. 316-319.
[45] Там же, № 231, с. 327-331.

последовательности они описаны и в раздельных книгах, причем дворы, начиная с первого (Кузьмы Вахромеева) и до Кузьмы Васильева, всего 38 дворов, отведены дьяку Андрею Иванову, а остальные по порядку 14 дворов отведены вдове Панова. Из этого видно, что раздельщик руководился обычным предписанием наказов отделять дворы сряду, а не через двор и не выбором, и если принимал, быть может (в общем), во внимание качество дворов, то, во всяком случае, был очень далек от мысли считаться с задолженностью крестьян старому помещику и с их возможными личными отношениями к Панову и его вдове. Между тем очень трудно допустить, чтобы ни один из 77 дворов поместья Панова не состоял в тех или иных долговых отношениях со старыми помещиками. Но в данном случае отдельщик, как и все отдельщики, совершенно игнорирует эти возможные личные отношения крестьян к помещикам. Что отдельщики игнорировали подобные отношения, понятно, так как это естественно вытекало из существа поместной системы, но, что сторонники теории задолженности не обращали внимания на прекарный характер поместного землевладения, немного удивительно. Между тем ясно, что все условия кредита и последствия крестьянской несостоятельности на поместных землях очень существенно отличались от условий и последствий на вотчинных землях.

Иногда поместья были так малолюдны, что на двух помещиков приходилось по одному крестьянину или бобылю, и тогда им приходилось «разверстывать» его между собой полюбовно. Так, Никифору Зиновьеву на 100 четей земли достался 1 крестьянин, а двум другим помещикам (каждому на 50 четей, всего на 100 же четей) достался тоже 1 крестьянин[46]. Еще скромнее были наделы Федора Веревкина и Ивана Тюлкина. По их полюбовному соглашению отдельщик отвел им на усадите вместе двор бывшего помещика с бобылем и писал: «и им тем Федоровским двором и бобылем делитися самим промеж себя»[47].

Ни в одной из многих сотен отдельных книг по Арзамасу, ни в огромном множестве таких же книг XVI – XVII вв. по другим уездам мне не встретилось ни одного указания, ни

[46] Арзамасские поместные акты, № 64, с. 65 (1592 г.).

[47] Там же, № 78, с. 83 (1593 г.). Подобный случай см. там же, № 219, с. 307–308 (1607 г.).

намека на то, что отдельщики считались с личными долговыми отношениями между помещиками и их бывшими крестьянами. В тех же книгах нередко встречаются указания на людей помещиков, т. е. на холопов, но ни одному отдельщику никогда не приходило и не могло прийти в голову отделять их новому помещику, так как холопы действительно были крепки своим господам и уходили с ними из поместья, когда последние лишались его.

Взгляд на поместного крестьянина как на принадлежность поместной земли, как на тяглеца, крепкого земле, а не помещику, повторяется правительством неоднократно и в XVII в., когда поместья все более и более утрачивали свой прекарный характер, а служилые землевладельцы настойчиво стремились к тому, чтобы придать крестьянской крепости личный характер. Напомню хотя бы то, что по Уложению вотчинники имели право переводить своих крестьян с вотчинной земли и даже отпускать их на волю, а помещики не имели права ни отпускать на волю, ни переводить с поместной земли на вотчинную[48].

Описанные выше порядки отдела поместий в существенных чертах одинаковы и до, и после указов о заповедных летах. И до, и после них крестьяне рассматриваются как принадлежность поместной земли и переходят вместе с нею из-под власти одного помещика к другому. Если же задаться вопросом, в чем изменилось положение крестьян после лишения их права выхода, то нельзя не признать, что отмена права выхода в значительной степени затруднила землевладельцам проведение личного закрепощения крестьян. Не говоря о том, что по Судебнику 1550 г. они могли похолопить пашенного крестьянина, а позже это было запрещено, право выхода давало больше поводов и возможностей для установления личной зависимости по ссудам. Обремененный долгами крестьянин мог в ближайший Юрьев день рассчитаться с новым помещиком и уйти от него. При таких условиях новому помещику ничего не оставалось, как «выпустить» от себя крестьянина, и легально такие сделки были вполне возможны. Заповедные же указы лишали нового помещика права выпускать крестьянина, а старого помещика выводить. Оставался путь обхода закона, но он всегда представлял для всех участников некоторый риск и невыгоды.

---

[48] ПСЗ, т. I, Уложение, гл. XV, с. 75, ст. 3.

Подводя итоги, можно так определить характер прикрепления, установленного указами о заповедных летах. Указы были направлены прежде всего против крестьян, т. е. лишали их права отказываться и выходить, а затем против всех посторонних землевладельцев, которым запрещалось вывозить чужих крестьян. Самим землевладельцам указы давали право не выпускать крестьянина, но не возлагали на него, безусловно, обязанности. Поэтому на практике указы имели различные последствия для вотчинных крестьян, с одной стороны, и для поместных – с другой. Вотчинник получил право не выпускать крестьянина, на нем лежала податная и служебная ответственность, а в дальнейшее правительство не вмешивалось. Отношение правительства к поместным крестьянам было иное. Поместье было в прекарном владении за служилым человеком, крестьяне были принадлежностью поместья, и потому помещик не имел права распоряжаться крестьянами: ни выпускать их, ни переводить на другие земли, ни уводить с собой в случае отписки поместья в казну или перехода к другому помещику. Однако правительство не имело сил и средств проводить этот принцип непосредственно и потому довольствовалось косвенными мерами. Среди них главными были: 1) та же податная ответственность, как и для вотчинных земель; 2) лишение помещика права и возможности получить новое поместье вместо запустошенного по небрежности или намеренно и, наконец, 3) противопоставление личного интереса одного помещика личному же интересу другого. Если старый помещик был иногда заинтересован в том, чтобы свести с собой вопреки казенному интересу крестьян, то новый помещик, который обыкновенно присутствовал при переходе поместья в его владение, был заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать выводу крестьян, и в случае надобности всегда получал содействие власти. Поэтому можно сказать, что прикрепление крестьян на поместных землях имело более определенно выраженный тягло-земельный характер, чем на вотчинных землях. В этом отношении поместная система землевладения мешала классу служилых землевладельцев развить личную крестьянскую крепость, хотя лишение крестьян права выхода, говоря вообще, создавало благоприятную почву для развития власти землевладельцев над личностью крестьянина.

С этой точки зрения мне кажется очень важным исследовать количественный рост поместного землевладения в

XVI в. и позднейший рост вотчинного. Я ограничусь указанием на самые важные моменты этого процесса. Начиная с двух последних десятилетий XV в., когда Иван III испоместил в присоединенной к Московскому государству Новгородской области сразу несколько тысяч помещиков, поместное землевладение растет весь XVI век. В старых уездах Московского государства оно растет за счет черных и дворцовых земель, а частью за счет пустых, еще никем не занятых земель. Одновременно почти исключительно на поместном праве раздаются служилым людям земли на востоке и юге государства, которые в течение XVI в. завоевываются и присоединяются вновь. В Новгородской области и в уездах, вновь заселенных в XVI в., как, например, в Казанском, Арзамасском, Алатырском, Курмышском, Орловском и т. п., вотчинное землевладение было исключением, едва ли составлявшим несколько процентов всего служилого землевладения. Вотчинное землевладение в старых уездах удельной Руси все время идет на убыль, и относительно, и абсолютно. Пожалования в вотчину редки и даются только отдельным лицам в исключительных случаях. Затем известно, что опричнина нанесла наиболее тяжелый удар именно вотчинному землевладению. Таким образом, можно считать несомненным, что до самой Смуты поместное землевладение все время росло, а вотчинное уменьшалось. И в первые годы Смуты пожалования в вотчину единичны.

Переломным в истории служилого землевладения, несомненно, был 1610 г., когда впервые «за царя Васильеве Московское осадное сиденье 118 года» было произведено массовое пожалование служилых людей вотчинами. Известно, что все участники осадного сидения царя Василия получили по 20% своих окладов в вотчину (по 20 четей со 100 четей оклада). Так как поместные дачи большинства служилых людей были много ниже их окладов, то на деле это пожалование для многих было равносильно превращению значительной части их поместий в вотчину.

После Шуйского пожалования в вотчину продолжались, но либо имели личный характер, либо касались небольших категорий служилых людей. Следующее массовое пожалование по примеру Василия Шуйского было произведено в 1612 г. «за Московское осадное сиденье в королевичев приход». После этих двух крупных раздач поместных земель в

вотчины вотчинное землевладение быстро возрастает за счет поместного на протяжении всего XVII в.

Таким образом, вторую половину XVI в. и начало XVII в. можно считать временем преобладания и высшего количественного развития поместного землевладения. Этот же период в общем является временем наиболее ярко выраженного государственно-тяглого прикрепления крестьян. Смута расшатала и ослабила государственную власть и сопровождалась перестановкой общественных сил. Результатом этого было окончательное решение вопроса о крестьянском выходе и быстрый рост вотчинного землевладения за счет поместного. Эти два обстоятельства имели решающее значение для развития в дальнейшем личной крестьянской крепости и власти землевладельца над личностью крестьян.

Очень неясным представляется вопрос о крестьянах, поряжавшихся после заповедных указов. Имели ли они право поряжаться на срок и после срока уходить, или прикрепление распространялось и на них, т. е. после указов нельзя было поряжаться на срок и всякий, раз порядившись, лишался уже права выхода? Мне кажется, что последнее предположение следует отвергнуть по нескольким основаниям. Это несовместимо с временным характером заповедных указов. Пока не была исключена возможность наступления выходных лет, возможны были срочные поряды или поряды не на определенный срок, а «до государевых выходных лет», как это мы видим в некоторых псковских порядных XVII в. И действительно, до нас дошли порядные конца XVI в., заключенные на срок 8 и 10 лет[49]. Затем еще соображение: в источниках нет нигде указаний на то, чтобы срочные поряды были запрещены и чтобы был определенно высказан принцип, что всякий порядившийся навсегда уже лишался права выхода. Поэтому есть основание полагать, что срочные поряды не были закреплены указами. Указы лишали права выхода наличных тяглецов, но ничего не говорили о тех «вольных» людях, которые будут поряжаться впредь. Этот пробел в прикреплении тяглецов могли восполнять только писцовые книги. При первом же после новых порядов описании новопорядчики записывались в книги, становились официально тяглыми людьми и, следовательно, лишались права выхода. Однако мы видим, что вопрос о крепостном значении книг решался различно. Сверх того,

[49] См. порядные 1589 и 1590 гг.: РИБ, т. XIV, стб. 102 и далее.

между описаниями иногда протекали большие промежутки времени. Я отмечаю все эти пробелы и неясности указной постановки вопроса о новопорядчиках, так как думаю, что они существуют не только в наших представлениях, но существовали и в действительности. Для исследователя важно указать на то, что эти пробелы были восполнены, а неясности устранены на частновладельческих землях путем практики.

Чтобы выяснить этот вопрос, следует обратить [внимание] на некоторые стороны крестьянской поряды.

В правых грамотах XV и XVI вв. и в других источниках есть указания на то, что крестьяне жили на одном месте различное время. На суде по земельным делам выступают часто старики и дают показания о том, что они сами или другое лицо [жили] на одном месте десятки лет. В одной правой грамоте конца XV в. старожилец, старик 75 лет, показывал, что он и его дед и отец жили за Есипом Пикиным в половниках в д. Колкачи (на Белоозере)[50]. Наряду с подобными случаями, когда три поколения крестьян около столетия сидели на одном месте, есть много указаний на короткие сроки. Например, в правой грамоте, около 1464 г., Троицкого Махрищского монастыря (Переяславля Залесского) есть интересное перечисление жильцов одной деревни с. Зеленцына. Село принадлежало Александру Лыкову, и при нем в деревне жил Феденя с сыновьями Юреней и Перкуром. По-видимому, Феденя же и поставил эту деревню, так как она получила прозвание Феденинской. Феденя прожил 10 лет при А. Лыкове, а когда последний дал с. Зеленцыно с д. Федениной в Махрищский монастырь, то он остался и жил за монастырем еще 5 лет. После них в той же деревне жили 5 лет Еска с детьми, 5 лет Максим Воробьев, 2 года Бужанина и 10 лет Гридя Рыкуля. После Гриди Рыкули остались его два сына, которые и жили второй год в момент, когда происходил суд[51].

Это частные случаи. В судебниках 1497 и 1550 гг. мы имеем указания общего характера на то, что краткосрочное

---

[50] *Федотов-Чеховский А. А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I. Киев, 1860, № 41, с. 42; [АСЭИ, т. II. М., 1958, № 187, с. 118–119].

[51] *Федотов-Чеховский А. А.* Акты..., т. I, № 30, с. 30–31. Подлинник – (ЦГАДА, ф. 281), Грамоты Коллегии экономии, по Переяславлю № 8737. Список – там же, № 9370, гр. 326, л. 762; [АСЭИ, т. I. М., 1952, № 340, с. 246–249].

держание земли было явлением весьма распространенным. В известных статьях судебников о крестьянском отказе устанавливаются условия отказа и, между прочим, цена пожилого за двор, в котором жил крестьянин, а затем сказано: «а которой христианин поживет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор платит»[52]. Если бы подобные короткие сроки держания не были распространенным явлением, то, конечно, судебники не стали бы производить эти вычисления пожилого.

Заключался ли договор словесно или в форме порядной записи, это вопрос второстепенный. Важнее то, были ли они срочными или бессрочными. По-видимому, преобладали последние, т. е. крестьянин поселялся на участке без указания срока. Если он получал льготу, то, конечно, срок льготы всегда был обусловлен, а затем он жил, пока жилось. Косвенное подтверждение такому предположению можно видеть в упомянутых выше статьях судебников, которые определяли Юрьев день осенний как срок отказа, т. е. расторжения обязательств, принимаемых на себя крестьянином. В самом деле, если бы преобладающим типом договоров были договоры срочные, которые можно было заключать с любого числа на любой срок (как это мы видим в поморских [порядах]), то не было бы надобности приурочивать отказы к Юрьеву дню. Очевидно, что срочные договоры были не в ходу, и потому законодательным путем был установлен для отказов Юрьев день, удобный для расторжения и заключения поряда тем, что к этому времени кончался сельскохозяйственный год.

Итак, перед заповедными указами поряжались и держали землю весьма различно. Одни сидели на своих участках много лет, другие уходили, прожив год-другой; одни рядились на определенный срок, другие жили без срока. Заповедные указы лишили права выхода наличных тяглецов, но не касались «вольных людей», как было сказано выше. Возникает вопрос, какова же была судьба этих вольных людей, если они рядились в крестьяне после заповедных указов?

---

52 [Судебники XV–XVI веков. М., 1952, с. 27 (Судебник 1497 г., ст. 57)].

По-видимому, ни заповедные указы, ни какие бы то ни было другие не лишали землевладельцев и крестьян права заключать срочные договоры. Трудно представить себе, чтобы можно было указным путем лишить новопорядчика, вольного еще человека, права заключать срочный договор и наперед ставить перед ним дилемму: или отказаться от «вольной» жизни бездомного безработного, или порядиться навсегда, без ограничения срока. И действительно, срочные поряды заключались и в конце XVI в., при действии заповедных указов. Теоретически и логически это так, но жизнь была и сложнее, и грубее, и нелогичнее. И казна, и землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы сажать на землю и тягло вольных людей, но психологически неудобно было ставить их сразу лицом к лицу с перспективой вечной неволи.

Таким образом, закрепощение новопорядчиков шло, можно сказать, извилистыми путями. Одним из путей была запись в писцовые книги.

При первом же новом описании новопорядчики могли быть записаны на землю как ответственные тяглецы, положены в сошный оклад, с которого землевладелец должен был платить впредь и новопорядчики лишались права выхода. Если землевладелец нарушал заключенный с крестьянином срочный договор, то оправданием для него служило то, что он становился ответственным за оклад, положенный писцами на новопорядчика. Однако на этом пути интересы казны сталкивались с интересами землевладельца. Дело в том, что если желание закрепить за собой крестьянина побуждало землевладельца записать его в писцовые книги, то не менее сильное иногда желание уклониться от податей побуждало его скрывать от писцов крестьян, развозить их дворы и прятать на время описания по лесам. Казна терпела в этих случаях ущерб, но у землевладельцев было средство не записать своего крестьянина в писцовые книги, уклониться таким образом от податей и в то же время не упустить крестьянина. Этим средством были порядные записи.

Обращаясь к порядным, следует оговориться, что ими не исчерпывались все отношения крестьян и землевладельцев: во-первых, есть указания, совершенно определенные и нередкие, на то, что некоторые крестьяне жили без порядных, по словесному договору, а во-вторых, существование порядной не исключало возможности заключения им же, крестьянином,

других обязательств, например займов у землевладельца по кабалам или в другой форме. Этих обстоятельств не следует упускать из вида при пользовании порядными как историческим источником. Значение порядных в закреплении крестьян можно сформулировать так. Огромное большинство вольных людей не имело средств завести хозяйство самостоятельно. Землевладелец мог дать им льготу, но этого было недостаточно, а ссуду и помощь он давал только такому пришельцу, который соглашался дать на себя порядную запись. По порядной записи новопорядчик получал льготу, ссуду и подмогу, а землевладелец для ограждения своих интересов вносил в порядную целый ряд условий: «заряд» (неустойку) или условие уплатить ссуду и подмогу в двойном размере в случае побега, иногда поручительство посторонних лиц и, наконец, условие о невыходе. Нас интересует особенно последнее условие.

До нас дошло большое количество записных книг порядных записей и других крепостей по Новгороду и Пскову. Книги эти сохранились со второй четверти XVII в. и содержат по нескольку сотен актов по Псковской и Новгородской областям. Просматривая порядные записи в этих книгах, можно сделать очень интересное наблюдение. Срочные порядные за это время уже не заключаются. Все порядные содержат обязательство, в тех или иных выражениях, не выходить, не сбежать, ни за кого в крестьяне и бобыли не порядиться, в холопы не задаться, не заложиться и т. п. Псковские порядные последней четверти XVII в., сверх того, говорят коротко и ясно: «жить во крестьянстве вечно». В порядных второй четверти XVII в. такой ясной формулировки нет, но по существу они имеют такой же смысл. Только в 11 псковских порядных (на 3 с лишним сотни) содержится оговорка жить и не выходить «до государевых выходных лет». Но это уже слабые воспоминания о том времени, когда выход был возможен, которые только оттеняют безвыходное положение всех новопорядчиков вообще. А в одной новгородской порядной крестьянин наперед отказывается от выхода, даже если наступят выходные годы: «и не отиматца нам от его, своего государя Ивана Ондреевича, ни государевыми выходными годами»[53].

---

[53] 1637 г., 7 ноября, запись Тимофея Михайлова Ивану Ушакову в записной книге 146 г. [ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная палата, кн. 23, л. 513 об.].

Итак, влияние заповедных указов на новопорядчиков может быть сформулировано так. Заповедные указы не касались прямо лиц, поряжавшихся после их издания, и не устраняли возможности срочных поряд с выходом, но они приучали население к мысли об обязательности раз принятых на себя тяглых обязательств, так как лишали права выхода всех наличных тяглецов. Затем производившиеся время от времени описания захватывали людей, порядившихся перед ними, включали их в число тяглых людей и лишали этим права выхода, т. е. заповедные указы и запись в писцовые книги сами по себе должны были выводить из обыкновения срочные поряды, так как вырабатывали принцип вечной крепости «по тяглу», как выражаются некоторые порядные. Однако указы и писцовые книги только создавали почву для закрепощения новопорядчиков. В жизнь же оно было проведено практикой землевладельцев, которые давали ссуду и подмогу только по порядным, а в порядные вносили условие жить «безвыходно», «впредь вечно». Таким образом создавалась крепость, как выражаются некоторые порядные записи, «по сей порядной», а когда новопорядчики попадали под описание, то получалась двойная крепость: «по тяглу и по сей порядной»[54].

---

[54] Книга 146 г.

1637 г., 14 декабря.– Порядная Якова Ануфреева Григорию Михайловичу Милославскому – жить безвыходно.

1637 г., 7 ноября.– Порядная Тимофея Михайлова с семьей Ивану Ушакову – «и не отиматца нам от его, своего государя Ивана Ондреевича, ни государевыми выходными годами».

1638 г. 20 февраля.– Порядная Григория Федорова Петру Лутохину – «а впред таки я... на тяглом своем участке во крестьянстве крестьянин без выходу» [там же, л. 503–505 об., 512 об.– 515, 515–519 об.].

[Три фрагмента]

Повоз

Очень странное определение повоза дал В. И. Сергеевич. Он говорит, что Судебник [1550 г., ст. 88] вдобавок к пожилому «устанавливает еще сбор в пользу землевладельца в размере двух алтын с каждого воза, на котором крестьянин увозил свою рухлядь. Это уже чистая новость: налог на крестьянскую зажиточность»[1]. Правильную характеристику этой повинности дал М. А. Дьяконов: «Повоз – это натуральная повинность, известная еще Псковской грамоте, по которой «старые изорники возы везут на государя»[2]. В середине XVI в. из сел и деревень Троице-Сергиева монастыря «в монастырь ездят с повозом, с монастырским хлебом, и с солью, и с рыбою, и с маслом, и с сеном, и с хоромным лесом, и с дровы и со всяким запасом». Размеры этого повоза нередко определены: по Уставной Соловецкой грамоте крестьяне должны были «повоз везти к Вологде с выти по лошади»[3].

Дьяконов правильно объяснил, почему судебники установили цену повоза: «В случае отказа крестьян в конце ноября, они могли еще и не приняться за выполнение повозной повинности, которая отбывалась главным образом зимой. За эту невыполненную повинность Судебник 2-й и обложил их при отказе платою в 2 алтына»[4].

---

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права, т. I. 2-е изд. СПб., 1902, с. 244; [3-е изд. СПб., 1909, с. 270].

[2] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М.– Л., 1926, с. 251.

[3] ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 203, с. 181–182; № 258, с. 284. Первая грамота –1545 г. Уставная грамота Соловецкого монастыря дана селам [в 1561 г.] [Феодальная деревня Московского государства XIV–XVI вв. Сборник документов. Подгот. к печати акад. *Б. Д. Грековым*. М.–Л., 1935, с. 53].

[4] [*Дьяконов М. А.* Указ, соч., 4-е изд., с. 251].

Это определение нуждается в дополнении и в пояснении. Троицкая грамота, указанная Дьяконовым, говорит о повозе (доставке в монастырь) таких предметов, которые (как соль, рыба, хоромный лес) могли и не быть объектами крестьянских повинностей в пользу монастыря. Это тоже повоз, но такой, который мог быть установлен в каждом отдельном случае по соглашению крестьян с монастырем, нуждавшимся в доставке этих предметов. Такой повоз мог быть выполнен зимой или в другое время, совершенно независимо от сроков отказа. Если бы существовал только такой повоз, то судебникам не было надобности говорить о нем как о работе случайной, очень изменчивой, которая могла быть даже не повинностью крестьян, а работой, выполняемой по [особому] найму. Следует обратить [внимание], почему повоз этого рода упоминается в грамотах Троицкого монастыря. В грамоте князя Андрея Васильевича 70-х годов XV в. на волость Илемну (Верейского у.) сказано: «коли поедет ис тое волости приказник монастырьской к монастырю или от монастыря, или слуг своих имут слати, или коли хрестиане повезут повоз к монастырю или иное што повезут, или напорожне поедут или пеши пойдут, или коли от монастыря к Илемне поедут или пеши пойдут, и мытники мои Оугожские мыту на них не емлют, ни иных никоторых пошлин, а пропущают их добровольно»[5].

Грамота предвидит и определенно отличает повоз от того, что крестьяне повезут «иное что», т. е., очевидно, по найму или особому договору с монастырскими властями.

Из этих грамот видно, что предметом повоза могли быть очень различные вещи. Монастырь просил и добивался освобождения провоза от различных пошлин потому, что это были предметы его обихода, а не продажные. Судебники имеют в виду повоз в более узком смысле слова. Они говорят о повинности крестьян доставить на двор землевладельца те продукты земледелия, которые входили в состав натуральных платежей крестьянина своему государю. Реализацию этих продуктов, хлеба и «всякого обилья» крестьянин заканчивал поздней осенью, когда наступала распутица. Обыкновенно для доставки на двор государя этих продуктов прихо-

---

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв., т. I. М., 1929, № 181, с. 134; [АСЭИ, т. I. М., 1952, № 366, с. 268].

дилось ждать зимнего пути, как более легкого и удобного, а зимний путь устанавливался в конце ноября или даже в начале декабря.

Таким образом, как верно заметил Дьяконов, повоз приходилось выполнять крестьянину после законного срока отказа. Но было еще одно обстоятельство, упущенное из вида Дьяконовым, по которому законодателю пришлось вмешаться и определить цену повоза. Дело в том, что далеко не всегда повоз был определенной заранее и на долгий срок повинностью, как это мы видим в Уставной грамоте Соловецкому монастырю. Если бы крестьянин всегда знал, какие продукты и на какое расстояние он должен был доставить, то такую повинность было бы легко определить и оценить и злоупотребления едва ли были бы возможны. Между тем есть указания, что «государь»-землевладелец мог по усмотрению изменять эту повинность, т. е. указывать, куда должны быть доставлены продукты. А так как служилый землевладелец часто не жил в своей боярщине, а мог жить по делам службы в другом городе, в Москве, на береговой или иной службе, где он нуждался в этих продуктах для себя и своей прислуги, то он и назначал, куда крестьяне должны были везти повоз. Пока крестьянин жил у него и землевладелец, проча его себе, не был заинтересован злоупотреблять своим правом, недоразумений не могло быть. При отказе же крестьянина возможны были злоупотребления и притеснения, тем более что крестьянин в большинстве случаев не был в состоянии выполнить эту повинность до зимнего пути. Как и в вопросе о пожилом, судебники разрешают вопрос грубой, но зато объективной нормой, устранявшей возможность злоупотреблений со стороны землевладельца и задержки выхода отказавшегося крестьянина.

Пожилое

Первый Судебник говорит так: «Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он

весь двор платит»[6]. Царский Судебник несколько пополняет и развивает это положение: «А дворы пожилые платят в поле рубль и два алтына, а в лесех, где десять верст до хоромного лесу, за двор полтина и два алтына». Далее тот же расчет платы, как в первом Судебнике, и прибавлено: «А пожилое имати с ворот»[7].

В проекте Судебника царя Федора: «подворною платить подворникам на год 8 алтын 2 де[ньги] до коего лесу 10 верст»[8].

Прежде чем говорить о пожилом, следует сделать некоторые пояснения. В Царском Судебнике определение лесных мест неясно. Яснее определение проекта Судебника царя Федора: «до коего лесу 10 верст», т. е. там, где до строевого леса не более 10 верст, где, следовательно, постройка обходится дешевле. Оговорка Царского Судебника о том, что пожилое платится «с ворот», едва ли вводила новшество. Она дает основание думать, что иногда землевладельцы, желавшие создать уходящему крестьянину затруднения, требовали пожилого не с двора как совокупности жилых и нежилых построек «за одними воротами», а с каждой жилой избы, которых могло быть за одними воротами и 2, и 3. Статья предусматривает это возможное злоупотребление со стороны землевладельца и возможные споры на суде и говорит, что пожилое следует платить одно со всех построек в одной ограде, за одними воротами.

Менее ясно, что такое было пожилое, какой житейский смысл был в этом платеже? По этому вопросу в литературе существуют недоразумения.

Трудно уяснить себе, как понимал пожилое М. А. Дьяконов. Он говорил: «Пожилое взималось, конечно, в тех случаях, когда крестьянин поселялся в готовом дворе (так ли? – *С. В.*). Но любопытно, что наемная годовая плата за двор определена в четверть стоимости двора, чего нельзя не признать чрезмерно высоким»[9].

---

[6] [Судебники XV–XVI веков. М.–Л., 1952, с. 27, ст. 57].

[7] [Там же, с. 172, ст. 88].

[8] Ст. 178 по списку Мазурина. Пропуск и текст испорчен. Сличить: *Бычков И. А.* Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова. – В кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897. СПб., 1900, Приложения, с. 190–191; [Судебники XV–XVI веков, с. 404].

[9] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. М.–Л., 1926, с. 250.

Так как перед этим Дьяконов говорит, что крестьянин платил пожилое при отказе, то становится непонятным, как исчислялась «наемная годовая плата», если, например, крестьянин прожил 8 лет. Если пожилое было действительно годовой арендой, то непонятно, почему оно уплачивалось не ежегодно, а при отказе, т. е. тогда, когда крестьянин отказывался и уходил. Если же пожилое оплатилось однажды, т. е. полная стоимость двора всяким, кто прожил 4 и более лет, то его нельзя считать годовой арендой.

За много лет до М. А. Дьяконова В. О. Ключевский высказался о пожилом вполне в согласии со своей теорией нарастающей задолженности крестьянина яснее и смелее: «Из приходо-расходной книги Корнилиева-Комельского монастыря 1576–8 г. видно, что пожилое за пользование двором платилось крестьянином не из года в год, а при уходе от землевладельца за все прожитые годы и отдавалось ему назад, когда он возвращался к прежнему владельцу. Таким образом оно составляло постоянно нарастающий долг». Ниже, чтобы не было недоразумений, Ключевский вычисляет по Царскому Судебнику не совсем понятным образом пожилое за 10 лет в 1 руб. 55 коп. «по низшей полевой (? лесной. – *С. В.)* таксе»[10].

Итак, по мнению указанных историков, пожилое хотя и уплачивалось только при выходе, но было наемной годовой платой. Таким образом, если крестьянин, проживший всю свою жизнь, уходил, то он должен был уплатить, например, за 40 лет пожилое в размере десятикратной оценки двора по судебникам. Если бы это было так, то в пожилом, помимо прочих обязательств, мы могли бы видеть все туже затягивающуюся петлю на шее крестьянина. Такое понимание пожилого представляется большим недоразумением, лишенным всякого житейского смысла. В жизни таких бессмыслиц не бывает, и следует искать другое объяснение.

Прежде всего, надо постараться представить себе, как разрешался вопрос о дворе на практике. Из порядных записей XVI–XVII вв. мы знаем, что крестьянин приходил либо «в готовый двор» или «в готовые хоромы», либо садился на

---

[10] *Ключевский В. О.* Опыты и исследования. Первый сборник статей. М., 1912, с. 267. По лесной таксе двор оценен в 16 ал. 4 д.+ 2 ал.= 112 д. = 56 коп. В 10 лет пожилое составляло 2½ двора, т. е. 280 д. = 1 руб. 40 коп.

пустоши и должен был поставить себе двор. И в том и в другом случае двор был собственностью землевладельца, которую крестьянин получал в пользование. В порядных обыкновенно предусматривается обязательство крестьянина «починивать» хоромы, не «обжигать» их и т. д., т. е. поддерживать в порядке. Если крестьянин садился на пустой жребий, то порядные обыкновенно предусматривают, какие постройки он должен поставить и как их содержать. Само собой разумеется, что землевладелец давал крестьянину необходимый лес, а если приходилось строить двор вновь, то обыкновенно давал на несколько лет льготу в податях, а иногда и подмогу, т. е. беспроцентную ссуду[11]. Таков был обычный порядок.

Очевидно, случаев, когда крестьянин располагал бы средствами и желал бы их вложить в постройки, не бывало, и землевладельцам волей-неволей приходилось брать этот расход на себя. Понятно, что он был заинтересован в том, чтобы возведенные при его помощи и на его средства постройки содержались в порядке и были пригодны для жилья и хозяйства новых крестьян, которых можно было бы поселить в случае ухода старых.

Если крестьянин сидел прочно, то охрана и поддержание построек в порядке были в его интересах и землевладельцу не было основания беспокоиться за целость двора. Но очевидно, что краткосрочные поряды крестьян были весьма распространенным явлением, и тогда землевладелец мог не без оснований опасаться, что крестьянин будет обращаться с постройками небрежно и даже, может быть, злостно «обжигать» их и расхищать. («Обжигать», повидимому, означает употреблять на топливо части построек или целые постройки, которые временный жилец не имел побуждений беречь.)

Возвращаясь к порядным, мы видим в них нередко указания на порядок возведения построек, на размер льготы,

[11] В одной порядной оговаривается, что крестьянин получает подмогу и на эту подмогу должен построить двор, а хозяин не должен требовать подмоги обратно и не брать с нее роста. Таким образом, это беспрецедентная и безвозвратная ссуда на постройку двора. Естественно, что при отказе крестьянин должен был вернуть ее (Сводный текст крестьянских порядных XVI в. составлен слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910, с. 15, V, 43).

полученной крестьянином, и даже оценку построек, причем обязательство обеспечивается определенной неустойкой. В жизни, вероятно, так и было, т. е. условия землевладельца и крестьянина по вопросу о дворе были весьма разнообразны. Однако были ли предусмотрены в порядной все условия пользования двором или не были? Во всяком случае, если дело доходило до суда, то последний был бы в большом затруднении, если бы ему пришлось разбираться в этих подробностях, производить оценку построек, степень их изношенности, споры о небрежном или злостном пользовании и т. п. Такие споры должны были быть невыгодными для обеих сторон: для землевладельца по затруднительности доказывать убытки, а для крестьянина тем, что задерживали отказ и выход.

Судебники разрешили этот вопрос так, как обыкновенно поступает законодатель в подобных случаях: они дали общую норму, грубую, но зато объективную, которая в тех случаях, когда вопрос не был улажен мирным путем, давала простое решение вопроса. Таким образом, пожилое было не годовой арендой, а возмещением со стороны крестьянина землевладельцу его затрат (подмогой, льготой в податях или готовыми хоромами) на двор. Дьяконов и Ключевский правильно считают размер этого возмещения по судебникам высоким. Едва ли он мог быть иным при краткосрочных порядах, когда крестьянин не имел побуждений беречь находящиеся в его пользовании строения.

При взгляде на пожилое как на возмещение издержек землевладельца становится понятным, что оно уплачивалось не ежегодно, а только при отказе и выходе. Понятным становится и способ, каким исчисляют пожилое судебники. Они говорят, что двор оплачивается при коротких арендах в 4 года, и на этом останавливаются, не вычисляя, сколько должен платить крестьянин, проживший более 4 лет. Очевидно, что оплата целого двора для всякого крестьянина, прожившего 4 и более лет, считалась настолько понятной и ясной, что не было надобности уточнять положение и говорить, что крестьянин, проживший, например, 8 лет, должен платить одно пожилое, а не двойное.

Посилье

Если производить слово «посилье» от корня «село», «селиться», то «посилье» есть то же, что «поселение, селище».

Если производить от слова «сила», то в том смысле, что на разработку земли нужны были усилия, сила (ср. на севере – страдомые земли, в смысле обрабатываемые земли). В правой грамоте конца XV в. (1495–1497 гг.) по Ярославскому уезду речь идет о двух братьях Мартыновых, поставивших починок по грамоте С[емена] Вельяминова. Спасский монастырь предъявил к ним иск. Мартыновы заявили, что они поселились, не зная того, что земля принадлежит монастырю, и просили судей и монастырского старца, чтобы они «нашия силы не похотели, что есмя, господине, двор ставили и ярь сеяли и лес секли». На это старец сказал: «силы вашия не хотим,– либо двор снесите, либо архимондрит вам за двор даст, чем люди добрые обложат на посилие; а земля и пожня Спасского монастыря»[12].

«Посилие» – труд и капитал, затраченные на разработку земли. Вопрос об особом вознаграждении за посилье мог возникнуть только на землях черных крестьян, не имевших в принципе права отчуждать землю великого князя, на которой сидели.

Впервые напечатано в кн.:

С. Б. Веселовский. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. Составители Л. Г. Дубинская, А. С. Ксенофонтова, А. К. Панфилова. Под ред. В. И. Буганова и Б. В. Левшина. М.: Наука. 1978, с. 34–119.

---

[12] Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866, № 284, с. 573; [АСЭИ, т. III. М., 1964, № 213, с. 227].

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVII ВЕКЕ

Азартные игры, как источник дохода Московского государства в XVII веке

В исторической литературе распространен взгляд, что в XVII веке зернь и карты были безусловно запрещены и что тем более они не были источником дохода для казны. Автор статьи «зернь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза говорит, что зернь и карты лишь однажды были отданы на откуп в Сибири в 1667 году. Автор статьи «игральные карты» в том же словаре утверждает, что Уложенье царя Алексея Михайловича приравнивает игроков зернью и картами к татям. Редактор «Памятников Сибирской истории» в своем предисловии говорит, что Петр Великий «учреждает новые виды пошлин (!): с картежной и костяной зерни. Игра сдается на откуп»[1].

Однако в Уложенье мы не находим ни прямого запрещения зерни и карт, ни особого наказания для игроков. В главе о разбойных и татиных делах (21 гл.) сказано:

> «А которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зернью играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут и грабят и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездех учинити заказ крепкой и бирючем кликати по многие дни, будет где такие воры объявятся, и их всяких чинов людям, имая, приводити в приказ... и тем ворам чинити указ тот же, как писано выше сего о татех». (15 ст.)

Из этой статьи никак нельзя заключить, что игра в зернь и карты была действием наказуемым само по себе. Законодатель предусматривает, по-видимому, частые, случаи, когда пропившиеся и проигравшийся начинал воровать, т. е. грабить

---

[1] Памятн. Сибирск. истории, I, XIV стр.

на улицах и срывать с прохожих шапки, в которых часто прятали деньги, и приравнивает этот вид грабежа к татьбе. Ясно, что подобное воровство было наказуемо и в тех случаях, когда его делал человек и не пропившийся, или только пропившийся, но не проигравшийся. Так как в этой форме грабеж производился, быть может, чаще всего пропойцами и несчастными игроками, то Уложенье говорит о проигрыше, как об обстоятельстве, которое побудило вора на воровство. Больше о зерни и картах в Уложенье нет ничего.

Почти в каждом воеводском наказе можно встретить предписание «унимать» всяких чинов людей от всякого дурна, между прочим и от зерни и карт. Служилые люди разных чинов, казаки, стрельцы, пушкари и т. п., поступая на службу, давали по себе поручные записи, в которых писали, что они не будут воровать, не будут играть зернью и картами, не пропьют и не проиграют своей служилой рухляди и т. п. Наконец сохранилось множество грамот текущего приказного делопроизводства, в которых азартные или, как их тогда называли, закладные игры запрещаются категорически. Однако из этого еще нельзя заключить, что они действительно были запрещены на деле. Разве мало противоречий мы можем наблюдать в деятельности администрации Московского государства?

В 1647 г. голландские торговые люди подали государю «Объявление» о тяжелых и незаконных пошлинах, которые с них берут в городах головы и целовальники. В нем они между прочим говорили, что при взимании пошлин у них почитают, т. е. приравнивают, 2 дюжины карт 1 пуду[2]. Стало быть, запрещение карт не было безусловно, если были возможны жалобы на притеснения в торговле ими.

Красноярский воевода жаловался в 1636 г., что он не может унимать служилых людей от зерни, так как она на откупе. (см. ниже) В таком же положении были, наверное, воеводы всех тех городов, где азартные игры были на откупе, хотя быть может у них в наказах и было предписание преследовать зернь и карты.

По поводу противоречий, которые мы можем наблюдать в деятельности Московского правительства XVII в., мы позволим себе сделать небольшое отступление, которое имеет довольно близкое отношение к нашей теме.

---

[2] Москов. Арх. Мин. иностр. дел, Голландск. дела 1647 г., № 10.

27 июня 1639 г. Разряд разослал по приказам государев указ, в котором сказано: что государю учинилось ведомо –

«которые городы ведомы в приказе Новгородской чети денежными доходы, и тех де городех не в давных летех учинились в откупу квас, сусло, брага, ботвинья, и хмельное и сенное трушенье, и мыльное резанье, и овсяной откуп, и деготь и иные такие ж мелкие промыслы, о которых промыслех в городех живут и кормятся и тягла платят посадские и всякие жилецкие люди; а в прежних летех такие мелкие промыслы николи в откупу ни за кем не бывали»... «От откупщиков всяким людям делаются продажи ж убытки великие, и от того де посадские и всякие жилецкие люди оскудели».

Государь указал те все откупа отставить, а кормиться ими и промышлять всяким людям по старине[3]. В памяти из Разряда в Устюжскую четь этот указ редактирован несколько иначе. В этой памяти упомянуты такие «небольшие промыслы», как площадное письмо, недели и пряничный промысел, и сказано:

«и откупщики те всякие промыслы, меж себя откупая, взбили на большие откупы и в те в свои откупные годы в тех городех посадским людям тем своим откупом чинят налоги и продажи и насильства великия, а молотчим всяким людям без тех промыслов кормиться нечем; и держав те откупы по году, и по 2, и по 3, в четвертях отказывают, а вперед за собою в откупу держати не хотят, и по государеву указу после откупщиков те промыслы учали быть на вере, а целовальников к тем сборам выбирают тех же городов посадских людей, и у верных целовальников в тех сборех чинятся недоборы, и тем посадским целовальникам от проезжих людей чинятся продажи, и те недоборы правят на них же на посадских людях, и посадские люди от того и достальные вконец оскудели и розбрелись врознь, и в городех посады стали пусты». Государь указал все эти откупа отставить, а кормиться ими повольно посадским людям, «и в городы к воеводам и к приказным людям о том послати государевы грамоты, чтобы в городех, которые ведают в Устюжской чети, от тех мелких промыслов налоги, и продаж и убытков не было, а кормиться теми промыслы посадским людям потому ж, как на Москве, и в городех»[4].

По нашим понятиям дело – ясно. Мелкие монополии указано отменить и впредь их не допускать. Посмотрим, как было на самом деле.

---

[3] Р. И. Б., X, 187 и А. М. Г., II, № 175.

[4] Арх. Мин. ин. дел, Прик. дела стар. лет, 1635 г. № 11

Прежде всего указ содержит неточности и неправильные утверждения. Список монополий не полон, во-вторых, монополии существовали не только в городах Новгородской чети и, в третьих, заведены они были не «не в давних летех», а много лет тому назад. Если вопрос об них возник в 1639 г., то это следует объяснить оскудением населения от тяжелых налогов, которые были взяты перед тем по поводу Смоленского похода и после него. В приходной книге Владимирской чети 1614 года записан целый ряд мелких монополий. Извоз сена, соли и леса – в Калуге, Переяславле Рязанском и Зарайске, сенное трушничество – в Калуге, Туле и Зарайске, сусло и квас – в Калуге, Туле, Твери и Зарайске, проруби в Туле[5]. В книге нигде не говорится, что это новые источники дохода, если же принять во внимание, что года Смуты были неблагоприятным временем для возникновения новых налогов, то можно с большой вероятностью утверждать, что эти мелкие монополии существовали еще до Смуты.

Сохранившаяся приходная книга Новгородской чети 1615 г.[6] содержит очень суммарные указания доходных статей, но из приходной книги той же чети 1620 г. можно видеть, что в Новгородской чети мелкие монополии уже в то время не были новостью. Сусло и квас составляют монополии почти во всех городах. Сверх них упоминаются еще следующие монополии: в Вел. Новгороде – темьян (был еще до разоренья), на Вологде – сенная площадка, кабацкая барда и с винных кубов обмазка, в Нижием – извоз, в Арзамасе – площадное письмо, русские, мордовские и губные недели, проруби и сено. В приходной книге Новгородской чети 1626 г. сверх этих монополий упоминается ряд новых, которые возникли по отношении к указу 1639 г. действительно «не в давних летех». Во Пскове – извоз и темьян, да в 1625 году дан вновь на оброк

> «овощной промысел – торговати во Пскове о святой неделе и по праздникам и по ярманкам в городе и за городом, и в Большом и в Рыбном ряду, и у кабаков».

В Нижнем в 1624 г. дан в откуп торговому немчину И. Бернару уксус, а с 1625 г. был отдан вновь на откуп

---

[5] Арх. Мин. ин. дел, по Владимиру книга № 1, 11, 15, 20, 21, 63 об., 67 об., 85, 104, 128, 129 лл. Заметим, что вообще составить полный список мелких монополий невозможно, так как доход от них в приходных книгах и сметах приказов часто был списываем с других доходных статей.

[6] Тот же архив, по Нижнему, кн. № 1

«прядильный промысел – спускать варовые снасти», но в 1626 г., вероятно по челобитью населения, был отменен. В Нижнем же упоминается на откупе «точильный промысел – точить всякое железное дело» и сенное трушничество. В Арзамасе сверх прежних монополий уксус, яичный бой и воскобойня, в Чердыни – навозные кучи (монополия или оброчная статья?), а в Архангельске – смола[7]. Торговля смолой была очень важной отраслью торговли Архангельска и можно думать, что монополия ее сильно затрагивала интересы многих торговых людей. Доход от этой монополии рос очень быстро и достиг весьма значительной цифры. В 1625 г. было собрано на вере смоляной прибыли 108 руб. 4 алт., в 1626 г. – 157 р. 14 алт., в 1643–45 годах она была в откупу за годландцем Ер. Фенцелем за 1200 руб.[8]

Вообще мелкие монополии существовали очень во многих городах Московского государства уже в начале XVII в., а в 1620–1639 годах они только стали многочисленнее и разнообразнее. Возникали эти монополии очень просто. Выищется какой-нибудь предприимчивый человек, захочет взять какой-нибудь промысел на откуп и бьет челом об этом в городе воеводе или в Москве в приказе. И приказы, и воеводы собственной властью, ища государевой казне прибыли и радея, создают монополии. В 1630 г. устюженец посадский человек П. Чирков бил челом в Устюжской чети о даче ему на Устюжне в откуп мыльной рези и печения пряников на продажу,

> «а ныне, государь, писал он в своей челобитной, на Устюжне мылишко режут на лепест и пряники пекут на продажу, а откупу тебе государю с них не идет ничего».

По помете дьяка откуп был дан ему за 3 руб. 5 алтын в год, а на Устюжну к воеводе была послана грамота, из которой видно, что в подобных случаях создавалась действительно местная монополия. В грамоте сказано:

> «а опричь его Проньки иным сторонним людям мыла резать и пряников печь на торг не велел»[9].

В откупной грамоте 1614 г. из Владимирской чети калужскому откупщику сенной трухи сказано:

---

[7] Тот же архив, по Новгороду кн. №15, 107–108 об., 240–243, 286, 400, 815 лл.

[8] Тот же архив, по Новгороду кн. № 29, 125 об., и № 30, 124 об.

[9] Арх. Мин. ин. дел, Прик. дела ст. л., 1630 г. № 22.

«а опричь Ромашка (откупщика) в Калуге на посаде в городе и в остроге на торгу и по подворьям сенной трухи никому держати не велели, а кто тое сенную труху опричь Ромашки учнет на торгу и по подворьям держати, и вы б (воевода и дьяк) на тех людях велели имати заповеди по нашему указу»[10].

Посадские люди, натерпевшись стеснений от монополии и притеснений от откушщиков, часто бьют челом о даче им промысла на откуп на мир и соглашаются платить ежегодно оброк, т. е. прямой налог, в большем размере, чем платили откупщики. Таким путем монополия весьма часто превращалась в промысловый налог. Грамота на Устюжну о пряничном откупе, которую мы цитировали выше, предвидит такой результат. В ней сказано, что если посадские люди откуп

«похотят взять на себя и учнут о том бить челом, что наперед сего тем промыслом промышляли и кормились мелкие люди, а Проньке бы одному того промысла в откуп не отдавать, чтобы им посадским людям в том утесненья и в торговле пометки не было, и ты б (воевода) тот мыльной и пряничной промысел отдал на откуп посадским людям из наддачи сверх Пронькина откупа».

Иногда приказы принуждали посадских людей за отказом откупщиков держать мелкую монополию на вере, выбирать к ней целовальников и доправляли с них недоборы против откупной суммы. В результате получалось то же – посадские люди в конце концов соглашались платить прямой налог лишь бы только не выбирать лишних целовальников и не доплачивать недоборов.

Итак, указ 1639 г. отменял все эти мелкие монополии. Однако мы видим, что на самом деле посадские люди каждого отдельного города должны были бить челом, ссылаясь на указ, об отмене у них монополии, причем приказ далеко не всегда соглашался исполнить их просьбу.

В декабре 1639 г. нижегородцы били челом в Новгородской чети о том, что их искони вечные промыслы ныне на откупе и на вере, «а они де посадские люди с тех торговых промыслов положены в сошный оклад и дают сошные подати» и всякие службы служат. В челобитье они, между прочим, писали, что из-за извозничьего откупа

---

[10] Московск. Дворц. Арх., 24 опись, ст-ц 121 г. № 83.

«всему городу нужа великая, и многие де люди за тем извозным откупом хором не ставят, и запасу де извозные откупщики бедным людям для того извозного откупу и на себе носить не дают; а сенной де промысл то ж всему городу животине нужа великая, а без животины де для малых ребят жити невозможно. И многие де посадские люди без промыслов обнищали...»

и т. д. В Новгородской чети были выписаны в доклад указ 1639 г. и справки, что откуп зернового и картового суда существует с 1617 г., откуп извоза – с 1618 г., уксуса – с 1622, точильного промысла – с 1624, сенного трушенья – с 1625. По докладу государь указал отставить все монополии за исключением уксуса[11].

В том же году в Новгородской чети о том же били челом вятчане и арзамасцы. Вятчане в своем челобитье писали:

«в прошлых, государь, годех давали на Вятке воеводы в откуп квас, и сусло, и свечи сальные, и харчевни пирожные, и зерневые откупы и всякие промыслы, а мы сироты твои без промыслишку охудали и одолжали».

В иных де городах такие откупа велено отставить, – писали они, – пожалуй государь и нас. Арзамасцы писали в своей челобитной:

«по твоему государеву указу посланы по городам твои государевы грамоты, чтобы мелких откупов – квасу, и сусла, и вощеного боя и сенной трухи не откупать, держать без откупу всяким мирским людям, и в Арзамасе такой твоей государевой грамоты не бывало».

Они просили дать им грамоту «против своего государева указа и иных городов». По этому поводу в Новгородской чети был составлен доклад государю. В начале его выписан указ 1639 г., а затем приведена роспись городов, в которых существуют «невеликие откупы» разных промыслов. Оказалось, что откупа дают всего во всех городах чети 594 руб. 25 алт. 4 ½ д. Однако из сравнения с приходными книгами видно, что в докладную выписку были выписаны не все монополии. Так не выписана монополия смолы в Архангельске вероятно потому, что она давала приличный доход. Нам интересно отметить, что в некоторых городах откупа мелких промыслов оказались замененными прямым налогом по челобитью посадских людей. Так вологжане с 1634 г.

---

[11] Арх. Мин. ин. дел, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82.

платили оброку с площадного письма по 20 руб. 15 алт. на год, с извозничьей площадки – по 20 руб., с плавучего моста и перевоза – по 32 руб. Двиняне платили по 6 руб. «за карбасный извоз» и по 6 руб. 13 алт. 2 д. за площадное письмо. Гороховляне платили «с банного с пустого места» по 1 руб. 16 ал. 4 д.

На докладе по статьям были сделаны пометы, где и какие монополии было велено уничтожить. В этих пометах нам интересно отметить две подробности: во-первых, то, что монополии были отменяемы не по существу, а смотря по тому, какой они давали доход; во-вторых, то, что они были отменены только в тех городах, из которых были челобитчики. Остальные города, наверное, должны были каждый за себя хлопотать о применении к ним государева указа. Были отставлены: в Хлынове – зерновой и бражный суд, который давал откупа 8 р. 3 ал. 2 д. и откуп с харчевни – 2 руб.; в Шестакове – кабацкий зерновой и бражный суд – 1 р. 6 ал. 4 д. и кваса – 1 руб.; в Котельниче то же самое – 1 р. 22 ал. 4 д.; в Слободском откуп зерновой и шахматной игры и карт – 6 р. 27 ал. 3 д., откуп сальных свеч – 10 алт. Откупа кваса в Хлынове (давал по 42 руб. 16 ал. 4 д.) и в Слободском (10 руб. 16 ал. 4 д.) были сохранены. В Арзамасе были отменены: сенная труха – 2 р. 27 ал. 5 д., проруби – 1 р. 6 ал. 4 д., яичный бой – 25 ал. 4 д., уксус – 17 ал. 3 д.; сохранены: площадное письмо – 12 р. 17 ал. 2 д., воскобойня – 9 р. 30 ал. 5 д., сусло и квас – 53 р. 16 ал. 4 д.

В 1640 г. вятчане снова били челом и по их челобитью государь указал отставить откупа сусла и кваса в Хлынове и в Слободском[12].

Можно думать, что так было везде, т. е. что сами заинтересованные лица в каждом отдельном случае должны были бить челом и просить исполнения государева указа 1639 года, и далеко не всегда приказ соглашался применить этот невыгодный для государевой казны указ. Прошло несколько лет и монополии даже там, где они были отменены, возникли вновь. В приходной книге Новогородской чети 1644 г. записаны: в Великом Новгороде на откупе кабацкая зернь (10 руб.), у Соли Камской – сусло, квас и зернь, на Вологде – сусло, квас и сенная площадка, в Павлове остроге

[12] Арх. Мин. ин. дел, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82 и 1640 г. № 86.

– сусло, квас, баня, проруби, сено, воскобойня, деготь, извоз и точильный промысел[13]. В приходной книге Галицкой чети 1640 г. записан указ 1689 г., но тут же через несколько страниц записаны откупа, напр., в Парфеньеве мыльной рези, в Чухломе дегтя и т. д. [14] То же самое мы видим в приходной книге той же чети 1644 г., когда, казалось бы, было уже время применить указ 1639 г. В ней упоминаются откупа: сусла и кваса во многих городах, в Парфеньеве сверх мыльной рези деготь и шелк, в Коломне дрожжи и извоз, в Белеве извоз лошадиный и соловолок и площадное письмо, во Мценске воскобойня, хлебный и соляной извоз[15].

В 1648 г. (29 сентября) духовенство, служилые и жилецкие люди всяких чинов Севска посада и уезда били челом государю на злоупотребления кабацкого откупщика. В челобитье они между прочим писали, что откупщик откупил в Севске деготь, квас и писчую площадку, которые раньше с 1619 года с тех самых пор, как они сведены в Севск на житье из Новгорода Северского, никогда не были на откупе.

«И он де Меркул (откупщик) с товарищи продают деготь дорогою ценою, перед прежнею продажею вдвое и втрое, прибавливая в деготь воду, и навоз мешают».

Про монополию писчей площадки они писали:

«которые грамоте умеют, и от их, государь, грозы Меркула с товарищи писать челобитных не смеют, и, отходя сего света, духовных и всяких своих нужных дел писать не смеют, потому, государь, что они ограживают вперед большою продажею, и убойством и московскою волокитою. А от письма, государь, емлют от челобитной по гривне и больше, а от записей и от поручных и от иных крепостей емлют по полтине и больше. И многие, государь, в городе и в уезде помирают без духовных, потому что писать и рук прикладывать никто не смеют»[16].

Известный указ 30 апреля 1654 г. о реформе таможенных сборов и об отмене откупной формы взимания их гласит:

«подражающе божественных повелений, приклонихом милостиво уши наши в мир слышания и слышахом нечто неполезно, паче ж грешно и миру досадительно».

---

[13] Тот же архив, по Новгороду кн. № 28 лл. 13, 266, 519.

[14] Тот же архив, по Галичу кн. № 7.

[15] Там же, по Галичу кн. № 10 л.л. 203, 207, 210 об., 211 и об., 308, 315 и другие.

[16] Москов. Арх. Мин. Юстиция, Белогородск. стола ст-ц № 287 лл. 386–391.

Среди этих неполезных и миру досадительных вещей указ перечисляет и предписывает уничтожить откупа

> «едомых харчей всяких и иных всяких мелких промыслов, кваса, сусла, масла конопляного и коровья, ветчинного сала, солодоращения, овсяной трухи, хмелевой труски, хлебного, и соляного, и важенного и берегового извоза, сенной трухи, шелку, пищей площадки, на реках прорубного, золы всякой, мыльного резанья, ворванья сала, свеч сальных, смолы брусковые на резь, дегтю, уголья, и рогожного товару, лаптей, шлеи и хомутов»[17].

Как видно из этого указа, к середине 17-го века, несмотря на указ 1639 г., образовалась целая сеть «неполезных и миру досадительных» мелких монополий.

В наш план не входит подробное изложение истории мелких монополий во второй половине 17-го века. Для нас достаточно привести еще несколько примеров и констатировать, что, несмотря на указы 1639 и 1654 годов, мелкие монополии продолжали существовать, то возникая, то исчезая. Приказы то забывают указы об их отмене, то вспоминают об них, преимущественно тогда, когда слышат настойчивые жалобы населения.

По-видимому, политика правительства, направленная к обособлению посадов от уездов в правовом и экономическом отношениях соответственно особенностям посадского тягла, сама создавала благоприятные условия для возникновения и существования монополий. В 1674 г. гости Аверкий Кириллов, впоследствии влиятельный дьяк, и Григ. Шустов били челом государю во Владимирской чети, что в Калуге по 1672 г. извоз был на откупе,

> «и те откупщики с нас холопей твоих и со всех соляных промышленников за провоз с соляной рогожи имали насильством по 8 денег и по 10 денег от того только – из струга на берег в амбар перевозить. И в прошлом, государь, во 180 году (1672 г.) по челобитью всех соляных промышленников и всех калужан тот соляной откуп отставлен и велено тем извозом кормиться без откупа вольным людям и провоз имати по договору вольному. А ныне, государь, умыслили калужане посадские люди, стали соль возить одни и с нас холопей твоих за провоз с берега в амбар емлют насильством со всякой рогожи дороже и прежних откупщиков по 10 денег и по 2 ал-

[17] С. Г. Г. и Д. 1.11, № 173.

тына, а сторонних твоих государевых, и монастырских и помещиковых уездных, крестьянах под соль найматься не пустят и угрожают им продажею и боем. А твои государские, и монастырские и розных помещиков крестьяне с того извоза хотят с нас взять за провоз по 2 деньги с рогожи».

Гости просили, чтобы им было разрешено нанимать под соль всяких крестьян «невозбранно повольною ценою» [18].

В 1677 г. откупщик дрягильного подъема и соляного и хлебного извоза в Переяславле Рязанском заявил во Владимирской чети о своем отказе от откупа, который он держал по уговору 3 года. По поводу его челобитья в чети была составлена любопытная докладная выписка, в которой приведен указ 1654 г. и сказано, что по этому указу с 1654 г. в Переяславле контарный подъем, работная пошлина, извоз, сусло, квас, проруби и сенная труха «из оклада выложены», т. е. отставлены, а в 1665 г. в чети бил челом Ф. Лахин и просил ему дать на откуп хлебный извоз,

«а на Москве де ныне на откупе из Большого Прихода, а хлебные извощики оброк дают в Земском Приказе».

По справке Владимирской чети с Земским Приказом оказалось, что на Москве

«с извощиков, которые возят в мучной и в житной ряды с стругов из болота рожь, и муку, и солод и всякой хлеб, а иные с Москвы реки и из лесных рядов лес, и из гончаров кирпич и всякие тяжелые возы, и с тех извощиков в Земский Приказ емлют по рублю с хомута».

Собственно тут не было монополии, а был прямой промысловый налог, но Владимирская четь нашла, что есть полное основание учредить монополию и откуп извоза был дан с 1665 г. Ф. Лахину,

«а поели его отказа тот откуп по 186 г. (1677–78 г.) был на откупе ж за иными откупщики».

Выслушав доклад, начальство чети вспомнило указ 1654 г. Было указало на откуп извоза не отдавать, а заменить откуп по примеру Москвы промысловым налогом –

«а которые охочие люди тем извозом станут промышлять и хлеб и соль станут возить, и у тех людей против указа великого государя, каков учинен на Москве в Земском Приказе, хомуты их записывать в таможне... и со всякого хомута имать в казну великого государя в таможню по рублю на год;

---

[18] Арх. Мин. ин. дел, Прик. д. ст. л., 1674 г. № 234.

и тем, у которых будут хомуты запятнаны, велеть им хлеб и соль возить и провоз имать довольно по договору, а извощиком велеть быть многим людям, сколько к тому делу охочих будет, тех всех пущать и имать со всякого по рублю, а которые платить с хомута не похотят, и тем хлеба и соли возить не велеть» [19].

Весьма вероятно, что многих охочих людей в Переяславле не оказалось и что вследствие этого образовалась фактическая монополия.

В Архангельске то возникала, то была отменяема любопытная монополия, монополия барышнического промысла – «меж русских людей и иноземцов торги сводить». В 1648 г. двинский воевода кн. В. Г. Ромодановский отдал ее на оборок за 85 р., а в 1650 г. по грамоте из чети велено было откуп отменить, а барышничать безоброчно. В 1672 г. откуп этого промысла и других мелких статей возник снова, но в 1675 г. по челобитью гостей и торговых русских людей и иноземцов был отменен, а было велено барышникам торги сводить и брать за то вознаграждение по соглашению,

«а которые торги исторгуются невольно без барышников, и с тех торгов барышные деньги... сбирать барышникам не велено».

В 1683 г. нашлись охочие люди взять на откуп этот промысел и били о том челом в чети, но им было отказано, так как от того

«будет русским торговым людям и иноземцам великая тягость и продажа и убытки. Да и для того им отказать, что такие откупы уставною печатною грамотою (1654 г.) отставлены и великим прещением заказаны, что им впредь не быть» [20].

Итак мы видим, что мелкие монополии, малодоходные для казны, но чрезвычайно неприятные для населения, возникают и существуют на протяжении всего XVII века. Правительство издает общие и сепаратные указы, отменяющие их, население с своей стороны жалуется, однако мелкие промыслы то и дело «учиняются» вновь на откупах. Выищется предприимчивый охочий человек, укажет приказу, что таким то промыслом промышляют всякие люди, а дохода от него казне нет, и приказ большею частью охотно соглашается получать новый доход, действуя в согласии с

[19] Тот же архив, Прик. д. ст. л., 1677 г. № 102.
[20] Д. А. И. X, № 105.

своим основным принципом – приноравливаться к каждому отдельному случаю и по возможности использовать все без исключения проявления хозяйственной деятельности и зажиточности населения.

Монополия азартных игр возникла тем же путем, как и монополии других мелких промыслов, но тут были некоторые особенности. Когда приказ монополизировал мелкие промыслы, которыми кормились посадские люди, то он затрагивал массу интересов, он лишал мелких людей заработка, с которого они были положены в сошное письмо и тянули тягло, и заставлял платить косвенный налог в пользу монополиста всех прочих людей. В монополии азартных игр выступают другие черты. В огромном большинстве случаев они не составляли промысла, которым могли бы питаться всяких чинов люди, с другой стороны они развращали и разоряли население. Вследствие этого история эксплоатации азартных игр в фискальных целях, имея много общего с историей мелких монополий, представляет некоторые особенности.

В разное время и в разных местностях источником дохода служили следующие азартные или, как их тогда называли, закладные игры: кости (зернь), карты, шахматы и яичный бой. В чем именно состояла костяная зернь (иногда «зернь костарня»), достоверно неизвестно. Эта игра очень древнего происхождения была сильно распространена в Греции и Риме, а позже в средние века во всей Западной Европе. Сущность ее состояла в том, что игроки подкидывали костяные кубики, 6 сторон которых иногда были обозначены цифрами, иногда же одни зачернены, а другие оставлены чистыми. Иногда игра происходила на доске, на которой могли быть начерчены те или иные фигуры. Выигрыш и проигрыш определялись положением и местом падения кубиков. В актах иногда упоминается «зерновая доска», на которой происходила игра. Возможно, что одно из видоизменений, игры в кости на доске представляет игра в гуська, сохранившаяся до сих пор с небольшими изменениями, как детская забава. По описанию И. Сахарова эта излюбленная игра наших предков состояла в том, что игроки, кидая кости с цифрами, передвигали шашки по доске, на которой был нарисован путь с числами, гуськами, постоялым двором, кабаком и темницею. Кто попадал на постоялый двор, тот должен был платить за постой по условию, кто попадал в темницу, тот терял очередь

до тех пор, пока другой игрок не сменял его и т. д. Выигрывал тот, кто раньше других доходил до последнего знака[21].

В чем состояла игра яичный бой, неизвестно. Быть может это было сохранившееся до сих пор, но мало распространенное, обыкновение бить на спор яйца на Святой неделе. Игроки берут в руки по яйцу и ударяют их друг о друга, тот, чье яйцо разобьется ранее, считается проигравшим. По-видимому эта незамысловатая игра уступала место зерни и картам, которые в XVI и XVII вв. быстро распространились среди населения. Несомненно, что яичный бой был азартной игрой. В 1630 г. по приказу Вологодского и Великопермского архиепископа был произведен обыск, кто в Засодимской волости «зернью и карты играют и яйца бьют». Старосты и крестьяне сказали в обыске, что которые люди прежде играли, и те перестали играть после того, как в 1629 г. «от государя епископа Варлаама... была заповедь, что зернью и карты не играти», а крестьяне одного помещика прибавили, что у них «зерньщиков и картовщиков нет, ни яйца в деньги не бьют»[22]. На игру яичный бой, как на бытовое явление мы встречаем вообще мало указакий. В 1590 г. крестьяне Тавренской волости Ильинского прихода (Вага) договорились чтить воскресные дни и не работать в них, «или кто станет яйца бити, и на том та же заповедь доправити – 8 алтын»[23]. В начале XVII века Ипатьевский монастырь в наказе своему прикащику предписывал унимать всяких людей от пьянства, сквернословия и разных игр и наказывать тех, кто будет «зернью играть и всякими игры, и у себя держать, и яйца битися»[24].

Зато зернь и карты, как бытовое и притом чрезвычайно вредное явление, встречаются чрезвычайно часто. На это можно было бы привести массу указаний. Закладными играми увлекаются все, светские и духовные, служилые и тяглые, посадские и уездные люди, русские и инородцы. В 1666 г. власти Шуйского Троицкого монастыря удаляют из своей среды старца Савватья за то, что он «на кабаке пьет и иноческое платье с себя пропивает и зернью проигрывает»[25]. В 1668 г. астраханским воеводам

---

21 И. П. Сахаров. Сказания русского народа, I, С.-Пб. 1885 г., 219.
22 Р. И. Б. II, № 267.
23 А. Ю. № 358.
24 А. Ю. № 334.
25 Борисов. Описание гор. Шуи. М. 1851 г., 442 стр.

«ведомо учинилось, что в Астрахани на кружечном дворе и в Солдатской и в Стрелецких слободах астраханцы конные и пешие стрельцы, и солдаты и всяких чинов жилецкие и верховых городов приезжие всяких чинов люди зернью и карты играют, и от тое зерни астраханским всяких чинов жилецким и приезжим людям чинятся татьбы и смертное убойство большое» [26].

Вообще среди плохо дисциплинированных, оторванных от своих семей и хозяйств, досужих служилых людей зернь и карты были очень распространены и оказывали крайне вредное влияние[27].

Полудикие инородцы, приходя в соприкосновение с русскими людьми, быстро перенимали у них все дурное, особенно пьянство и азартные игры. Приведем одно свидетельство. В 1636 году воевода из Верхотурья писал, что ясачные инородцы «живут промеж русских людей и русскому обычаю навычны», неисправно платят ясак, так как знают, что править на них не велено,

«а иные многие ясачные люди играют зернью и, что добудут в наш ясак соболей и лисиц или иного какого зверя, то проигрывают, и промеж собою живет у них на зерни убойство» [28].

Тесная связь азартных игр с государевыми кабаками сразу обращает на себя внимание. Игорный майдан чаще всего ютился на кабаке и пользовался особым покровительством верных сборщиков и откупщиков. Это – понятно. Увлекшийся игрой «питух» засиживался на кабаке и пил с горя, проигравшись, и на радостях, выиграви. Поэтому верные головы и целовальники и откупщики заводили на кабаках зернь и карты и покровительствовали им и в тех случаях, когда они по местным условиям не были источником дохода для казны. В 1633 г. городецкий воевода отписывал в Устюжскую четь, что кабацкий откупщик «на кабак держит зерни великая» и что он, согласно указа, хотел взять зерньщиков и посадить в тюрьму, но откупщик учинился силен,

«зерньщиков с кабака не дал; а в городе и в уезде от зерньщиков чинятся татьбы и воровство великое».

---

[26] А. от. до гор. б., II, 696.

[27] См. напр., А. И. IV, №74. Бесчинство в Коломне в 1653 г. солдат майора Цея.

[28] А. И. III, № 193.

В чети было указано: послать на эту отписку к воеводе грамоту, чтобы он переимал зерньщиков и, бив их батогами, посадил дня на 2 или на 3 в тюрьму, а после дал бы их на поруки в том, что они не будут вперед играть зернью[29].

На Тотьме зернь, как бытовое явление, была очень распространена и держалась очень прочно. В 1623 г. крестьяне Стрелицкой волости жаловались в чети на некоторых своих односельчан в том, что они покидают свои деревни, продав лучшие угодья, без которых

> «иные крестьяне из тягла в жило не емлют никто»; «да иных де розных волостей многие крестьяне для воровства, пропоя и зерни так же у своих деревень угодья продают и закладывают и те де они свои деревни без тех угоден, запустоша, отдают в мир с пометными. Да в них же держат у себя для воровства прихожих гулящих людей, воров зерньщиков, и с ними играют зернью и пропивают. Да и живучи те воры в волостях, зимнею порою проведывают прожиточных крестьян и летнею порою тех прожиточных крестьян розбивают и грабят. И от того де воровства многия деревни и жеребьи крестьянские пустуют»[30].

Спустя 7 лет тотемский воевода отписывал в четь (в 1630 г.), что

> «на Тотьме на посадском и на варничном кабаке и у варниц по избам ярыжные зернью играют и, приходя к ним, посадские люди и волостные пашенные крестьяне на кабаках пьют и зернью играют же и жеребьи свои проигрывают. И я, холоп твой, тех зерньщиков без твоего государева указу имать не смею, что в твоем государеве наказе, каков дан мне... за приписью... дьяка М. Смывалова, о той кабацкой зерни и о питухех не написано».

В чети было указано отписать к воеводе, чтобы он «унимал от воровства и чтоб душегубства не было»[31]. Из другой отписки воеводы того же года выясняется, почему он не принял никаких мер против зерньщиков. Воевода писал, что не в силах сбирать государевы всякие доходы, так как многие крестьяне пьют на кабаках и зернью играют,

> «и жеребьи свои зернью проигрывают. И иные, государь, крестьяне, пропився и проигрався зернью, жеребьи свои

---

[29] Арх. Мин. ин. дел, Прик. д. ст. л., 1633 г. № 38.

[30] Тот же архив, по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, 483 л.

[31] Тот же арх., Прик. д. ст. л., 139 г. № 57.

мечут впусте, а сами бредут врознь. И по которых, государь, зерньщиков пошлю я, холоп твой, для твоего государева денежного сбора, и таможенный и кабацкой голова Ив. Завалин тех зерньщиков мне, холопу твоему, не дает и розсыльщиков с кабаков от зерньщиков отсылает и вперед похваляется побивать. А по твоему государеву наказу, каков мне, холопу твоему, дан, тотмич посадских людей и волостных крестьян велено ото всякого дурна унимать и зернью б не играли».

На этой отписке воеводы в чети сделана следующая любопытная помета:

«отписать – велеть ему (воеводе) от зерни унимать, чтоб жеребьев своих не проигрывали мужики, а к Завалину послать государеву грамоту, чтоб он в воеводские дела не вступался и за воров не стоял, а ведал бы свое дело, что ему приказано, таможню и кабак».

В грамоте, посланной по этой помете, разъясняется, как надо унимать мужиков от зерни и пропоя. Воеводе предписывается учинить заказ крепкий на посад и в уезде, чтобы

«деревень своих и у деревень угодий никаких на кабаки в кабацком питье не пропивали и зернью не проигрывали. А кому лучится на кабаке пить, и тем людям пить на кабаке на деньги и под заклады. А кабацким голове и целовальникам потому ж в кабацком пропое ни у каких людей жеребьев земель не имати, давали б под заклад с поруками».

Ослушников воеводе предписывается наказывать, смотря по вине, а пропитые и проигранные жеребьи отдавать безденежно их хозяевам[32].

В 1638 г. другой тотемский воевода, Т. Дубровин, писал в четь, что ему велено тотмичь унимать от всякого дурна и не позволять играть зернью,

«и на Тотьме, государь, по кабакам и в Тотемском уезде волостные крестьяне зернью играют, а посылает, государь, по волостям с продажным вином (это было неоднократно запрещаемо указами) с Тотьмы таможенный и кабацкой голова Н. Мясников с товарищами целовальщиков, и у тех, государь, продажных вин многое дурно чинится, крестьяне пропиваются и зернью играют, и повытья свои пропивают и зернью проигрывают. И от того твоим государевым доходам в сборах чинится мотчанье великое и от зерньщиков татьба и многое дурно»[33].

---

[32] Там же, Прик. д. ст. л., 1630 г. № 72.
[33] Там же, Прик. д. ст. л., 1638 г. № 10.

Еще лет 6 спустя третий тотемский воевода отписывал в четь, что кабацкие целовальники по приказу головы ездят по волостям, ставятся против воли крестьян на их дворах и устраивают там кабаки,

«а на кабаках де, государь, приходят зимою и летом всякие воровские незнамые люди, и ярыжки, пропився, валяются и ходят наги, и зернь де, государь, костарня живет и драки беспрестанныя... и от того, государь, продажного вина в Тотемском уезде чинятся многия смертные убойства и татьбы и зерни, и крестьяне пропиваются и зернью проигрываются»[34].

Это бессилие тотемских воевод унять зернь на кабаках отчасти объясняется тем, что в крупных городах Устюжской чети в таможенных и кабацких головах служили торговые люди из других городов и из Москвы, снабженные очень широкими полномочиями и совершенно изъятые из ведомства воевод уже в конце первой трети XVII века.

Выслушаем свидетельство третьей стороны – кабацких голов и целовальников. В 1649 г. двинский голова отписывал в Новгородскую четь, что торговля сильно сократилась и приезжих людей мало. Да в том же де году зимою к воеводе и дьяку прислана грамота,

«чтоб в городи, и в слободах и в уезде мирские и всяких чинов люди от безмерного пьяного пития уклонялись и зернью и карты не играли».

Указ этот по многие дни был прочтен всяким людям у церквей,

«и после того, государь, на Колмогорах, и у города и в Двинском уезде по кабакам всяких чинов люди зернью и карты играть и кабацкого питья пить не смеют».

В прежние годы, писал голова, было много торговых людей

«и на твоих государевых двинских кабаках зернью и карты играли и питухов было много, и потому твоя государева таможенная пошлина и кабацкая прибыль собиралась немалая»[35].

В 1668 году тюменцы говорили в расспросе тобольскому воеводе:

«а в кое де время бывала на Тюмени с зернью и картами выимка (т. е. когда по временам игры запрещались и игорные принадлежности были отнимаемы), и в то де время бьют

---

[34] Там же, Прик. д. ст. л., 1644 г. № 13.

[35] Тот же архив, Прик. д. ст. л., 1649 г. № 117.

челом кружечного двора и с квасной целовальники – как де зерни и карт не будет, и государева де питья никто без того пить не станет, и после де целовальничья челобитья живет зернь и карты повольно, и в то де время и питья живет больше».(см. ниже)

Эксплоатация азартных игр с фискальными целями принимала различные формы. Какова бы, впрочем, ни была форма, закладные игры неизменно ютятся на кабаках. В одних местах создавалась полная, по мере возможности, монополия содержания игорного притона на том или ином кабаке. Монополист имел все игорные принадлежности и давал их игрокам за некоторую плату. Иногда, быть может, он был одновременно майданщиком, т. е. сам принимал участие в игре. Обычно ему же принадлежало право судить игроков в игорных исках, по крайней мере в небольших. В некоторых местах игорной монополии не было, а на откуп сдавался лишь зерновой и картовой суд – «что судят ярыжных в зерновых искех». Судья – откупщик или верный сборщик – разбирал, вероятно частые драки, и ссоры игроков, постановлял решение и имел право принуждать виноватого к уплате проигрыша и штрафа. За свой суд судья получал с истца и с ответчика вознаграждение, смотря по установившимся обычаям. Наконец изредка источником дохода служило право писать на кабаке «кабацкая поручные зерновые записи и кабалы». Здесь откупщик получал исключительное право писать на кабаке поручные записи и кабалы, которые должны, были выдавать на себя проигравшиеся своим счастливым партнерам, когда не были в состоянии расплатиться наличными деньгами.

Время возникновения монополии закладных игр определить невозможно за недостатком материалов. Есть основание предполагать, что кое-где монополия возникла еще в конце XVI в. или в самом начале XVII-го. С конца первой четверти XVII века монополия быстро распространилась и этот процесс стоит в несомненной связи с напряжением косвенного обложения вообще за этот промежуток времени. Как мы уже упоминали, существование монополии в том или ином городе не всегда можно обнаружить, так как эта мелкая статья дохода в приходных книгах и сметах приказов часто бывала списываема с другими доходными статьями, большею частью с кабацким доходом. Судя по этим и некоторым другим приказным документам, монополия

азартных игр существовала в следующих городах. В Великом Новгороде зернь упоминается в 1633 г. [36] и в 1639. [37] На 1643–44 год было «новгородских кабаков зернового откупа по окладу 10 руб. с полтиною» [38].

В Нижнем Новгороде зерновой и кабацкий суд был отдан на откуп вновь в 1617 г. за 16 руб. с полтиною[39]. Доход рос быстро и давал довольно значительную по тому времени сумму.

В 1618 г. – 17 руб. В 1619 г. – 34р. 8 ал. 2 д.
В 1620 г. – 60 руб. В 1621 г. – 70 руб.
В 1622 г. – 75 руб.
В 1623–24 г. по 80 р. 14 ал. 4 д. на год
В 1625 г. – 143 руб. 16 ал. 4 д. В 1626 г. – 200 руб.
В 1627 г. – 201 руб. 10 д.
В 1628 г. – 202 р. 6 ал. 2 д. (вместе с яичным боем)[40].

Впрочем нужно заметить, что такой доход давал откуп не одного зернового и картового суда и яичного боя. Из жалобы откупщиков 1626 г. на то, что их заставляют держать откуп против воли, видно, что у них на откупе были –

> «кабацкой, и зерновой, и картовой и всякой кабацкой суд, и от голов поведерные деньги, и от целовальников напойные деньги» [41].

По-видимому откупщики к 1626 году так взбили цену откупа, что держать его стало невыгодным. Воеводы сделали попытку заставить откупщиков держать откуп против их воли, а в 1632 году пришлось поручить сбор этого дохода верным сборщикам. В 1632–33 году было собрано на вере «нижегородских кабаков с зернового и картового суда, и с бань, и с сусла, и с кваса и уксусные прибыли» 642 р. 11 ал. 4 д., а в 1633–34 г. – 609 р. 19 ал. $^1/_2$ д. [42] В 1640 г. зерновой и картовый суд в Нижнем Новгороде вместе с другими мелкими монополиями, как мы говорили выше, был отставлен по челобитью нижегородцев.

На Вятке в Хлынове зерновой и бражный суд был сдан на откуп вновь в 1614 г. [43] В 1620 г. этот суд был на откупе

---

[36] Ар. Мин. ин. дел по Новгороду кн. № 22, 19 л.
[37] Там же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 89, 20 л
[38] Тот же архив, по Новгороду, кн. № 28, 13 л.
[39] Там же, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 92.
[40] Тот же архив, по Нижнему кн. №№ 4, 5 и 9 и по Новгороду кн. № 15.
[41] Р. И. В., II, № 223.
[42] Там же, по Новгороду кн. № 22, 110 л.
[43] Там же, по Нижнему кн. № 1, 253 л.

уже во всех пяти Вятских городах, причем в Шестакове откуп дан вновь, а в остальных городах существовал раньше[44]. В последующие годы зерновой и картовый суд упоминается постоянно до 1640 г., а в 1639 г. в Слободском вместе с зернью и картами упоминаются на откупе шахматы[45]. В 1640 г. эти откупа были уничтожены с другими мелкими монополиями, так же, как и в Нижнем, по челобитью населения.

Из других городов Новгородской чети откупа азартных игр упоминаются в следующих: в 1619 и 1620 гг. – у Соли Камской, в 1626 г. – в Чердыни, у Соли Камской, в Арзамасе (только яичный бой) и в Гороховце[46]; в 1633 и 1634 гг. – у Соли Камской, в Гороховце и в Арзамасе[47]. В 1644 г., несмотря на указ 1639 г., отменявший мелкие монополии, в Вел. Новгороде и у Соли Камской зернь, а в Арзамасе яичный бой были на откупе[48].

В сметах и приходных книгах Устюжской чети азартных игр не упоминается, но это объясняется тем, что доход от них был списываем с кабацким. У Соли Вычегодской на уездных кабаках, на Лальском, Ношульском, Обячевском и Ильинском, в 1628 и 1632 гг. зерновые доски были на откупе, а на Лальском кабаке кроме того было на оброке письмо кабацких поручных зерновых записей и кабал[49].

Ни в одном из городов Разряда, Галицкой и Владимирской четей, судя по приходным книгам, закладные игры на откупе и на вере не были. Зато в Сибирских городах, которые были ведомы сначала в Приказе Казанского Дворца, а потом в Сибирском Приказе, зернь и карты пользовались особенной любовью населения и были источником дохода для казны едва ли не повсеместно.

На границе Сибири, в Верхотурье, зернь и карты служили доходной статьей в течение многих лет. В 1624 г. кабацкой зерновой откуп полгода был за верным кабацким целовальником, а на вторую половину года «зерновая и картежная игра» была сдана на откуп за 6 р. 16 ал. 4 д. Судные пошлины, «которые сбирают на кабаке с ярыжных

---

44 Тот же архив, по Новгороду кн. № 14, 320, 329, 337, 345 и 353 лл.

45 Там же, Прик. д. ст. л., 1640 г. № 86.

46 Там же, по Новгороду кн. № 14, 300 л. и кн. № 15, 400, 444 об., 816, 836.

47 Там же по Новгороду кн. № 22, 207 об., 254 об., 263.

48 Там же, по Новгороду кн. № 28, 13, 519, 805 об.

49 Тот же архив, Прик. д. ст. л., 1628 г. № 39 и 1632 г. № 38.

и со всяких людей», собирал таможенный и кабацкий голова, т. е. он был судьей по зерновым искам. Этих пошлин было помечено собрать против 1623 г. 2 р. 17 ал. 4 д. В 1628 г. зернь была сдана на откуп за 13 руб. На откупе же за 2 р. 21 ал. был сбор пошлин «с судных дел, что судятся ярыжные в зерни». В тех же годах зернь была на откупе в Тагиле и на Невье. На 1636 г.

> «с Верхотурского кабака зерновых от костей и от карт и от свечной прибыли верного бранья помечено собрать 37 руб. 12 ал. 3 д.»

Собрано было на вере 31 руб. 18 ал. С зерновых судов, «что судят зерньщиков в зерновых искех», помечено было собрать против 1635 г. 11 руб. 27 ал., а собрано за год 9 руб. 15 ал. На Тагиле и Невье в эти годы зернь по прежнему была на откупе[50]. Как видно, в Верхотурье также, как в Нижнем, доход от зерни и зернового суда рос быстро. Если принять во внимание, что судья брал в государеву казну с каждого зернового иска всего по нескольку денег (см. ниже), то можно предположить, что в сороковых годах на Верхотурье ежегодно разбиралось не менее нескольких сотен зерновых исков.

В 1620 г. воеводы гор. Тары отдали вновь на откуп служилым людям зернь и всякую закладную игру на 1620–22 гг. за 30 руб. в год, а на 1623 г. за 35 руб. Следующие воеводы отдали зернь на 1624 г. за 40 руб. и писали в Тобольск, которому они были подчинены, что

> «опричь де на Таре служивых людей и пашенных крестьян никаких жилецких людей нет, и служивые люди держатся зерни и животишка и оружье свое на зерни проигрывают. И от той зерни чинится татьба и воровство великое, и сами себя из самопалов убивают и давятся. А без нашего (т. е. государева) де указу тое откупные зерновые игры отставить они не смеют».

Тобольские воеводы тоже не решились собственной властью отменить откупа зерни и отписали об этом в Москву в приказ. На их отписку из приказа была послана грамота (132 г. 9 апреля – 1624 г.) с указом отставить откуп и преследовать азартные игры[51]. Прошло почти полгода, пока

---

[50] Арх. Мин. Юст., Верхотурск. уездн. суда, по 1 описи 1 вязка, кн. № 1, 5 и 7.

[51] Арх. Мин. Юст., Сибирск. Прик. кн. № 6, 186–187 лл.

грамота дошла до Тары, где были уже новые воеводы. Они, не уничтожив откупа, который был сдан уже за 43 руб., опять пишут в приказ, что от зерни чинятся татьбы и воровство и что они не могут унимать служилых людей, так как всякая закладная игра сдана на откуп. Тогда из приказа к воеводам был послан указ противоположный первому. В нем сказано:

> «и вы б на Таре зерновые и всякие игры из окладу не выкладывали, для того, что та игра отдана и откупные деньги емлют с нее в нашу казну давно. А которые люди на Таре зернью и всякою игрою учнут играти, и вы б над теми людьми велели дозирать, чтобы они играли смирно; и от всякого воровства и от душегубства служилых людей унимали. А буде в Тарском городе которые служилые люди учнут проигрываться или воровать, грабить и красть, или иное воровство учнут чинити, и вы б тем людям чинили наказание, смотря по винам и по воровству»[52].

В том же году тарские служилые люди перед воеводой отказались от откупа, так как, по их словам, Тара город разорений и держать им откупа невозможно, но воевода не принял отказа. Тогда откупщики в 1632 г. били челом в приказе и жаловались:

> «и мы, холопи твои, по ся места шестой год платим твои государевы откупные деньги, стоя на правежи с женишками и с детишками, служим без твоего государева жалованья шестой год, вконец погибли, а твое государево жалованье у нас, холопей твоих, зачитают в откупные деньги, а мы, холопи твои, задолжали великими долги».

По этому челобитью в приказе был составлен доклад, в который по обыкновению был подыскан прецедент. Было выписано, что в Березове в 1626 г. зерновая и картовая игра, харчь, квас и, сусло были сданы на откуп за 51 р.; откупщик, продержав год, отказался от откупа, так как в Березове

> «жилецких тяглых людей никого нет и гулящим людям держаться не у чего, а все де служилые люди и те де для государевых частых служеб бывают в посылках».

Так как иных откупщиков не было, то воевода не принял отказа и откупщик вероятно был вынужден держать откуп за собой в ближайшие годы. По крайней мере в

---

[52] Тот же архив, Сибирск. Прик., кн. № 11, 303–304 л.

1631 г. он бил челом в приказе о снятии с него откупа и приказ указал снять, а зерновую и картную игру сдать на откуп охочим людям. На основании этого прецедента в 1632 г. по челобитью тарских откупщиков была послана из приказа грамота к воеводам, а в ней велено:

«тое зерновую и картную игру отдать на откуп охочим людям из наддачи. А будет никто из наддачи не возмет, и тот откуп отдать на старой откуп. А будет никто и на старой откуп не возмет, и вы б тот откуп велели держать на вере»[53].

В 1636 г. красноярский воевода писал в Томск, что в Красноярске зернь в откупе за служилыми людьми за 32 р.,

«и Красноярского, государь, острога служилые люди проигрываются зернью, оружье и платье с себя проиграв, с Красного Яру бегают. И от тое зерни Красноярске служилые люди стали скудны, а от зерни их унять не мочно, что та зернь в откупе за ними красноярскими служилыми людьми. А приезжих людей в Красноярском остроге не живет, опричь красноярских служилых людей играть зернью некому».

На этот раз томские воеводы решились собственной властью уничтожить откуп, а в свое оправдание послали в приказ челобитье красноярских служилых людей. Красноярцы в своем челобитье писали, что с 1630 г. зернь на откупе,

«и ныне, государь, мы холопи твои в дальней твоей отчине от тое зерни обнищали, стали наги и босы и холодны, и на твои государевы службы подниматься нечем. И многие, государь, на той откупной зерни иззаиграпись донага и задолжали великими долги, и что твое государево хлебное жалованье давано, и то на зерни испродавали. И многие, государь, от той откупной зерни, иззаигрався и иззадолжав, из твоей государевы дальней отчины разбредутся врознь».

В приказе было велено выписать это дело в доклад и доложить, но решения, к сожалению, мы не знаем[54].

В эти же годы упоминается откупная зернь и в других городах Сибири. В 1628–29 гг. – в Енисейске[55]. В 1630 г. в Мангазее воевода отдал на откуп

«баню, и зернь, и картеную, и шахматную и всякую закладную игру, и кислый квас, и сусло»,

а откупщикам было велено платить с новой наддачей

---

[53] Тот же арх., Сибирск. Прик., 31 ст-ц, 560 – 5 лл.

[54] Ар. Мин. Юст., Сибирск. Прик. 53 ст-ц, 199–201.

[55] Сибирск. Прик., 12 ст., 492 л.

«от майдана, и от свеч, и от костей, и от карт, и от зерновых судных и от хоженаго, и от всякой закладной игры, и от бани, и от зернового двора»

и т. д. всего 181 руб. с полтиною им, год[56]. В Туринске на 1623 г. было помечено собрать на вере против сбора 1622 г.

«зернового суда пошлинных денег, и от костей и от свеч... верного бранья 25 руб. 8 д.» [57]

Что же удерживало Сибирский Приказ от уничтожения столь вредного источника дохода? Едва ли мы ошибемся, если скажем, что главной причиной этого было недоверие к сибирским воеводам и приказным людям, злоупотребления которых своей властью были очень значительны и многочисленны. По-видимому, приказ опасался, и не без основания, что с отменой откупа азартные игры не прекратятся, казна лишится дохода, а воеводы сами станут пользоваться дурными страстями населения в своих выгодах. Чтобы понять это, приказным XVII века не было надобности в сенаторской ревизии.

Во второй половине XVII века мы не встречаем в Сибири монополии азартных игр, по-видимому, она была отменена там так же, как и в Европейской России, указом 1649 г., однако с отменой монополии азартные игры не прекратились, а в 1666 г. государю стало известно, что енисейский воевода В. Голохвастов

«для своих пожитков отдает помесечно зернь и корчму и безмужних жен на блуд и от того емлет себе откупу рублев по 100 и больше» [58].

Судя по злоупотреблениям сибирских воевод вообще, можно думать, что подобный случай, по крайней мере относительно азартных игр, не был исключением после отмены правительственной монополии.

Итак мы видим, что монополия азартных игр в первой половине XVII века существовала во многих городах Московского государства. Сама по себе она не давала казне значительного дохода и приказы сами, если можно так выразиться, не особенно гнались за ним, но у монополии и у азартных игр вообще были сильные покровители в лице кабацких голов и откупщиков. Они заводили и поддерживали на кабаках игорные притоны, а приказы только пользовались готовым источником.

---

[56] Арх. Мин. ин. дел, Прик. д. ст. д., 138 г. № 71.
[57] А. отн. до юр. быта, III, № 346.
[58] А. И. IV, № 182.

Как мы уже говорили, есть основание утверждать, что откупа азартных игр умножились вместе с другими мелкими монополиями в связи с напряжением косвенного обложения вообще, которое мы замечаем приблизительно с конца первой или с начала второй четверти XVII века. Ко времени Смоленского похода множество промыслов, которыми промышляли и кормились мелкие люди, «учинились на откупах». Между тем, по поводу Смоленского похода и в последующие годы было взято с населения много тяжелых чрезвычайных налогов. В связи с этим, наверное, под влиянием челобитен, правительство вспоминает о мелких людях и издает указ 27 июня 1639 г. об отмене мелких монополий. Цель указа – вернуть посадским людям отнятые у них промыслы, с которых они были положены в сошное письмо и тянули тягло. Под этот указ подошли и азартные игры. Как мы говорили выше, в некоторых городах эта монополия была отменена по челобитью населения, в других же, несмотря на указ, этот «промысел» не был возвращен посадским людям, и монополия существовала до 1649 года. После этого года мы нигде ее не встречаем и это обстоятельство нужно поставить в связь с известным указом 1649 г. В этом любопытном указе все смешано в одну кучу и все равно осуждено, непристойное поведение в храмах, грубое суеверие, остатки языческих обычаев, пороки населения, вредные также как и совершенно невинные развлечения его, напр., качели, шахматы, домры, гусли, гудки «и всякие гудебные бесовские сосуды». Очевидно, что именно этот указ был получен на Двине в 1649 г., прочтен во всеуслышание при церквях и причинил, по словам двинского кабацкого головы, ущерб кабацкому сбору, так как азартные игры подверглись гонению.

В заключение нашего очерка мы позволим себе рассказать случай, происшедший в Тобольске в 1668 г. [59] Этот случай прекрасно обрисовывает нам бытовые условия существования монополии азартных игр и пояснит нам некоторые стороны ее. Тобольский банщик Андрюшка Филиппов 6-го апреля 1668 г. извещал в приказной избе воеводу П. И. Годунова с товарищами, что 5 апреля пришли в государеву баню тобольский конный казак Никифорка Цыбыляев, да пеший казак Федоска Васильев, да гулящий человек Гришка Хар-

[59] Арх. Мин. юст., Сибирск. Прик., кн. № 367, 1044–52 лл.

чевников, и стали играть в карты. Он, Андрюшка, говорил им, чтобы они не играли,

> «и они де играли сильно и каменницы в бане обсыпали, и он де Андрюшка взял у них карты с майдана и принес в приказную избу».

Очевидно игра сопровождалась ссорой и дракой. Воевода с товарищами послали за игроками и стали их допрашивать. Н. Цыбыляев сказал, что он в карты не играл, а играли тобольский солдат Сергушка Черной да какой-то Никишка, что карты были его, Никифорки,

> «а карты де велел играть баньщик Андрюшка Филиппов и брал де с них по 2 деньги с кона»,

т. е. с игры. Далее из расспросов выяснилось, что игра происходила не в первый раз. Воевода с товарищами велел спросить Никифорку и Федоску:

> «давно ли они карты и зернь держат и сколько лет?»

И Никифорка Цыбыляев да пеший казак Федоска Куклин сказали:

> «промышляют де они тем промыслом лет с 10 и больше и без того де промысла им Никифорке и Федоске прокормиться нечем, и без зерни де в Тобольске преж сего николи не бывало и впредь не будет».

Они тут же били челом, чтобы было велено им

> «зернь и карты против прежняго, как бывало в Тобольске издавна, дать на откуп, а на Тюмени де и ныне за зернь и за карты сбирают в ящик в государеву казну».

На вопрос, сколько они будут давать в государеву казну откупа, они сказали, что если им будет велено

> «держать зернь и карты и иных охочих (людей) прибрать с ними вместе, и они де дадут... откупа по 30 руб. на год».

Тогда воевода с товарищами, чтобы разузнать все обстоятельства дела решили расспросить некоторых наиболее сведущих тобольских жителей. Целовальник кружечного двора в допросе сказал:

> «наперед де сего на кружечном дворе и ныне всяких чинов люди зернью и карты играют небольшими животы»,

и прибавил весьма веский аргумент:

> «а как де играют зернью и карты, и в то де время вина государева в расход идет больше».

Начальные люди, полковник, полуполковник и их товарищи сказали, что

«в Тобольске рейтары и солдаты зернью и карты играют, и (они) от той зерни их унимали и поученье было – биты кнутом, а иные батогами, и никоими мерами унять не мочно. А платья и лошадей проиграть они не дают, а которым людям проиграют лошадь или платье, и у тех людей они, начальные люди, лошади и платье возмут сильно и отдадут тем людям, которые проиграли, безденежно».

(Это был обычный в то время прием лишать пьяниц и игроков кредита.) Бывший откупщик кваса, Федька Красильников, сказал:

«как он держал квас на откупе, и у него на квасной всяких чинов люди зернью и карты играли, и начальные люди рейтар и солдат от зерни унимали и на квасной играть не давали; и они де рейтары и солдаты, убегая с квасной и из бани в лес, и в лесу зернью и карты играли, а унять де от того (начальные люди) никакими мерами не могли».

После этого воевода с товарищами пожелали справиться в прежних делах об отдаче на откуп зерни и карт, но оказалось, что все дела сгорели во время пожара. Обратились опять к старожилам.

Тобольские сын боярский Ем. Васильев да конные казаки Ден. Рачковской да Ден. Нечаевской сказали:

«в прошлых де годех при боярине и воеводе при князе Иване Семеновиче Куракине с товарищами (был воеводой в Тобольске в 1619 г.) была зернь и карты на откупе на государеве кабаке, и у той де зерни был староста из тех же откупщиков, и тому де старосте велено (было), которые люди на зерни какого живота проиграют и, не хотят платить, запрутся или учнут драться, а которые люди выиграли, а будут на них бить челом, а откупному старосте сказывать не в больших деньгах, и староста, допрашивая про то третьих, тех людей судит и по суду, которые люди виноваты, и на тех людях велит править, а с суда емлет староста себе с истца и с ответчика по 2 деньги с человека. А которые люди будут бить челом в больших деньгах, и про то де приказано было сыну боярскому Саве Француженину, и тот, де Савва в больших деньгах судит и виноватых отсылает к старосте и велит бить батогами».

Так как по словам Н. Цыбыляева зернь и карты существовали в то время в Тюмени, то воевода допросил тюменцев, бывших в то время в Тобольске. Они сказали:

«на Тюмени де из давних лет всякие люди на кружечном дворе и на квасной зернью и карты играют явно при сыне боярском, который приставлен на кабак для караула, и заказа де они о зерни и о картах не слыхали, а на откупе ли та зернь и карты, того они не ведают. А кто де в картах и на зерни проигрывался, и тот де сын боярский им в том и суд дает и проигранные деньги правит. А в кое де время бывала на Тюмени с зернью и с картами выимка, и в то де время бьют челом кружечного двора и с квасной целовальники: "как де зерни и карт не будет, и государева де питья никто без того пить не станет", и поеле де целованичья челобитья живет зернь и карты повольно, и в то де время и питья живет больше».

Тарские таможенный подьячий да конные казаки (3 человека) в допросе сказали:

«на Таре де из давних лет всякие люди зернью и карты игрывали, и с тое де зерни и с карт сбирали выборные целовальники в государеву казну зерновое и картяное, а кто де на зерни проигрывался, и в том де те целовальники и суд дают и проигранные деньги правят».

26 апреля стольник и воевода П. И. Годунов,

«слушав сей выписки и сказок, приказал: зернь и карты отдать на откуп до указа великого государя Н. Цыбыляеву с товарищами, для того что и без откупа втай зернью играют, а на Тюмени и ныне зернь есть, а откупа платить им против уговора по 30 руб. на год, а воровства б на зерни и драк не было, и взять по них в том поручную запись».

Из этого дела мы видим, что воевода подробно обследовал дело прежде, чем решился сдать зернь и карты на откуп. Сама жизнь вызывала существование зернового и картового дохода и суда, сама же жизнь потребовала и дальнейшей регламентации этой монополии.

24 июня откупщики били челом, что бы им была дана

«судная память на зерньщиков, которые будут играть и проигрался с зерни будут сильны, картенного или кому что проиграют, а не будут платить, или карты издерет и кости забросит».

Они же били челом, что их монополия нарушается:

«даны де ему Федоске на откуп зернь и карты, а играют де мимо его на государеве поварне пивовар Фочка, да с ним стрелец... да тут же был Дружинка поп... а играют де они в

деньги, а кости были Фочкины, и он де Федоска кости у них снял, а они де почали играть и иными».

Однако воевода и дьяк М. Постников судной памяти им не дали, а велели клич кликать:

«в нынешнем в 176 году откупили в Тобольске зернь и карты тобольский пеший казак Ф. Куклин с товарищами, 4 человека, и мимо их в Тобольске никаким людям зерни и карт не держать. А будет какие люди в Тобольске мимо их откупщиков будут держать зернь и карты, и те откупщики зернь и карты у них выймут, и на тех людях, у кого зернь или карты возмут, на великих государей заповедь. Да которые ж всяких чинов люди, проигрався, не будут зернового или картенного платить, учинятся сильны, и тех людей в полтине велено судить им откушщикам, Федоске с товарищами, и наигранные деньги править, а что будет полтины больше, и о том великим государям велено им бить челом в приказной избе».

Сибирский Приказ иначе взглянул на это дело, чем Тобольский воевода П. Годунов. 22 сентября 1668 г. была послана в Туринск к воеводе грамота, в которой сказано:

«мы вел. государь указали в Тобольске зернь и карты отставить и откуп с зерни и карт из оклада выложить».

Воевода П. Годунов писал к нам, что по его отписке зернь и карты отданы на откуп в Сургуте и в Верхотурье. Если по его же отписке ты в Туринске сдал зернь и карты на откуп, то, как к тебе придет эта грамота, ты «зернь и карты в Туринском остроге велел оставить», а откупщика, если он не туринский жилец, вышли из города и вели «вперед заказ учинить крепкой, как у тебя о том в наказе писано» [60].

Прошло много лет со времени отмены монополии азартных игр, всяких чинов люди по прежнему неизменно увлекались ими, но взгляды правительства изменились. Строго запрещенный ранее табак стал объектом обложения. Приблизительно в то же время возродились и откупа зерни и карт. Мы не знаем, долго ли они просуществовали, не знаем, насколько они были распространены, но это было не новшество. Петр Великий восстановил то, что существовало при его деде и было уничтожено при его отце. И опять мы слышим старую давно знакомую нам историю. В 1713 г. прикащик Камчадальских острогов пишет в Якутск:

---

[60] Пол. собр. зак. № 436.

«да известно тебе стольнику и воеводе... и дьяку... буди – от тех вышеписанных картеных и костяных откупов по-всягодно в Камчадальских острогах чинятся промеж служилыми людьми шатости и убийства и всякие грабежи, потому что они на те зерни на картах и на костях испроигрываются донага и достальную лопоть свою, и обувь, и собак, и нарты и всякие заводы проигрывают без остатка... А как они проигрываются донага, и они надеятся на грабежи и убийства, кто богатее, того и грабят и меж собой животы дуванят»[61].

Впервые опубликовано в кн.:
Сборник статей, посвященных
Василию Осиповичу Ключевскому
его учениками, друзьями и почитателями
ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в
Московском университете. (5.XII.1879 – 5.XII.1909 года). –
М. 1909. С. 291–316.

---

[61] Памятники Сибирской истории, 1 т., 546 стр.

Кабацкая реформа 1652 года

В начале 1652 года Московское правительство задумало коренную реформу кабацкого дела. На первых порах не все было ясно, что и как сделать, но цель была ясна: сократить безобразное и разорительное пьянство, не теряя, по возможности, питейного дохода, который и тогда уже был очень значителен.

Прежде чем говорить об этой неудачной попытке борьбы с пьянством, следует сказать, как было устроено кабацкое дело. Торговля хмельными напитками была монополией государевой казны. Для продажи питей – хлебного вина, пива и меда – существовали во всех городах и во многих селах государевы кабаки, на которых кабацкую прибыль сбирали на государя откупщики или выборные от населения головы с целовальниками. Высшие классы населения: служилые помещики и вотчинники, монастыри и высшее духовенство имели право делать пития про свой обиход, но не на продажу, но низшие классы лишены были этого права и должны были покупать питье на кабаках. Только в исключительных случаях, напр., для крестин, родин, свадьбы, родительских поминок и т. п., им разрешалось, по старому обычаю, сварить про себя и про гостей пива и сделать меда, уплатив за разрешение особую явочную пошлину. А вино курить этим людям было запрещено совсем.

Откупщиками кабаков были, большею частью, местные предприимчивые люди: горожане, казаки, стрельцы и другие мелкие служилые люди, дворцовые и частновладельческие крестьяне. Крупных капиталистов, которые держали бы откупа во многих городах, было мало. Вообще, откупное дело тогда было, хотя и выгодным, но рискованным и нередко кончалось разореньем откупщиков. Когда откупщиков не находилось, то для сбора питейного дохода местное населе-

ние должно было выбирать голов и целовальников. Все выборные назывались целовальниками потому, что они присягали и целовали крест на том, что будут сбирать кабацкую прибыль добросовестно и с раденьем. Старший выборный назывался старостой, или головой, другой был казначеем и назывался ларечным, а остальные распределялись по другим делам, – кто у стойки, кто у винного погреба, кто у закупки и заготовки питей. Служба была годовая, и каждый год на место прежних выборных население выбирало новых.

Головы с целовальниками на свой риск и страх заготовляли питье либо подряжали подрядчиков, либо курили вино и варили пиво и мед сами. Когда год службы кончался, то выборные добирали «напойные» долговые деньги, сдавали по оценке оставшиеся от продажи пития и все кабацкое имущество новым выборным, изготовляли беловые приходо-расходные книги своего года и отправлялись со всех концов государства в Москву отдавать отчет в Приказах, которые ведали кабацкий доход. Питейную прибыль выборные сбирали по определенному Приказом окладу и должны были собрать во всяком случае, не меньше оклада. Окладом был обыкновенно самый большой сбор одного из предшествующих годов. Если выборным удавалось собрать больше оклада, то государь их жаловал, смотря по прибору: за небольшие приборы выборных кормили и поили из дворцовых кладовых; за приборы побольше им давали подарки – деньги, иноземный материи, серебряные ковши и т. п.; самым большим жалованьем было получить подарки у государя «у стола», т. е. в присутствии самого государя. Не часто бывали приборы, и не многим удавалось получить за них государево жалованье. Нужно и то сказать, что приборы и жалованье за них обходились населению и выборным дорого. Дело в том, что прибор Приказы прибавляли к окладу, и следующие выборные должны были уже сбирать сверх старого оклада и прибора. Так повышался кабацкий доход, и вскоре выборные были уже не в состоянии собрать больше прежнего. Происходил недобор против оклада, а за недобор тяжелая ответственность. Говорилось, что выборные сбирают «на веру», то есть за крестным целованьем и с доверием к ним, и сами выборные назывались «верными» сборщиками, но Приказы верили им мало. И те, если они прибирали сверх оклада, то счет в Приказе по книгам проходил гладко, но когда они недобирали, то Приказ становился

придирчивым и недоверчивым, ставил в вину всякое мелкое упущение и делал на выборных зачет. Выборные люди, чтобы освободиться от взыскания, должны были «учинить отвод» недобору, то есть доказать, что он произошел не по их вине, а, напр., от дороговизны хлеба, от какого-нибудь бедствия вроде пожара и т. п. Это было трудное и хлопотливое дело. Иногда Приказ вовсе не принимал отвода и взыскивал недобор, а часто докладывал государю дело о сложении недобора так, что и государь не верил отводу. Хорошо еще было для верных сборщиков, если мир, выбиравший их, принимал взыскание на свой счет и не выдавал своих избранников, но нередко случалось, что на сходе из-за недобора поднимались спор и ссоры, и мир отказывался уплатить его. Тогда взыскание всей тяжестью падало на сборщиков и нередко совершенно разоряло их. Выходило, – как ни кинь, все будет клин: если выборные недоберут против оклада, то недобор будет взыскан с них и с их избирателей, а если они поусердствуют и приберут много, то новым выборным будет труднее собрать сполна оклад, и в конце концов недобор упадет опять-таки на мирской счет. Плуты и воры и здесь выпутывались, набивались не в очередь в целовальники, крали, пили казенное вино и угощали им своих приятелей, а когда происходил недобор, то сваливали его на мир, но для честных и простоватых людей и вообще для всего населения кабацкая служба была очень тяжелой повинностью.

Насколько тяжела была эта повинность, можно судить по тому, что иногда население само подыскивало частным образом откупщиков и давало им вспомоществование, чтобы они откупили кабак и освободили мир от службы и связанной с нею ответственности. Иногда же бывало так, что по просьбе населения правительство разрешало уничтожить кабак и платить кабацкий доход как прямую подать. Впрочем, последнее бывало редко, да и то только до тех пор, пока не появлялись откупщики и не откупали кабака за повышенную плату.

Выборных людей тяжелая ответственность за недобор, а откупщиков корысть побуждали всеми мерами спаивать «питухов» и искать возможно большего дохода. Они устраивали кроме постоянных «стройных» кабаков питейные «выставки», т. е. временные отделения, и снаряжали под-

вижные «гуляй-кабаки». Обмелеет река; суда сядут на мель и начнут паузиться; у перегрузки товаров работает много пришлого народа, и сметливые головы и откупщики посылают туда немедленно гуляй-кабак. На ярмарке, они ставят 2–3 выставки, а к престольным праздникам и богомольям посылают в уезд гуляй-кабаки. Словом, всюду, где бывал «всяким людям сход и пристанище», появлялся кабацкий балаган с питьем.

Чтобы не упустить питухов, питье продавали днем и ночью, разными ценами, смотря по питуху и по тому, как оно обходилось себе. В долг и под заклады продавали дороже, а за наличный – дешевле. К концу года откупщики и верные головы обыкновенно понижали цены и старались сбыть побольше вина в долги с тем расчетом, чтобы не передавать его новым сборщикам, а выбрать из долгов прибыль после срока. Новым головам и откупщикам это было невыгодно, они жаловались в Приказы, но сделать ничего не могли. Вступая на службу, головы с целовальниками часто жаловались государю:

> «как, государь, принимали мы у прошлого головы с целовальниками кабацкое строенье, и в те государь, поры они нам питья ничего не дали, а роздали, государь, все питье дешевою ценою в долги и под заклады. И тем, государь, дешевым питьем посадские и уездные люди наполнились, а в новом году на питье купцов не стало».

При таких условиях новым сборщикам ничего не оставалось как ждать, пока старые сборщики выберут все долги, а питухи выпьют все питье и придут за новым. Тогда новые сборщики и откупщики поступали так же, как прежние, и опять всеми мерами спаивали народ. Из-за продажи питей в долг и под заклады было много «душевредства». Население постоянно жаловалось государю, что на кабаках на питухов приписывают лишние деньги, продают за бесценок заложенные вещи, поят за счет пьяниц всех, кто подвернется на кабаке, а после взыскивают немилосердно с отрезвившихся, будто они сами поили честной народ. Воеводы писали государю, что от пропоя одни люди разоряются совсем и уходят бродить по миру, а другие не платят податей, так как с них постоянно взыскивают напойные деньги. А головы и целовальники жалуются на плохой сбор, – «лучшие питухи испропились до нага в прежние годы» и валяются по кабакам в ярыжках, а другие стоят на правеже

в прежних напойных деньгах и пить им некогда и не на что. Наконец, население часто жаловалось, что ему приходится платить подати за пропившихся людей и за своих выборных целовальников, когда последние, раздавши много питья в долги, не были в состоянии взыскать сполна долговые деньги.

Так, несомненно, пьянство уже в первой половине 17-го века было значительным общественным бедствием. В начале 1652 года против него было решено предпринять борьбу. В феврале этого года по городам были разосланы грамоты с государевым указом: к новому году головам и целовальникам и откупщикам, больших запасов питей не запасать, так как с 1 сентября 1652 года (год тогда начинался 1-го сентября)

> «по государеву указу в городах кабакам не быть, а быть по одному кружечному двору»;

да и потому не запасать, что нынешним Великим постом и на Светлой неделе кабаки велено запечатать и питьем не торговать. Одновременно с этим в некоторых городах, но почему то не везде, было запрещено продавать впредь питье в долги и под заклады. За нарушение указа верным сборщикам и откупщикам было назначено строгое наказание – отнятие всего имущества и ссылка в дальние города и в Сибирь. То же наказание было назначено и воеводам, если они не будут смотреть за сборщиками и откупщиками.

К началу нового года, т. е. к 1-му сентября 1652 года, нужно было выяснить и установить все подробности реформы, и для этого 11-го августа заседал, так называемый, Собор о кабаках. На Соборе с государем заседали патриарх Никон, весь Освященный Собор московских властей и государевы думные люди. Решение Собора сводилось к следующему. Прежде всего, было постановлено уничтожить распивочную торговлю с кабаков, кабаки свести, а вместо них устроить по одному кружечному двору для торговли на вынос. Вино с кружечных дворов продавать в ведра, полуведра, четверти, кружки ($^1/_8$ ведра) и в чарки, сделав чарки втрое больше прежней, и больше одной чарки в одни руки не продавать. Ночную торговлю прекратить и торговать только в дневные часы. Всю кабацкую обстановку велено было уничтожить: не допускать на кружечных дворах картежной и другой игры, не держать на дворах пропоиц и ярыжек, и

«скоморохи с бубнами и с сурнами и с медведями и с малыми собачками не ходили б и всякими бесовскими играми не играли никоторыми делы».

Бубны, домры, сурны и гудки велено «ломать без остатка», а хари (маски) жечь на огне. Лиц священнического и иноческого чина на кружечные дворы не пускать и вина им не продавать. Продажу в долги и под заклады прекратить безусловно,

«чтоб впредь питухи в напойных в долговых деньгах, стоя на правеже, и сидя за приставами и в тюрьме, напрасно не померли, и душевредства б у кабацкого головы с питухами не было».

Очень важное распоряжение было сделано о времени торговли: кружечные дворы должны быть заперты и запечатаны воеводской печатью в течение Великого и Успенского постов и на Светлой неделе все дни, Рождественским и Петровским постами в среды и в пятки, и во весь год – по воскресеньям. В общем кружечные дворы должны были быть заперты около трети года. Наконец, было решено сократить число мест торговли: вместо кабаков в городах и в больших селах устроить по одному кружечному двору, а в небольших селах кабаки свесть совсем.

В связи с этими основными положениями реформы, в кабацкое дело пришлось внести и другие изменения. Отчасти, чтобы сократить пьянство, но главным образом, чтобы удержать питейный доход, было велено сильно повысить цену на вино и продавать везде по определенной «указной» цене. Так как у правительства не было средств следить за откупщиками и заставить их соблюдать все предписания, то откупа были отменены. В связи с повышением цен на вино, Собор нашел нужным прекратить совсем торговлю пивом и медом.

Эта нецелесообразная мера объясняется тем, что установить указную цену на пиво и мед не было никакой возможности, а без указной цены эти напитки подрывали бы торговлю вином и не позволили бы повысить цену на него. Наконец, в связи со всеми этими мерами, постановлено было подряжать на вино подрядчиков в Приказах и снабжать кружечные дворы подрядным вином из Москвы. Раньше головы с целовальниками и откупщики курили вино сами или подряжали на местах, у кого было выгоднее. Вино обходилось очень различно, смотря по местным ценам на

хлеб, и в общем, дорого, так как техника винокурения была очень низкая – из 5-пудовой четверти хлеба выкуривали ведро, ведро с четвертью, не более полутора ведра такого скверного вина, которое портилось от небольших морозов. Правительство надеялось путем крупных подрядов сосредоточить винокурение в руках специалистов дела, поднять технику и получить таким образом хорошее вино по дешевой цене. Эта предполагаемая выгода должна была, в связи с повышением цен на вино, вознаградить казну за сокращение времени и мест торговли. Указом 9 сентября 1652 г. было велено уничтожить частные винокурни, «опричь тех поварен, на которых по государеву указу курят подрядное вино уговорщики к Москве на государев Отдаточный двор и в города на государевы кружечные дворы». Указная цена на вино была установлена такая: в ведра, полуведра и в четверти по 1 р. за ведро (на наши деньги от 15 до 20 рублей на ведро), в осмушечные кружки по 1 р. 20 к. за ведро, а в чарки по полтора рубля на ведро. В общем это было повышением цен по крайней мере раза в 2, а для иных мест раза в 3 и больше.

Итак реформа эта была задумана ясно и все стороны ее предусмотрены, но у нее был такой недостаток, которого одного было достаточно, чтобы привести ее к полной неудаче, – реформа совершенно не считалась с привычками населения и с теми средствами, которыми располагало правительство для ее проведения. К этому недостатку присоединились другие неблагоприятные обстоятельства – злоупотребления администрации и верных сборщиков. Наконец, опасение потерять доход вызвали отступления от основных положений реформы и внесение в нее таких поправок, которые совсем расстроили дело. Все это привело к полной неудаче, к такой неудаче, что, в сущности, все применение реформы на деле свелось к ее ограничениям и к постепенной отмене.

Откупа были отменены, но ответственность голов и целовальников за недоборы осталась. Головы сразу увидели, что реформированный кабацкий строй понизит доход и что за все предполагаемые блага реформы придется расплачиваться прежде всего им же. Поэтому они встретили реформу жалобами и указаниями на ее недостатки и непрактичность и сделали все, что от них зависело, чтобы свести ее на нет

и не подвергнуться ответственности за недобор. Не меньшее сопротивление и даже искажение реформы внесла в дело администрация, которая привыкла видеть в кабаках только доходную статью и никак не могла освоиться с мыслью, что какие-то отвлеченные понятия о народном благе могут быть выше хорошего дохода.

Не прошло и полугода, реформа еще не вполне была проведена, как начались ограничения. Головы и целовальники отписывали царю, что многие люди не пьют вина, а привыкли к пиву и меду, что иные любители начинают с этих питей, а потом переходят к вину –

> «питухов без пива к вину отнюдь – что на базарах и ярмарках»,

под видом простых квасов торгуют дрожжаными и хмельными и что на эти квасы «учал быть расход большой», в ущерб государеву вину. На это 4 апреля 1653 г. государь указал на всех кружечных дворах

> «для больных и маломочных людей, которые вина не пьют, пиво и мед на продажу держать по-прежнему, а цену положить пиву и меду по рассмотренью, как в которых городах мед и хлеб и хмель купят».

Такое ограниченное разрешение, конечно, было равносильно полному возобновления торговли пивом и медом, так как всякий покупатель мог сказаться больным и слабым. Запрещение продавать в одни руки больше одной чарки было так наивно, что на него никто не обратил внимания, а запрещение пускать на кружечные дворы иноческий и священнический сан не соблюдали и скоро забыли. Года 2 спустя после указа воевода одного из подмосковных городов, забывая совсем об указе, писал в Приказ, что к нему приходят «священники и всяких чинов люди» и жалуются на то, что на кружечном дворе продают очень скверное вино.

Также быстро начались нарушения неторговли по ночам и в праздничные и постные дни. Головы и целовальники непрерывно писали государю, что в будние дни все люди находятся на работах и не пьют, а что самая «лучшая питушка» бывает по вечерам и в праздники, что приезжие торговые люди, увидя запертый кабак, проезжают без вина мимо или покупают вино в корчмах. Один подмосковный голова писал:

«в будние дни, государь, на кружечном дворе и человека не увидишь, – днюют и ночуют на поле у работы. А хотя кто случится приезжий человек с утра рано или ввечеру поздно и похочет вина купить, и нам не велено продавать... и те люди проезжают, не купя твоего государева питья».

К этому ущербу для казны присоединились злоупотребления. Головы и целовальники, боясь недобора, нарушали указ и тайно продавали вино в неуказанное время. Для казны это было невыгодно, так как по указу дни, в которые кружечные дворы были заперты, подлежали зачету в оклад сбора. Весь годовой оклад кружечного двора делили на число дней в году и вычисляли средний доход в день. По этому среднему доходу вычисляли, сколько приходилось на простойные дни, и вычисленную сумму прикладывали к тому, что было собрано головой с целовальниками. Таким образом, казна теряла часть дохода, соответствующую числу дней простоя, а головы в действительности не соблюдали простоя.

Чтобы не потерять кабацкого дохода, начали делать отступления. Летом 1653 г. государь разрешил продавать вино, сначала, как исключение, в некоторых городах, а затем повсеместно, проезжим людям большими количествами, по ведру и больше, в неуказанное время.

После этого указа воевода уже не мог запирать и запечатывать своей печатью кружечного двора, и головы под видом оптовой продажи могли продавать вино всем и каждому. Это вызвало большие злоупотребления. Очень во многих городах в эти годы были большие недоборы, и головы в допросах по этому поводу в один голос, из года в год, обличали своих предшественников: у нас де недобор потому, что мы не торговали в розницу по праздникам и в постные дни,

«а прежние де головы с целовальниками продавали по вся дни и в долги питье давали ж, оттого де у них и сбор был полный».

Когда выяснилась бесплодность и убыточность этих ограничений времени торговли, то в марте 1659 года государь указал «с кружечных дворов в посты вино и пиво и мед продавать по вся дни». Таким образом, осталось только запрещение торговать в воскресные дни, но и его плохо соблюдали, и вскоре и это ограничение было отменено. Кабацкое пьянство возобновилось по старому, и в 1661 году один воевода так изображал его в своей отписке государю:

«в воскресные дни и в господские праздники, как бывает ход со кресты, и в торговых рядах и на кружечном дворе, забыв страх Божий, питухи сидят беспрестанно, и у кружечного двора валяется пьяных до крестного хода много».

Когда кабаки заменяли кружечными дворами, то предполагалось уничтожить распивочную торговлю и продавать только на вынос. Самым мелким размером была установлена тройная чарка. Такая торговля была непривычна и неудобна для населения, так как пить кроме кабаков было совершенно негде и не было удобной посуды для выносной торговли. Пришлось восстановить и распивочную торговлю. В апреле 1653 г. государь указал

«во всех городах с кружечных дворов головам и целовальникам продавать вино в копеечные чарки, как в городах продавано было на кабаках наперед всего».

Понятно, что при таких условиях попытка повысить цену на вино и установить общие указные цены тоже оказались неудачной, и в первом же году пришлось сделать ряд поправок. Головы и целовальщики, точно сговорившись, писали государю изо всех городов одно и то же: «учало быть кабацкое питье в застое», по дорогой указной цене питухов нет; раньше де в долги продавали и под заклады, и то таких высоких цен не было. Тогда 4 апреля 1653 г., одновременно с возобновлением торговли пивом и медом, государь указал с ведерной, полуведерной и четвертной продажи «цены сбавить, смотря по городам и по запасам», и продавать в 3 цены: по 90 коп. ведро, по 75 коп. и по 60 коп. В ковши и в чарки было велено продавать по прежней цене. В указе сказано, что цену ведерной продажи велено сбавить потому,

«что во многих городах и в уездах по селам и по деревням мимо кружечных дворов учинились многие корчмы, и продают вино тайно дешевою ценою».

Это понижение ведерной цены вина и возможность приспособляться, в известных пределах, к местным условиям несколько улучшили положение, но зато повели к новым неудобствам и злоупотреблениям. По первоначальному указу разница между ведерной и чарочной ценой вина была невелика и не могла подать повода к большим злоупотреблениям. Теперь слишком большая разница между чарочной и ведерной ценами создавала новое побуждение к корчемству и к обходам указа. Один голова писал:

«в чарки и в кружки питухи вина не купят, а которые питухи и бывают на твоих государевых кружечных дворах, и те питухи, складываючись, покупают вино в ведра и в полуведра».

Другой голова писал:

«в чарки, государь, и в кружки вина в продажу перед прошлым годом отнюдь расходится мало, потому что при ведерной продаже цена велика указана в чарки, и для тое дорогие цены купцы норовят купить вино в четверти ведерные и полуведра складством».

Было бы еще не беда, если бы питухи стали пить в складчину, но получилось гораздо худшее. Сокращение мест и времени торговли, повышение цен на вино и слишком большая разница между ведерной и раздробительной ценами повели к сильнейшему развитию корчемства. Раньше за корчемство в первый раз брали пеню в 2 р. 12 коп. и отнимали суды и питье, во второй раз – 5 руб. пени и били батогами, а в третий раз брали пеню в 10 руб. (на наши деньги от 150 до 200 р.), били кнутом и сажали на несколько дней в тюрьму. Теперь пришлось повысить наказания. В апреле того же 1653 года государь указал и бояре приговорили за первую же корчму бить кнутом, отнимать в казну поместья, вотчины, дворы, лавки и прочую недвижимость, «и резать уши и ссылать в дальние Сибирские городы, безо всякия пощады». Выше было сказано, что правительство решило снабжать кружечные дворы вином через подрядчиков. Головам и целовальникам было велено прекратить винокурение, и поварни и винокурни частных лиц за исключением тех, которые должны были курить вино по подрядам с казной, было велено уничтожить. Эта мера была едва ли не самой неудачной из всех. Дело в том, что надежных и состоятельных подрядчиков не было, и вследствие этого при подрядах приходилось давать подрядчикам большие задатки, иногда всю стоимость подряда. Поэтому, когда подрядчики поставляли плохое вино или оказывались несостоятельными, то казна несла большие убытки. Во-вторых, правительство не знало даже приблизительно, сколько вина нужно послать в какой город. Где раньше, перед реформой, сбирали головы и целовальники, там еще по их книгам можно было приблизительно сметить, сколько нужно вина, и Приказы наспех начали собирать эти сведения и запрашивать голов, но во многих городах кабаки перед тем были на

откупе, и относительно этих городов у правительства не было никаких, даже приблизительных, сведений. К тому же и эти наскоро собранные сведения были ненадежны, так как трудно было предвидеть, как отразится на продаже вина реформа питейного дела. Вследствие этого вышло, что в одни города было послано так много вина, что его хватало на 2 – 3 года, а в другие – подрядное вино опаздывало, и кружечные дворы стояли без вина. Головы жаловались, так как в первых случаях казна взыскивала с них за утечку и усышку вина, а во вторых – им грозила ответственность за недобор. Страшный мор, разразившийся в 1655 году, еще более осложнил дело. Заставы, которые были поставлены во всем государстве, задерживали доставку вина подрядчиками, и на Москве обнаружился недостаток в подрядчиках. Тогда Приказы стали наскоро рассылать по городам приказания, чтобы головы не надеялись на подрядное вино, а курили бы его сами, восстановив старые винокурни, или подряжали подрядчиков на местах. В результате – прежде всего пострадали головы с целовальниками, а потом казна. От простоя произошли недоборы, которые Приказы немилосердно взыскивали с верных сборщиков и их избирателей. Выборные же отвечали за усышку и утечку вина, которое стояло 2–3 года, а если они, поспешив, заготовляли вино по такой цене, которая была хоть немного выше московской подрядной, то с них за это опять взыскивали, так как Приказы не считались с тем, что цены на хлеб и вино в разных частях государства были очень различны, и видели в этом нерадение и недобросовестность голов.

В довершение всего винные подряды сопровождались большими злоупотреблениями. Подрядами стали заниматься, лично или через подставных людей, многие служилые люди, занимавшие высокие должности в правительстве. Получив вперед деньги, иногда сполна всю стоимость подряда, они поставляли скверное вино, опаздывали доставить его к сроку или оказывались совсем несостоятельными. Это вызвало указ государя 16 октября 1657 г., которым было запрещено давать подряды и задатки людям, которые не исполнили прежних подрядов. Под указом был дан большой список этих людей, всего около 125 человек, среди которых мы видим крестьян патриарха Никона, крестьян воспитателя и любимца царя, женатого на сестре царицы, боярина Бориса Ивановича Морозова, тестя царя по первой жене,

боярина Ильи Даниловича Милославского, дяди царя Семена Лукьяновича Стрешнева, боярина князя Гр. Сем. Куракина и других менее видных людей. Неисполнением подрядов, за которые деньги были получены вперед, дело не ограничивалось. Головы и целовальники то и дело писали государю, что подрядное вино «непомерно худо, и пить де его не мочно». Когда у подрядчика не было поддержки в Приказе, то ему приходилось расплачиваться за худое вино, но чаще, в ответ на жалобы голов из Москвы шли угрозы и предписания принимать без разговоров вино, «сподабливать» его добрым вином своего куренья и сбывать во что бы то ни стало. Верные сборщики были в большом затруднении. С одной стороны им грозила ответственность за недобор, если они не распродадут скверного вина, а с другой – они боялись мести начальства, которое им навязывало это вино.

С крестьянами боярина С. Л. Стрешнева произошел следующий характерный случай. Они подряжались на вино в разные города и между прочим в те, которыми управлял сам С. Л. Стрешнев, начальник одного важного финансового Приказа. В 1658 г. они подрядились поставить 3800 ведер вина в Дмитров и получили все деньги вперед. В январе 1659 г. верные сборщики решились писать своему начальству – С. Л. Стрешневу, что вино, поставляемое его крестьянами, никуда не годится. Несмотря на это, вино было навязано сборщикам, за жалобу они, наверное, поплатились, а подрядчики не только сбыли скверное вино, но даже получили (24 апреля) деньги за 332 ведра, который они поставили сверх уговора.

Понятно, что при таких условиях финансовые результаты реформы были самые плачевные. Уже от зачета простойных дней питейный доход должен был понизиться на одну треть. Другие стороны реформы еще более понизили доход. Так правительство потеряло значительную часть очень важного источника дохода, и притом тогда, когда для войны с Польшей казна нуждалась в больших средствах. Известно, что нужда в деньгах побудила правительство выпустить новые, более легкие серебряные деньги, а затем медные по курсу серебряных. Едва ли можно сомневаться, что неудачная реформа кабаков помимо военных расходов того времени с своей стороны толкала правительство на выпуск новых денег. Огромное количество выпущенных медных денег расстроило в короткий срок все государственное и народное

хозяйство, и в 1662 г. по многим городам разразились мятежи и крупные беспорядки. Тогда в июне 1663 г. было велено уничтожить медные деньги и восстановить старые серебряные. Вскоре после этого, в июле того же года, было решено отменить питейную реформу и восстановить прежний кабацкий строй.

Государь указал по-прежнему восстановить все кабаки, распивочную продажу по вольной цене откупа и разрешил по прежнему ездить с питьем по ярмаркам, «как и прежние откупщики и верные головы и целовальники езживали»; запрещено только было ставиться по праздникам, вблизи монастырей и церквей, чтобы не соблазнять богомольцов. Пени за корчемство были удвоены сравнительно с прежним, но указ о резании ушей и ссылке в Сибирь был отменен. Часть ограничений времени торговли была удержана: было запрещено торговать на первой и Страстной неделях Великого поста, по воскресеньям весь год, а Великим и Успенским постом в среды и в пятки. Равным образом было удержано запрещение продавать в долг и под заклады. На практике и Приказы, и верные сборщики, и откупщики постоянно нарушали последние два запрещения. Сами Приказы, забывая об указе, разрешали долговую продажу и учили голов давать питье в долг только тем людям, которым, «верить мочно». Таким образом, весь положительный результат реформы свелся к ограничению времени торговли и к некоторому, быть может, сокращению долговой продажи питей. Но, если реформа и принесла небольшую пользу в этих отношениях, то во всех других, кроме вреда и неприятностей, она никому ничего не принесла. Казна потерпела большие убытки от уменьшения дохода, от уничтожения и восстановления винокурен и от неудачных винных подрядов. Головы с целовальниками и их избиратели сильно потерпели от повсеместных недоборов, которые большею частью были с них взысканы. Наконец, многие люди, не устоявшие перед соблазном нажиться корчемством, лишились ушей и были сосланы в Сибирь. Если ко всему этому прибавить неумеренный выпуск медных денег, который отчасти был вызван кабацкой реформой, и бунты и казни, которые последовали затем, то нельзя не признать, что кабацкая реформа 1652 г. была в сущности неразумной попыткой борьбы с пьянством, а неосмотрительным погромом важной отрасли государственного хозяйства.

Кто же произвел этот погром?

Известно, что царь Алексей Михайлович постоянно подпадал под влияние то одного, то другого из своих приближенных. Подпадая под влияние, он с чужих слов горячо принимался, за дело, пускал в ход всю силу и весь авторитет своей неограниченной власти, но не мог самостоятельно разобраться в деле и последовательно проводить предпринятое. Московские цари до Алексея Михайловича были очень, быть может, даже слишком, осторожны и очень неохотно шли на всякие новшества. Царь Алексей впадал в другую крайность – многое затевал, но большею частью неудачно. Кабацкая реформа 1652 г. была предпринята под влиянием Никона.

В 1651 году Никон был Новгородским митрополитом, и по его ходатайству государь указал Великим постом и на Светлую неделю этого года запереть все новгородские кабаки, которые в то время были на откупе. Откупщик жаловался государю, что Светлая неделя «во всем году лучшее время», что от закрытия кабаков он понес большие убытки, и просил с нового года, т. е. с 1 сентября 1651 г., освободить его от откупа. Тем временем Никон, будучи в Москве, лично упросил государя уничтожить в Новгороде кабаки и заменить их кружечным двором. Государь согласился на просьбу
Никона, и в Новгороде была произведена такая реформа, какая через год была распространена на все государство. Интересно отметить, что Никон просил государя отменить оклады сборов и ответственность голов за недоборы.

> «На одном кабаке против многих собрать, государь, невозможно, – писал Никон государю, и потому просил, – «сколько на том кружечном дворе, ни сберется, недобора никакого не спрашивать».

Это было вполне последовательно, но грозило казне еще большими убытками. Влияние Никона на государя в это время было очень велико и все возрастало. В январе 1652 г. он был в Москве при государе и сопровождал его в Сторожевский монастырь на открытие мощей преподобного Саввы. По-видимому, во время этого свиданья с царем и был решен вопрос о кабацкой реформе. 15-го апреля скончался патриарх Иосиф и назначение Никона в патриархи было решенным делом. 9-го июля Никон вернулся в Москву из

Соловецкого монастыря, куда ездил по поручению царя за мощами св. Филиппа, а 25 июля был поставлен в патриархи. Огромное влияние, которым в это время пользовался Никон, в связи с предшествовавшей реформой кабаков в Новгороде, произведенной по его просьбе, дает полное основание утверждать, что под его же влиянием и по его мысли была затеяна вся реформа 1652 г.; ее непрактичность, резкость и поспешность вполне соответствуют складу характера Никона. Никон смотрел на кабацкое дело исключительно с моральной точки зрения и совершенно не находил нужным считаться с потребностями казны и с условиями действительности. Пользуясь своим влиянием на царя, он вмешался не в свое дело и задал правительству невыполнимую задачу. Администрация, стараясь разрешить эту задачу и в то же время спасти кабацкий доход, внесла в реформу «поправки» и способствовала с своей стороны ее крушению.

Впервые опубликовано:
Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. – 1914. № 5. С. 264–268.

Приказный строй управления Московского государства

Приказы, при помощи которых московские государи более двух столетий управляли своей вотчиной, составляют существенную и любопытнейшую сторону Московского государства. Они возникли еще при московских великих князьях, развивались с властью царей и были заменены другими учреждениями, когда Московское государство стало Российской империей.

В первоначальном смысле слова приказ есть то же, что поручение. «Быть на приказе» или «на приказах» значило исполнять какое-нибудь дело или поручение. Говорили: такие-то люди, дело или город «приказаны», т. е. поручены какому-нибудь лицу. Если поручение состояло из какого-нибудь одного дела, то приказ оканчивал свое существование с исполнением его. Таковы в XVII веке многочисленные временные приказы для сбора чрезвычайных налогов и различные сыскные приказы. Таков же знаменитый приказ боярина кн. Н. И. Одоевского с товарищами, которому было поручено подготовить Уложенье, и который население в своих челобитных иногда называло Уложенным приказом.

Приказы, как учреждения

Когда предметом поручения был известный круг повседневных дел, то с течением времени он мог легко приобрести значение учреждения. Практика вырабатывала однообразные приемы решения дел, а житейская логика заставляла подчиняться им. С течением времени возникала потребность в архиве для хранения решенных дел и в постоянном штате знающих дело служащих. Так постепенно центр тяжести переходил с лиц на дело, и личное поручение превращалось в учреждение.

Этот переход совершался путем практики, без сознательно поставленной определенной цели, так что очень трудно, часто даже совсем невозможно сказать, когда именно возник данный приказ, как учреждение. Можно только отметить, что приказы раньше стали учреждениями в таких отраслях управления, которые состояли из повседневных однообразных дел. Различные отрасли дворцового хозяйства уже в первой четверти XVI-го века, почти без всякого сомнения, управляются учреждениями, тогда как такое важное для государства дело, как международные сношения, получает значение учреждения только в середине того же века.

Органический рост приказного строя

Ближайшие нужды и задачи управления определяли ведомство и число приказов. Когда территория государства разрасталась, когда возникали новые потребности, то московские цари, чуждые отвлеченных соображений, распределяли по приказам новые дела так, как им казалось удобнее в данный момент; разъединяли и соединяли приказы, создавали для новых нужд новые, или поручали удовлетворение их какому-нибудь старому. Привычка и рутина поддерживали иногда то, что пережило уже свое первоначальное назначение. Приказный строй рос, подобно двору домовитого хозяина, который не любит, чтобы что-нибудь пропадало, а строит, перестраивает, надстраивает и пристраивает различные службы по мере надобности. Так, с течением времени, происходило скорее нагромождение приказов, чем внутреннее развитие всего строя. Этим объясняются как нестройность и сложность приказной системы, так и ее прочность и практичность. Не следует, однако, преувеличивать недостатков ее, как это делают многие исследователи, а главное, не следует упускать из виду, что приказы, как всякие человеческие учреждения, пережили период расцвета, когда они удовлетворяли насущным потребностям, и период упадка, когда стали брать верх отрицательные стороны. Весьма распространенное мнение, что в приказном строе царила путаница и неопределенность, отчасти сильно преувеличено, частью основано на недоразумении или незнании подробностей вопроса. Всякий согласится, что стройность и систематичность учреждений не есть цель сама по себе и не составляет их назначения, однако, когда дело доходит до оценки приказного строя, то ему приписываются такие недостатки, которых он

не имел совсем, или имел, но не всегда, или, наконец, такие, которые являются недостатками только с привычных нам точек зрения. Указывают, например, на Болхов, как на такой город, который блуждал из приказа в приказ, как будто только для того, чтобы поддержать установившуюся за приказами репутацию хаотичности. Недоразумение объясняется тем, что было два Болхова, один – ныне уездный город Орловской губерний, а другой Болховец или Болховой – маленький городок возле Белгорода. Первый был ведом во Владимирской чети и других приказах, а второй во всех отношениях – в Разряде. Смешение этих двух городов и появление их то в Разряде, то в других приказах, создало за Болховом репутацию блуждающего города. Мнение о приказной чересполосице тоже очень преувеличено. Во-первых, большая часть территории государства, была вовсе незнакома с нею. Все гражданское, военное и финансовое управление Сибири находилось в руках только приказа Казанского дворца, из которого в 30-х годах XVII века был выделен особый приказ – Сибирский; всем Поволжьем управлял прик. Казанского дворца, Поморскими городами севера – Новгородская и Устюжеская чети, югом государства – Разряд, всеми обширными дворцовыми владениями – прик. Большого дворца. Эти области, даже без Сибири, составляли не менее двух третей всего государства. Чересполосица существовала только в центре государства – в Замосковье с прилегающими к нему уездами и отчасти на западе. Неудобства ее стали ощутительны для населения только в XVII веке, вернее, во второй половине его, когда с ростом и усложнением государства, возникло много новых приказов. За всем тем нет никаких оснований утверждать, что челобитчики блуждали по улицам Москвы, не зная, в какой приказ им нужно обратиться с своим делом. Успехи, которые сделало Московское государство с конца XV века до уничтожения приказов, очень значительны, и нет никаких оснований говорить, что они были достигнуты несмотря на приказную систему, а не при помощи ее. Как бы то ни было, приказный строй просуществовал более двух столетий, а «регулярно сочиненные» учреждения Петра Великого были отменяемы раньше применения на практике.

Царь и приказы

Душой и главным рычагом всей приказной системы был царь. Вся она основана на предположении личного участия царя в управлении; при-

казные судьи и дьяки – только приказчики царя. Все их полномочия определяются им, и вся их деятельность проходит под его личным наблюдением. Государь входит во все детали управления, судит, присматривает за своими казначеями и везде руководит. С течением времени, по мере роста государства, умножения и усложнения дел, личное участие царя в делах становится все затруднительнее, пока не делается во многих отношениях фикцией. Приказный строй лишается своего одухотворяющего начала и начинает разрушаться. В виду невозможности для царя всюду поспеть, дать везде руководящие указания и наблюдать за всем, появляется необходимость с одной стороны отграничить область верховного управления, где личное участие царя необходимо, от подчиненного, где оно излишне; с другой стороны, для подчиненного управления нужно выработать общие нормы действий и создать контроль. Несомненно, что эти нужды сознавались, но слишком слабо, и московское правительство шло навстречу им слишком медленно и нерешительно. Особенно туго развивался контроль.

Счетные и сыскные приказы

У московских царей не было постоянных контрольных учреждений, и они всегда больше рассчитывали на частные изветы, жалобы пострадавших и обиженных и на ссоры самих приказных, чем на свои чрезвычайные сыскные и счетные приказы. Ревизии производились редко, большею частью при смене должностных лиц учреждения, когда отставка или перевод приказного на другую должность развязывали языки его бывшим подчиненным и давали возможность получить хороший материал для следствия. Ревизия сводилась, главным образом, к последующему бумажному контролю. Иногда один приказ получал поручение обревизовать другой, иногда же для этого учреждался временный специальный счетный или сыскной приказ. Мнение, будто при Алексее Михайловиче существовал постоянный Счетный приказ, которому был поручен счет всех других приказов, неправильно и не подтверждается делами этого приказа, сохранившимися в Московском архиве Министерства иностранных дел*. В действительности этот приказ контролировал

* Оно основано, по-видимому, на словах Гр. Котошихина, «О России в царств. Алексея Михайловича», 4 изд. Имп. Арх. Ком., Спб. 1906 г. 117 стр.

только военные расходы 60-х годов, и если, быть может, и ревизовал какой-нибудь приказ вообще, то случайно, по особому поручению.

Внутренний контроль в приказах не был предусмотрен определенными правилами и всецело зависел от предусмотрительности и служебного усердия судей и дьяков.

Царь и челобитчики

Для царей очень важным средством контроля над приказными были челобитья населения. Никто не был ограничен в праве подать лично царю челобитную с просьбой о какой-нибудь милости, с жалобой на любой судебный приговор или на любое действие приказных, на обидчиков вообще. Это неограниченное право челобитья настолько важно, что его нельзя обойти молчанием, изучая приказный строй. Московские цари долго не делают попыток ограничить его, даже тогда, когда с ростом государства оно стало для них явно очень обременительным. Впервые в Уложенье 1649 г. было постановлено: «не бив челом в приказе, ни о каких делах государю никому челобитен не подавати» (X гл. 20 ст.). Некоторые историки придают этой норме значение большее, чем она имела в действительности, тогда как она является только выражением сознания неудобств неограниченного права челобитья. В самом деле, всякому просителю было проще, а главное, дешевле обратиться с своей нуждой в приказ, а не к царю, так как в последнем случае приходилось долго жить на Москве, выбирая удобный случай для подачи челобитной, и обеспечивать себе сильное покровительство, чтобы не потерять дела в приказе, которому такой обход, конечно, не мог быть приятным. Если челобитчики обращались прямо к царю, минуя приказ, то это объясняется тогдашними нравами и порядками. Обычно челобитчик, приезжая в Москву, прежде всего отправлялся на дом к дьякам и подьячим и улаживал свое дело. В случае надобности, он ходил с поклоном и с подарками и к судье. Подарив младшего подьячего, чтобы он написал грамоту или составил по делу выписку, справного подьячего, чтобы он «поднес» дело начальству и замолвил свое слово, судью и дьяка, чтобы они учинили указ безволокитно, словом, обладив свое дело, проситель подавал в приказ челобитную, что было уже в значительной мере только формальностью. Этим объясняется ничтожное количество дошедших до нас челобитных, по которым просители получили отказ. Не было никакого смысла исполнять

стоющую денег формальность (подача челобитных была обложена пошлиной), когда проситель, знал заранее, что ему откажут. Уложенье предписывает проделать именно эту ненужную формальность. В результате – подача безнадежной челобитной стала обязательной, и челобитье стало дороже. Последнее не могло не охладить несколько энергии просителей, но принцип по существу оставался неизменным, так как род дел и случаи, когда челобитчик должен был бы удовлетвориться деятельностью приказа и не докучать царю, остались без определения.

Челобитный приказ

История Челобитного приказа, существовавшего уже в половине XVI в., к сожалений почти совсем не изучена. Этот приказ имел двойное назначение. Во-первых, в нем были ведомы судом и управою дьяки и подьячие всех приказов, т. е. ему были подсудны все иски частных лиц к приказным. Во-вторых, он был как бы канцелярией для челобитных, подаваемых царю. Царь, приняв у просителя челобитную, передавал ее челобитному дьяку, который всегда сопровождал его на выходах, и приказывал ему пометить на ней свой милостивый царский указ. Челобитчик с этой «подписной», т. е. с помеченной, челобитной отправлялся в соответствующий делу приказ, который должен был исполнить государев указ или доложить государю, если возникали какие-либо затруднения. Однако, это идеальное общение царя с подданными имело некоторые неудобства. Оно должно было отнимать у государя много дорогого времени, а главное, часто ставить его в затруднительное или неприятное положение. Чем более усложнялось управление, тем чаще государю приходилось либо отказывать, – что всегда неприятно, либо удовлетворять просителя наобум, так как из челобитной, конечно, нельзя было узнать всех обстоятельств дела. Изобретательность приказных помогала царям избегать этих крайностей. Практика выработала шаблоны государевых милостивых указов: они иногда уклончивы, часто могут быть истолкованы в нескольких смыслах и еще чаще выражены в условной форме. Некоторым позавидовала бы сама пифия:

> «будет так, как бьет челом, – учинить указ по государеву указу», или: «будет иным таким (как челобитчик) давано, ино и ему дать»,

или:

«будет так, как бьет челом, – дать грамоту к воеводе».

Решить, что дело именно так, как говорит челобитчик, или что он похож на тех, кому «давано», что все его дело подходит под какой-нибудь предыдущей государев указ, – все это предоставлялось тому же приказному, который вызвал жалобу. Помета на челобитной вовсе не имела, в большинстве случаев, в виду решить дело, ее цель – это побудить приказ рассмотреть дело и учинить указ, т. е. решить вопрос, не волоча понапрасну челобитчика. Так с течением времени вырождалось право и значение челобитья царю, и создавался безысходный круг: царь отсылает челобитчиков в приказ, а приказные, раздраженные жалобой на них, под разными предлогами волочат по-прежнему просителя и вынуждают его опять докучать царю. В результате, дела вершит тот, кто их знает, т. е. тот же приказный. Впрочем, отнюдь нельзя сказать, что сопротивление приказного всегда проходило для него без неприятных последствий; если цари не могли разобраться во всех подробностях дела, то их грозный упрек: «опять на тебя челобитчики», должен был сильно обуздывать своеволие и корысть приказных. Многое зависело, конечно, от личности царя. При Алексее Михайловиче челобитчик иногда подавал безрезультатно 30–40 челобитных, на которых изображены почти одинаковые пометы: «учинить указ по государеву указу тотчас», а на иных выражено недоумение:

«выписав тотчас, доложить государю, для чего указа не учинено?»

Пометы думных дьяков

Думные дьяки, как лица постоянно близкие к царю, тоже помечали часто челобитные, и их пометы имели такое же значение, как пометы челобитных дьяков. В XVII в. по временам бывало, что думные почти совсем заслоняли в этом деле челобитных дьяков. Здесь многое, очевидно, зависело от личного состава Челобитного приказа и от степени расположения к нему царя.

Когда приказ затруднялся решить какое-нибудь дело, то он докладывал его государю и боярам. Доклады могли быть устными, но чаще бывали писанные. Очень важно отметить, что определенных правил относительно того, какие дела приказы могут вершить сами, а какие они должны докладывать царю, не существовало. По этому вопросу источники XVI и XVII вв. выражаются одинаково:

«а которого дела за чем (т. е. почему-либо) вершить не мочно, и о том деле, выписав, докладывать царя и бояр».

Такая формулировка вопроса для нас кажется невразумительной, но московские государи, очевидно, не опасались чрезмерной самостоятельности приказов, так как для последних всегда было выгоднее сложить с себя при помощи доклада ответственность на царя, тем более, что царь, не зная всех тонкостей дела, решал его по их же подсказу. Таким образом, определить, какое дело можно вершить, а какого нельзя, предоставлялось чутью и такту заведующих. Есть указания на то, что приказные иногда советовались частным образом с влиятельными думными людьми и решали дело самостоятельно или докладывали его царю, смотря по обстоятельствам. Думные приказные могли делать доклады во дворце, но недумные, – а таких было много, – должны были, подобно челобитчикам, ловить государя на выходах, богомольях и в церквах во время служб и делать свои доклады наспех при весьма неподходящей обстановке. Такая постановка вопроса о докладах в середине XVII в. становится явно неудобной. Многочисленные, часто неважные доклады отнимают у царя, много времени и возлагают на него ответственность по таким сложным вопросам техники управления, которые трудно решить правильно в той обстановке, в которой происходили многие доклады, и вполне могли бы быть предоставлены подчиненным органам управления. Одновременно с этим несамостоятельность приказов замедляет ведение дел, принося только вред. Слабое развитие общего права вскрывает нам причины этого порядка.

Общие указы и доклады

Московские цари и их приказные не были изобретательны на общие нормы, не любили их и постоянно нарушали сепаратными указами, когда это казалось им целесообразным в отдельных случаях. На общие законы они смотрели не как на нормы, которые следует применять везде и всегда, а как на возможные приблизительные образцы для решения той или иной категории дел. Их неразвитая юридическая мысль лишь с большим трудом вкладывает конкретные случаи повседневной практики в общие нормы. По этому вопросу можно было бы привести множество примеров. В первой четверти XVII в. был издан общий указ – не давать на откуп кабаков

дворянам и их людям, а когда через несколько лет Печатный приказ запросил об этом все приказы, то оказалось, что одни из них совсем не знали этого указа, другие его исполняли, а третьи не исполняли по особым государевым указам. Когда общий указ причинял или мог причинить убыток казне, то приказы никогда не применяли его, да и не имели права применять, не доложив государя или бояр в каждом отдельном случае. Так, когда в 1639 г. был издан указ об отмене мелких монополий, то каждый город отдельно должен был бить челом государю о применений к нему указа*.

Неудобства несамостоятельности приказов

В области суда московские цари довольно рано и полнее всего отделались от докладов, хотя и в XVII в. им нередко приходилось решать такие судные дела, которые по своему существу могли бы быть решены приказами на основании общих указов. В области же финансов они и в XVII в. лично рассматривают и решают самые мелкие дела, оставляя за приказными очень мало самостоятельности. При Алексее Михайловиче неудобства этого сказываются очень сильно. Этот государь, по недостатку ли времени или по другим причинам, просто избегает докладов. Результаты получаются очень печальные. В архивных делах нам встречались случаи, когда приказные по полугоду и более тщетно искали случая доложить дело царю. В архивах сохранилось множество изготовленных докладов этого времени, которые так и остались без решения; это целые столбцы, так называемых, «невершеных докладов». В окладных приказных книгах царя Алексея мы нередко читаем, что такой-то доход не получен, что он стал недоимкой, – «и то дело выписано государю в доклад; и о том, что государь укажет?» Этот однообразный припев повторяется из года в год за десяток лет подряд. Несамостоятельность приказных, уместная в небольшой вотчине московских великих князей, стала действовать очень вредно с усложнением дел и ростом государства. Цари, опасаясь дать приказам волю и оставить их без своего контроля, хотели по-прежнему доходить до всего лично и в результате оказались заваленными

* См. подробности об этом в нашей статье: Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в., в сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому. М. 1910 г. (Стр. 305–335 наст. изд.).

массой неважных докладов, которые лишали их возможности и времени внимательно рассматривать важные. Множество указов середины XVII в. остаются на бумаге, так как применение их на практике вызывает много непредвиденных вопросов, а царь своей властью не устраняет сомнений приказных.

Приказы при царе Михаиле

Упадок приказного строя становится заметным и несомненным во второй четверти XVII в. Властный и энергичный Филарет Никитич быстро приводит в порядок расшатанный Смутой приказный механизм. Если он и не был в силах дойти до всего лично, то все-таки порядок поддерживается его твердой рукой и страхом. Однако нет никаких указаний на то, чтобы он сознавал необходимость реформ, а не простой реставрации. При нем все сводится к починке старой машины старыми же средствами. Учрежденный в 1620 г. приказ, «что на сильных бьют челом» не оставил по себе заметного следа. Во всяком случае, существование его рядом с Челобитным приказом не совсем понятно. Очевидно, что Челобитный приказ уже плохо выполнял свое назначение. Очень сомнительно, чтобы и новый сыскной приказ был лучше старого Челобитного. Смерть Филарета и неудачная Смоленская война вызвали во всех слоях общества сильное брожение, которое отразилось и на приказах. Однако еще некоторое время они работают сносно, отчасти, быть может, по инерции, всегда важной в работе учреждений, отчасти благодаря влиянию Михаила Федоровича, не обладавшего сильным умом и твердым характером, но получившего под руководством отца значительный опыт. В конце его царствования в деятельности приказов становится уже заметным нечто весьма неладное. Самовольство и злоупотребления безнаказных судей и дьяков растут, приказы, лишенные в значительной степени связующего их начала, – царской руки, начинают обособляться, со стороны населения все чаще раздаются жалобы на волокиту и злоупотребления.

Приказы при царе Алексее

С течением времени, во все царствование Алексея Михайловича, беспорядок увеличивается и резко проявляется даже в таком внешнем факте, как порядок приказного письмоводства. Всякому, кто долго занимался в архивах, бросается в глаза порядок в документах первых двух третей царствования

Михаила Федоровича и большой беспорядок при Алексее Михайловиче. Взять хотя бы приходо-расходные книги приказов, этот очень важный род документов. Раньше они ведутся чисто, в порядке, «без скребенья и чищенья», каждая статья тщательно записана и «очищена», т. е. указано, получены ли по ней деньги, или нет, если не получены, то почему, и что государев указ о недоимке. Вся книга, во избежание злоупотреблений, скреплена по листам дьяком. Книги Алексея Михайловича, особенно второй половины его царствования, представляют жалкий вид. Это – большие фолианты почти чистой бумаги, в которых кое-где записаны, по однообразному шаблону, часто без всякой очистки, окладные статьи. Иные статьи по небрежности недописаны, и за целый ряд лет неизвестно, получены ли деньги или нет, и почему не получены. Местами чистая бумага испачкана какими-нибудь росчерками или неуместными изречениями. Нам встретился, например, такой случай: под окладом кабака, где следовало записать поступление дохода, изображен благочестивый вздох – «помилуй мя Боже по велицей милости»..., вздох, свидетельствующий как о набожности подьячего, так и о его пренебрежении к важному государственному документу. Размер пройденного к беспорядку пути можно видеть из следующих двух фактов. Когда в 1631 г. новый дьяк Устюжской чети, принимая по описи архив своего предшественника, нашел в нем одну старую (1619 г.) приходо-расходную книгу, которая не вся была скреплена по листам дьяком, то об этом случае было доложено государям, т. е. отцу и сыну. Государи, выслушав доклад, указали опечатать книгу и хранить ее до времени за особой печатью. А 40 лет спустя царь Алексей приказывает справиться в Новгородской чети, как давно из городов ее ведомства перестали присылать сметы, т. е. годичные отчеты. Понятно, что отсутствие городовых смет лишало приказы возможности составлять приказные, и, быть может, поэтому до нас дошло несколько десятков приказных смет Новгородской, Устюжской и Галицкой четей за первую половину века и ни одной за время царствования Алексея.

Тайный приказ

Алексей Михайлович не обладал твердым характером и чувствовал себя бессильным среди приказов. Медлительность, злоупотребления и своеволие раздражали его. Между тем он жаждал деятельности и глубоко верил в свое высокое призвание. На такой почве

возник приказ Великого государя Тайных дел. До монографии И. Я. Гурлянда и до издания значительного количества дел Археографической комиссией об этом приказе существовали довольно легендарные мнения. Теперь уже невозможно говорить, что Тайный приказ был каким-то инквизиционным учреждением или началом тайной полиции, однако нельзя сказать, чтобы он уже получил полную и вполне правильную оценку. И. Я. Гурлянд в одном месте своей работы сравнивает его с отдушиной, через которую голос притесненного народа мог достигнуть до царя, и говорит, что население чувствовало в этом потребность. Последнее верно, но сравнение нам кажется неудачным. С. Ф. Платонов в рецензии на труд И. Я. Гурлянда указал*, что одна такая отдушина уже существовала, и что она была законопачена как раз в царствование царя Алексея: это – земские соборы. Следует напомнить о другой отдушине, постоянной, которая существовала давно и пережила Тайный приказ. Это – Челобитный приказ. Какая была надобность учреждать новый приказ, когда царь при желании мог воспользоваться Челобитным приказом, который в приказном строе должен был играть роль отдушины? Замечание И. Я. Гурлянда, что в учреждении Тайного приказа сказалось стремление царя к непосредственному действительному участию в делах управления, совершенно верно, но возникает вопрос, какое это имело значение, если вся приказная система, вместе с Челобитным приказом, развилась и была основана на принципе личного участия царя в управлении. Тайный приказ быстро разросся в большое учреждение с многочисленным персоналом и широким очень пестрым кругом дел. Сохранились указания на то, что он, разросшись, выродился в обычный приказ со всеми присущими им в то время недостатками. Даже более того: близость к царю и его благосклонность давали возможность дьякам и подьячим Тайного приказа совершать такие злоупотребления, которым, вероятно, завидовало «крапивное семя» других приказов. Злоупотребляли не только дьяки и подьячие, но даже мелкие сошки приказной системы. Какие-нибудь ничтожные подьячие съезжей избы Нижнего Новгорода (Симановы), опираясь на свое родство с подьячими Тайного приказа, заставляли трепетать перед собой местного дьяка и молчать воеводу.

---

* В «Статьях по русской истории». СПБ. 1903 г.

Тайный приказ можно рассматривать как симптом упадка приказного строя. Алексей Михайлович, выросший в понятиях старины, не понимал новых нужд управления. Он не чувствовал себя хозяином в разросшемся дворце приказных учреждений, ему хотелось, по примеру своего предка, иметь свою «опричнину», и он, отчаявшись стать хозяином в старом доме, решил построить себе особое жилье. «Опричнина», соответственно вкусам и характеру царя, получает странный, но во всяком случае безобидный характер. Без всякой системы, без признаков планомерной работы серьезной государственной мысли, царь по временам заглядывает в приказы, чтобы унести оттуда то, что ему понравилось для обстановки своих жилых апартаментов. Все в Тайном приказе носит печать личных вкусов царя: тут, рядом с важными государственными делами, случайно исторгнутыми из других приказов, соколиная охота; личная переписка царя и какое-нибудь хозяйственное предприятие, вроде винокурения, откорма скота или блудных станов; рядом с аптекой и делом распространения богослужебных книг какое-нибудь сыскное дело про блудное воровство, почему-либо обратившее на себя внимание царя среди массы других подобных дел; дела благотворительности, а рядом государственная приходо-расходная смета. Со смертью Алексея Михайловича Тайный приказ по совершенной ненадобности был немедленно уничтожен.

Приказы в конце XVII в. Исследование перехода от приказного управления к коллегиям выходит за пределы нашей статьи. Отметим только важнейшие факты. В последней трети XVII в. было много сделано для объединения различных отраслей управления. Так, поместные и вотчинные дела были сосредоточены в Поместном приказе. В этом же приказе было объединено дело описаний и переписей почти всего государства. Ведомство Разбойного приказа было распространено на север, где раньше разбойные и татиные дела ведали чети. Таможенные и кабацкие сборы всего государства (за исключением Сибири) были переданы приказу Большой Казны, тогда как раньше они поступали по крайней мере в 9 – 10 приказов. Стрелецкий приказ стал получать с 1672 г. свои доходы с таких городов, где раньше их сбирали Новгородская и Устюжская чети и приказ Казанского дворца. Вообще, тенденция разру-

шить территориальные приказы и распределить их ведомство между приказами по роду дел вне всякого сомнения. Другой факт – это соединение нескольких приказов под начальством одних лиц. Раньше это бывало исключением, теперь, т. е. в последней трети века, становится как бы системой. Этот прием несколько упрощал задачу верховной власти, так как управление всеми приказами оказывалось в руках небольшого количества доверенных и влиятельных лиц и получало большее единство. Сообразно с этим, в приказный строй проникает начало бюрократического подчинения младших заведывающих (товарищей и дьяков) старшим.

Личный состав приказов

Как можно ожидать, личный состав приказов был очень разнообразен. Постоянной частью состава было большее или меньшее количество подьячих. Во главе же приказов стояли то дворяне (судьи) с дьяками, то одни дьяки, то, в виде исключения, подьячие. Так, Мастерской государевой Палатой, Аптекарским и Постельным приказами долгое время заведывали подьячие «в дьячье место». Во главе некоторых несамостоятельных приказов стояли выборные гости. Так, Большой Московской таможней (Таможенным приказом), подчиненной приказу Большого Прихода, так же как Кабацким приказом, ведавшим московские кабаки и подчиненным Новой чети, управляли головы (из гостей) и целовальники, избираемые ежегодно гостями и московскими торговыми людьми. Эти подьячие «в дьячье место» и выборные головы сносились с другими приказами, как и все прочие приказы, используя памятки, а первые, т. е. подьячие, имели право доклада государю. Во главе большинства приказов стояли судьи из дворян и дьяки или одни дьяки. Число тех и других и чин были различны, смотря по важности приказа и по временным потребностям. В судных по преимуществу приказах обыкновенно были дворяне с дьяками, а в целом ряде таких важных приказов, как Разряд, Посольский приказ и Новгородская четь, в которых судные дела стояли на втором плане, очень долгое время, почти всю первую половину XVII в., были одни дьяки, от 3 – 5 человек. По существу название судей равно приложимо и к дьякам, так как они в действительности были такими же судьями, как «судьи» из дворян.

Судьи

Судьями таких важных приказов, как Ямской, Стрелецкий, Московский и Владимирский суд-

ные, Поместный и другие обыкновенно были бояре, в других менее важных – окольничие, думные дворяне и другие высшие чины. Судьи наблюдали за своими сослуживцами – товарищами и дьяками, руководили в приказах делами и докладывали их вместе с дьяками в случае надобности государю. В письмоводстве приказов они не принимали никакого участия и не прикладывали своих рук к документам; на то были «устроены» дьяки.

Дьяки

На деле главными дельцами приказов были дьяки. В противоположность судьям из дворян, которые садились управлять приказом между военной и дворцовой службами, дьяки были специалистами дела и хозяевами приказов. Всего приказных дьяков, не считая тех, которые служили в городах и были в разных посылках, в середине XVII в. было человек 75–80. К концу века их стало много больше. Большинство дьяков происходило из подьячих, выслужившихся после нескольких десятков лет приказной работы. Провинциальные дворяне делали карьеру быстрее и нередко попадали в дьяки, минуя подьячество. Таковы в XVII в. Заборовские, Неупокой, Кокошкин, Борняковы, Пустошкины, Коппины, Грязевы, Баим, Болтин и другие. Деловитость, богатство и специальные познания в торговых делах открывали путь к дьячеству и гостям и торговым людям. Так, минуя даже подьячество, попали в дьяки: московский гость Михаил Смывалов (в Устюжскую четь), братья Панкратовы (на Казенный Двор) и братья ярославцы Чистые. В XVII в. этот разношерстный класс еще не успел обособиться в сильную позже бюрократию. Однако развитие и усиление администрации, поместья, полученные за службу, вотчины, купленные на деньги, нажитые на службе, и родственные связи с служилым дворянством, – все это указывало ясно направление, в котором будет развиваться высший слой приказных Московского государства.

Думные дьяки

За заслуги царь жаловал дьяков в думу, причем обычно они продолжали управлять тем же приказом, где были в дьячестве. Такие дьяки в XVII веке назывались думными. В первой половине века их было человек 4–5, а во второй стало больше, человек 10–12. По-видимому, только в Разряде и в Посольском приказе всегда один из дьяков был думным. Присутствие же их в других приказах не считалось, по-видимому, обяза-

тельным и зависело более от служебных случайностей, чем от важности приказа.

Взаимные отношения судей и дьяков

Каковы бы ни были число и чин начальствующих приказа, они должны были делать все дела «заодин», т. е. с общего ведома и согласия. Однако, это вовсе не значило, что приказы были коллегиальными учреждениями, так как самый принцип решения дел по большинству голосов был чужд понятиям XVII века. Мы не видим никаких следов голосований на земских соборах и в боярской думе, где они были бы еще более уместны, чем в приказах. С другой стороны, приказы никак нельзя назвать бюрократическими учреждениями, так как судьи и дьяки были равноправными товарищами, не были подчинены один другому, и все старшинство одних перед другими выражалось в том, что в делах и грамотах старшие писались раньше младших. Поэтому самая постановка вопроса о том, были ли приказы учреждениями коллегиальными или бюрократическими, кажется нам ненадобной и неправильной. Взаимные отношения государевых приказчиков не были определены заранее установленными правилами, и все предоставлялось их личному такту. Московские государи, вероятно, с умыслом последовательно придерживались такой политики: надзор товарищей друг за другом и отсутствие подчинения были в их руках средством контроля. С другой стороны, предполагалось, что царь всегда может устранить своим словом возможные при таких отношениях и нежелательные для дела разногласия. По мере ослабления непосредственного участия царя в делах управления, такой порядок становится неудобным, и в приказы проникает начало подчинения младших старшим. В конце XVII века приказы уже в значительной степени бюрократические учреждения. Раньше же самый заурядный дьяк мог охранять свою самостоятельность и быть, что называется, бельмом на глазу у сильного боярина, пока он «искал государю прибыли» и радел в делах в государевых интересах.

Подьячие

Черную работу в приказах исполняли подьячие, набранные из «всенародства», больше всего из детей духовенства и посадских людей. Природной смышлености, уменья писать и случая было достаточно, чтобы попасть в подьячие. Необходимые служебные познания да-

вала долголетняя практика. Молодой подьячий служил сначала несколько лет без жалованья и был на положении «неверстанного» подьячего. Затем его верстали окладом от 1 до 5 рублей. По заслугам оклад повышался, подьячий переходил в «среднюю статью» и, наконец, мог достигнуть места «старого» подьячего. Старые подьячие были уже важными людьми в приказах. Оклад их жалованья достигал 35–40 руб., а сверх денежного, в некоторых приказах они были поверстаны хлебным жалованьем и даже поместными окладами. Старые подьячие наблюдали за младшими товарищами, большею частью ведали в приказе приход и расход и «приписывали» грамоты и памяти, как ответственные секретари, такие приписи назывались справами, а подьячие, уполномоченные делать их, – справными. Так как старые подьячие держали в своих руках все дело и знали его до тонкостей, то случалось, что влияние их было не меньше, чем самих дьяков. Это видно по тому, что просители дают им иногда такую же взятку, как дьяку.

Подьячие сидели в приказах десятки лет, сменялись постепенно и были поэтому настоящими хранителями приказных традиций и знатоками всех закоулков своего ведомства. Этот устойчивый элемент поддерживал индивидуальность приказов, которая проявляется в массе мелочей: то в особой форме составлять доклады, то в особой манере писать грамоты и вести книги и т. п. Связанные тесными и постоянными сношениями с управляемым населением, подьячие не только знали все тонкости и мелочи письмоводства, но и все детали дела. Они прекрасно знали, насколько приблизительно повысится кабацкий доход какого-нибудь Можайска, если через него проедут на государеву службу ратные люди; как отразятся ранние заморозки на торговле Устюга или мелководье – на ярмарке Нижнего, где какой урожай, и где хорошо идут какие промыслы. Родственные связи придавали еще большую устойчивость хозяйничанью подьячих. Очень часто они сидели в приказах целыми гнездами. Группы братьев, каких-нибудь Оловяниковых, Симоновых, Деревниных, Ключаревых и других, связанных узами родства с подьячими того же и других приказов, сидят у дел десятки лет. Когда один из них пролезет в дьяки, то можно видеть, как он начинает вытягивать свою родню.

Порядок делопроизводства

Со всех концов Московского государства в приказы стекались отписки городовых

приказных людей. Их привозили или дарочные гонцы, если дело было поважнее, или случайные попутчики – какой-нибудь челобитчик или торговый человек, приезжавшие в Москву по своим делам. Подьячие, принимая отписки и другие документы, клали их на стол перед судьи и дьяков. Дьяк читал отписку с судьей, поговоря с ним, делал на ней резолюцию (помету) и раздавал отписки подьячим по столам, смотря в какой следовало. Деление приказов на столы и количество столов было различно, смотря по приказу и по временным удобствам. Денежный и судный столы встречаются в большинстве приказов. В некоторых же приказах, как напр. в Разряде, в Поместном и в Новгородской чети, сверх этих столов, были еще территориальные. Одни отписки следовало принять к сведению; – на них дьяк помечал: «чтена, в столп», т. е. подклеить в столбец к другим документам, или: «деньги принять, а отписка в столп», и т. п. На другие отписки следовало отвечать, давая городовым приказным указания и предписания. На таких отписках дьяк помечал иногда подробно, но всегда сжато, свою резолюцию. Старый подьячий, получив помеченную отписку, передавал ее одному из младших и давал указания, как составить отпуск. Младший подьячий справлялся в старых отпусках, т. е. в прежних делах, и по известному шаблону составлял грамоту, включая в нее помету дьяка. Тогда старый подьячий просматривал черновик, делал в нем поправки и подносил дьяку. Дьяк, если находил нужным, чернил, т. е. исправлял, с своей стороны, и возвращал черновик подьячим для переписки набело. Старый подьячий сверял беловик с черновиком и свидетельствовал это своей справкой на обороте беловой грамоты – «справил подьячий имя-рек»*. Дьяк, прочтя беловик, приписывал его, т. е. скреплял на обороте по склейкам своей подписью, после чего грамоту оставалось только снести в Печатный приказ, который прикладывал восковую печать и взимал за это, в известных случаях, пошлины. Если на отписку требовались какие-либо справки, то дьяк помечал: «выписать в доклад» или: «выписать в доклад государю». Тогда под наблюдением старого подьячего, и за его справой, младшие подьячие изготовляли доклад, который или заслушивался в приказе или был докладываем государю.

---

* Все документы, за исключением книг, писались на одной стороне листов бумаги, которые подклеивались один к другому мездринным клеем и скатывались в столбцы.

Внешняя обстановка приказов Несколько слов о внешности и обстановке приказов не будут лишними; они дополнят изображенную нами картину. Приказ помещался обыкновенно в просторной избе из 2–3 срубов и был покрыт дранью и тесом. Изба отапливалась глиняными печами, а двери и слюдяные окна для тепла были обиты сукном и войлоком. Простые сосновые столы и скамейки составляли всю обстановку приказа. Дела хранились в лубяных и осиновых коробьях. У печи висел медный или глиняный рукомойник. Горница, где сидели судьи и дьяки, была обставлена получше: стол был накрыт красным или зеленым сукном, стены иногда обшиты тесом или обиты материей, а окна закрывались для тепла войлочными ставнями. Просители ждали своей очереди в сенях или на крыльце. При многих приказах была своя тюрьма для колодников, ждавших суда или отбывавших наказание. Сальные свечи в железных «шенданах» освещали внутренность приказа, где подьячие, согнувшись над столами, выводили гусиными перьями на заморской бумаге свое каверзное письмо, просыпали его москворецким песком и опутывали своей чернильной паутиной отдаленнейшие уголки Московского государства.

Обзор важнейших приказов Перечисление всех приказов в настоящей статье было бы излишне, а описание их, хотя бы краткое, заняло бы несколько десятков страниц. Поэтому мы ограничимся краткой характеристикой важнейших постоянных приказов, оставя совсем в стороне временные и чрезвычайные.

Посольский приказ ведал международные сношения и ряд других дел, имевших с ними более или менее тесную связь. Так, он ведал дела иноземной торговли и судил иноземцев в торговых и других делах. В его же руках было дело выкупа и обмена пленных, а когда в 1649 г. был установлен для этого новый налог, то он стал поступать на распоряжение Посольского приказа.

Разряд или Разрядный приказ ведал службой служилых людей всего государства. В его руках был весь воинский уряд, т. е. он вел списки служилых людей с окладами денежного и поместного жалованья, назначал их на военные и гражданские службы, вел послужные списки и в известных случаях раздавал жалованье и награды. Через него го-

судари вели военные действия. Таким образом, он был как бы генеральным штабом и военным министерством. По мере колонизации юга Разряд приобрел значение территориального приказа. В самом конце XVI в. он ведал на юге только несколько городов, имевших большое стратегическое значение (Воронеж, Курск, Елец, Ливны, Ст. Оскол, Лебедянь и Белгород). Управление этими городами он разделял с другими приказами: с Поместным, Пушкарским, Стрелецким и другими. Города же, построенные в XVII в., были в исключительном ведомстве Разряда, и к второй половине XVII в. у него образовалась большая территория, которую он ведал один во всех отношениях, т. е. судом и управою, всякими доходами, служилыми людьми всех чинов, землями, описаниями и т. д.

Поместный приказ ведал поместные и вотчинные дела, раздавал и отбирал поместья, следил за переходами их и вотчин от одних лиц к другим и судил истцов в земельных делах. Получая из Разряда сведения относительно окладов служилых людей, он руководился ими и с своей стороны извещал Разряд о поместных дачах и вотчинах. Таким путем поддерживалось соответствие между земельным обеспечением служилых людей и службой с земель. В конце первой трети XVII в. в Поместном приказе сосредоточивается писцовое дело всех поместных и вотчинных земель, которое до того он разделял с приказом Большого Прихода и с четвертями.

Приказ Казанского (и Мещерского) Дворца был территориальным ведомством, управлявшим всем Поволжьем, начиная от границ Нижегородского уезда и до Астрахани и Терки. До 1634 г. этот приказ ведал также Сибирь, когда для управления последней был образован особый самостоятельный приказ – Сибирский.

Под названием четвертей или четей в XVII в. существовало 6 приказов весьма различных по своему значению: Новгородская (она же Нижегородская), Устюжская, Галицкая, Владимирская, Костромская (Ярославская) и Новая. Вопрос о происхождении четей много занимал историков, но до сих пор далеко не выяснен и едва ли может быть удовлетворительно решен по недостатку первоисточников. Все, что можно сказать с уверенностью, это то, что в начале второй половины XVI в. в связи с отменой кормлений часть государства, –

какая, в точности неизвестно, – была разделена между 4 учреждениями, которые получили название четвертей. Чети должны были сбирать с своих городов некоторые доходы, которые были предназначены на жалованье служилым людям, так назыв. четвертчикам, вместо отмененных кормлений. Дальнейшая история четей еще темнее. Прежде всего следует выделить Новую четь, которая была учреждена в 1619 г. и ведала только кабацкий доход в Москве, а с 1619 г. в городах Галицкой, Владимирской и Костромской четей. Четвертчиков у нее никогда не было, и население называло ее иногда, имея в виду ее специальность, Кабацкой четью. Точно так же, судя по всему, не было четвертчиков и у Новгородской чети. Существование четвертчиков в XVII в. несомненно только в 4 четях: в Галицкой, Владимирской, Костромской и Устюжской. Но здесь вопрос осложняется тем, что Устюжская четь возникла не ранее царствования царя Василия Шуйского. Таким образом, остается предположить, что в XVI в. первоначально были какие-то другие 4 чети, отличные по своему ведомству от существовавших в XVII. В этом веке Новгородская четь настолько отличается по своему ведомству от других, что своим названием чети только способна вызывать недоразумения. Она была территориальным приказом и ведала свои Поморские города во всех отношениях, а управление тех городов, где уезды были испомещены служилыми людьми (Вологда, Нижний Новгород, Арзамас, Гороховец, Псков и Вел. Новгород), она разделяла с другими приказами, хотя все-таки и здесь большая часть дел была в ее руках. Устюжская четь ведала полно, во всех отношениях ту часть своих городов, которая находилась в Поморье, и где не было поместных и вотчинных земель. В Замосковных городах она ведала только посады, да и то не во всех отношениях. Остальные чети ведали в XVII в. только посады, хотя сохранилось много указаний на то, что они были вытеснены из уездов развитием и ростом поместной системы. Когда эти чети в 1619 г. лишились кабацкого дохода, то в их руках остались совсем ничтожные доходы.

Приказ Большого Прихода был важным конкурентом четей в области финансов. В XVII в. он ведал таможни и лавки в большинстве городов всех четей за исключением Новгородской, куда доступ ему был закрыт. Он важен еще тем, что ведал таможни и лавки Москвы, которые давали

очень большой доход. Судя по всему, раньше его финансовое значение было еще больше. Так, есть много указаний, что в его руках было дело дозоров и описаний, отдача на оброк пустошей, оставшихся от поместной раздачи. В его же кассу поступал важный в XVI в. налог – малые ямские деньги, который в XVII в. утратил свое значение.

Разбросанные по всему государству дворцовые владения управлялись во всех отношениях приказом Большого Дворца. Он самостоятельно назначал в своем ведомстве воевод и других приказных людей, посылал писцов и дозорщиков и сбирал все доходы. Для суда дворцовых служащих и крестьян существовал Дворцовый Судный приказ. Во дворце же были ведомы до 1649 г. монастыри, когда для них был учрежден особый приказ – Монастырский. Те доходы, которые Дворец получал натурой, он эксплоатировал на царские и общегосударственные нужды на подчиненных ему учреждениях: на Сытном, Кормовом и Хлебном дворцах.

Разные нужды царского обихода удовлетворял целый ряд мелких самостоятельных приказов: Аптекарский, Золотой и Серебряный, Постельный, Мастерские Палаты государя и государыни и т. п. При надобности, конечно, эти приказы служили и для общих нужд. Конюшенный приказ управлял царскими конюшнями и теми землями, которые ему были даны для содержания людей и лошадей. Сверх земель для той же цели ему были даны записные пошлины во многих городах, сбиравшиеся при продажи лошадей, и множество доходных бань в Москве.

Каменный приказ ведал во многих городах кирпичников, каменщиков и горшечников и занимался постройками крепостей, церквей, дворцов и т. п. Для хранения и эксплоатации богатой рухляди московских царей, т. е. мехов, материй, царского платья и т. п. существовал Казенный Двор. Он же занимался до учреждения Большой Казны покупкой и продажей иноземных товаров, как для царского обихода, так и для прибыли. В его обширные кладовые другие приказы ставили иногда на хранение свои сбережения. Монету чеканил Денежный Двор. Когда в 30-х годах XVII в. правительство занялось в широких размерах торговыми предприятиями, то для этого был образован приказ Большой Казны, который не следует смешивать с Большой Казной,

существовавшей уже в XVI в. Приказ Большой Казны взял у Казенного Двора торговые операции иноземными товарами и стал развивать торговые операции туземными товарами, главным образом хлебом, солью, поташом, смолой и т. п. К нему перешло от Челобитного приказа управление гостями и гостиной и суконной сотнями. Реформа 1680–1681 гг. не на долгое время очень возвысила значение приказа Большой Казны, так как ей были переданы таможни и кабаки всего государства за исключением Сибири.

Важное место в системе приказов занимал Печатный, который хранил государевы печати и сбирал печатные пошлины со всех документов, которые исходили изо всех приказов, за исключением приказа Большего Дворца. Большой Дворец и здесь сохранял свою самостоятельность и сам брал пошлины с своих грамот и дел.

Казенные сообщения с городами поддерживал один из древнейших приказов – Ямской. Он строил ямские слободы, наблюдал за ними, судил в разных делах ямщиков, выдавал подорожные памяти для езды по ямам, а в XVII в. стал сбирать один из самых тяжелых прямых налогов – большие ямские деньги. Последнее придало ему значение важного финансового приказа.

Несколько военных приказов ведало различные отрасли военного дела и служилых людей разных родов оружия. Разряд сверх того назначения, которое нами указано выше, объединял в своих руках все военное дело. Изготовление, закупку и хранение оружия выполняли Оружейный и Пушкарский приказы (приказы Бронный и Ствольный были временными). Последний сверх того на значительной части территории Московского государства заведывал постройкой и содержанием городовых укреплений. Служилые иноземцы первое время после Смуты были ведомы в Разряде, а выходцы из Литвы и Польши – в Панском приказе. Казаков ведал Казачий, а стрельцов – Стрелецкий приказы. Позже Панский, а затем Казачий приказы были уничтожены, а для войск иноземного строя были учреждены Иноземский и Рейтарский приказы. Из этих приказов особенно важен Стрелецкий, как потому, что стрельцы составляли значительную часть военных сил, так и потому, что в его кассу поступал на содержание стрельцов очень важный прямой налог – стрелецкие хлебные запасы и деньги за них.

Благодаря этому, Стрелецкий приказ, наряду с Ямским, был в XVII в. очень важным финансовым приказом.

Суд и управа распределялись очень сложно между множеством приказов. Трудно указать такой приказ, которому бы в известных случаях не приходилось быть местом для разбора и решения судных дел. Подсудность дел вообще определялась тем приказом, в котором был ведом судом ответчик. Одни лица были подсудны приказу по своему званию, должности или чину, другие по территории, на которой они жили. Так, иноземцы были ведомы судом в Посольском приказе, каменщики в Каменном, дворцовые люди и крестьяне в Дворцовом Судном, ямщики – в Ямском и т. д. Помещики Белозерского уезда вообще были ведомы судом во Владимирском Судном приказе, но те из них, которые были иноземцами, судились в Панском, а позже в Иноземском приказах. Сверх приказов, для которых судные дела были побочным занятием, существовали специально судные. Два таких приказа мы уже упоминали – Владимирский Судный и Дворцовый. Кроме Владимирского приказа в XVII в. существовал еще Московский, а в XVI в. кроме того Дмитровский. Это были приказы по гражданским делам помещиков и вотчинников и их людей и крестьян. Разбойные и татиные дела на большей части Московского государства ведал Разбойный приказ, а дела о холопстве – приказ Холопья Суда. Для Москвы территориальным судебным местом был Земский приказ, с которым впрочем, конкурировали по личной подсудности многие другие приказы.

Приказная волокита

Московская приказная волокита пользуется заслуженной, но сильно преувеличенной дурной славой. Приказных обвиняют в продажности, грубом неуважений к праву и справедливости, в волоките, т. е. в том, что она «волочила» просителей – заставляла их долгое время проедаться на Москве, ходя за делом, и тратиться на взятки. Чтобы правильно оценить эти упреки, нужно прежде всего отказаться от поспешных сравнений прошлого с настоящим и постараться выяснить, что в приказной волоките зависело от лиц, что от общих условий жизни, в чем выражалась волокита, и какие изменения происходили в этом отношении с течением времени.

Централизация управления

Очень благоприятную почву для волокиты создавала сильная централизация управле-

ния. Московские цари перенесли на разросшееся государство принципы и приемы управления, которые были выработаны в их вотчинах. Местные органы управления так же несамостоятельны, как и центральные приказы. Цари как будто не довольствовались тем, чтобы быть душой приказов, – они хотели, как добрые хозяева, быть душой всего государства. Это сказывается особенно ярко в финансовом управлении. Напр., самые ничтожные доходные статьи сдаются на откуп в Москве, а воеводы – только исполнители московских распоряжений. Когда какой-нибудь доход сбирали выборные люди, и кончался год их службы, то они для отчета должны были ехать в Москву. Ничтожность сбора, – каких-нибудь 10–20 руб., и дальность расстояния не были в глазах приказа разумным основанием для освобождения выборных от невольного дальнего путешествия. Нет нужды, что поездка в Москву могла обойтись дороже самого сбора. В других отраслях управления централизация едва ли меньше. Небольшая починка какой-нибудь городовой башни, назначение подьячего в съезжую избу маленького городка и т. п., все это решается в Москве в приказах. Если в области суда централизация была меньше, то все-таки она была очень обременительна для населения, так как касалась его ближе. Московское правительство иногда ограничивало юрисдикцию воевод, но не находило нужным устанавливать судебных инстанций. Вообще, по мелким гражданским делам население, конечно, предпочитало судиться на месте у воевод, так как поездка в Москву могла стоить дороже иска, но ничто не мешало истцу, а в известных случаях и ответчику, потребовать рассмотрения дела на Москве в приказе. Эти порядки объясняют нам причину постоянных жалоб населения на приказную волокиту и на «поклепщиков и ябедников», которые затевали поклепные, т. е. ложные, иски, чтобы «помириться» на небольшой сумме. Боязнь мирных обывателей истратиться на далекую поездку в Москву и подвергнуться всем мытарствам приказной волокиты постоянно подстрекала поклепцов. Нет нужды много говорить о том, что эти черты приказного строя становились для населения все более обременительными и неприятными по мере роста государства и усложнения общественной жизни.

Известно, что старина, то, что повелось исстари, Закон и имели очень большое значение в Московском государстве.

Кризис конца XVI в. и Смута сильно пошатнули значение старины и породили новые нужды, не предусмотренные ею. С другой стороны, государство в своем развитии сталкивалось с обычаями, которые обыкновенно имели местное происхождение и часто противоречили новым государственным интересам. Государев указ вторгается в область обычая и разрушает его. Борьба ведется очень упорно, но бессознательно и непоследовательно; она носит не принципиальный, а казуистический характер. В общем и в целом старина считается священной, и когда указ отменяет ее в каком-нибудь частном вопросе, то противоречие его с другими обычаями мало смущает московских законодателей. Слабость юридической мысли и творчества оставляют эти противоречия без решений, что вносит в правовые понятия населения вредную смуту. Это столкновение обычая с указом, которое мы можем наблюдать во многих отраслях государственной и общественной жизни, медленное развитие общего права и постоянные компромиссы мутили правовые понятия населения и создавали почву для приказных каверз и злоупотреблений. В середине XVII в. потребность в общем праве остро ощущалась населением, однако Уложенье удовлетворило ее в небольшой мере, так как в нем главное внимание обращено на процессуальное право, а материальное очень несовершенно и страдает большими пробелами. В нем оставлены без решения такие вопросы, для которых практика уже давала значительный материал.

Пережитки кормлений

Весь строй управления Московского государства постоянно поддерживал в населении взгляд, что всякое, даже самое мелкое, действие приказных, всякое соприкосновение с ними должно быть оплачено особо. Почти весь строй обложения носил пошлинный или целевой характер. Для правительства всякая услуга населению, всякая особая нужда, как, напр., выкуп пленных, были предлогом и основанием потребовать от населения жертв, которых оно не несло по принципу подданства. Население веками привыкало к мысли, что каждое из тех «невещественных» благ, которые создает государство, должно быть куплено и оплачено особо. Всякое челобитье, всякое действие суда и администрации должны быть оплачены отдельно. Даже колодник, которого после всех мытарств сажали в тюрьму, должен был заплатить

«влазную» пошлину и пожелезное. Часть этих доходов поступала в казну государей, а часть они оставляли за приказными, вместо жалованья, – давали приказным корм. С течением времени кормления стали подвергаться ограничениям, а затем были уничтожены, но привычки, созданные ими, остались. В сущности, при отмене кормлений, выиграло одно государство. Приказным было обещано государево жалованье, но дано недостаточное, а главное – выдавалось оно нерегулярно, а население, принявшее на себя уплату кормленного окупа государству, в конце концов, оказалось вынужденным платить сверх старых налогов и кормленного окупа еще в нелегальные кормы голодным, по прежнему, приказным.

Было бы неправильно, указав на недостатки приказной системы, ничего не сказать о ее достоинствах. Мы уже говорили, что у приказных не было общего и профессионального образования; в сущности, это были сметливые мужики, хорошо усвоившие путем практики технику дела. Пока все шло, «как было наперед сего», пока было, к чему «примериваться», они прекрасно управлялись с своим делом. Когда же возникали какие-нибудь новые вопросы, когда помощь старины оказывалась недостаточной, то они обнаруживали неизобретательность и даже беспомощность. Но зато им были чужды многие недостатки позднейшей бюрократии. Они были ближе к населению, хорошо знали его повседневные нужды и, как практики, не мудрили и не изощряли своей изобретательности на спинах управляемых. Все серо в приказной администрации, мы не видим крупных дел и едва различаем в отдельных выдающихся дельцах индивидуальный облик. Два века, изо дня в день, они ткут незаметно свою паутину и, прикладывая грош к грошу, терпеливо увеличиваюсь наследство отцов. Бережливость, которая граничит со скупостью, мелочная экономия – вот характерная черта финансового хозяйства приказных. Так ими было заложено основание будущего блеска и богатства. На смену приказной администрации, с начала XVIII века, пришла другая: полуобразованная и разноплеменная толпа бюрократов, самонадеянных, скорых на всевозможные прожекты, не менее корыстных, наглых в своих сношениях с населением и расточительных, как люди, неожиданно получившие большое наследство. За этим поколением пошли другие. Не

наше дело сравнивать их, но мы должны были воздать должное приказным.

Литература: Старая литература о приказах указана в 49 т. Энциклопедического словаря Брокгауза. Вполне удовлетворительного общего обзора истории приказной системы нет, так как история большинства отдельных приказов не наследована. Наиболее важные монографии: по истории Разряда до XVII века – Н. П. Лихачев. «Разрядные дьяки XVI века», СПБ. 1888 года; о Посольском приказе – О. А. Белокурова. Чт. Об. И. и др., 1906 года и отдельно; о приказе Тайных дел – И. Я. Гурлянда. Ярославль, 1902 года; о Ямском приказе см. в его работе о ямской гоньбе в Московском государстве, Ярославль, 1900 г.; по истории четей – статья С. Ф. Платонова в статьях по Русской Истории, СБП. 1903 г. и обзор литературы вопроса Е. Д. Сташевского в «Известиях Киевского университета» за 1908 г., XII; обзор новейшей литературы о приказах сделан С. А. Шумаковым в статье: «К истории московских приказов». Ему же принадлежат многочисленные изыскания по истории Поместного приказа (в Чт. Общ. Ист. и Др. Р.), которые пока дают еще только сырой материал. Богатый материал для истории приказов дают описания сохранившихся приказных архивов – Московского Архива Министерства Юстиции и Московского отделения архива Императорского Двора.

СОДЕРЖАНИЕ

«Исполнен долг, завещанный от Бога...» 5

Подмосковье в древности

Заселение Подмосковья в XIV–XVI веках 11
Древний ландшафт 18
Древнейшие пути сообщений 25
Городки, погосты, села и деревни 33

О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья

Следы и отзвуки крупных событий в названиях селений
Акатово, Мешково, Валуево-Покровское, Марфино, Вельяминово, Воронцово, Протасьево, Ивановское, Драчево, Федоскино, Аксаково, Микульское, Ивановское 42
Селения предков А. С. Пушкина
Бужарово, Синее, Виноградово 48
Следы новгородского происхождения некоторых названий
Жирошкино, Печатниково, Щукино, Мисино 54
Названия, связанные с выходцами из Южной Руси
Бяконтово, Плещеево, Ростокино, Нахабино, Юрлово, Волынское, Давыдково, Очаково, Вороново, Полуектово .. 56
Названия, связанные с выходцами из южных стран
Солослово, Саларево, Трепарево, Софрино, Ховрино, Головино, Фрязино, Фрязиново, Ларево, Фомино, Ангелово, Траханеево, Подушкино, Чашниково, Черкизово, Мячково, Старков погост 63

Очерк образования Московского боярства 74
О праве отъезда бояр и слуг вольных 80
Главные этапы образования класса служилых землевладельцев
Первый период образования Московского боярства 93
Второй период образования Московского боярства 94
Московское боярство в XIV в. 100
Личный состав бояр Великого князя Дмитрия 109
Московское боярство в конце XIV–XV вв. 123

Царь Иван Грозный в работах писателей и историков

По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемики 143
О драматической повести «Иван Грозный» А. Н. Толстого 172
Обзор мнений историков об опричном дворе царя Ивана 188
Н. М. Карамзин 189
К. Д. Кавелин 194
М. П. Погодин 198
С. М. Соловьев 200
С. Ф. Платонов 204

Из истории закрепощения крестьян Статьи, этюды и фрагменты

Отмена Юрьева дня 217
[Этюд I] 236
Огораживание полей в деревнях 252
[Этюд II] 257
[Три фрагмента]
Повоз 295
Пожилое 297
Посилье 302

Московское государство в XVII веке

Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке 305
Кабацкая реформа 1652 года 336
Приказный строй Московского государства 352

С. Б. Веселовский

Московское государство: XV–XVII вв.

Из научного наследия

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Корректор *Б. С. Погодин*

Подписано в печать с оригинал-макета 11.06.2008 г.
Формат 84x108 1/32. Бум. офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 24. Тираж 1000 экз. Заказ № 866.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (495) 466-16-35.
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
http: www.airo-xxi.ru

Отпечатано с готовых пленок
в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

АИРО в XXI веке

2007

Я. В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

С. Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

А. Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918 – 1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р. А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И. А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В. И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919 – 1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С. И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Е. П. Розанова. Друг мой – враг мой, лексика моя.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, Е. С. Левина / Предисловие А. П. Ненарокова.

Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, А. Е. Куланов.

Япония открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова.

В. Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В. Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.